юрий дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

Юрий Дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

издательство • детская литература •

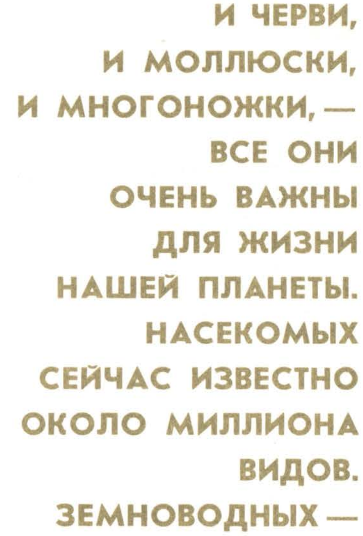
...Мы все
уносимся вдаль
на одной и той же
планете — мы экипаж
одного корабля.

Антуан де Сент-Экзюпери

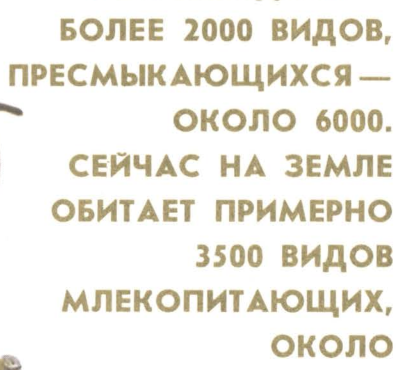

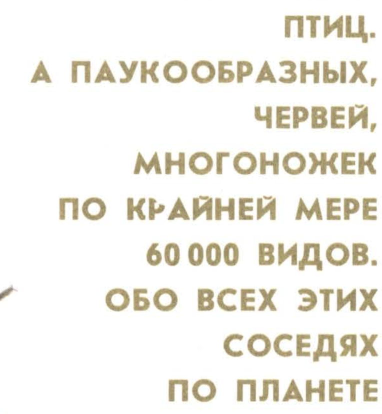
ЭТО — ТРЕТЬЯ КНИГА
О НАШИХ
СОСЕДЯХ ПО ПЛАНЕТЕ.
ПЕРВАЯ
БЫЛА ПОСВЯЩЕНА
НАСЕКОМЫМ,
ВТОРАЯ —
ЗЕМНОВОДНЫМ
(АМФИБИЯМ)
И ПРЕСМЫКАЮЩИМСЯ
(РЕПТИЛИЯМ).
КНИГА, КОТОРУЮ ТЫ
СЕЙЧАС ДЕРЖИШЬ
В РУКАХ,
РАССКАЗЫВАЕТ
О СРАВНИТЕЛЬНО
НЕБОЛЬШОМ,
НО ОЧЕНЬ ВАЖНОМ
КЛАССЕ ЖИВОТНЫХ —
МЛЕКОПИТАЮЩИХ.
ВПРОЧЕМ,
ВСЕ ЖИВОТНЫЕ —
И НАСЕКОМЫЕ,
И АМФИБИИ,
И РЕПТИЛИИ,
О КОТОРЫХ
УЖЕ ГОВОРИЛОСЬ
В ПРЕДЫДУЩИХ
КНИГАХ,
И ПТИЦЫ,
О КОТОРЫХ МЫ ЕЩЕ
БУДЕМ ГОВОРИТЬ,
И ПАУКООБРАЗНЫЕ,

И ЧЕРВИ,
И МОЛЛЮСКИ,
И МНОГОНОЖКИ, —
ВСЕ ОНИ
ОЧЕНЬ ВАЖНЫ
ДЛЯ ЖИЗНИ
НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ.
НАСЕКОМЫХ
СЕЙЧАС ИЗВЕСТНО
ОКОЛО МИЛЛИОНА
ВИДОВ.

ЗЕМНОВОДНЫХ —
БОЛЕЕ 2000 ВИДОВ,
ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ —
ОКОЛО 6000.
СЕЙЧАС НА ЗЕМЛЕ
ОБИТАЕТ ПРИМЕРНО
3500 ВИДОВ
МЛЕКОПИТАЮЩИХ,
ОКОЛО
8600 ВИДОВ
ПТИЦ.

А ПАУКООБРАЗНЫХ,
ЧЕРВЕЙ,
МНОГОНОЖЕК
ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ
60 000 ВИДОВ.
ОБО ВСЕХ ЭТИХ
СОСЕДЯХ
ПО ПЛАНЕТЕ
БУДЕТ РАССКАЗАНО
В СЛЕДУЮЩИХ
КНИГАХ.

юрий дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

млекопитающие

москва • детская литература • 1981

Д

596.5 ББК 28.693.36
Д53

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Научный редактор
академик

В. Е. СОКОЛОВ

Оформление и макет

**ОЛЬГИ
КОНДАКОВОЙ**

Художники

**ИЛОНА
ГАНСОВСКАЯ**

**ОЛЬГА
КОНДАКОВА**

**70803—363
Д——————437—81
М101(03)81**

Памяти матери

ВНИМАНИЕ! В ПОСТАНОВКЕ И РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ УЧАСТВУЮТ:

Об этих животных ты прочитаешь на страницах, указанных черными цифрами, и увидишь их на таблицах, обозначенных зелеными.

А

Б

В

Г

Д

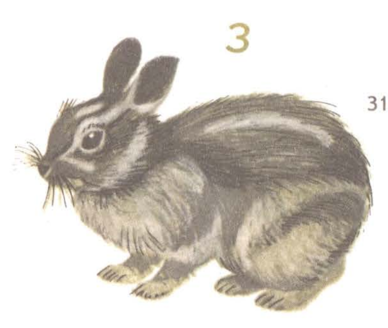

Е

Ж

З

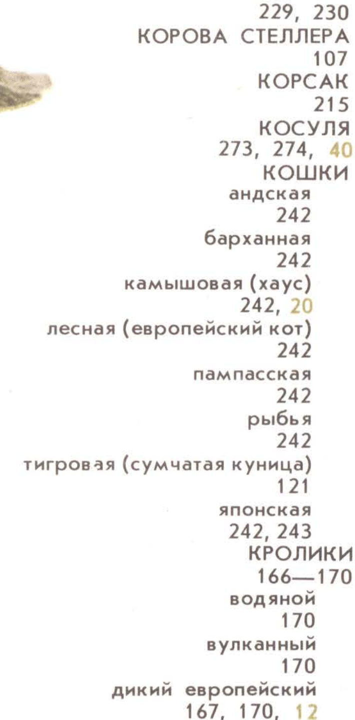

И

К

Л

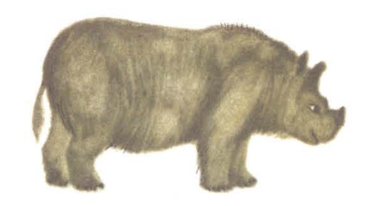

М

Н

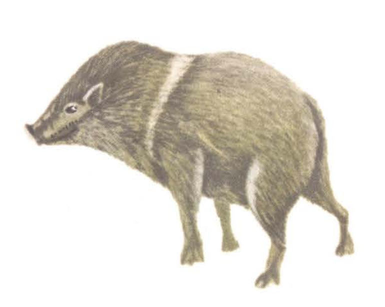

О

П

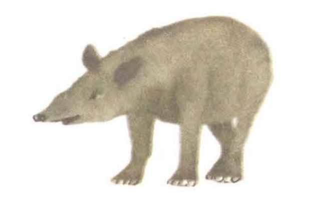
Р

С

Т

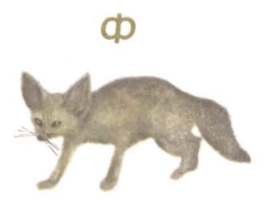

У

Ф

Х

Ш

Я

Часть первая ПРОБЛЕМЫ

Часть вторая **ПАРАД**

В параде принимают участие представители отрядов:

часть первая

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(Человек против зверя)

ПРОБЛЕМЫ СПАСЕНИЯ
(Человек за зверя)

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
(Человек и дикие звери)

ПРОБЛЕМЫ

Человек может жить без китов,
медведей, орлов, журавлей и овсянок.
Его существование от них не зависит,
но если человек станет безразличен к вопросу
«живут они или нет?»,
если не поймет важности их спасения,
то человек перестанет быть человеком.
Исчезновение наших соседей
должно служить предостережением:
мы тоже можем исчезнуть.

РОБЕРТ МАК-КЛАНГ

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

(Человек против зверя)

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Человек и зверь. Какие разные и, казалось бы, какие антагонистические представления! Не случайно понятие «человечность» стало символом доброты, нравственности, а понятие «зверство» — символом злобы и жестокости. Однако примем эти понятия скорее как образные, ведь и среди животных, как мы увидим в дальнейшем, существуют определенные «кодексы чести», свои (часто отнюдь не «звериные») законы; и среди людей нередко случаются отступления от всяких нравственных норм, а фашистские ублюдки, например, оказываются ниже самых хищных и кровожадных зверей. Поэтому не будем сейчас анализировать понятия «человек», «зверь» с нравственных позиций, а постараемся лишь разобраться в сложных отношениях этих неразлучных соседей по планете.

Предчеловек, еще очень слабый, еще очень несовершенный, мало чем отличался от зверей. И позже, на более высоких ступенях своего развития, он оставался намного слабее животных, отступал перед ними. Но у нашего далекого предка уже было оружие — самое могучее из всех существовавших и существующих на Земле — разум. Он стал решающей силой в борьбе за существование.

А борьба велась постоянная, жестокая — ведь это была борьба за жизнь.

Пройдет много тысячелетий, прежде чем человек по-иному станет смотреть на своих соседей по планете. Он задумается о происхождении людей и животных, и возникнет тотемизм — вера в животных-предков; он захочет понять, как возник окружающий его мир: земля, вода, небо, горы, — и найдет ответ в созданных им же самим мифах о животных-творцах. Страх перед силами природы, боязнь непонятных явлений породит веру в злых духов. Будут меняться социальные условия, и вместе с ними изменятся отношения к соседям по планете. Появятся боги и божества. Но задолго до того, как боги и божества приобрели человеческий облик, они жили в воображении наших далеких предков в облике животных. Люди верили в животных — дьяволов и оборотней, преклонялись перед одними четвероногими, проклинали других, приносили в жертву третьих. Все это продолжалось в течение многих тысячелетий. И на протяжении всего этого времени отношение людей к своим соседям по планете не раз менялось. Потом многое забудется, многое канет в вечность. Повзрослевшее человечество будет смеяться над своими страхами, удивляться

своей наивности, возможно, с трудом будет верить, что такие отношения когда-то существовали. Но одна линия в отношении людей к животным останется неизменной на протяжении многих и многих тысячелетий — от первых робких шагов человека по земле до его прорыва в космос. Естественно, будут и разные масштабы, разные формы и даже разные определения этих отношений. Нередко все будет оправдываться жизненной необходимостью, даже научно обосновываться. Но суть этих отношений будет одна: человек против зверя.

Конечно, была и есть охота ради жизни и промысловая охота, спортивная охота и необходимый отстрел — оправданные и закономерные действия человека по отношению к животным. Но было (да и сейчас еще есть) и другое: убийство, уничтожение, истребление.

Конечно, это вовсе не значит, что человек на Земле только тем и занимался, что уничтожал животных,— у него было немало и других дел, забот и занятий. Но так складывалось, что на протяжении многих и многих тысячелетий человек должен был противопоставлять себя зверю.

Человек вынужден был защищаться: хищники не делали различия между будущими царями природы и прочим населением планеты.

Человек вынужден был отвоевывать себе жилища: медведь или саблезубый тигр вовсе не желали добровольно уступать двуногому существу свои удобные пещеры.

Человек должен был одеваться: в «моде» тогда, как и теперь, были меха, только тогда они просто назывались шкурами. Для того чтобы добыть их, нужно было убивать зверей.

А самое главное — человеку нужно было есть.

Конечно, на первых порах он не посягал на жизнь крупных зверей — был еще слишком слаб. Человек собирал и ел коренья, семена, плоды растений. Эту пищу он разнообразил насекомыми, личинками, моллюсками, случайно пойманными ящерицами или найденными в гнезде птенцами. Но пришло время, и двуногое существо замахнулось на самых могучих соседей по планете.

Существует мнение, что центр (или один из центров) возникновения человечества находился в Африке. Оттуда люди постепенно расселялись, открывали для себя новые земли и оседали, жили по нескольку лет, а то и десятки лет подряд на одних и тех же местах. Сейчас на этих местах (ученые называют их стоянками) наряду с предметами быта и оружием археологи находят огромное количество костей крупных животных.

В Северной Осетии, например, на месте стоянки древнего человека, который жил там не менее ста тысяч лет назад, было обнаружено около тридцати тысяч костей медведей, зубров, носорогов. В Красноярском крае при раскопках аналогичной стоянки обнаружили кости 2400 бизонов. Советский ученый академик А. П. Окладников обнаружил в Средней Азии стоянку первобытного человека, где было найдено около 10 000 костей, в основном горных козлов. Убить горного козла даже сейчас, имея современное оружие, не так-то просто. Сделать это деревянными копьями или примитивными ножами кажется совершенно невозможным. Но человек придумывал разные способы добывать себе пищу. Например, один из способов называется загонной охотой: шумом,

криками, камнями гнали люди животных в определенном направлении, то есть к какому-нибудь крутому обрыву или пропасти. Животные падали с высоты и разбивались. В других местах животных загоняли в расщелины или овраги и там убивали. Например, при раскопке стоянки первобытных охотников, которую обнаружили на территории теперешней Вологодской области ученые определили, что таким способом были убиты 983 зубра.

Места для стоянок первобытные охотники выбирали именно такие, где можно было устраивать загонную охоту. Эта охота, если она оказывалась удачной, сразу давала людям большое количество мяса, давала шкуры, давала кости, которые нередко использовались как строительный материал. Например, на одной из стоянок в Молдавии было обнаружено жилище площадью сорок квадратных метров, сделанное из костей мамонта. На берегу Ангары археологи нашли четыре жилища, стены которых были сложены из костей мамонта, а каркасами для крыш служили рога оленей.

Сто тысяч лет назад население земного шара оставалось еще малочисленным, а условия жизни, во всяком случае в Европе и Азии, были достаточно суровыми. Большие пространства покрывали ледники, а растительность на свободной ото льдов территории мало чем отличалась от растительности современной тундры. (Даже на территории теперешнего Крыма она была такой же — в период наступления ледников.) А тундра, как известно, беднее растительностью, чем тропики, в двести раз. Много ли плодов или кореньев мог найти здесь человек? Поэтому в те времена, как, впрочем, и много позже, охота продолжала оставаться основным средством существования человека.

Совершенствовались орудия и оружие: появились гарпуны и копья с наконечниками, копьеметалки и пращи. Это, конечно, облегчало охоту, но вот самих объектов охоты становилось меньше. А мяса, наоборот, требовалось больше: род людской увеличивался.

Мамонты были наиболее типичными представителями млекопитающих, получивших в науке название «животных мамонтовой группы». Эти гиганты весили более 5 тонн, а их бивни — примерно 300 килограммов. Под стать мамонту был и его постоянный спутник — шерстистый, или волосатый, носорог, имевший два рога (один — более метра в длину). Пещерный лев — огромная кошка, имевшая признаки и льва и тигра, — была третьим типичным представителем мамонтовой группы. А рядом с ними на огромных пространствах от Испании до Китая, от Монголии до Ледовитого океана паслись стада диких быков и диких лошадей, сайгаков и северных оленей, благородных оленей и маралов. На них, конечно, тоже охотились, но главной добычей оставался все-таки мамонт.

Приблизительно 14—15 тысяч лет назад на земном шаре началось резкое потепление. Ледники отступали, наступало море, которое во время образования ледников сильно мелело (его уровень по отношению к современному понижался на 85—120 сантиметров). Началось грандиозное наводнение. Затем море снова отступило. Долгое время ученые считали, что изменения в природе благоприятно отразились на фауне и флоре. Но сейчас появилась другая теория: сильно оскудела в послеледниковый период раститель-

ность, а это, естественно, не могло не повлиять на животный мир. Стали исчезать мамонты и шерстистые носороги, исчез ирландский гигантский олень, рога которого имели 4 метра в размахе. Крупные травоядные уходили на север. Но и там не могли выжить. В Европе же появилась современная растительность, появился современный животный мир. И охотники стали приспосабливаться к новым условиям.

Как свидетельствуют раскопки, мамонтов и медведей охотникам в это время заменили мелкие животные — лисы, песцы, шакалы. Загонный способ охоты уступил место другому. А значит, появилось и новое оружие. И действительно, на поздних стоянках наряду с копьями и дротиками находят более совершенное оружие — например, луки, бумеранги. И еще одна характерная деталь: сами стоянки стали более кратковременными. Ведь одно дело — мамонт или стадо зубров, загнанное в ущелье: мяса хватало надолго и никуда не нужно было двигаться, другое дело — песец или лиса. И охотники из оседлых превратились в бродячих, из коллективных добытчиков — в индивидуальных.

И люди начали расселяться по континенту и даже по континентам. Одни уходили все дальше на север, на северо-восток. Другие шли навстречу восходящему солнцу, туда, где еще не ступала нога человека.

В те времена теперешняя Азия и теперешняя Америка были соединены широким перешейком, и пролива, который сейчас называется Беринговым, не существовало. По перешейку прошли охотники, не подозревая, что стали первыми жителями континента, который через многие тысячелетия будет назван Северной Америкой.

Охотники шли неторопливо: считается, что сменилось не менее пятисот поколений, прежде чем люди вышли к Атлантическому побережью Северной Америки и постепенно начали специализироваться: племена, обосновавшиеся на севере, охотились на оленей карибу, жители Великих равнин стали следовать за стадами бизонов, а те, которые добрались до Тихоокеанского побережья, занялись рыболовством.

После окончания ледникового периода климат изменился. Но в Западном полушарии он изменился меньше, чем в Восточном. Тем не менее и там изменение климата повлияло на фауну и флору, и там исчезли мамонты и длиннорогие бизоны, гигантские ленивцы и саблезубые тигры. Некоторые ученые считают, что их истребил человек: все эти животные исчезли уже после того, как в Новом свете появились люди. Например, по мнению советского ученого М. И. Будыко, мамонтов уничтожил первобытный человек. (Будыко даже сделал математические выкладки.) Однако в таком случае непонятно, кто уничтожал мамонтов в местах, где не было людей. Поэтому, думается, расчеты Будыко верны не для всех территорий: где-то мамонты действительно были уничтожены охотниками, где-то вымерли или исчезли по другим причинам.

Но так или иначе, а человек, конечно, влиял на животный мир и когда занимался загонной охотой, и когда рыл ловчие ямы. А ведь он охотился и иным способом: поджигал леса или сухую траву, чтобы выгнать притаившихся или спрятавшихся животных. Пожары не только губили животных, они уничтожали исконные места их обитания, меняли растительный покров. Начал прояв-

лять себя так называемый антропогенный фактор — активное влияние человека на природу.

Возникновение земледелия не уменьшило, а, скорее, увеличило нажим человека на дикую природу, и на животный мир в частности: начались палы — поджоги лесов (таким способом люди освобождали новые площади для посевов), и, естественно, сокращались места обитания некоторых животных, а значит — количество самих животных.

Внесло свою лепту в наступление на дикую фауну и скотоводство. Стада одомашненных животных занимали все новые и новые площади, изменяли ландшафт и растительный покров, вытесняли с пастбищ диких. И хоть земледелие и животноводство в значительной степени заменило охоту, охота отнюдь не прекратилась: для одних народов она стала дополнительным источником существования, для других оставалась по-прежнему главным.

На протяжении тысячелетий человек охотился на животных, расширял и совершенствовал хозяйство, так или иначе влиял на дикую фауну планеты. Затем, как писал известный английский зоолог прошлого века А. Манжен, некоторые животные превратились еще и в «забаву человека». А забавы эти были очень жестокими.

Жители Древнего Рима любили зрелища, причем зрелища кровавые. Огромные цирки сотрясались от восторженных криков зрителей, когда на арене гладиаторы — плененные чужеземные воины—наносили смертельные удары друг другу. Но римлянам мало было этих зрелищ. Они стали устраивать сражения людей и диких животных, потом бои между животными.

Предполагают, что первыми животными, появившимися на аренах римских цирков, были слоны, которых карфагеняне использовали в сражениях против римлян. Поскольку слоны одним своим видом приводили в ужас римские легионы, правители Рима решили показать, что эти звери не так уж страшны. И вот на арену было выведено 100 слонов, захваченных у карфагенян, и убито на глазах публики. Это произошло в 251 году до н. э. Однако есть сведения, что и до публичного избиения слонов на арене цирка устраивались сражения людей с животными. Эти сражения римляне всячески разнообразили. Заставляли людей сражаться с львами, крокодилами, тиграми, слонами, быками, леопардами, бегемотами, носорогами, медведями. Устраивались бои зверей — слонов со львами или быков с леопардами. Во II—I веках до н. э. практиковалась массовая травля зверей. Цезарь, например, организует травлю четырехсот зверей, император Август Октавиан (умерший в 14 г. н. э.) — более трех тысяч, а римский полководец и политический деятель Помпей (I в. до н. э.), увеселяя сограждан, погубил на арене цирка в течение нескольких дней 600 львов, 400 пантер, 200 слонов и несколько сот носорогов. В 80-м году нашей эры были устроены «игры», на которых за один только день убили пять тысяч зверей.

Торжественным убиением зверей отмечались победы над противниками, дни рождения правителей и их жен. Так, в 107 году император Траян, празднуя победу над врагами, устроил «игры», которые продолжались 123 дня и стоили жизни 11 тысячам животных. Император Адриан, живший во II веке н. э., празднуя свои дни рождения, погубил несколько тысяч животных. Император

Проп (III век), отмечая победу над германцами, уничтожил на арене более 700 львов, медведей, леопардов, а несколько тысяч кабанов, ланей и оленей раздал на потеху публике.

Это, конечно, далеко не полный список «подвигов» римских правителей. А ведь «игры», то есть уничтожение животных, практиковались не только в Риме — не менее популярны подобные зрелища были и в других городах этого государства, и проводились они в течение семи-восьми столетий.

В своих кровавых развлечениях римляне были не одиноки. Бои животных существовали и в странах Востока.

Конечно, не только такие «игры» обедняли животный мир, но и они внесли свою лепту в оскудение фауны материка. В V—IV веках до н. э. львы еще водились в Европе, но в III веке н. э. уже были здесь полностью истреблены и для римских цирков привозились из Африки или Азии.

То же можно сказать и о некоторых других хищниках. И когда через столетия европейские короли пытались подражать древним римлянам, им пришлось довольствоваться травлей медведей и сражениями с волками или кабанами.

Но если европейская знать не преуспела в массовом уничтожении животных на аренах цирков, то преуспела в другом — в истребительной охоте.

Мы уже говорили, что нельзя, не нужно отрицать промысловую или спортивную охоту, но речь здесь не о ней.

Об охоте писали много, и не стоит, пожалуй, вдаваться в подробности. Скажем лишь, что они были часты, многолюдны, в них, кроме охотников, участвовали сотни слуг, многочисленные егери, своры собак. Псовая охота в Европе была привилегией высших классов (простолюдин не мог, конечно, содержать псарню и псарей). Ловкая серна или быстроногая лань, грозный кабан или могучий зубр — разве могли они уйти от облавы, спрятаться, когда лес прочесывался, как густым гребнем? Загнанное, затравленное сворой собак, дрожащее от страха измученное животное в конце концов падало, пораженное светлейшим охотником. А таких охотников было много. И каждый убил не по одному животному. Конечно, не все они были такими удачливыми, как принц Август Саксен-Кобургский, убивший за свою жизнь почти 3,5 тысячи серн, или швейцарский охотник Г. Колани, убивший почти три тысячи этих животных. Но и другие убивали немало. А сколько их было, этих охотников, и сосчитать невозможно. Да никто и не считал охотников. Так же, как никто не считал в прошлом потери в животном мире.

Относительно точные цифры потерь мы имеем лишь за последние два-три столетия. В этот период уничтожено свыше ста видов и подвидов зверей, а из них 40 видов и подвидов стали редкими или уничтожены полностью лишь за последние 50 лет. В Африке осталось лишь 10 процентов млекопитающих от того количества, которое было до прихода первых европейцев; в Америке «первобытную природу... не покоряли, ее в буквальном смысле забивали на смерть», — пишет один из известных деятелей охраны природы в США Д. Трефтен. Короче говоря, каждое десятое млекопитающее сейчас либо на грани полного исчезновения, либо стало редким.

«Скорбный лист» — список истребленных животных или животных, на-

ходящихся на пределе, велик. Факты уничтожения животных — вопиющие. И если бы мы здесь захотели только перечислить уничтоженных человеком или находящихся на грани уничтожения животных и хотя бы коротко рассказать о том, как происходило уничтожение, нам понадобилось бы очень много места. Поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

ТРАГЕДИЯ КОПЫТНЫХ

Открытие купрея — «быка Савеля», как его называли первоначально, или «нового быка», как его называли потом, было достаточно крупной зоологической сенсацией.

Его открыли в 1937 году, и уже тогда число этих животных, по мнению специалистов, не превышало 800. Редчайшие быки водились лишь в Камбодже, на территории теперешнего государства Кампучия, и жили лишь в двух местах, находящихся на расстоянии 250 километров друг от друга.

Купреи размножаются медленно. Во всяком случае, естественный прирост не восполнял потерь: на быков охотились все, кто мог, — и местные жители, и приезжавшие на берега реки Меконг европейцы и американцы. И вот результат: в 1964 году число купреев сократилось до 200. В 1970 году, по данным французского зоолога П. Пфеффера, их было не более 40. Сохранился ли «новый бык» на земле сейчас — неизвестно. Так же, как неизвестно, будет ли существовать на Земле удивительное по красоте животное — иранская лань.

В середине нашего века были найдены изображения охоты на эту лань, относящиеся к III—VII векам. Но самой лани люди не знали. Она считалась вымершей или истребленной. Увидели ее впервые лишь в 1875 году. В поле зрения ученых попал один экземпляр этого животного. Затем было добыто несколько ланей. Последнюю лань застрелили в 1917 году в Ираке.

Но вот в 1955 году поступили сведения, что очень небольшое количество этих прекрасных животных еще существует на Земле. Сейчас известно, что лишь в двух точках на земном шаре (обе они находятся в Иране) сохранилось несколько десятков иранских ланей. (Предположительно 30—40 экземпляров!)

Тамароу — карликовый буйвол — живет в единственном месте на Земле — на Филиппинах. Филиппинское правительство издало строгий закон в защиту тамароу. Но куда там! И фермеры, и племена, живущие в лесах, и спортивные охотники продолжают истреблять карликового буйвола. Сейчас этих редких животных осталось не более сотни. (Но пока издавалась эта книга, может быть, их уже и вовсе не осталось, они исчезли навсегда.)

Аддакс — животное уникальное. Это крупная антилопа, живет в таких суровых условиях, какие только могут существовать на свете: в безводных пустынях. Вода аддаксу не нужна — минимальное количество влаги, которое животное получает из растений, вполне удовлетворяет его. Аддакс ни прямо, ни косвенно не вступает в соперничество с домашними животными, тем не менее человек как будто бы поставил своей целью во что бы то ни стало уничтожить эту антилопу. В Тунисе и Алжире она была уничтожена в конце прошлого века, в Египте истреблена в 1900 году. В начале нашего века итальянские солдаты, на-

ходившиеся тогда в Ливии, уничтожали аддакса, расстреливая в упор из пулеметов.

Небольшое количество аддаксов ушло в, казалось бы, недоступные уголки земли — в пустыни. Но и там находят их люди: арабы, проживающие на западе Судана, отправляются за аддаксами на верблюдах, взяв с собою большое количество воды, и много дней разыскивают антилопу. Найдя следы аддаксов, они начинают погоню, загоняют животных до изнеможения (особенно самок и телят) и добивают их кольями.

С появлением вездеходов и доступностью автоматического оружия уничтожение аддаксов стало еще интенсивнее.

Сейчас на сравнительно небольшой территории на границе Мавритании и Мали сохранилось еще небольшое количество аддаксов. Но их продолжают истреблять. И вряд ли долго еще продержится на Земле эта антилопа.

В тех же местах, где сейчас обитает аддакс, живет песчаная газель. А на Аравийском полуострове ее сестра — аравийская газель. В пустыне газель уничтожают кочевники. На Аравийском полуострове — охотники на автомашинах. Сколько осталось газелей, сейчас неизвестно. Как живут эти газели, тоже неизвестно. Успеют ли зоологи изучить их, пока охотники не перебьют всех газелей, и это тоже неизвестно.

Однако самая кровавая, самая мрачная страница в отношении людей и животных была написана в Америке. Это история истребления бизонов.

Первые европейцы, увидавшие бизонов, были испанцы, покорившие в 1519—1521 годах коренных жителей Мексики — ацтеков. В столице ацтеков завоеватели среди множества чудес в зверинце короля Монтесумы обнаружили огромного быка «с верблюжьим горбом, львиной гривой и длинной бородой». Однако лишь через пятнадцать лет испанец де Вака, пробираясь из Техаса в Мексику, встретил на воле огромные стада «горбатых быков».

Европейцы, переселившиеся в Америку, едва обосновавшись и осмотревшись, начали истреблять бизонов. Истребляли ради шкуры и мяса, ради рогов и просто ради забавы. Могучие и грозные на вид, эти звери на самом деле были очень добродушными. При опасности они не защищались, не переходили в наступление, а убегали. Но люди не давали бизонам спастись бегством — окружали и расстреливали их в упор.

К концу XVIII века от многочисленных стад некогда живших здесь бизонов уцелело лишь 400 животных. А в последний день века — 31 декабря 1799 года — полсотни охотников отправились на поиски уцелевших животных. Зима 1799 — 1800 годов в Северной Америке была на редкость суровой и многоснежной. Замерзающие и обессилевшие от голода животные забились в узкую лощину и стояли по грудь в снегу, не в силах двинуться с места. Охотники даже не стали тратить заряды — попросту перерезали беспомощным животным горло.

Впрочем, несколько бизонов все-таки «прорвались» в XIX век. Но ненадолго: к 1832 году от Нью-Йорка до Миссисипи не осталось ни одного бизона. Так окончили свое существование пенсильванские, или лесные, бизоны.

На Западе жили степные бизоны. На них тоже охотились, но к этому

времени, когда лесные бизоны были уже уничтожены, степных оставалось еще очень много. Полковник Р. Додж свидетельствовал, что видел стада, которые имели в ширину, по крайней мере, сорок километров, а в длину не менее восьмидесяти. По очень приблизительным подсчетам, в таком стаде могло быть примерно 4 миллиона бизонов. Всего же, как считают ученые, на Западе проживало, по крайней мере, 60 миллионов этих зверей.

Об огромных стадах бизонов рассказывали многие путешественники. «Когда подъезжаешь к такому стаду, — писал один из них, — кажется, что вся земля от горизонта до горизонта покрыта исполинским шевелящимся коричневым одеялом». Другие путешественники подчеркивали миролюбивый нрав этих зверей: огромные и могучие (взрослые бизоны весили до 1200 килограммов), они уступали дорогу более слабым животным, а человек, случайно оказавшийся среди стада, мог выбраться из него совершенно невредимым.

Степной бизон уцелел дольше пенсильванского только лишь потому, что шла война Севера и Юга. Но едва война закончилась, тысячи охотников—всякий, кто мало-мальски держался в седле и умел стрелять, — отправились охотиться на бизонов. Обилие животных, легкость и сравнительная безопасность охоты на них привлекали людей. «Люди превратились в убийц в силу собственного невежества, не испытывая никаких угрызений совести. Они убивали, будучи одержимы какой-то дьявольской силой, заставлявшей их убивать все и вся», — писал известный американский исследователь Р. Парсон.

Эта сила заставляла охотников-живодеров не только убивать бизонов, но и изобретать самые варварские и мучительные способы истребления животных. Например, на пути бизоньих стад, вокруг озер и по берегам рек, разжигали костры, не позволяя измученным и томимым жаждой животным приблизиться к воде. Бизоны шли к другим водоемам, но всюду их встречало одно и то же — стена огня. Многие животные гибли, не выдерживая этой пытки. Оставшихся в конце концов подпускали к водоему и убивали, едва они приближались к воде.

Однако убивать бизонов заставляла не только какая-то «дьявольская», но и другая сила — политическая.

У индейцев племени киова существовала легенда о том, что Великий Дух, создав землю и все живое, сказал индейцам: «Вот бизоны. Они будут давать вам пищу и одежду. Но в тот день, когда вы увидите, что бизоны исчезли с лица земли, знайте — конец киова близок и солнце закатится».

И действительно, индейцы питались мясом бизонов, шили одежду и обувь из шкур этих животных, шкуры служили людям постелью, крышей, стенами жилищ; натянутые на каркасы шкуры превращались в легкие и быстроходные лодки; из сухожилий индейцы делали тетивы для луков, из шерсти плели веревки и лассо, из костей изготовляли инструменты, начиная от молотка и кончая иголкой, из рогов мастерили посуду.

Конечно, индейцы тоже охотились на бизонов. Ко временам открытия Колумбом Америки не меньше ста тысяч человек, как считают сейчас ученые, жили на «землях бизонов». Однако количество бизонов не уменьшалось: индейцы убивали лишь столько животных, сколько было необходимо для жизни племени.

Бизоны кормили и одевали индейцев, и это помогало гордым и свободолюбивым людям оставаться независимыми. И тогда завоеватели пошли в поход на бизонов. Специальные отряды солдат и «добровольцев», которых военные власти бесплатно снабжали боеприпасами, начали планомерное наступление. Отряды шли по бизоньим тропам — по дорогам, которые прокладывали в прериях и по долинам эти животные. И трупы бизонов начали устилать некогда мирные дороги. Истребители бизонов не могли унести с собой даже крошечной части своих трофеев. Но не ради трофеев убивали солдаты бизонов, а для того, чтобы обречь индейцев на голодную смерть. Правда, кое-кто из американцев уже в те времена пытался протестовать против варварского уничтожения бизонов. Но в ответ на протесты и на предложения принять законы, запрещающие истреблять бизонов, командующий войсками, действовавшими против индейцев, генерал Шеридан заявил, что бизонов истреблять надо, а охотники за бизонами заслуживают всяческого поощрения: им следовало бы выдавать медали с изображением умирающих от голода индейцев!

И действительно — то, что за тридцать лет не могла сделать армия (покорить гордых команчей, шайенов, сиу, киова и другие индейские племена), сделали охотники за бизонами. Зловещее пророчество легенды сбылось — индейцы, лишившись своих кормильцев, погибали от холода и голода.

В 1862 году началось строительство железной дороги, которая должна была соединить Чикаго и Сан-Франциско. Предприниматели быстро сообразили, что рабочих можно кормить мясом бизонов. И специально нанятые охотники начали поставлять это мясо. Но скоро охотникам стало скучно: в конце концов, не так уж много надо мяса рабочим. И тогда началась охота ради охоты. Часто, убив сотни бизонов, охотники даже не притрагивались к ним или, в крайнем случае, вырезали у некоторых языки. Равнины Америки от озера Эри до Техаса забелели костями бессмысленно убитых животных. А когда Тихоокеанская железная дорога была открыта, ее хозяева предложили пассажирам прекрасное развлечение — стрельбу по бизонам из поездов. Доверчивые животные паслись очень часто около линии железной дороги. Поезд подходил к пасущемуся стаду, машинист замедлял ход, и из окон, с крыш, с тормозных площадок гремели выстрелы. Потом поезд шел дальше, а сотни животных оставались лежать у полотна: пассажиры не нуждались в мясе или шкуре, им важно было поразвлечься — выстрелить и убить. Организовывались даже специальные «туристские» поезда для желающих пострелять в бизонов.

Однако скоро охотники поняли, что индейцы недаром так ценили шкуры бизонов. И тогда новая волна стрелков ринулась на уцелевших еще животных. И за пять лет — с 1870 по 1875 год — было убито около 13 миллионов бизонов. Облегчалось убийство еще и тем, что во время кочевок бизоны двигаются одним маршрутом в течение многих десятилетий.

Прошло всего несколько лет с начала этой страшной бойни, и бизоны почти исчезли. В 1883 году были уничтожены последние 59 бизонов, ушедшие в Техас. Спаслось только четыре. Но и их убили в 1889-м. В том же году были уничтожены и

последние бизоны на севере США: охотники разыскали случайно уцелевшее крупное стадо и в течение трех месяцев уничтожили его.

Многомиллионное поголовье бизонов практически перестало существовать.

История близкого родственника бизона — зубра несколько иная, но не менее трагическая.

Первое упоминание о зубрах и даже описание их встречается у древнегреческого историка Геродота (V век до н. э.). Мощь, величина, свирепый вид привлекали к нему внимание писателей и поэтов. О зубрах писали Аристотель и Юлий Цезарь, Сенека, Тацит и многие другие. Зубры участвовали в «боях зверей», которые устраивались в римских цирках. Ну, и конечно, охотились на них люди очень активно. Тем не менее еще в средние века эти животные были широко распространены по всей Европе.

Летописцы часто описывали охоту на зубров. Из летописей мы знаем о знаменитых «потехах» польских и литовских королей. О том, например, что когда в 1430 году литовский князь Витоват созвал в Луцк на Волыни соседних князей, то семь недель пировали эти князья и еженедельно подавали им по сто зажаренных зубров. Может быть, летописец немного и преувеличивал, но, видимо, добыть несколько сот зубров за короткий срок на Волыни в те времена не составляло труда.

Множество зубров было и на территории Московского государства. Знаменитый немецкий путешественник Герберштейн, посетивший в XVI веке Московию, изобразил зубра, сделав это изображение символом животного мира этих краев.

Но прошло немногим более полутораста лет, и зубры почти исчезли. Сначала не стало их в Западной Европе. В 1729 году последний зубр был убит на территории Венгрии. В 1755 году — в Прибалтике. В 1762 году пал последний зубр в Румынии. В 1798-м — в Германии (в Саксонии).

К концу XVII века исчезли некогда многочисленные стада зубров в степях Украины. Последнее упоминание о зубре в этих местах имеется в письме Мазепы: в 1696 году он извещает царский двор о посылке одного зубра. На Дону эти животные к концу XVII века тоже были полностью истреблены. На приказ Петра I поймать и прислать в Петербург несколько зубров воронежский генерал-губернатор Колычев ответил, что последний раз зубра видели на Дону в 1709 году.

Зубры покидали привольные степи и леса, уходили подальше от людей, туда, где их не могли бы достать охотники. Но охотники доставали их повсюду. В конце концов лишь небольшое стадо зубров сохранилось в густых болотистых лесах Беловежской пущи.

Первый учет зубров в Беловежской пуще был произведен в 1809 году. Выяснилось, что там живет примерно 350 зубров. Однако, несмотря на частые лесные пожары, на неблагоприятные условия и браконьерство, несмотря на пышные царские охоты (например, во время только одной охоты Александра II в 1850 году было убито 28 зубров), к началу первой мировой войны в Беловежской пуще насчитывалось 727 зубров.

Во время войны Беловежская пуща оказалась в зоне военных действий. Немецкие ученые понимали, какую ценность представляют зубры, и решили во что бы то ни стало спасти этих зверей. С огромным трудом они добились от командования

приказа не уничтожать зубров. Но едва немецкие войска вошли в Пущу, как начали «в первую очередь истреблять, конечно, зубра, не убегающего и не боящегося человека», — писал немецкий офицер Халковски. Другой офицер немецкой армии — дивизионный адъютант Губер писал, что зубров убивать было совсем не трудно: «Зубры, которые, очевидно, при постоянном уходе за ними, привыкли к людям, шли неоднократно рядом с походной колонной».

В результате к концу 1918 года в Пуще осталось несколько десятков животных. Но и те вскоре были уничтожены браконьерами. 9 февраля 1921 года (по другим данным — 1919) была убита последняя зубрица. Она пришла к человеку, которого не боялась и которого считала своим другом. Но человек — это был лесник Варфоломей Шпакович — предал зверя и выстрелил в него почти в упор.

Тридцать шесть зубров жили в Гатчинском парке под Петроградом. Но их убили казаки в 1917 году. Несколько зубров, живших в парке под Минском, были кем-то уничтожены в 1918 году. Зубры, жившие в Крыму, уничтожены врангелевцами в 1920 году.

Разновидность зубров жила на Кавказе. Там было сравнительно большое стадо — около пятисот голов. К 1920 году уцелело лишь пятьдесят. Но их тоже не удалось спасти: браконьеры систематически уничтожали оставшихся великанов, и последние три зубра были убиты в 1927 году.

Кавказский зубр исчез с лица Земли.

Бессмысленность истребления бизонов, убийство зубров, конечно, не единственные случаи жестокости человека по отношению к своим соседям по планете.

На огромных пространствах Африки паслись зебры — мирные, красивые животные — «солнечные лошадки», как прозвали их римляне. Аборигены хоть и охотились на зебр, но понятие «истребление животных» было им неизвестно. Что это такое, африканцы узнали лишь с приходом белых.

Зебры не мешали людям. В Африке хватало места и земледельцам, и скотоводам, и диким животным. Но белые колонисты быстро поняли: зебры — легкая добыча. И эта добыча может быть использована: мясом зебр буры (так назывались голландские переселенцы-колонисты) стали кормить превращенных, по сути дела, в рабов африканцев. Из шкур зебр делали бурдюки для воды, мешки для пшеницы. А из кожи, снятой с ног «солнечных лошадок» — домашние туфли.

Вскоре буры решили вообще уничтожить зебр: считалось, что они занимают пастбища, пригодные для овец. Колонисты могли легко убедиться, что зебры не конкуренты овцам — овцы не едят ту траву, которую поедают зебры. Тем не менее началась бойня. Тысячи «солнечных лошадок» падали под пулями. Пуль не хватало. И буры вырезáли из убитых животных свинец, чтобы им снова заряжать ружья. Истребление шло такими темпами, что уже в 1902 году бельгийский зоолог А. Лемерр в «Ученых записках Брюссельского университета» писал: «Полное истребление зебр огнестрельным оружием — вопрос нескольких ближайших лет». Однако колонистам казалось, что зебры истребляются слишком медленно. И они нашли другой, более быстрый и выгодный (не надо тратить порох

и свинец) способ уничтожения: зебр подгоняли к пропасти, и животные, падая с многометровой высоты, разбивались о камни. А. Лемерр оказался прав, но, к счастью, прав лишь частично: полностью была истреблена только квагга. Небольшое количество зебр некоторых других видов удалось спасти.

Европейские ученые тогда плохо представляли себе, кого уничтожают колонисты. Зебры были изучены очень слабо. Хотя существует свидетельство, что еще во II веке до н. э. зебр привозили в Рим, позже в Европе этих животных совершенно забыли. Забыли настолько прочно, что когда в XV веке португальские мореплаватели рассказывали о полосатых лошадках, живущих в Африке, им не верили. Затем, когда зебра «заставила поверить» европейцев в свое существование, ученые определили несколько видов зебр. А в 1882 году неожиданно открыли еще одну зебру. Причем открыли « у себя дома».

Эфиопский император подарил французскому президенту Жюлю Греви полосатую лошадку. Президенту зебра была не нужна, и он отдал ее в зоопарк. В зоопарке не знали, как с ней обращаться, и зебра вскоре погибла. И тут только ученые спохватились: погибшая зебра-то оказалась им совершенно не знакома. Изучили шкуру и кости погибшего животного и назвали этот вид зеброй Греви.

После этого ученые решили, что изучены уже все виды зебр. Известно было, как выглядят самцы и как выглядят самки. Самки, считали ученые, отличаются от самцов и величиной, и гривой, и «фигурой», а главное — полосы у самки только на голове, шее и плечах. Рисунок «самки зебры» был помещен еще в 1758 году в книге английского натуралиста Д. Эдвардса. Через два десятилетия знаменитый французский натуралист Ж. Бюффон подтвердил это в своей книге «История четвероногих животных». И тем самым на долгие годы узаконил заблуждение.

В конце концов зоологи поняли, что «самка» — это особый вид зебры, который называют квагга, и очень заинтересовались ею. Но познакомиться как следует не успели: именно кваггу, пожалуй, самую многочисленную из зебр, самую красивую и самую добрую, колонисты истребляли особенно активно. И едва открытая зоологами, она была полностью уничтожена. Как вид эта зебра была ликвидирована в 1850 году. Несколько случайно уцелевших квагг обнаружили в 1878 году и тоже уничтожили. Последняя квагга была убита в 1880 году. А через три года — эта печальная дата вошла в историю зоологии — 12 августа 1883 года в Амстердамском зоопарке умерла последняя на земле квагга.

ВЕЛИЧИЕ И ЗАКАТ ХИЩНИКОВ

Судьба хищников сложилась не менее печально, чем судьба копытных. Среди хищников больше всего, пожалуй, не повезло кошачьим. А среди кошачьих больше всего пострадали львы.

Когда-то львы жили чуть ли не по всей Африке, жили в Азии и в Европе. Меньше тысячи лет назад они водились еще на Кавказе, на территории теперешней Украины и в низовьях Дона. Видимо, там, где-то в районе теперешнего Ростова-на-Дону, встретил «лютого зверя» киевский князь Владимир Мономах. Об этом он писал в «Поучении своим

детям»: «Лютый зверь вскочил ко мне на бедра, и конь со мной повержен». Этот эпизод запечатлен и на сделанной во времена Мономаха фреске, находящейся на южной башне Софийского собора в Киеве. Там изображена желтая кошка огромных размеров, бросающаяся на всадника. А всадник вонзает в нападающего зверя копье. Огромная кошка, как предполагают сейчас, — лев, который, кстати, упоминается и в «Слове о полку Игореве». Правда, известный советский ученый, профессор В. Гептнер считает, что на Мономаха напал не лев, а тигр. Однако большинство ученых склонны видеть в нападающем звере льва. Но так или иначе — это факт доказанный — львы в Европе водились. Правда, водились давно. А вот варварийских львов, гордых и могучих красавцев, которые обитали в Северной Африке, уничтожили сравнительно недавно: последний варварийский лев был убит в Алжире в 1893 году.

На юге Африки жили львы, называвшиеся капскими. Последний капский лев был убит в 1922 году. Но в Центральной и Восточной Африке еще сохранилось некоторое количество львов. Охота на них запрещена, в национальных парках их охраняют.

В Азии львы уцелели только в Индии, да и там лишь в единственном месте — в заповедном лесу Гири, где, по одним данным, сохранилось примерно 100 львов, по другим — около 200 или 300.

Причин исчезновения львов несколько. И все они связаны с людьми. Первая причина — истребление зебр и антилоп: у хищников становилось меньше пищи, значит, становилось меньше и самих хищников. Сокращение числа диких животных привело к тому, что львы стали нападать на домашний скот. И тут появилась вторая причина: львов начали уничтожать местные жители. Третья причина: уничтожение львов приезжими охотниками. Впрочем, люди, вооруженные самым совершенным оружием, ничего общего с настоящими охотниками не имели. Они приезжали в Африку с единственной целью—развлечься и привезти трофеи — львиные шкуры. Иногда они убивали столько животных, что даже не имели возможности снять со всех шкуру — ведь были такие «охотники», которые за два-три месяца убивали по сотне львов. Они лишь фотографировались рядом с поверженным царем зверей или отрезали у него хвост, чтобы привезти домой в доказательство совершенных подвигов.

В Европе и Америке рассказы «отважных охотников» производили впечатление, а трофеи приводили в восторг: шутка ли, сразиться с могучим и коварным хищником! И немногие знали, что не так уж опасно охотиться на львов, не так уж трудно убить зверя, не привыкшего прятаться или отступать перед опасностью. Таков уж лев — царь зверей.

Царем зверей льва называли издавна, хотя, если разобраться, не очень понятно, за что ему присвоено такое «звание». Зверь он не самый крупный: медведь кодьяк может весить 700—750 килограммов, белый медведь — целую тонну. А львы, даже самые крупные, весят не больше 230 килограммов.

Тогда, может быть, лев самый сильный зверь? Тоже не так: когда в Древнем Риме устраивали бои зверей и льву случалось встречаться на арене с тигром, тигры всегда побеждали. Да и вообще тигры крупнее львов. Львы будто понимают, что

они не наипервейшие силачи: никогда не нападают на слонов, уступают дорогу бегемотам и носорогам, даже крупных быков сторонятся.

Так почему же лев зовется царем зверей? Наверно, потому, что имеет как кажется людям, гордую и величественную осанку, потому что не прячется в засаде, а о своем выходе на охоту предупреждает громоподобным, прямо-таки монаршим рыком. У льва (по нашим понятиям) царственные манеры и безграничное великодушие: когда сыт, он не обращает внимания на пасущихся поблизости «подданных»—зебр или антилоп, а встречая незнакомца — будь то зверь или человек,—лев лениво и небрежно позевывает. Конечно, все эти внешние проявления «царственности» имеют сугубо прозаическое объяснение. Например, сытый лев не нападает на своих «подданных» потому, что не делает запасов «на черный день». Да таких дней у львов и не бывает — еда почти всегда рядом. Кстати, подобно льву (не трогают никого, когда сыты) ведут себя многие другие хищники.

Что же касается громоподобного рыка, то тут дело обстоит так: львы часто устраивают засады, но сидящие в засаде голоса не подают — рычат лишь те, кто гонит зверей на притаившихся ловцов.

Позевывает лев тоже с определенной целью: показывает клыки, демонстрирует на всякий случай свое оружие.

И все-таки эти прозаические объяснения не лишают льва его ореола — больно уж хорош и величествен этот зверь! К тому же в семействе кошачьих (и даже почти во всем отряде хищников) он занимает особое место: только у львов имеется так называемый половой диморфизм, то есть самка внешне сильно отличается от самца. Действительно: волчица мало чем отличается от волка, медведица от медведя, тигрица от тигра — разве что иногда размерами могут отличаться. У львов же густая грива имеется только у самцов.

И еще одно отличие львов от остальных кошачьих: все представители этого семейства предпочитают жить в одиночку (за исключением брачных периодов и времени выращивания детей), а вот львы живут сообществами. Не стаями, не стадами, даже не семьями. Это особое сообщество, называемое прайдом. В прайде несколько самцов (два-четыре), несколько самок (обычно больше, чем самцов) и детеныши разного возраста, которые остаются в этом прайде до трех лет. В прайде есть вожак. Он не деспот, членов своего клана не угнетает, но постоянно следит за порядком. Драк не допускает, изгоняет со своего участка членов другого клана, утихомиривает не в меру расшалившихся малышей. А главное — руководит охотой.

Обычно загонщиками во время охоты бывают самки. Подходят к стаду зебр и антилоп так, чтобы ветер дул с их стороны; загонщики гонят перепуганных животных туда, где залегли самцы. А всей операцией руководит вожак прайда. И руководит так, что похоже, будто у него имеется какая-то «дистанционная связь» со всеми остальными охотниками, под его руководством и загонщики и ловцы действуют удивительно согласованно.

Среди членов прайда складываются довольно своеобразные отношения. Например, самки являются главными поставщиками мяса. Од-

нако самцы без зазрения совести могут отнять у них еду, если ее мало, и съесть всю без остатка. С нашей, человеческой, точки зрения, так поступать нехорошо, но с биологической — это правильно: лев охраняет свой прайд, защищает территорию, дает возможность спокойно растить потомство. Известный американский зоолог Д. Шаллер, изучавший жизнь львов, рассказывает, что, если прайд теряет хотя бы одного льва, шансы на выживание у львят сильно сокращаются. А ведь и без того обычно выживает лишь половина львят, хотя в прайде к детенышам относятся очень заботливо. Самка кормит детенышей, не разбирая, свои это или чужие. А самцы позволяют львятам приставать даже во время сна (неслыханная дерзость!). «Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, жесткий язык непременно пройдется по его мордочке или спине», — пишет Б. Гржимек.

Львята появляются на свет необычной, пятнистой расцветки. Полтора месяца мамаша выкармливает их где-нибудь в зарослях или в густой траве, вдали от посторонних глаз, потом возвращается в прайд. И львят безоговорочно принимают. А ведь попасть в прайд не просто: Д. Адамсон в книге «Рожденная свободной» пишет, как не могла попасть в прайд ее львица Эльса. Надо, чтобы в прайде было «вакантное место», надо, чтоб претендентка или претендент пришлись по душе членам прайда. Но что это значит и как регулируется численность прайда (в нем могут быть и шесть и тридцать членов), пока не известно.

Львы охотятся не только стаями, но и в одиночку. Охотятся из засады или скрадом (хотя считают, что на это львы не способны), подкарауливают животных у водопоя.

Охотничий участок львиного прайда — примерно километров 40—60 в диаметре. Одни исследователи считают, что львы очень привязаны к нему и почти никогда не выходят за его пределы. Другие утверждают, что львы следуют за кочующими стадами зебр или антилоп. Сейчас, когда львы живут на очень ограниченных пространствах — в заповедниках и национальных парках, трудно установить закономерность: ведь эти условия все-таки необычные. Возможно, ведут себя львы и так и этак. Но несомненно, что в жизни львов бывают трудные периоды. И тогда они охотятся на птиц и грызунов, доходят даже до того, что ловят насекомых. Забыв о своем царском величии, поедают падаль, нападают на домашних животных. (Правда, в большинстве своем это проделывают слабые, старые и одинокие львы.)

Говоря о львах, нельзя не упомянуть львов-людоедов. Да, такие бывают. Хотя их немного. И опять-таки это либо старые львы, либо львы, когда-то раненные человеком. Львы-людоеды — явление редкое. Но слухи о них распространяются молниеносно, обрастают легендарными подробностями и вызывают панику на сотни километров вокруг. В принципе же человеку лев не опасен. По крайней мере в наше время.

Так кто же он на самом деле? Жестокий и опасный хищник или благородный и мужественный повелитель животного царства? Ни то, ни другое. «Одни осуждают льва за его жестокость и привычку поедать падаль, другие восторгаются его красотой и мощью, — пишет Джордж Шаллер, — я не разделяю мнения ни тех, ни других. Я люблю львов такими, какие они есть».

Тигр, как и лев, когда-то был широко распространен — всего сто лет назад А. Брем писал, что тигр обитает на огромных территориях — от Закавказья до Тихого океана, от Явы и Суматры до Байкала. Еще полвека назад, по самым скромным подсчетам, на этих пространствах обитало более ста тысяч тигров. А через несколько десятилетий тигр стал настолько малочислен, что на него была запрещена охота: с 1947 года в СССР, с 1971-го — в Индии, Непале, Бангладеш.

До этого тигра уничтожали в любое время года, в любом месте. Уничтожали по разным причинам: из-за шкур, которые всегда высоко ценились, из-за того, что китайская медицина проповедовала изготовление магических снадобий из различных частей тигра (даже усы шли в дело). Немало тигров пало от рук тщеславных охотников — например, один индийский магараджа хвастал, что убил тысячу триста тигров. Другой охотник — чиновник английской администрации в Индии — очень гордился, что за несколько лет убил более двухсот зверей. Уничтожали тигров, организуя массовые облавы, расставляя сети, их убивали самострелами, душили в петлях. Не удивительно, что в Индии, где еще в XIX веке ежегодно добывали полторы-две тысячи тигров в год, к концу века насчитывалось 40 тысяч этих зверей, а сейчас осталось не более полутора тысяч, и численность их продолжает падать. Вообще же тигров на Земле сейчас около 14 тысяч. Кроме Индии, где сохранилось больше всего тигров, они еще имеются в Непале, КНДР, на Суматре, на севере Ирана и Афганистана и в некоторых других местах. Но всюду, очевидно, они очень малочисленны. На Яве, например, обитает всего несколько зверей. Впрочем, возможно, что сейчас их уже и не осталось, так же как, вполне вероятно, не осталось тигров и на Бали, где до недавнего времени жил самый редкий тигр — балийский.

Трагически сложилась судьба и самого крупного тигра — амурского. Его объявили вредным и опасным хищником и всюду всячески преследовали. В прошлом веке в Средней Азии, Казахстане, на Дальнем Востоке собирались специальные отряды, уничтожавшие тигров. Нередко против тигров бросали целые воинские части. За убийство этих зверей платили солидные премии. И не только в прошлом веке, но и в нашем: так, в 1929 году в Семиречье (сейчас этой области нет — часть ее вошла в состав Казахской ССР, часть — в Киргизскую ССР) за каждого убитого тигра выдавалась награда в 100 рублей.

В результате тигр на территории нашей страны сохранился лишь в единственном месте — в Приморье. Это уникальный амурский тигр. Но осталось там, даже по самым оптимальным прогнозам, около 200 зверей. (А ведь еще в последнее десятилетие прошлого века там ежегодно добывали по 150 тигров.)

Сейчас люди делают все, чтобы амурский тигр выжил. И возможно, его удастся спасти. Может быть, удастся спасти и индийского тигра,— во всяком случае, индийские зоологи прилагают для этого много усилий. К сожалению, существуют браконьеры. Чем меньше остается зверей, тем выше становятся цены на шкуру. Ради денег люди идут на преступления. Имеющий деньги преступление поощряет.

Чтобы как-то бороться с истреблением тигров, правительства США и Англии запретили ввоз в эти стра-

ны тигровых шкур. Но, как свидетельствует американский ученый Д. Эрнфелд, до сих пор можно увидеть в Соединенных Штатах шкуры убитых недавно тигров.

Кто-то очень метко назвал тигров полосатым совершенством. Да, кажется, в тигре все совершенно: колоссальная сила сочетается с грацией и изяществом, осторожность с отчаянной храбростью, хитрость с эдаким звериным благородством. (Недаром же знаменитый охотник и натуралист Джим Корбетт назвал тигра «джентльменом джунглей».) К тому же тигр — «интеллектуал»: он обладает какой-то удивительной интуицией, он способен ориентироваться в сложной обстановке и мгновенно оценивать ситуацию.

Огромный, весящий почти три центнера (а есть и гораздо крупнее), трехметровый зверь может совершать прыжки метров на десять, может подолгу неподвижно лежать в засаде, поджидая добычу, почти совершенно бесшумно ползти в траве или пробираться сквозь непролазную чащу. Это хищник ловкий и могучий, удачливый и прожорливый. Но он еще и гурман: тигр презрительно относится к лежалому и мороженому мясу. Он предпочитает по многу дней голодать, если охота окажется неудачной, но редко может унизиться до поедания падали или ловли грызунов. К охоте тигр относится очень серьезно. Например, лев перед охотой не наводит туалета, ему совершенно безразлично, почувствуют звери его запах или нет. Тигр же к охоте готовится тщательно: зимой подолгу катается на снегу, стараясь уничтожить специфический запах, летом моется в реке. Свой охотничий участок тигр охраняет не только от сородичей, но и от других хищников. Особенно не терпит он волков. Допускается на участок только тигрица и появляющиеся весной тигрята.

Отец в воспитании потомства участия не принимает, но относится к малышам снисходительно. К двум месяцам тигрята уже начинают переходить на мясную пищу, хотя и продолжают сосать молоко. Этот мясо-молочный рацион длится месяцев шесть, но и перестав сосать материнское молоко, тигрята еще долго — года полтора — будут ходить рядом с матерью, обучаясь у нее охотничьим премудростям.

Пока тигрята маленькие, к их матери лучше не приближаться, а потом. . . Вот мы и подошли к вопросу, насколько опасен тигр для человека и какой вред приносит он, нападая на домашних животных.

Невозможно отрицать, что в прошлом тигры были опасны для людей. Убедительных примеров тому достаточно. Но нельзя не учитывать целый ряд обстоятельств, в силу которых тигры делались людоедами. Как установили индийские зоологи, людоедами тигры становятся либо в результате уничтожения лесов, что лишает хищников их охотничьих угодий и заставляет искать пропитание любым способом, либо людоедами делаются покалеченные тигры.

Немалую роль в распространении легенд о преследовании тигром людей сыграла и их манера следить за человеком — тигры могут долго ходить за людьми по пятам из чистого любопытства. Конечно, обнаружив за собой слежку хищника, человек приходил в ужас. Однако еще никто никогда не мог заявить, что тигр хотя бы делал попытку напасть. Мало того — когда люди избавились от угнездившегося в душах страха перед этими хищниками, то стали обращать внимание на множество

эпизодов, подчеркивающих не агрессивность, а миролюбие тигров. То в одном месте произошла встреча с этими животными и тигр уклонился от нее; то в другом месте появились следы тигра рядом со следами человека, а сам тигр не показывался; то тигры выходят на автомагистрали, с любопытством наблюдая за машинами; то, сталкиваясь нос с носом с людьми, уступают им дорогу. Опытные охотники рассказывают, что тигры вообще, почувствовав запах человека, стараются уйти подальше и спрятаться. Советский зоолог, крупный знаток тигров, С. Кучеренко делает еще более определенные выводы: «Человек для амурского тигра неприкосновенен». (Правда, если рядом с человеком собака, тигр теряет всякую осторожность и бросается на пса: кошачья натура, видимо, сказывается.)

Похожие выводы делает и в отношении индийского тигра Д. Корбетт. Он справедливо замечает, что тысячи людей не могли бы работать в джунглях, где тигров в свое время было предостаточно, если бы они часто нападали на человека.

Теперь о нападении на домашний скот. В прошлом, видимо, такое происходило нередко. Но нападали в основном старые и больные хищники, которым становилось трудно охотиться на диких животных. Сейчас тигров вообще стало так мало, что, как сообщает С. Кучеренко, отбившаяся от стада корова часто по многу дней пасется в тайге на охотничьем участке тигра и остается в целости и сохранности.

Конечно, нелепо было бы отрицать хищный нрав тигра, преуменьшать опасность встречи с некоторыми из них. Но так же нелепо наделять тигра несвойственными ему дьявольскими чертами и еще более нелепо из-за этого уничтожать его. Сейчас эти звери взяты под охрану, они должны быть сохранены на Земле, ибо тигр «как памятник природы имеет огромную научную ценность, которая с каждым годом увеличивается», — пишет советский ученый А. А. Слудский.

Сто с лишним лет назад Альфред Брем, говоря о сильно размножившихся в Африке обезьянах бабуинах, наносящих серьезный вред полям, сделал вывод, что между массовым размножением обезьян и уничтожением в тех местах леопардов имеется прямая связь. Тогда это утверждение казалось странным и далеко не всеми было понято. Уже в наше время Д. Хантер — сначала знаменитый охотник и истребитель хищных животных, затем не менее знаменитый защитник их — писал: «В дни моей молодости мы придерживались того взгляда, что леопард хорош только в виде шкуры, вытянутой для просушки, но теперь мы обнаружили, что леопард играл немалую роль в поддержании равновесия в природе. Леопарды, оказывается, убивали каждый год тысячи бабуинов, а теперь, когда леопарда почти полностью уничтожили, бабуины стали... довольно серьезной проблемой».

Бабуин, конечно, не единственная пища леопардов — многие животные, в том числе и крупные копытные, становятся его добычей.

В Европе давно «знали» этого хищника. Но слово «знали» можно написать только в кавычках: долгое время считали, что леопард — помесь льва с пантерой. (Хотя пантера — это и есть леопард, только черной окраски.) Относительно его нрава еще в средние века крупнейший ученый того времени К. Геснер

писал: «Лев очень похож на храброго, откровенного и честного мужчину, леопард же на хитрую, злую и коварную женщину». Кроме того, леопард «с особой подлостью терзает животных и проливает их кровь... Он чрезвычайно охотно пьет вино и напивается допьяна... Леопард до такой степени ненавидит людей, что разрывает даже нарисованное красками изображение человека». Единственно, кого боится леопард, говорит Геснер вслед за Плинием, это гиену. Даже мертвую: «Если вешают рядом шкуры гиены и леопарда, то из шкуры леопарда от страха выпадают волосы».

Леопард стал редким сравнительно недавно: в начале нынешнего века из Азии и Африки поступало в Европу и Америку по 10—11 тысяч шкур леопардов в год. В середине нашего века мех леопарда стал очень модным, и добыча этих зверей увеличилась в 10 раз. Только в Китае ежегодно заготавливали до 20 тысяч шкур. Из Африки нелегальным путем ежегодно вывозилось до 50 тысяч шкур. А сколько уничтожалось вообще? А сколько зверей убивалось для того, чтобы продать кости и различные органы китайским медикам и фармацевтам, изготовляющим из них лекарства?

Леопард меньше льва и тигра. Однако хищник более активный. В отличие от льва и тигра, зверь этот хорошо лазает по деревьям, прыгает с них на свою жертву и добычу утаскивает на деревья, пряча ее там от шакалов и гиен. Леопард чаще, чем тигр или лев, нападал на домашних животных, если охота на диких была неудачна. Леопарды-людоеды — исключение, но если уж они становились людоедами, то очень опасными: например, в начале нашего века два леопарда в штате Кумаоне в Индии убили пятьсот двадцать пять человек. Жители стран, где водятся леопарды, боятся их больше, чем других хищников. Опасаются их и охотники, так как леопард нападает неожиданно, прыгая с дерева.

Однако все это в прошлом. «Новых достоверных сведений о неспровоцированных нападениях леопарда на людей на Кавказе нет... Достоверных сведений о нападении леопардов на людей в Средней Азии нет. Нет их и для Дальнего Востока... Так обстоит дело с вопросом о «людоедстве» леопардов в нашей стране», — писал профессор Г. П. Дементьев.

Очевидно, вопрос о «людоедстве» леопардов в других странах тоже снят с повестки дня. Не случайно во многих странах этот зверь взят под охрану, а кое-где проводится работа по его реакклиматизации.

У леопарда есть и второе имя — пантера, точнее, черная пантера. Это не какое-то особое животное, а обыкновенный леопард, только черного цвета. (В одном выводке могут быть и пятнистые и черные детеныши.) Называют леопарда и барсом.

Ирбиса тоже называют барсом. Но барсом снежным. Это очень красивый зверь с дымчато-серой, покрытой черными пятнами шкурой. Мех у него пушистый, плотный и теплый. Свое название — снежный барс — он получил за то, что живет высоко в горах, поднимаясь летом до самой снеговой кромки гор. Зимой спускается пониже, следуя за дикими копытными животными, рядом с которым живет постоянно и на которых охотится. Но в то же время это исключительно горный зверь.

Ирбис не очень любит мясо домашних животных. Хотя иногда, ког-

да сильно голоден, нападает и на домашних. Но это бывает в крайних случаях. Как правило, когда на горные пастбища приходят пастухи со своими стадами или отарами и вытесняют диких животных, с ними уходит и ирбис. Снежный барс избегает человека и никогда на него не нападает. Исключительные случаи столкновения снежного барса с человеком были зафиксированы лишь тогда, когда человек покушался на детенышей барса: тут уж мать не останавливалась ни перед чем. Ирбисы вообще хорошие родители. Мамаша не только выкармливает, обучает, защищает потомство — логово свое она утепляет собственной шерстью, нещадно вырывая ее со своего брюха. Будто понимает: в горах холодно, а барсята голенькие и беспомощные.

Ирбисы живут парами и потомство воспитывают вместе. Барсята растут быстро, скоро начинают бегать за родителями. Вместе с ними принимают солнечные ванны, до которых ирбисы большие охотники. Всей семьей катаются с горок.

Из-за теплого красивого меха ирбисов почти полностью истребили. Сейчас это крайне редкий зверь. В природе его встретить очень трудно. В зоопарках мира ирбисов тоже очень мало. Жизнь этих зверей еще плохо изучена.

А вот еще один представитель кошачьих... Хотя его можно принять и за собаку. Однако и в кошачьем звании отказать трудно. В общем, какой-то гибрид. Ноги длинные, туловище укороченное. Это как у собак. Следы кошачьи, но когти на ногах как у собак — не втяжные. Сидят эти звери, как собаки, а лазают по деревьям, как кошки. Окраска шерсти пятнистая — кошачья, сама же шерсть, как у гладкошерстных собак. Зверь резковат по-собачьи и чистоплотен, как кошка. Мурлычет, как кошка, однако болеет собачьими болезнями. В общем, парадоксальное животное. Имя ему — гепард. И знаменит он, кроме всего прочего, тем, что испокон веков преданно и честно служил человеку. И в далеком и в сравнительно недалеком прошлом гепард был отличным помощником человека на охоте.

Когда люди стали использовать гепарда на охоте, сказать трудно. Но, видимо, очень давно: известно, что три с половиной тысячелетия назад он уже служил людям. На территории теперешней Сирии и Ирана, Ирака и Иордании, Афганистана и Туркестана, в Индии, в Китае много сотен лет назад гепард был обычным и непременным участником охотничьих забав. Особенно популярна охота с гепардами была в Индии, где она процветала много веков. И еще в середине XVII столетия там устраивались грандиозные охоты, в которых принимали участие до тысячи гепардов.

В Европе этот зверь тоже был известен издавна: во всяком случае, уже в V веке византийский император Анастасий охотился с гепардом, привезенным из Индии. Во Франции широко охотиться с гепардами начали в XI веке. Примерно тогда же или чуть позже такая охота стала модной и в Италии. Гепард был так популярен в Европе, что часто изображался на фресках, гобеленах, картинах. Он неоднократно упоминается в литературных произведениях того времени.

Широко распространена была охота с гепардами и на Руси (здесь этот зверь назывался пардусом). Видимо, он был у нас так популярен, что заслужил честь быть изображен-

ным на Софийском соборе в Киеве. О нем часто упоминают в летописях.

С гепардами охотились монголы. Процветала такая охота и в Закавказье, и в Средней Азии, и в Казахстане.

Гепарды не только легко приручались — они верно служили своим хозяевам и очень привязывались к ним: спокойно ходили на поводках и, даже разыгравшись, никогда не наносили человеку пустяковой царапины. Но почему-то так случилось, что гепарда стали считать опасным хищником. И начали истреблять при каждом удобном случае. С приходом в Индию англичан на гепардов стали организовывать «спортивные» охоты — загоняли зверей на быстрых лошадях и убивали кольями.

Правда, в 1932 году в Индии был принят закон, запрещающий убивать гепардов. Но спохватились слишком поздно: последнего гепарда здесь убили за два года до принятия закона. Вскоре гепарды исчезли и в других странах. А там, где еще сохранились, стали очень редкими и встречаются только в заповедниках и национальных парках.

Может возникнуть вопрос: почему именно гепарда человек использовал на охоте? Ведь помогать человеку на охоте — дело собак, а не кошек. Но, во-первых, вспомним: когда-то в Древнем Египте кошки отлично выполняли обязанности охотничьих собак. Во-вторых, мы уже говорили, что гепард — кошка необычная: кроме кошачьих черт, у него есть и собачьи, в том числе и способность привязываться к человеку как собака. Наконец, у гепарда есть еще одна особенность. Считают, что это одно из самых быстроногих животных: советский ученый А. Слудский пишет, что гепард может развивать скорость до 115 километров в час. Правда, такую скорость гепард может удержать лишь несколько минут — он не стайер, а спринтер. Но обычно долго бежать гепарду не надо — он неслышно подползает к пасущемуся стаду на подходящее расстояние, безошибочно выбирает самое слабое животное (больше шансов на успех) и лишь тогда делает рывок. Промахи очень редки. Но если они случаются, гепард не преследует свою жертву, а не торопясь отправляется по своему многокилометровому охотничьему участку — ведь где-нибудь да попадется ему небольшая газель или еще какое-нибудь небольшое животное. Сам гепард зверь довольно крупный: почти полтора метра в длину, сантиметров 85—90 в высоту. Но все-таки он недостаточно силен, чтобы нападать на зебр или гну.

Пообедав, гепард тут же ложится отдыхать. Если гепарды живут парами, то охотятся вместе и вместе отдыхают. Если же где-нибудь в зарослях или в подходящем углублении в земле у самки в это время уже появились крошечные пушистые котята, которых она, счастливо мурлыкая, все время вылизывает, — самцу не до отдыха: захватив кусок мяса побольше, он несет его подруге. А то и всему семейству: гепардики, еще продолжая сосать молоко, уже начинают пробовать мясо. Случается, что отец не находит свое семейство там, где оставил. Но это не испугает гепарда: значит, самка перебралась куда-нибудь неподалеку, на другую «квартиру» — туда, где безопаснее и чище.

Месяцев в пять юные гепарды начнут выходить на охоту вместе с родителями. Вначале будут только присматриваться, ну а потом уж са-

ми станут добывать себе пропитание. Окончательно повзрослеют они лишь к трем годам. Если, конечно, уцелеют. А уцелеть у них не очень уж много шансов.

В 1960 году на всем земном шаре жило примерно 50 тысяч гепардов — цифра солидная, и о судьбе этих животных вроде бы беспокоиться не следовало. Но прошло пятнадцать лет, и численность гепардов уменьшилась вдвое. Сейчас она продолжает снижаться и, по мнению американского ученого Н. Майерса, в ближайшее десятилетие число этих хищников снова уменьшится вдвое, то есть их останется немногим более десяти тысяч. Нетрудно сообразить, что если гепарды будут исчезать даже с такой быстротой, то через два-три десятилетия они станут ископаемыми зверями. А ведь количество гепардов будет сокращаться с каждым годом все быстрее. Основных причин исчезновения гепардов две: распашка саванн, то есть исчезновение исконных мест обитания этих зверей, и уничтожение гепардов скотоводами. И хоть гепарды наносят скотоводству меньший вред, чем львы, леопарды или гиены, их уничтожают гораздо активнее и гораздо чаще, так как эти хищники охотятся днем.

Таковы некоторые хищные кошки. Такова печальная судьба многих из них.

СЛОНОВАЯ КОСТЬ И КУПАНИЕ В КРОВИ НОСОРОГА

Лет сто назад в Одессе из цирка сбежал слон. Возвращаться в цирк он не хотел ни за что. И тогда его окружили солдаты и расстреляли. По этому поводу говорили всякое. Одни утверждали, что слон взбесился, другие уверяли, что в цирке к нему плохо относились, мучили и слон удрал с отчаяния. Говорили еще (и это похоже на правду), что слон был вполне мирный и вполне в здравом уме. А владельцы цирка устроили все это представление для рекламы. Слона они не жалели: он был старый и уже не годился для работы.

Так или иначе, но об этом происшествии еще долго писали не только в Одессе, но и далеко за ее пределами. Большинство людей жалели слона. Но не знали эти сердобольные люди, что в то же время в Африке ежедневно убивают примерно полтораста таких же добрых и сильных великанов. Пятьдесят тысяч слонов в год — такова официальная цифра убитых слонов во второй половине XIX века. Фактически же слонов убивали едва ли не в два раза больше. Убивали главным образом из-за клыков — так называемой слоновой кости.

Слоновую кость умели ценить уже древние греки и римляне: в «Илиаде» рассказывается, что кони троянцев были украшены изделиями из слоновой кости, ею же были украшены дворцы Одиссея и Менелая. Некоторые статуи (они даже назывались хризоэлефантными) делались из золота и слоновой кости.

Богатые римляне кичились тем, что использовали слоновую кость для различных поделок. «Делать ножки стола из серебра, — издевался над спесивыми богачами римский поэт-сатирик Ювенал, живший в I веке, — считается теперь вульгарным. Их надо делать из слоновой кости. Того требует зазнайство нынешних богатеев».

Уже по одному этому можно судить, что охота на слонов велась очень давно. Причем велась актив-

ню. И тем не менее в книге «Дневник путешествия по Кене» некий Майнерцхаузен писал, что в 1903 году видел огромные стада слонов. Правда, это было и тогда уже явлением довольно редким: уже гремели выстрелы, тысячи ловчих ям чернели на африканской земле и десятки тысяч могучих животных ежегодно умирали мучительной смертью на кольях в этих ямах. А потребность в слоновой кости продолжала расти, и огромные стада слонов редели, исчезали, потому что прирост не покрывал выбитых людьми животных.

Спрос на слоновую кость не падает и теперь. Например, в середине нашего века только в Англии ежегодно продавалось около трех тысяч килограммов слоновой кости. А ведь слоновую кость покупают не только англичане.

И тем не менее почему-то появилось мнение, что сейчас слонам не угрожает опасность исчезновения с лица Земли: они взяты под охрану, и теперь в национальных парках Африки живет около миллиона слонов. Но вот Дэвид Шендрик, главный егерь национального парка Цаво, находящегося в Кении, подсчитал, что только в 1974 году и только в одной части этого парка браконьеры убили около 1000 слонов. В Цаво живет 14 тысяч слонов, и, если браконьерство будет продолжаться в таких же масштабах, слоны в этом парке могут исчезнуть очень скоро.

В Кении, как заявил один из членов парламента, развито официальное браконьерство: чиновники за взятки разрешают убивать слонов и тайно вывозить из страны слоновую кость. Так, по официальным данным, в Гонконг в 1975 году было вывезено 107 тонн слоновой кости, а фактически 461. (Для этого надо было уничтожить не менее 40 тысяч слонов.) В 1976 году — уже 710 тонн слоновой кости, для добычи которой надо было убить около 70 тысяч слонов. В Японию, по официальным данным, ввезено 7 тонн, а на самом деле — 147. В 1976 году лишь в одном парке в Кении уничтожено 16 тысяч слонов.

В Уганде дела обстоят еще хуже: в 1975 году в национальном парке Кабальта было 14 тысяч слонов. В 1976 году их осталось 2,5 тысячи.

И до сих пор, несмотря на специальную конвенцию, подписанную в 1973 году 53 странами, ежегодно уничтожается 60—70 тысяч слонов. Это по официальным данным. Фактически же — гораздо больше: ученые считают, что после подписания конвенции незаконная добыча слоновой кости увеличилась вдвое.

Есть и другие проблемы. Например, перенаселение слонов. Нередко в национальных парках на сравнительно небольших площадях скапливается слишком много этих животных, и они начинают гибнуть от голода. Правда, тут ученые столкнулись с удивительным и ранее не известным явлением — саморегуляцией слонов. Обычно слоны могут рожать детенышей, достигнув 11—15 лет, а при перенаселении лишь в 18—20. Обычно самки приносят потомство каждые 3—4 года, а при перенаселении лишь через 6—9 лет. Увеличивается гибель молодняка и самок в результате сердечно-сосудистых заболеваний. Но саморегуляция происходит довольно медленно. Правда, перенаселение слонов — явление не такое уж частое. К тому же зоологи следят за этим и вовремя принимают необходимые меры. Гораздо страшнее браконьерство.

А браконьерство развивается очень быстро. По данным англий-

ского зоолога Яна Дугласа Гамильтона, только в 1976 году в общей сложности было истреблено 400 тысяч африканских слонов. И не удивительно: ведь цены за последние 10 лет на слоновую кость увеличились в 10 раз. Кроме того, туристы охотно покупают корзины для бумаг, сделанные из ног слонов. Из одного слона получается четыре корзины для мусора!

А из ног носорогов делают пепельницы, которые тоже пользуются большим спросом. Правда, носорогов убивают не ради того, чтобы делать пепельницы — это «побочный продукт». Носороги, пожалуй, самые крупные на земле жертвы предрассудков.

Сейчас осталось 13—16 тысяч носорогов в Африке и около тысячи в Азии.

А ведь еще в 1876 году в Индии за уничтожение носорогов давали награду. Совсем недавно, в 20-х годах нашего столетия, француз Каннон охотился в Африке на слонов и попутно «постреливал» носорогов. И вот так, между прочим, он убил 350 животных.

Англичанин Хантер охотился на носорогов специально по заданию правительства Кении. И за два года (1947—1948) убил восемьсот носорогов. Всего же на его счету 1600 этих животных.

Однако все это, видимо, пустяки по сравнению с тем, сколько носорогов было уничтожено людьми, продававшими носорожьи рога.

Издавна в странах Востока существовало (а кое-где существует и сейчас) поверье, будто носорожий рог обладает чудодейственной силой. Во-первых, кубок, сделанный из этого рога, якобы спасает своего владельца от яда: отравленная жидкость в этом кубке обязательно вспенится (по другой версии, кубок треснет). Во-вторых, порошки, изготовленные из рога, якобы излечивают от многих болезней и возвращают молодость. Надо ли говорить, сколько людей боялось быть отравленными, сколько жаждало лечиться или стать снова молодыми! И до сих пор в Бирме, Японии, Сингапуре, Гонконге рог носорога ценится выше золота: за одну унцию (31 с небольшим грамм) платят сотни долларов. Поэтому, несмотря на запреты, браконьеры продолжают свое черное дело.

Азиатская медицина считает, что кожа и кости, внутренности и жир носорога — все годится для изготовления снадобий, излечивающих от недугов. Но после рога особенно ценится кровь этого животного: она, кроме того, что излечивает от болезней, делает человека сильным и смелым. Считается, что очень помогает выпитая кровь, но особенно — купание в крови носорога.

В Азии носорогов почти не осталось. Однако азиатские фармацевты по-прежнему нуждаются в «сырье» и получают его (через браконьеров, конечно) из Африки, хотя в национальных парках, где живут еще оставшиеся носороги, их тщательно охраняют.

Носорогов хорошо знали еще древние римляне. Знаменитый римский историк и популяризатор науки Плиний писал, что первых носорогов привезли в Рим в 61 году до н. э. Уже в те времена было известно о торговле рогами носорогов, но римлян интересовали не рога, а сами носороги. «На обширной арене, о Цезарь, носорог выигрывает в честь тебя такие бои, что этого нельзя было и предвидеть. Как свирепствует чудовище, распаляясь в страшной ярости! Как силен его

рог, на котором он подбрасывает быка словно мяч!» — писал римский поэт Марциал.

После падения Рима в Европе о носорогах забыли. Причем настолько прочно, что когда в XIII веке Марко Поло, вернувшись из своего знаменитого путешествия, рассказывал про носорогов, ему не верили. Лишь в XVI веке европейцы снова познакомились с носорогом.

В 1513 году португальский король получил из Индии носорога. Зверь этот произвел сенсацию. Знаменитый немецкий художник Альбрехт Дюрер нарисовал носорога, и на долгие времена его картина стала наглядным пособием. По этой картине европейцы могли представить себе, как выглядит носорог. Теперь носороги запечатлены на многочисленных картинах, фотографиях, сняты на кинопленку. Но самих носорогов становится все меньше и меньше. И может так случиться, что современные картины и фотографии станут наглядными пособиями для людей будущего. По ним люди представят себе, как выглядели носороги, жившие когда-то (то есть еще в XX веке) на нашей планете!

Носороги — не единственные жертвы «медицинских предрассудков»: немало зверей было погублено ради изготовления различных эликсиров и снадобий. Истребление животных ради этого продолжается и сейчас. Причем нередко жертвами предрассудков становятся редчайшие животные. Такие, например, как сомалийский дикий осел, численность которого едва превышает 200 голов. Но так как, по поверьям, жир его излечивает от туберкулеза, на сомалийского осла продолжают охотиться.

О тиграх мы уже говорили.

Бурая гиена, обитающая в Марокко и насчитывающая не более 500 особей, считается священной. Тем не менее гиен уничтожают, так как колдуны используют волосы ее гривы для своих обрядов, а мозгом гиены они лечат больных.

Не известно, сколько осталось в Южной Америке гигантских броненосцев, но, безусловно, немного. Однако это не смущает тех, кто верит в магическую силу броненосца и старается убить его, чтобы сделать из когтей амулеты.

И список этот можно было бы продолжить.

РОДСТВЕННИКИ ПРОСЯТ ПОЩАДЫ

Орангутан в переводе с малайского значит «лесной человек». Эти великолепные человекообразные обезьяны живут лишь на двух островах земного шара — на Суматре и Калимантане. Там наблюдал их замечательный натуралист и зоогеограф Альфред Уоллес. И в своей книге «В стране орангутана и райской птицы» он, сам того не подозревая, перечислил причины, по которым этим обезьянам грозит полное вымирание в течение ближайшего столетия. «Весьма примечательно, — писал Уоллес, — что столь крупные, своеобразные и высоко развитые животные, как орангутан, имеют столь ограниченную область распространения — всего два острова... В настоящее время мне представляется вероятным, что необходимым условием комфортабельного существования этих животных являются значительные массивы сплошных, а равным образом высокорослых девственных лесов». Таким образом, Уоллес подчеркнул и географическую ограниченность орангутанов (два острова), и специ-

фику экологических требований (массивы высоких девственных лесов). А таких лесов на Суматре и Калимантане остается все меньше и меньше, — значит, все меньше и меньше мест обитания остается для орангов.

С начала XIX века по различным причинам — под предлогом спасения местных жителей от опасностей, необходимости анатомических исследований, для музейных экспонатов, просто ради спортивного интереса начался массовый отстрел обезьян. А в конце века — массовый отлов этих животных. Впрочем, отлавливали орангов издавна. Еще с древних времен повелось: каждый уважающий себя раджа на индонезийских островах для престижа держал при своем дворе несколько десятков «лесных людей» (на цепях, конечно). Взрослого оранга пленить трудно, а заставить жить в неволе невозможно. Поэтому охотники выслеживали самку с детенышами и, убив мать, забирали обезьянок. А так как орангутан в неволе быстро погибает, то у охотников постоянно была работа.

Однако это не очень сильно влияло на количество орангутанов, и, очевидно, даже во времена Уоллеса их было еще немало. Но вот прошло сто лет (книга Уоллеса вышла в 1869 году), и количество орангутанов катастрофически сократилось: в 1966 году в лесах Суматры и Калимантана насчитывалось всего 4—5 тысяч обезьян.

И в том же 1966 году известная исследовательница человекообразных обезьян Барбара Харрисон опубликовала любопытные данные. Оказывается, несмотря на запрещение ловить орангутанов, несмотря на категорическое запрещение правительства Индонезии убивать самок, охота на этих обезьян продолжается. В 1966 году в зоопарках мира имелось примерно 250 орангутанов. Через пять лет — в 1971 году — их уже было 459 (пятеро родились в неволе, остальные доставлены из джунглей). Надо полагать, что эти 454 обезьяны появились в клетках после публикации Харрисон своих данных: обезьяны, жившие в зоопарках в 1966 году, к 1971 году все погибли — в неволе обезьяны живут максимум 3,5—4 года. (А на воле до 30 лет!)

Таким образом, в зоопарки поставляют в среднем по 90 обезьян в год. Но это номинально. Фактически из отловленных обезьян выживает лишь половина. (А по данным Д. Эрнфелда — 1 из 6.) Значит, чтобы доставить в зоопарк девяносто обезьян, надо было поймать по меньшей мере 180, а может быть, и все 500. (За 5 лет — с 1966 по 1971 год это составляло минимум 800, максимум 2500.)

Но это еще не все: как правило, в зоопарки привозят молодых обезьян, отобрать у живой матери детеныша, который при рождении, кстати, весит всего 1,5 килограмма (самка примерно 78 килограммов), практически невозможно: мать будет защищать детеныша до последнего дыхания. Поэтому самку убивают, чтобы завладеть детенышем. Но кто может поручиться, что охота всегда происходит «удачно» — самка убита и детеныш схвачен? Ведь живут оранги на вершинах деревьев, и часто охотник только ранит животное. Оно уходит в джунгли, там умирает, а вместе с ним погибает и детеныш. Охотники же отправляются на новые поиски. И опять может быть неудача. Может быть ранен или убит детеныш, он может разбиться, падая с дерева вместе с убитой ма-

терью. И начинается погоня за новой жертвой. Сколько их? Кто подсчитает? А при этом надо еще помнить: оранги растут медленно, окончательно взрослеют лишь к 10 годам (до 4-х лет они вообще не покидают родительниц). Поэтому за всю свою жизнь орангутан, как считает Харрисон, может родить всего 4—5 детенышей.

Однако охотники гоняются не только за малышами — если им встретится взрослая обезьяна — постараются поймать и ее (особенно неразборчивы ловцы обезьян стали в последнее время, когда орангов осталось мало, — тут уж не до выбора!).

Взрослых орангов обычно подкарауливают и ловят на земле — на земле они неуклюжи и беспомощны. Но так как эти обезьяны не очень часто спускаются на землю, охотники выработали свою методику ловли орангов.

Увидав обезьяну на дереве, часть ловцов всячески препятствует тому, чтобы она перебралась на соседнее дерево, в то время как другая часть ловцов обрубает на дереве, где сидит обезьяна, все сучья и ветки, как бы изолируя его от остальных. И обезьяна уже не может никуда перебраться. Затем начинается ожидание. Оно может длиться довольно долго, но рано или поздно измученная голодом и жаждой обезьяна вынуждена будет спуститься на землю.

Барбара Харрисон и Бернгард Гржимек сделали все, чтоб привлечь внимание к судьбе орангов. Они добились многого. Благодаря им правительства Малайзии и Индонезии запретили ловлю орангов и вывоз их за пределы страны. Не без их влияния (и, естественно, влияния мирового общественного мнения) директора крупных зоопарков мира подписали конвенцию, по которой обязуются не приобретать орангутанов, вывезенных контрабандным путем. К сожалению, существует еще немало частных зоопарков и зверинцев, владельцы которых безо всякого угрызения совести скупают контрабандных животных, и в частности — орангов: ведь они — прекрасная приманка для посетителей, а судьба редких животных владельцев этих зоопарков не волнует.

Но не только для зоопарков отлавливают орангов — еще до сих пор у богатых индонезийцев считается престижным держать в своих домах на цепях этих «лесных людей».

Индонезийская служба охраны природы уже много лет занимается конфискацией содержащихся в неволе у частных лиц орангов, пытается вести борьбу с браконьерами. И хотя результаты этой борьбы пока весьма скромные, они все-таки вселяют надежду, что оранги на Земле сохранятся.

Опасение вызывает судьба не только орангутанов, но и других человекообразных обезьян. И в частности — горилл. О судьбе горных горилл, численность которых составляет сейчас две-три сотни, мы поговорим отдельно. Но и судьба равнинных горилл тревожит ученых. И хотя этих обезьян сейчас, по приблизительным подсчетам, тысяч 10—15 (по сравнению с некоторыми другими редкими животными это не так уж и мало), беспокоиться за них есть все основания. Дело в том, что этих обезьян активно уничтожают потому, что считают горилл опасными вредителями (гориллы действительно иногда нападают на банановые плантации). Сплошная вырубка влажно-тропических лесов,

где обитают гориллы, также значительно сокращает их численность.

Орангутан и горилла — далеко не единственные обезьяны, нуждающиеся в защите и спасении: из почти 200 видов приматов, живущих сейчас на Земле, 54 находятся под угрозой полного исчезновения. Среди них такие, например, обезьянки, как миниатюрные львиные тамарины, которых осталось в джунглях Бразилии не более 600 особей, некоторые виды лемуров тоже стали чрезвычайно редкими и представляют огромный интерес для науки (например, широконосый кроткий лемур и мангустовый лемур).

Среди редчайших представителей приматов, нуждающихся в охране, едва ли не самая редкая сейчас обезьяна (точнее, как и лемуры — полуобезьяна) ай-ай, или руконожка. (Иногда ее называют в специальной литературе айе-айе.)

Открыл ее в 1780 году на Мадагаскаре путешественник П. Соннера. Может быть, потому, что этот зверек ведет исключительно ночной образ жизни, а может быть, потому, что уже тогда он стал достаточно редким, местные жители, которым Соннера показал его, были очень удивлены. Свое удивление они выражали громкими криками «ай-ай», и Соннера так и назвал это животное. Однако ай-ай удивила не только мадагаскарцев, но и европейских ученых, не знавших, куда отнести этого зверька. Более трех четвертей века спорили они, пока не было доказано, что ай-ай — примат. А до этого она числилась в грызунах.

Сейчас, как полагают, руконожек на земном шаре осталось не более полусотни экземпляров.

Редкими стали и крошечные обезьянки мармозетки, и некоторые виды мартышек.

Однако и те виды, которые сегодня еще благополучны, которым как будто бы еще не грозит исчезновение с лица Земли, могут в любой момент стать редкими животными.

С каждым годом увеличивается потребность медицины в экспериментальных животных. Лабораторные мыши, хомячки, морские свинки, кролики, кошки и собаки уже далеко не всегда удовлетворяют потребности науки. Нужны аналоги человека — приматы. Медики всего мира заняты важнейшим и благороднейшим делом — спасают жизнь и здоровье людей. Но при этом часто не думают о лабораторных двойниках человека, небрежно обращаются с обезьянами. Об этом много говорилось на специальных научных конференциях, которые были проведены в США в 1970 и 1976 годах. А недавно на одной из конференций, посвященных охране животных, приводился случай, когда американские медики без особой на то нужды погубили в короткий срок большое количество обезьян, в основном высших. А ведь ежегодно в США поступает более 200 тысяч обезьян, отловленных в природе (без учета гибели при отлове и перевозке). «Использование диких приматов в медицинских исследованиях в настоящее время угрожает существованию различных обезьян, в том числе человекообразных, в частности шимпанзе, общая численность которых достигает 250 тысяч», — пишет Д. Эрнфелд. (Советский ученый Э. Фридман считает, что общее число шимпанзе гораздо меньше, примерно 50 тысяч.) Тем не менее ежегодно отлавливается примерно 6 тысяч этих обезьян. (Вывоз на экспорт одной обезьяны сопровождается гибелью 4—6.)

Надо, правда, отметить, что в ряде стран низших обезьян еще очень много. И в некоторых случаях они наносят значительный вред сельскому хозяйству. В Индии этот вред исчисляется многими миллионами рупий. Армия обезьян нередко даже атакует индийскую столицу, и правительство вынуждено объявлять награду за уничтожение обезьян. (Хотя из-за религиозного почитания этого животного в Индии такое мероприятие успеха не имеет.) Тем не менее общее количество и низших обезьян на Земле неуклонно уменьшается. Огромную роль тут играет хищнический отлов. За восемь лет (с 1960 по 1968 год) только из Индии и только макак было вывезено более 2 миллионов. Из Уганды в 60-х годах, по данным Э. Фридмана, ежегодно вывозилось по 4 тысячи зеленых мартышек. Только в 1961 году и только через аэропорт Аддис-Абеба прошло 26 тысяч довольно редких обезьян колобусов. Из Перу ежегодно вывозится 40 тысяч обезьян. Это учтенные, живые. Но, по данным Международного союза охраны природы, в пути гибнет в 4—5 раз больше. К этому следует добавить, что в некоторых странах мясо обезьян, как пишет Д. Даррелл, — один из основных продуктов питания. Некоторых обезьян в больших количествах истребляют ради их меха.

Список истребленных животных очень большой: по данным Международного союза охраны природы (МСОП), за 350 лет уничтожено, стерто с лица Земли, перестало существовать 63 вида и 55 подвидов млекопитающих. Ученые объясняют уменьшение количества животных вообще и исчезновение многих видов, в частности, рядом причин: сведением лесов и распашкой степей, уничтожением естественных мест обитания диких животных, загрязнением воды и воздуха.

Конечно, это так: полное или частичное разрушение (так называемая деградация) мест обитания животных — один из наиболее существенных факторов для всех наших соседей по планете, а для млекопитающих — в особенности: именно из-за сведения лесов, распашки степей, уничтожения водоемов 153 вида млекопитающих (не считая подвидов) находятся в угрожающем состоянии.

Второй, не менее важный фактор — чрезмерная добыча. В прошлом это была самая главная причина исчезновения животных. По данным МСОП, в недалеком прошлом в результате хозяйственной деятельности человека исчезло лишь 19 процентов видов животных, а в результате охоты на них — 33 процента. Редкими в результате человеческой деятельности стало лишь 29 процентов видов млекопитающих, а в результате охоты — 43 процента.

Однако и сейчас охота, или, как правильнее было бы говорить, чрезмерная добыча, является очень важной причиной сокращения млекопитающих на Земле: 121 вид находится в угрожающем положении из-за охоты на них. Особенно это относится к обезьянам (в опасности все человекообразные, 8 видов узконосых Азии и Африки, 9 видов американских широконосых обезьян), к копытным (на грани исчезновения 19 видов полорогих и 10 видов оленей), к хищникам.

Американский ученый О. С. Оуэн пишет по этому поводу, что только в США и только в 1960 году на оружие и спортивную амуницию охотников было затрачено 300 млн. долларов. А в промышленности, произ-

водящей охотничье оружие, занято более 20 тысяч человек. Стоит ли удивляться, что список животных, становящихся редкими, растет. Например, оцелот еще сравнительно недавно был распространенным зверем, в 1967 году за убийство оцелота выдавали премию. В том же 1967 году через таможню США прошло свыше 115 тысяч шкур этого зверя. Сейчас этот зверь стал очень редким. А истребление продолжается. Сколько еще продержится оцелот на Земле?

Истребление животных началось не сегодня, не вчера, даже не позавчера. Но особенно активизировалось в нашем веке. Пятьдесят лет назад только в одной Европе за один год было добыто 29 миллионов шкур пушных зверей. В это же время из Африки вывезено 800 тысяч шкур антилоп, газелей и обезьян. Из Австралии — 2 миллиона 550 тысяч шкур кенгуру и поссума. Сейчас стало во много раз меньше животных. Но избиение их продолжается и сегодня.

Животных уничтожают не только свинцом, капканами, петлями, ядами, ловушками. В том же 1967 году, когда в США убили более 100 тысяч оцелотов, в эту страну «любители» животных завезли около 70 тысяч различных млекопитающих, пойманных в других странах и на других материках. Большинство из них вскоре погибло, остальных выбросили или убили. И тем не менее «торговля дикими животными, особенно в США, с недавних пор превратилась в большой бизнес», — пишет Д. Эрнфелд. «Проблема эта стоит так же остро, как и проблема охраны природы», — подтверждает директор Нью-йоркского зоологического общества В. Дж. Конвей.

В ряде стран, в том числе и США, приняты законы, запрещающие ввоз диких животных, включенных в список редких. Директора многих крупнейших зоопарков мира решили не покупать и не держать в клетках (если это не вызвано особыми соображениями сохранения животного) редкие и исчезающие виды. Но пока это мало помогает, потому что уничтожение животных идет по многим линиям. Например, в тех же Соединенных Штатах для коллекций (в основном частных) было отловлено и превращено в чучела более полутора миллиона различных зверей.

Под уничтожение животных, несмотря на многие принятые в их защиту законы, подводят и «теоретическую» базу. Например, американский социолог Эрик Хоффер прямо заявил: дикая природа — враг человека. И чем скорее человек покончит с нею, тем будет лучше.

«Теоретика» Хоффера поддерживают многие и многие «практики». После второй мировой войны англичане решили организовать в Танзании плантации земляного ореха. Для этого более тридцати тысяч человек прочесывали огромные пространства, убивая все живое, в том числе тысячи жирафов, носорогов, антилоп. С плантациями ничего не получилось, но огромное количество животных было уничтожено. В Южной Родезии в целях борьбы с мухой цеце было уничтожено более пятисот пятидесяти тысяч различных животных, хотя это не вызывалось необходимостью, а главное, не дало никаких результатов.

Мы сейчас знаем: если число особей в каком-нибудь виде достигло определенного количества (имеется в виду нижний порог), этот вид обречен на вымирание. Для многих видов роковая цифра — 2 тысячи, для других он может быть чуть выше

или несколько ниже, но так или иначе, список животных, число которых подошло к роковой черте, неуклонно растет. Уже почти 600 видам и подвидам животных грозит гибель. А ведь ни один вид, исчезнув, не может возникнуть в процессе эволюции заново. «Люди научились строить небоскребы и в состоянии уничтожить атомными бомбами целые континенты, а вот оживить мертвого дождевого червя—этого люди сделать не в силах!»—с горечью пишет Б. Гржимек. Да, люди еще не могут воссоздавать или оживлять животных. Но они могут не допустить, чтоб десятки видов целиком исчезли с лица Земли.

Не допустить этого — дело совести человечества.

*Мы, друзья животных, стараемся спасти
от уничтожения существа,
соседствующие с нами на этой планете,
которых считаем не менее благородными
и достойными жить на Земле, чем мы сами.*

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

ПРОБЛЕМЫ СПАСЕНИЯ

(Человек за зверя)

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТРЕХ АВСТРАЛИЙЦЕВ

Австралия — страна удивительная. В этой удивительной стране живут удивительные животные. О многих из них мы еще поговорим подробно в следующей части этой книги. А сейчас очень полезно вспомнить три весьма показательные истории. Одна — о том, как уничтожили животных, другая — о том, как животных уничтожают сейчас и неизвестно, удастся ли их сохранить для будущего, и третья — о том, как в недалеком прошлом уничтожали животных и как людям удалось их спасти.

Эти истории характерны для того неровного, неустойчивого, неопределившегося полностью отношения человека к своим соседям по планете, которое существует сейчас. Сначала речь пойдет о звере, которого Б. Гржимек назвал «величайшим чудом природы» и который когда-то жил и в Австралии, и на острове Тасмания. Потом этот зверь остался только в Тасмании, а теперь...

Называется он сумчатый волк. Некоторые ученые считают: исчезновение сумчатого волка вызвано тем, что в Австралии появились динго, быстро вытеснившие конкурента. (Хотя сумчатый волк и был сильнее, но почему-то не оказал сопротивления, не дал динго отпор.) В Тасмании волк сохранялся до тех пор, пока и туда не завезли динго и пока за истребление сумчатого волка не взялись люди.

Зверь этот, которого первые переселенцы за полосы на спине и боках назвали тасманийским тигром, был открыт для науки в 1808 году и получил научное имя «сумчатая собака с волчьей головой». А уже через 55 лет естествоиспытатель Джон Гульд писал: «Если этот относительно небольшой остров будет плотно заселен и его девственные леса из края в край пересекут проезжие дороги, число этих удивительных зверей резко пойдет на убыль. Их просто истребят... и вскоре будут описывать, как вымершее животное».

Гульд оказался прав. Фермеры, обвинив сумчатого волка в нападении на овец, объявили ему беспощадную войну. С конца прошлого века до 1914 года, по официальным данным, было застрелено более 2,5 тысячи волков. На самом деле было убито, конечно, гораздо больше. За убитого взрослого зверя правительство платило фунт стерлингов, за уничтожение щенков выдавалась награда в 10 шиллингов. И очень скоро сумчатый волк «дошел до такой грани, от которой нет возврата, и никакие, даже самые лучшие намерения, его уже не спасут», — писал главный зоолог острова Тасмания Майкл Шарленд.

Истребление сумчатых волков шло

настолько быстро, что зоологи не успели как следует изучить это животное. Даже вопрос, ночной это зверь или дневной, еще не прояснен до конца. Так, например, советский ученый Э. Рогачева и английский специалист Н. Саймон считают, что сумчатый волк был животным ночным, а Б. Гржимек, изучив свидетельства людей, видевших этого зверя, сопоставив отрывочные сведения, имеющиеся у разных зоологов, пришел к выводу, что тасманийский волк был дневным хищником.

Разные мнения существуют и относительно прожорливости этого зверя, и о степени вреда, который он приносил. В одном лишь сходятся все, кому удавалось так или иначе встречать сумчатого волка: он никогда не нападал на человека.

По наблюдениям, сделанным в зоопарках, и по рассказам очевидцев ученым удалось восстановить некоторые стороны жизни сумчатого волка. Например, известно, что за добычей он не бежал, а шел неутомимо по следу. Известно, что у сумчатых волков было максимум по 4 детеныша в помете, и носила их самка в серповидной сумке, образованной складкой кожи. Такая сумка полностью не могла удержать детеныша, и малыш ни на секунду не выпускал изо рта соска, держась таким образом за мамашу. Через три месяца малыши перекочевывали в специально устроенное родителями гнездо, но по-прежнему продолжали питаться молоком матери.

Известно также, что сумчатые волки иногда могли подыматься на задние ноги и скакать в таком положении некоторое время, очень напоминая этим кенгуру. Они могли прыгать до двух метров в высоту, но бегали не быстро. Основной пищей сумчатых волков были мелкие кенгуру, рептилии, а впоследствии — грызуны, появившиеся на Тасмании вместе с человеком. На овец сумчатые волки действительно нападали, тем более что овцы представляли легкую добычу. Но такова уж природа хищника. За это он и поплатился.

И вот сейчас сумчатый волк находится под охраной закона — за убийство этого животного налагается крупный штраф. Но с 1938 года — с того времени, как это животное было взято под охрану, штрафа еще никто не платил. Мало того: за это время сумчатого волка даже никто не видел — последний был застрелен в 1930 году, а в 1933 еще один попал в ловушку, поставленную на кенгуру. И все! Правда, время от времени поступают сведения, что в отдельных районах Тасмании находят следы, клочки шерсти, капли крови, которые, как показывают тщательные исследования, могут принадлежать сумчатым волкам. Находятся очевидцы, которые время от времени видят необычных животных, похожих по описаниям на сумчатых волков. Однако твердых доказательств существования сумчатого волка пока нет.

Другие австралийцы, о которых мы сейчас будем говорить, — крупные кенгуру. Они еще не истреблены, их пока много. Но как сложится их будущее? Об этом будущем люди спорят: одни считают, что кенгуру надо сохранить, другие утверждают, что кенгуру — помеха овцеводству и их надо уничтожить.

С тех пор как европейцы появились на Австралийском континенте, 4 вида кенгуру истреблены полностью, а 9 или 10 находятся на грани исчезновения. Причем именно эти виды особенно красивы и интересны.

Что же касается крупных кенгуру, в частности большого рыжего, то тут дело обстоит так: в одних частях Австралии он полностью истреблен, в других, напротив, несмотря на хозяйственную деятельность человека (а точнее, даже благодаря этой деятельности), поголовье рыжих кенгуру увеличивается. Причин тут несколько. Во-первых, фермеры, освобождая места под пастбища, сводят леса, лишая тем самым серых кенгуру их исконных мест обитания и создавая благоприятные условия для жителей равнин — рыжих. Во-вторых, уничтожая хищных зверей, нападающих на овец, люди обеспечивают безопасность и кенгуру. В-третьих, создавая водопои для домашних животных, люди облегчают существование и кенгуру. И, наконец, поедая сочную траву на пастбищах, овцы не трогают жесткий злак спинифекс, который охотно поедают кенгуру. А злак этот после уничтожения конкурентов быстро и бурно разрастается. Таким образом, овцеводство создает и обильную кормовую базу для рыжих кенгуру.

Существует мнение, а за ним стоит большая сила — армия фермеров, что кенгуру являются серьезной помехой австралийскому овцеводству. И чтобы избавиться от кенгуру, фермеры идут на всё. Так, например, для спасения сравнительно небольшой плантации в одном из районов Западной Австралии решили отравить водоемы. В течение двух месяцев погибло 13 тысяч кенгуру. В другом месте на одной только ферме за пять лет было отравлено 90 тысяч кенгуру. Это частные случаи. Вообще же уничтожение кенгуру ядами приняло такие размеры, что вызвало негодование общественности Австралии. «Символ нашей родины подкармливают стрихнином!» — писала австралийская газета «Шутинг».

Однако яды — не единственное оружие против кенгуру (ежегодно специальные бригады охотников убивают их сотнями тысяч), мнимая конкуренция с овцами — не единственная причина их уничтожения. Считается, что кожа кенгуру — прекрасный материал для изготовления лыжных костюмов и ботинок, а мясо — прекрасное сырье для изготовления консервов. С 1964 года из Австралии ежегодно вывозится более 3000 тонн кенгурового мяса. Для того чтобы получить такое количество, надо застрелить более полумиллиона кенгуру. (Если же учесть, что среди убитых было очень много самок, а при гибели матери гибнет и детеныш, то лишь на мясо убивается в год около миллиона животных.) В том же 1964 году лишь в одном штате через руки торговцев прошло почти полтора миллиона шкур кенгуру. (Опять же детеныши, погибшие вместе с родительницей, не учитывались.)

Можно привести еще немало цифр, но все они будут достоверны лишь в той или иной степени: предприятия по переработке мяса и шкур кенгуру принадлежат различным фирмам, а фирмы не стремятся обнародовать истинные цифры. У государства же точных данных нет. Нет точных данных ни по переработке сырья внутри страны, ни по его экспорту. Одни специалисты считают, что ежегодно уничтожается до двух миллионов кенгуру, чтобы удовлетворить спрос на их мясо и шкуры, по мнению других — не меньше десяти миллионов. Правда, сравнительно недавно генеральный прокурор Австралии, «учитывая широко распространенное среди ав-

стралийцев настроение о необходимости кенгуру», запретил вывоз изделий из шкур этих животных за границу. Однако такая мера не исправляет положения: только в штате Квинсленд ежегодно отстреливается 800 тысяч кенгуру, якобы из-за перенаселения.

Численность кенгуру сокращается не только в результате отстрела, но и в результате сжигания лесов, осушения болот и прочих хозяйственных мероприятий. По мнению главного хранителя Отдела охраны животных одного из штатов, от этих мероприятий животных гибнет гораздо больше, чем в результате охоты на них.

И все-таки, как считают некоторые эксперты, рыжие кенгуру еще достаточно многочисленны и быстро «заделывают бреши», пробитые в их рядах. Однако есть и иное мнение. Немало специалистов считают, что, несмотря на пока еще большую численность, рыжим кенгуру грозит такая же опасность, как и некоторым другим видам. Чтобы убедить фермеров не отстреливать кенгуру, ученые пытаются доказать, что кенгуру не такие прожорливые и не такие уж яростные конкуренты овец. И это отчасти удалось доказать: сейчас, например, известно, что кенгуру поедают травы значительно меньше, чем овцы. Доказано, что основная пища рыжих кенгуру — трава, которой овцы пренебрегают. Ученые организовали исследования миграции кенгуру, и выяснилось, что, если благодаря дождям даже в относительной близости появился сочный корм, кенгуру не стремятся в эти места. Предпринимаются другие попытки доказать, что кенгуру не вредные и не опасные животные. Правда, австралийских фермеров переубедить нелегко. Но даже если допустить, что люди перестанут уничтожать кенгуру, перестанут вывозить шкуры и мясо, то и этого окажется еще недостаточно. «У животных должно быть жизненное пространство, дающее им возможность выжить», — пишет известный знаток кенгуру австралийский зоолог Гарри Фрит. А вот этого жизненного пространства как раз и не остается у кенгуру: даже считавшиеся в недалеком прошлом непригодными для сельского хозяйства и скотоводства земли сейчас быстро осваиваются. И вопрос о существовании кенгуру остается открытым. При желании решить его, конечно, можно, хотя, наверно, не так просто.

Но ведь смогли же австралийцы спасти коала, а это тоже было нелегко!

Считают, что слово «коала» означает на языке некоторых австралийских племен «не пьет» или «не пить». А так как этот зверек действительно почти никогда не употребляет воды, то его имя, очевидно, соответствует истине. Иногда коала называют медвежонком. Свое «медвежье имя» он получил благодаря сходству с плюшевыми игрушечными медвежатами. (На самом деле никакого отношения к медведям коала не имеет.)

Коала — животные малоподвижные. По многу часов сидят в одной и той же позе, обхватив лапами ствол. Так и спят. А когда не спят — продолжают сидеть неподвижно, лишь время от времени поворачивают голову то в одну, то в другую сторону. На землю коала спускается очень редко: на земле ему делать нечего, ведь его еда — листья эвкалипта — тут же на деревьях. Кстати, из-за того, что коала питается исключительно листьями эвкалиптов,

этих зверьков невозможно держать в зоопарках. (Кроме Австралии.) Попытки переселить коала делались неоднократно. Люди прилагали максимум усилий, тратили много средств на заготовку кормов, на выращивание эвкалипта, создавали специальные эвкалиптовые леса для коала-переселенца. И все напрасно. Причин неудач много. Одна из них — разборчивость коала в еде. Они удивительные гурманы: в Австралии растет примерно 350 видов эвкалиптов, а коала едят листья всего семи-восьми видов. Причем коала одного штата не едят листья эвкалиптов, растущих в других штатах Австралии. Почему так — пока загадка. Впрочем, с питанием коала была связана и другая загадка, разгадать которую удалось недавно.

В листьях эвкалиптов имеется синильная кислота — сильный яд, смертельный даже для таких крупных животных, как овцы. Коала же поедает эти листья без всякого вреда. Почему?

Наблюдая за коала, люди обратили внимание, что эти животные иногда меняют свое меню: переходят с одного вида эвкалипта на другой. Оказалось, что в разное время года количество яда в листьях разных видов эвкалипта неодинаковое. И коала, будто зная это, выбирает наиболее безопасную пищу, то есть переходит на те деревья, где в данное время яда меньше.

Раз в два года самка коала производит на свет потомство: у полупудовой родительницы появляется пятиграммовый сынок или дочка (чаще дочка — среди коала самок больше). Детеныш забирается в сумку матери и полгода блаженствует. Повиснув на ее соске, малыш многие недели не выпускает его ни на секунду и регулярно каждые два часа получает «впрыскивание» молока — сокращая особые мышцы, мать таким образом кормит детеныша. Кстати, такой способ кормления характерен почти для всех сумчатых. И как почти у всех сумчатых, у детишек коала воздух поступает непосредственно из ноздрей в легкие — иначе малыш во время кормежки не мог бы дышать и захлебнулся бы материнским молоком.

За время пребывания в сумке детеныш вырастает раз в десять: новорожденный имеет в длину сантиметра два, шестимесячный — двадцать. Но и тогда, когда молочная диета кончается и малыш уже не умещается в сумке, он еще не начинает самостоятельную жизнь, а перебирается на спину матери. Там он остается долго — иногда до года, а иногда даже до трех лет. И все это время мамаша терпеливо носит своего великовозрастного потомка, прижимая к себе во время сна, обогревая в ненастную погоду. Некоторые специалисты утверждают, что появившееся за это время новое поколение тоже перебирается на спину многотерпеливой родительницы. И если не умещается на спине мамаши, взбирается на спину старшему брату или сестре.

Коала — животное молчаливое и невозмутимое. Да что, собственно, волноваться, куда спешить? В природе у коала врагов нет — хищные звери не трогают из-за специфического запаха эвкалипта, которым пропитан коала. Единственный его враг — человек.

Когда-то коала были обычными в Австралии. Аборигены хоть и охотились на них иногда, но никогда не занимались истреблением этого животного. Болезни, которым очень подвержены коала, сильно влияли на их численность. Но и это не по-

служило причиной полного или почти полного исчезновения коала. Даже выжигание лесов под пастбища не могли целиком истребить их, хотя в пламени погибало множество зверей и места их обитания сокращались.

Истребление животных началось с приходом колонистов, которые быстро оценили красивый, серебристо-серый, мягкий и прочный мех, тем более что добывать его было легко.

Коала не прятались, не убегали. Беззащитные — живые мишени, — они лишь иногда жалобно кричали от боли, и крик их был похож на плач ребенка. Но это не смущало охотников (точнее, конечно, живодеров!). И падали на землю мертвые «плюшевые мишки», а тяжелораненые оставались висеть на деревьях: люди даже не давали себе труда снять их — зачем трудиться, когда вокруг столько добычи!

«Как охотники за пушниной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных, это выше моего разумения», — писал Джеральд Даррелл.

Но жажда наживы была выше человеческих чувств, человеческого разума. Австралийский ученый Эллис Трауфтон подсчитал, что только в 1908 году было продано около 58 тысяч шкурок коала. А в 1924 году из Австралии в Европу и Америку было вывезено более 2 миллионов шкурок коала. Это то, что известно, то, что удалось подсчитать. А ведь подсчитана лишь малая толика всех убитых коала. И не удивительно, что в том же 24-м году профессор В. Джонс, а за ним и многие другие австралийские ученые забили тревогу. Но правительство не обратило на это внимания. Правда, кое-какие ограничения местного порядка были введены, но это не помешало в 1927 году всего за несколько месяцев уничтожить более 600 тысяч коала. «Кажется прямо невероятным, что в цивилизованной стране такое беззащитное и к тому же такое редкое животное могло подвергнуться подобному безжалостному истреблению, и все ради корыстной торговли и прибыли», — писал Эллис Трауфтон.

Первыми подняли голос в защиту коала американские ученые и любители природы. По их требованию правительство США запретило ввоз шкурок коала. Однако и это не подействовало на австралийское правительство. К счастью, в Австралии нашлись люди, которые решили во что бы то ни стало спасти этих зверей. На пожертвования, на собственные сбережения, нередко распродавая все свое имущество и буквально разоряясь, энтузиасты начали создавать крошечные заповедники для коала. Первое время в этих заповедниках (их было создано два) жило всего по четыре коала в каждом. Тогда мало кто верил в успех. Но через шесть лет в одном из них насчитывалось уже шестьдесят пять обитателей. В другом заповеднике через тридцать лет жило уже 120 зверей. К 1954 году улучшилось положение и с дикими коала: правительство Австралии наконец издало постановление об их охране.

Сейчас в Австралии уже живет под охраной и надзором людей несколько тысяч коала. Их все шире расселяют по лесам. И каждый раз, когда лесничие везут этих зверьков в лес, чтобы выпустить на свободу, обязательно останавливаются около школ, открывают ящики и показывают детям коала. Пусть дети посмотрят на них, пусть увидят, какие это славные создания,

пусть поймут, какие они беззащитные. Может быть, это первый шаг к сердцу человека, который еще плохо знает своих соседей по планете, и, возможно, поэтому так небрежно, а нередко и варварски относится к ним.

КРАСНЫЙ СВЕТ — СИГНАЛ ОПАСНОСТИ

Как мы видели уже из предыдущей главки, вторая половина XX века весьма показательна для отношений людей и животных, точнее — людей к животным. Еще продолжают греметь выстрелы и процветает браконьерство, еще действуют неумные, неумелые, недальновидные люди, стремящиеся получить прибыль сегодня, не задумываясь о завтрашнем дне, не понимая, что грабят будущее. Есть еще ученые, которые проповедуют полную замену дикой природы окультуренной, и даже государственные деятели, которые обязаны, если не по внутреннему убеждению, то хотя бы по занимаемой должности, заботиться о фауне нашей планеты. А поступают все они наоборот. Еще продолжается «подавление фауны человеком... несколькими путями, наиболее действенные из них — охота и уничтожение естественных мест обитания», — пишет известный английский зоолог Дж. Фишер. (Под разрушением мест обитания имеется в виду рубка леса и распашка степей, осушение болот и уничтожение водоемов, хотя часто эти мероприятия не диктуются необходимостью.)

Но в целом человечество изменило или, во всяком случае, начинает менять свое отношение к диким животным. Достаточно сказать, что даже многие фермеры в Африке и Америке смотрят уже на диких животных не через прицельный разрез винтовок, а стараются приручить их на своих фермах или хотя бы полуприручить. Уже имеется ряд международных соглашений и по регуляции охоты, и о полном запрещении ее в ряде случаев. Есть международные соглашения об охране зверей, по их изучению и даже международная конвенция «Об ограничении торговли редкими видами животных и растений», принятая в 1973 году многими странами, в том числе и СССР.

Большинство ученых, любителей природы, прогрессивных людей мира уже ясно понимают не только важность, но и необходимость спасения диких животных. Доказательство тому — создание Международным союзом охраны природы Красной книги.

Это несколько толстых томов, и красный цвет их переплетов как бы предупреждает об опасности, которая нависла над почти шестистами видами животных, в том числе почти над 300 видами и подвидами млекопитающих.

Красная книга состоит из пяти частей или, точнее, животные, занесенные в эту книгу, разбиты на пять категорий.

К первой относятся исчезающие виды. Этих животных осталось на Земле очень мало, и спасти их можно, только приняв какие-то срочные и экстраординарные меры.

Ко второй категории относятся сокращающиеся виды. Численность животных этих видов еще не подошла к роковой черте. Однако количество их по разным причинам быстро сокращается. И чтобы животные эти не исчезли окончательно, тоже необходимы решительные меры.

Третья категория — животные, ко-

торые вообще встречаются редко (имеют естественную низкую численность или обитают на ограниченных территориях). Конечно, они тоже подлежат строгой охране, так как могут скоро исчезнуть.

В четвертую категорию входят так называемые неопределенные виды, то есть животные, о которых имеется мало сведений. (Очевидно, потому, что их вообще мало или они редки, и поэтому тоже могут исчезнуть.)

Категория пятая — те животные, которые были на грани гибели, а теперь спасены человеком и им не угрожает исчезновение.

Листы в книге могут меняться. Например, из второй категории животные могут быть перенесены в первую — это свидетельствует, что положение резко ухудшилось. Или, наоборот, из первой, второй или третьей они могут быть переведены в пятую — это значит, что животным перестала угрожать опасность. Люди спасли их. Кстати, таких животных уже немало. Человек не сидит сложа руки.

Однако в своей благородной деятельности люди сталкиваются с огромными, казалось бы, непреодолимыми трудностями. Действительно, человек строит и расширяет города, прокладывает дороги, устраивает аэродромы, проводит газопроводы. Человек не может жить без древесины, без каменного угля и нефти, не может обойтись и без многого другого. А ведь это — наступление на дикую природу.

Человек не может не распахивать земли. А ведь это — сильнейший нажим на дикую природу вообще и наступление на диких животных в частности. Все меньше и меньше остается мест, где могут жить звери. Все меньше и меньше остается им тишины и покоя, необходимого для нормального существования. Ведь даже «невинный» туризм оказывает серьезное воздействие на жизнь некоторых животных, влияет на их численность. В науке даже появился такой термин — «фактор беспокойства».

Но есть ли выход? Имеются ли пути спасения диких животных?

Оказывается, есть. И не один. Если человек твердо поверит в то, что он может существовать на планете рядом с дикими животными, что сам по себе человек и его деятельность не антагонистичны животному миру, — он добьется многого. В ответ на эту уверенность (только на это и на отсутствие желания во что бы то ни стало преследовать наших соседей по планете, то есть в ответ на проявление «доброй воли») природа ответит небольшими изменениями в поведении животных. А это поможет животным существовать рядом с человеком.

Дело в том, что многие животные обладают так называемой пластичной формой поведения, которая позволяет им приспосабливаться к присутствию человека, мириться с его хозяйственной деятельностью. Примеров тому много. Достаточно вспомнить белок, живущих в парках больших городов, лисиц, прекрасно уживающихся рядом с человеком. Там же обосновываются выдры и куницы. В Копенгагене — в парках, в подвалах домов — живет более сотни барсуков, казалось бы, таких «нелюдимых» животных. В США бок о бок с человеком живут, например, койоты, распевающие свои ночные серенады на окраинах даже таких больших городов, как Сан-Франциско. Это Европа и Америка. Азия и Африка изобилуют еще большим количеством примеров. В Индии,

например, — одной из самых густонаселенных стран нашей планеты — не только в деревнях, но и в крупных городах рядом с человеком обитает большое количество диких животных, причем достаточно крупных. Это происходит при пассивном участии человека — он лишь лоялен по отношению к животным. Но человек может быть и активным в этом направлении.

Сейчас известно, что уживаются с человеком не все особи какого-то вида. Внутри вида происходит естественный отбор: более пугливые не уживаются вблизи человека, более смелые — уживаются. Второй фактор: одни могут приспособиться к новым видам питания, другие — нет. И вот уже люди стали искусственно отбирать наиболее «уживчивых» животных и селить их рядом с городами, поселениями, в достаточно людных местах. Наглядный пример тому — работа польских биологов с бобрами. На специальной ферме, где разводят бобров, ученые отбирают наиболее добрых и уживчивых (ведь среди животных есть особи с разными характерами) и выпускают их на Мазурских озерах, где всегда многолюдно. Однако это многолюдство не смущает бобров, и они себя прекрасно чувствуют рядом с людьми. (Если, конечно, люди их не пугают.)

Это лишь один путь. Здесь сделан первый, еще очень маленький шаг. Но, учитывая все расширяющуюся хозяйственную деятельность человека, его все более активное наступление на дикую природу, этот путь может оказаться очень перспективным в деле спасения многих животных.

Однако человек хоть и наступает активно на природу, еще не полностью окультивировал ее. На земле еще сохранилось немало мест, где животные могут существовать, не мешая человеку. И если человек не будет их сознательно уничтожать — животные, обитающие в этих местах, сохранятся, исчезнет опасность потери вида. Мало того, очень возможно, что спасенные животные станут играть заметную роль в экономической жизни страны.

Примером тому могут служить антилопы-сайгаки.

«КАЗАХСТАНСКОЕ ЧУДО» И ДРУГИЕ ЧУДЕСА

Сайгаки на первый взгляд кажутся неуклюжими. Но внешность, как это часто бывает, обманчива. Сайгаки легки, подвижны и быстроноги — в случае опасности могут развивать скорость до 80 километров в час и бежать так довольно долго. Смешной длинный отвислый нос, скорее даже маленький хоботок, — удивительное приспособление, защищающее легкие: летом во время пыльных бурь в нем задерживается пыль, раскаленный песок. Зимою морозный воздух, проходя через хоботок, согревается. Сайгаки очень подвижны — они убегают, почуяв опасность, они постоянно кочуют в поисках пастбищ, проходя в летнее время за сутки по 300—350 километров.

Очень хорошо развит у сайгаков слух. Вообще сайгаки очень осторожны и близко к себе никого не подпускают. Время от времени то одно животное, то другое перестает пастись и высоко подпрыгивает — «делает свечки», или так называемые «смотровые прыжки». Увидев опасность, сайгак (или сайгаки, так как опасность могут увидать несколько животных, подпрыгнувших одновременно) обращается в бег-

ство, и это служит сигналом для остальных. Через мгновение все стадо уносится прочь.

Некоторые наблюдатели считают, что ночью сайгаки «выставляют стражу», которая очень ответственно относится к своим обязанностям. Например, как утверждают эти ученые, уставший «сторож» не пойдет спать, пока не найдет себе замену и не убедится, что сменщик «заступил на пост». Специалисты даже придерживаются мнения, что по-настоящему спят только те сайгаки, которые ночью находятся в середине стада. А лежащие с краю спят «вполглаза», то есть дремлют. Поэтому ночью происходит перемещение — лежащие с краю перебираются, чтобы выспаться, в середину, а лежащих в середине продвигают к краю.

Возможно, что этот механизм не всегда действует так точно, но факт несомненный: сайгаки всегда начеку. Единственная защита сайгаков — их быстрые ноги. Но маленькие сайгачата бегать не могут. Поэтому их спасают не ноги, а окраска: ляжет такой малыш в ямку или даже просто прижмется к земле, и увидеть его становится почти невозможно. Кожные железы еще не развиты, поэтому хищнику очень трудно найти малышей по запаху. Мать приходит к сайгачатам раза три в сутки — покормить (обычно сайгачат двое и лежат они не рядом, а поодаль друг от друга: в случае чего один да останется). Приближается мать к сайгачатам особенно осторожно, лишь убедившись, что опасности поблизости нет. И задерживается она возле детенышей недолго. Но в случае опасности или услышав тревожный крик детенышей, она забывает о своей врожденной осторожности и бросается на помощь малышу. Она может вступить в бой с орлом, может попытаться отпугнуть даже человека.

Однако все это не спасало сайгаков — одних из самых древних и когда-то самых многочисленных в нашей стране копытных. Еще в начале XX века путешественники писали о несметных стадах сайгаков, хотя это были уже остатки некогда колоссальных стад. На юге они исчезли в конце XVIII века, а в начале XIX их не стало в междуречье Волги и Дона. Однако настоящее истребление сайгаков началось с середины XIX века.

Добывать сайгаков было легко. Участник одной охоты, которая происходила в конце прошлого века, признавался, что это была не охота, а «варварская, нещадная бойня». Сайгаков гнали в большие ямы, на дне которых были установлены острые камышиные колья. «Вот первая сайга наткнулась на острый и сухой камыш и села на него, проткнутая как на вертеле, за ней другая, третья, и так весь табун лег... Когда следующие табуны пойдут по трупам наткнувшихся, выскакивает девяносто человек. И вот уже начинается еще более отвратительная бойня. Они уже не режут, а только порют брюхо несчастным жертвам. Наконец, устав резать, машут и кричат верховым. Те, прискакав, принимаются за резню. Какая погибель! На тот раз было уложено 12 тысяч голов!»

И это только одна сцена. А такие побоища происходили повсеместно.

Зимой люди тоже не оставляли сайгаков в покое. Их преследовали по насту, когда животные ранили себе ноги об острые кромки ледяной корки (очевидцы рассказывали, что по снегу тянулись густые кровавые полосы шириной в сотни метров) и в конце концов теряли способность двигаться. Тут их били ду-

бинами, резали ножами, кололи вилами.

Часто стада сайгаков загоняли на лед реки или озера, где животные оказывались совершенно беспомощными, и уничтожали всех до единого.

Люди преследовали сайгаков не только ради прекрасного мяса и отличной кожи — часто после таких побоищ трупы сайгаков оставались на льду или на снегу нетронутыми. «Охотников» (иначе как в кавычках это слово нельзя написать) интересовали лишь рога. Китайская медицина издавна использовала рога сайгаков, а в XIX веке спрос на них значительно поднялся и цены увеличились. О масштабах истребления сайгаков ради рогов можно судить хотя бы по тому, что только через Кяхту в Китай за два года (1852—1853) было вывезено около 4 миллионов пар рогов. Не удивительно поэтому, что к началу нашего века от многомиллионного стада сайгаков почти ничего не осталось. Но их все-таки продолжали уничтожать, и к 1919 году сайгаков сохранилось не больше тысячи. 27 мая 1919 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о запрещении охоты на сайгаков в РСФСР, а в 1923 году была запрещена охота на сайгаков в Казахстане. Многие ученые считали, что законы опоздали и уже ничто не может возродить сайгаков.

И действительно — прошло десять лет, а сайгаков по-прежнему оставалось очень мало. И лишь еще через десятилетие количество этих антилоп чуть-чуть увеличилось. Появилась надежда. И она оправдывалась: число сайгаков стало быстро расти. И вот сейчас они снова стали самыми многочисленными копытными животными нашей страны. Считают, что их уже полтора-два миллиона.

Бернгард Гржимек, побывавший в нашей стране, назвал спасение сайгаков «казахстанским чудом». Гржимек, конечно, знал, что спасти сайгаков было нелегко, и понимал, что это чудо совершилось не само собой. Его сотворили люди, любящие животных и понимающие, как важно спасать наших соседей по планете. И не случайно, когда в 1974 году в Москве состоялся Международный конгресс специалистов по млекопитающим, эмблемой этого конгресса была выбрана голова сайгака.

Итак, сайгак был спасен главным образом потому, что на него была запрещена охота и люди строго следили за тем, чтобы запрет этот выполнялся. Однако, если для сайгака или некоторых других животных (например, для лося, который тоже был почти полностью уничтожен и сейчас восстановлен в СССР) этого оказалось достаточно, то для зубров запрещения охоты было, конечно, мало. Тут требовалось очень энергичное вмешательство людей.

Едва кончилась первая мировая война и люди вернулись к мирному труду, они вспомнили о зубрах. В 1923 году по предложению польского натуралиста Яна Штольцмана было организовано Международное общество сохранения зубра, в которое вошли и представители молодой Советской Республики. Но кого сохранять? В мире имелось всего 52 или 56 зубров, которые уцелели в зоопарках 15 стран. Из этих животных чуть ли не половина — очень старые. И людей, знающих биологию зубров, почти совсем не было. Даже вопрос питания этих животных оставался спорным: одни считали, что зубрам нужна трава, а древесный корм они поедают лишь тогда, когда травы не хватает. (Это мнение явилось одной из причин не-

удачной попытки акклиматизировать зубров в Аскании-Нова в 1921 году.) Другие считали, что зубр — зверь лесной и трава ему вовсе не обязательна. Не знали люди и многого другого. В результате за пять лет действия Общества поголовье зубров не только не увеличилось, а, наоборот, уменьшилось: в 1927 году оставалось на Земле 48 зубров, а через несколько лет их осталось уже 30. Положение казалось безвыходным, и близилось время, когда ученый мир должен был зарегистрировать дату падения последнего на Земле зубра. Наверное, так и случилось бы, не приди в голову двум американским ученым, братьям Хейнцу и Лунцу Хекам, гениальная идея — скрещивать оставшихся зубров с их родичами — бизонами, сохранившимися тоже лишь в очень небольшом количестве.

Когда-то часть диких быков, живших на территории Европы и Азии, по существующему тогда «мосту» переселилась в Америку. Постепенно эти быки превратились в известных уже нам бизонов. Другая часть быков, оставшихся на родине, превратилась в зубров. Братья Хек, учитывая родство зубров и бизонов, предложили метод восстановления зубров, который получил название поглотительного скрещивания. Это значит вот что: от скрещивания зубров с самками бизона появляется потомство — зубробизоны. Зубробизона, когда он вырастает, снова скрещивают с зубрами. Следующее поколение опять скрещивают с зубрами. И так далее.

Первый зубробизон имел половину крови зубра и половину бизона. И был похож и на папу и на маму. Следующее поколение, у которого бизоньей крови было лишь 1/4, а зубриной 3/4, уже начинало терять черты бизона и приобретать больше зубриных черт. Новое поколение имело лишь 1/8 часть бизоньей крови и 7/8 зубриной. Оно уже мало чем отличалось от зубров. А четвертое поколение, имеющее 15/16 зубриной и 1/16 бизоньей крови, было настолько похоже на зубров, что даже специалисты далеко не всегда могли их отличить от чистокровных зубров. И только немногие знали, что это не чистокровные (все-таки какая-то часть бизоньей крови в них была), а чистопородные (по всем статьям они соответствовали зубриной породе) животные.

Работу Хеков поначалу многие специалисты приняли в штыки. Но вскоре убедились, что были неправы. Во-первых, гибриды оказались более стойкими и жизнеспособными, чем их родители, во-вторых, скрещивание очень ускорило работу по выращиванию зубров. В-третьих, если бы не метод поглотительного скрещивания, началось бы скрещивание близких родственников (зубров ведь вообще оставалось очень мало, способных давать потомство и того меньше), и это привело бы к полному и быстрому вымиранию животных.

Вторая мировая война нанесла значительный урон поголовью зубров. И тем не менее в «Племенной книге», вышедшей после войны, значилось 98 зубров. (В первой «Племенной книге», выпущенной за 20 лет до этой, значилось лишь 30 животных.)

В 1946 году в Советском Союзе имелся лишь один чистокровный зубр. Через два года появился второй — прибыл из Польши. Еще один зубр и две зубрицы появились в нашей стране в 1948 году. Они были первопоселенцами созданного под Москвой зубрового питомника.

Конечно, для людей несведущих (впрочем, и для многих специалистов тоже) создание зубропитомника под Москвой, на берегу Оки, на территории Приокско-Террасного заповедника было неожиданностью. Просто как-то не укладывалось в сознании, что под Москвой могут жить зубры. Как-то не сочетались они с подмосковной природой. Однако крупнейший специалист по зубрам и страстный энтузиаст их спасения, советский ученый Михаил Александрович Заболоцкий, доказал, что лучшего места для разведения зубров и не подыскать. Зубрам нужны не степи с изобилием трав и не густые леса, где травы почти нет, — им нужны разреженные светлые леса с полянами и перелесками. Именно то, что имеется в Подмосковье.

Прошло всего десять лет после организации заповедника, а в нашей стране жило уже 280 этих редких животных (19 бизонов, 182 зубробизона и 79 зубров). В 1975 году в зоопарках и заповедниках нашей страны было уже 467 зубров и зубробизонов. И сейчас можно уже твердо сказать: зубр будет жить на нашей планете. А вот 50 лет назад в это мало кто верил!

Так же, как в начале нынешнего века мало кто верил, что на Земле нашей сохранятся бизоны.

В 1905 году в США было организовано «Общество защиты бизонов». Члены общества начали собирать немногих уцелевших на фермах и в национальных парках в Канаде и США животных. Но уцелело бизонов слишком мало. И тут на помощь пришел старый индеец по имени Бродячий Койот. Если бы не он, вряд ли сейчас в Америке имелись стада бизонов, вряд ли смогли бы братья Хек с помощью бизонов спасти европейских зубров.

О Бродячем Койоте сейчас вспоминают редко. А стоило бы вспоминать почаще. И потому, что он помог спасти бизонов, и потому, что показал пример благородства и мужества.

Много десятилетий, а то и столетий бизоны кормили и одевали индейцев. И вот настало время индейцам спасать бизонов. Но что они могли, если сами гибли от тех же убийц?! Бродячий Койот решил попытаться: он поймал случайно уцелевших в кровавой бойне двух маленьких бизончиков — бычка и телочку, — выкормил и вырастил их.

Трудно было индейцу, очень трудно: ведь всюду рыскали охотники за бизонами, бродяги и авантюристы, бандиты и искатели приключений. И любой с радостью всадил бы заряд в бизона, а заодно и в индейца. Но Бродячий Койот был смелым и упрямым человеком. Он прятал и укрывал бизонов, угонял их при малейшей опасности. Он не отходил от первых появившихся телят, буквально вынянчивал их. И так из года в год в течение 23 лет жил он в постоянной опасности и в постоянной тревоге за зверей. Может быть, ему везло, может быть, он действовал очень осторожно, но стадо росло. Через 23 года благодаря мужественному и самоотверженному индейцу оно состояло уже из 300 бизонов.

Однако все труднее и труднее становилось состарившемуся индейцу оберегать и укрывать своих питомцев. Индеец знал: пока сможет сделать хоть шаг, он будет около своих бизонов. Но что с ними произойдет потом?

К счастью, о стаде Бродячего Койота узнали члены «Общества защиты бизонов» и купили это стадо.

Теперь и в Америке и в Канаде бизонов уже немало. И можно счи-

тать, что они спасены. (Правда, только степные. Пенсильванский подвид уничтожен полностью, и восстановить его не удалось.)

Итак, сайгаки спасены, потому что люди перестали их уничтожать и строго следили за их сохранением. Бизоны уцелели в национальных парках, где их тоже охраняли. Зубры сохранились и размножились в зубропитомниках благодаря настойчивости, терпению и изобретательности людей.

Но есть еще одна форма заботы о животных — создание заповедников.

ОХРАНЯЯ И ИЗУЧАЯ...

Что такое заповедник? Одним словом или одной фразой не ответишь. Даже начать надо издалека, чтобы хотя бы вкратце рассказать, что такое заповедники.

Хочет человек того или нет, но он постоянно так или иначе воздействует на природу, и в частности — на животных. Мы уже говорили, что люди расширяют города и увеличивают посевные площади, прокладывают дороги и каналы. Кажется, непосредственного отношения к зверям, живущим, например, в лесу, это отношения не имеет. Люди вроде бы сами по себе, а животные сами по себе. Но оказывается — имеет. Хотя бы потому, что все это уменьшает количество исконных мест обитания животных. Однако имеет и по другим причинам.

Вот рядом с лесом проходит автомобильная или железная дорога. Шум, испарения бензина влияют на животных. А где-то поблизости построили завод. И он влияет на животных, потому что само его существование так или иначе изменяет окружающую среду. И еще много различных факторов влияет на диких животных. Но это при том, что человек прямо не вмешивается в жизнь леса. Однако человек, даже если бы и хотел, не мог бы не вмешиваться в жизнь природы: людям не обойтись без древесины — значит, вырубаются леса; людям нужны лекарственные травы — значит, в лесу работают специальные экспедиции; людям нужна пушнина, нужна дичь — значит, ведется интенсивная охота. Поэтому задача состоит не в том, чтоб полностью прекратить вмешательство человека в жизнь природы, а в том, чтоб это вмешательство наносило как можно меньше вреда окружающей природе. Для этого в первую очередь надо изучить, как действует вмешательство человека на природу, как ведут себя животные в новых условиях. А изучив, надо обязательно сравнить это поведение с поведением тех животных, на которых деятельность человека не повлияла. Но где же взять таких животных, если деятельность человека распространилась повсюду, даже в пустыне или на Крайнем Севере уже активно действуют люди?

И тут на помощь ученым приходят заповедники.

Первые заповедники были созданы в прошлом веке. Наиболее известные — парк Фонтенбло во Франции (1861 год) и Йеллоустонский в Соединенных Штатах Америки (1872 год). Но заповедники в современном смысле, с современными задачами появились лишь в 1910—1912 годах в России. Определение заповедникам как «эталонам дикой природы» было дано одним из первых энтузиастов охраны природы, профессором Г. А. Кожевниковым, в 1908 году.

Поначалу большинство заповедни-

ков именно «эталонами» и были. Однако, кроме эталонных, появились и другие заповедники. Их цель — сохранить или увеличить количество редких зверей или птиц. Благодаря таким заповедникам сохранено много ценных животных. И в частности — кулан.

В 1775 году известный зоолог и путешественник Петр Симон Паллас писал: «Этих джигитаев нельзя, собственно, назвать ни лошадьми, ни ослами. По своему внешнему виду они представляют нечто среднее между теми и другими». Животные эти называются по-разному у разных народов — кур, кинган, онэгр, джигитай. Мы называем его куланом.

Когда-то кулан пил воду из Днепра и Амура, бродил по берегам Индийского океана. Одежду из его шкуры носили монголы и непальцы, тибетцы и индусы. А из кожи кулана делалась обувь и украшения, изготовляли знаменитый цветной сафьян шагрень. Высоко ценилось и мясо кулана. Древние римляне считали мясо молодого кулана деликатесом.

В некоторых странах поклонялись этому животному, в других считали, что его жир помогает от туберкулеза, ревматизма и прочих болезней, а печень, съеденная слепыми, возвращает им зрение. Существовало твердое убеждение, что мясо куланов делает человека сильным, мужественным, выносливым. Поэтому когда-то в некоторых странах Востока молодым воинам давали есть мясо куланов.

Естественно, на куланов активно охотились. Их подкарауливали и убивали на водопоях Аральского моря, их загоняли в воду, не давали выбраться на берег в течение нескольких дней и убивали, когда животное совершенно обессилевало. В Персии, наоборот, подолгу не подпускали куланов к водопою и убивали обессиленных жаждой животных. В Индии загоняли до изнеможения самок, которые должны были скоро родить, и убивали их копьями. В Казахстане стада куланов загоняли в топи и убивали увязших в трясине, неспособных двинуться животных.

На куланов устраивали грандиозные облавные охоты, во время которых уничтожали многотысячные стада. И тем не менее еще в прошлом и даже начале нынешнего века куланы были достаточно многочисленны. А перед второй мировой войной их осталось не больше сотни. Сейчас куланы занесены в Красную книгу и благодаря заботе человека их численность увеличилась до 800. Повсюду, где они еще остались (а таких мест очень немного, в частности в СССР он живет лишь в Бадхызском заповеднике и на нескольких островах в Аральском море), куланов строго охраняют, наблюдают за ними, изучают их. Люди пытаются найти пути сохранения этого красивого и очень интересного животного.

Кулан — не осел, хотя по неведению его часто так называют. И не лошадь, хотя тоже иногда, правда реже, его причисляют к лошадям. Действительно, у него есть признаки и того и другого. Но кулан — это кулан, животное совершенно особое.

Он красив — стройный, поджарый, мускулистый. Несколько великовата голова. Но это его не портит. И уж совсем не мешает мчаться по степям, пустыням, горным тропинкам. (Считают, что кулан — один из самых быстрых среди копытных: может развить скорость до 65 километров в час, а на коротких дистанциях — более 70.)

Он неприхотлив: питается сухой травой летом и мерзлой, доставая ее из-под снега, зимой. В воде ку-

лан нуждается и летом всюду разыскивает ее. Однако, если не оказывается пресной, может пить и соленую.

Он смел. Убегает не от трусости — просто этот способ защиты для него надежнее. Но если выхода нет, бесстрашно бросается на врага, пуская в ход зубы и очень крепкие копыта.

Куланы легко уживаются с другими животными, хотя, правда, почему-то не любят овец и собак.

На зиму куланы собираются вместе стадом в несколько десятков животных (очевидно, когда-то стада были огромные), летом же бродят небольшие косяки по 10—20 голов. В косяках порядок полный. Вожак (некоторые наблюдатели считают, что всех членов своего косяка он знает «в лицо») не допускает в косяк посторонних жеребцов, не позволяет самкам отбиваться, но сам не прочь увеличить число своих подданных за счет другого косяка. И если какой-то вожак зазевается — происходит похищение (хотя такое встречается редко — вожаки постоянно начеку).

Вожаки следят и за молодняком: чтобы не особенно резвились, когда не следует, а главное, чтобы подростки не обижали малышей.

Малыши в косяке на особом положении. Появляются они на свет небольшими, но растут очень быстро. Первые дни пьют молоко каждые 10—15 минут. Потом — реже, но тем не менее в день выпивают по 5—7 литров. Мамаши следят, чтобы детеныш развивался как следует. И будто зная, что после еды полезен моцион, они не позволяют насосавшимся молока малышам ложиться, а заставляют их делать небольшие пробежки.

На пятый день жизни куланята начинают пробовать траву. А через месяц после рождения и почти до 10 месяцев, если же у мамаши на следующий год нет потомства — то и до 14—16 месяцев, сочетают молочную пищу с растительной.

Когда куланятам исполняется три года, вожак производит отбор: самок оставляет, самцов выгоняет из косяка. Они либо на некоторое время станут бродягами-одиночками, либо примкнут к другому косяку, а скорее всего, отбив от разных косяков несколько кобылиц, образуют свой собственный.

Хозяин в косяке — жеребец, а руководитель — старая самка. Она ведет стадо на новые пастбища и никогда не ошибается — всегда приводит на подходящее место.

Людям очень импонируют куланы по многим причинам. В частности, потому, что они нетребовательны и жизнестойки. Люди мечтают привить эти качества домашним животным. Но пока ничего не получается. И одомашнить кулана тоже пока не удается. Удается пока сохранить его. И то лишь в заповедниках.

Благодаря заповедникам сохранились и такие звери, как, например, бобры, каланы, соболи.

Судя по раскопкам, люди знали бобров очень давно: рядом с каменным ножом археологи находят кости бобров, рядом с бронзовым оружием — ожерелья с изображением этого животного. Много веков охотились люди на бобров, но как свидетельствует епископ Упсальский в своей книге, выпущенной в 1520 году, бобры тогда еще водились и на побережье Черного моря, и на Рейне, и на Дунае, и в болотах Моравии, и на северных реках. Однако с каждым годом охота на бобров усиливалась. Люди ценили шкуру бобра и мясо. (А монахи и верующие особенно: они употребляли в пищу

хвост и задние ноги бобров во время постов, приравнивая это мясо к рыбе.)

Еще активнее стали охотиться на бобров после того, как были «открыты» целебные свойства «бобровой струи» — выделения мускусной железы. Она ценилась во много раз больше, чем шкурка бобра. Впрочем, целебные свойства приписывались не только этой «струе»: в XVII веке появилось несколько книг, состоящих почти целиком из рецептов и советов, как приготовлять лекарства и снадобья из кожи и жира, крови и шерсти, зубов и когтей бобров.

Бобры представляли очень удобный объект для охоты: они селились в определенных местах и найти поселения бобров было очень легко. Казалось, этих животных должны были истребить давно. Однако, видимо, в древности люди относились к бобрам с большим вниманием, чем их потомки. Еще при первобытнообщинном строе бобров не промышляли, а вели так называемое бобровое хозяйство: люди, найдя поселение бобров, не истребляли их поголовно, а убивали выборочно и только самцов или молодых — убийство взрослой самки считалось преступлением. Поэтому число бобров на Руси не уменьшалось, и еще в XV веке существовали так называемые «бобровые ловы», места, где добывали этих животных, и «бобровые гоны» — места, где велось «бобровое хозяйство».

Боброводство было и у коренного населения Зауралья. Известный советский зоолог В. Н. Скалон писал об этом: «Мы имеем перед собой систему, обладавшую, строго говоря, всеми элементами национального своеобразия и высококультурного охотничьего хозяйства».

Но последние два-три столетия оказались роковыми для бобров. И не только потому, что уменьшались площади лесов, преобразовывались реки. Главной причиной исчезновения бобров стали огромные деньги, которые платили за шкуры бобров и за «бобровую струю». Бобров стали истреблять поголовно, нарушая самые элементарные правила охоты. Примерно сто лет назад бобры практически перестали существовать в Европе. Отдельных зверей, спасшихся на глухих речушках, упорно преследовали браконьеры.

К 1917 году на территории России осталось не больше 700—900 бобров. Причем жили они маленькими колониями в пятнадцати местах нашей страны. Одна из таких колоний находилась в Зауралье, на реках Конда и Сосьва (самая крупная колония). Другая на берегу реки Березина в Белоруссии (150 голов). Третья на берегу реки Ивница неподалеку от Воронежа. В первые годы Советской власти там были организованы заповедники. Когда организовали Воронежский заповедник, в нем жило 30—40 бобров. Но уже через пять лет их насчитывалось около 125. А еще через несколько лет бобров в заповеднике стало столько, что их уже можно было отлавливать и переселять в другие области.

Сейчас в нашей стране живет примерно 300—350 тысяч бобров. Не все они выращены в заповедниках, но все они уцелели благодаря заботе людей.

Нелегкая судьба и американских бобров.

Когда европейцы появились в Америке, они застали там отлично налаженное бобровое хозяйство: индейцы знали цену этим зверям, берегли их, помогали, чем могли,

и, конечно, не убивали напрасно. Бобры пользовались особым покровительством: ведь, кроме всего прочего, они были «хранителями рек» — строили плотины и не давали рекам пересыхать.

Однако белых колонистов это не интересовало. Это потом практичные американцы подсчитали, что потенциальная стоимость каждого бобрового пруда — минимум 300—500 долларов. (Сюда входят водопои для диких и домашних животных, места жительства норок, ондатр, водоплавающих птиц, противопожарная роль прудов и т. д.) А тогда людей интересовал лишь ценный мех.

Прошло какое-то время, и положение стало настолько критическим, что канадское правительство вынуждено было запретить охоту на этих зверей. Запрет дал положительный результат, и число бобров несколько увеличилось. Тогда запрет был снят. И снова началось избиение бобров. Они «погибали на глазах канадских властей в результате безрассудной, преступной резни: мудрый зверь пал жертвой постыдной человеческой жадности...» — писал польский путешественник Аркадий Фидлер.

Но канадские власти не обращали на это внимания. Тогда на сцену выступил известный индейский писатель Серая Сова — Грей Оул (Вэша Куоннезин). Аркадий Фидлер так рассказывает об этом: «В своей лесной хижине он с помощью жены написал пламенную статью в защиту бобров и послал ее в газету. Затем приготовил лекцию и стал знакомить с ней публику. Эффект превзошел все ожидания. Грэя Оула слушали затаив дыхание, его статьями зачитывались. Оул умел убеждать. Он всколыхнул общественное мнение». И канадское правительство вынуждено было наконец принять меры. Снова запретили охоту на бобров, создали несколько резерватов и заповедников. И есть надежда, что американский бобр тоже будет спасен.

А вот история еще одного, морского бобра — калана. Вообще к бобрам он никакого отношения не имеет — относится к отряду хищных и входит в семейство куньих. С бобром его роднит разве что очень красивый, ценный мех.

Открыли калана в середине XVIII века. Научное описание было сделано впервые в XX веке. А в промежутке между открытием и изучением зверь был почти полностью истреблен. Мы не знаем, сколько существовало каланов до того, как ими занялись промышленники. Видимо, много. Во всяком случае, известный исследователь русского Севера, впервые увидевший каланов, Георг Стеллер, писал, что «они покрывали берег целыми стадами». В конце XVIII—начале XIX века ежегодно добывали по нескольку десятков тысяч каланов. Только в Кантон ежегодно привозили примерно по 20 тысяч шкурок.

Истребление каланов — одна из многих позорных страниц в истории отношений людей и животных. Убийство этого зверя было делом нехитрым. Калан, несмотря ни на что, оставался доверчивым и не боялся человека. А будучи сильно привязанным к определенным местам, долго не покидал их, покорно ожидая своей очереди. И очередь рано или поздно доходила.

Убивали каланов палками, чтобы не портить шкурку. Когда же они наконец поняли, что человек не такое уж приятное и безобидное существо (к этому времени каланов оста-

лось очень мало), промышленники стали использовать родительскую привязанность этого животного. Каланы размножаются медленно. И своего единственного детеныша мамаша очень бережет. Она постоянно держит его у себя на груди (каланы обычно плавают на спине), постоянно ласкает его, облизывает, ныряет вместе с ним и прячет, если возможно, в безопасное место.

Люди быстро поняли, что мамаша готова пожертвовать собой ради спасения детеныша. И, поймав беззащитного каланенка, заставляли его громко пищать. На голос малыша приплывала самка и, не обращая внимания на опасность, стремилась к детенышу...

К концу XIX века количество каланов резко сократилось. Но их продолжали истреблять: только американцы в районе Аляски с 1881 по 1890 год добыли 48 тысяч шкурок. Однако уже в 1900 году было добыто всего 127 шкур. Цены «взлетели до небес», как писал один американский ученый. Но ни за какие деньги уже невозможно было купить шкурку калана. В 1910 году добыли всего одного калана. Его шкуру продали за 1700 долларов. Через несколько лет еще одна шкурка была продана за 2500.

В 1911 году США вынуждены были принять закон, запрещающий охоту на каланов (в СССР такой закон был принят в 1924 году). К тому времени на всех островах, где некогда в изобилии водились эти животные, сохранилось в общей сложности чуть больше полутора тысяч.

В трагедии каланов в первую очередь повинна их шуба — бурая или темно-коричневая, блестящая, прочная и очень легкая. В отличие от других морских млекопитающих, которые в воде защищены от низких температур слоем жира, калан такого жира не имеет. Его защищает шкура с очень густым подшерстком, не пропускающим воду. (У калана на одном квадратном сантиметре 38—40 тысяч волосков, в то время как у белки или у лисы волосков 8—10 тысяч.) Такая шкура, правда, требует заботы, и калан много времени тратит на ухаживание за своим мехом: выбираясь на берег, он чистит, расчесывает волоски на своей роскошной шубе. Делает это калан передними лапами, на которых имеются очень подвижные «ладошки». (По свидетельству исследователя каланов С. В. Маракова, каланы могут держать передней лапой спичку и даже иголку.) Кстати, передними лапами каланы поднимают со дна камни, кладут их себе на грудь и, лежа на воде спиной вниз, разбивают об эти камни ракушки моллюсков и панцири крабов. Калан может взять камень под мышку и плавать с ним, если даже камень ему в данную минуту не нужен. Иногда одним камнем калан пользуется целый день.

Но при всей ловкости и даже силе лапы эти — как, впрочем, и зубы каланов — не предназначены для драк. И каланы не только не дерутся, они даже почти никогда не ссорятся. Каланы очень миролюбивы и добродушны. Может быть, это, а может, понятливость и какой-то особый «интеллект» (например, каланы, как выяснилось, догадываются сбивать замки с клеток) делали их излюбленными положительными героями алеутского фольклора.

Сейчас места, где живут каланы, объявлены заповедными, охота на них запрещена, люди проявляют максимум заботы об этих животных, и число их заметно увеличилось. Каланы останутся на земле. И люди

сможут увидеть каланов либо на берегах Курильских островов, либо на кино- и телеэкранах и, может быть, кто-то вспомнит слова Георга Стеллера: «Не могу передать красоту этого животного в живом состоянии: когда оно бежит по земле, то кажется чернее атласа, и его яркая чернота сверкает».

Сходна с судьбой бобров и каланов судьба еще одного очень ценного пушного зверя — соболя.

Когда-то он был широко распространен, жил не только в сибирских, но и в европейских лесах, доходил до теперешней Белоруссии и Литвы. Много соболя было и в Московском государстве. Огромные партии шкурок вывозились из Сибири. Только в XVII веке и только Восточная Сибирь давала 80 тысяч шкурок в год. Всего же на Руси добывалось 200 тысяч соболей. Но с каждым годом соболя становилось все меньше, а шкурки его дорожали все больше. Достаточно сказать, что в начале нашего века шкурка соболя стоила 200—250 рублей. Чем дороже шкурка, тем яростнее добыча. И вот численность соболя стала катастрофически падать. Если на Ирбитской ярмарке — основном месте дореволюционной России, где торговали пушниной, — в 1896—1900 годах было продано 44 280 шкурок соболя, то в следующее пятилетие — 31 440, а в 1906—1910-х уже всего 14 400.

В европейской части соболь был уничтожен полностью, в Сибири его осталось очень мало. Например, когда в районе Баргузинского хребта решили организовать заповедник, там жило не более 20 соболей. Столько же оставалось и в Кондо-Сосьвинском районе, который еще в XVII веке ежегодно поставлял в Москву до 2000 соболиных шкурок. Соболь был на грани полного исчезновения. И вот места, где еще оставались эти зверьки, были объявлены заповедными, а на соболей запретили всякую охоту. Это, конечно, дало положительные результаты — поголовье соболей скоро значительно увеличилось. Но главное, что помогло сохранить и увеличить количество соболей, — это расселение их по стране. С 1927 по 1957 год более чем в 100 районов нашей страны завезли и выпустили 12 500 зверьков. Прошло еще несколько лет, и соболь вновь стал промысловым зверем. Уже в 1940 году в СССР было 300 тысяч соболей. Сейчас их примерно 800 тысяч. И добывают соболей теперь больше, чем двести лет назад.

Можно привести еще немало примеров спасения животных в заповедниках. Это оказалось очень действенной мерой. Не случайно сейчас более чем в ста странах мира существует свыше 1100 заповедников. Они занимают около 2 процентов всей суши нашей планеты. И это только те заповедники, территории которых более 1000 гектаров. Заповедников, площадь которых меньше 1000 гектаров, в мире, по крайней мере, 3000. Это своеобразный «полигон», где можно изучать животных в их природных условиях, не нарушенных человеческой деятельностью. Это и резерваты, благодаря которым сохранились на Земле многие животные.

Однако, как видим, только сохранить животных часто бывает недостаточно: ведь и в заповедниках может быть перенаселение. Пока речь идет о спасении, о расселении животных не думают. Но когда тот или иной вид размножится, угроза его исчезновения с лица Земли минует, появляются другие опасности: могут возникнуть болезни, эпизоо-

тии, может начаться нехватка кормов. (Хотя в заповедниках, где животные под постоянным наблюдением и где они подкармливаются, это маловероятно.) Но животных расселяют не только для того, чтоб создать в заповеднике благоприятный режим, но и для того, чтоб обогатить фауну других областей или других стран.

Животные едут в поездах и на автомобилях, плывут на пароходах и летят на самолетах. Причем современная техника позволяет преодолевать по воздуху огромные расстояния не только таким зверям, как бобры или соболи, но гораздо более крупным.

Животные, о которых сейчас пойдет речь, много часов летели над океаном. Потом много часов везли их по морю. Потом они жили в специальных вольерах, и лишь через год их выпустили в те места, где лет 150—200 назад был убит последний из этих зверей. Так в 1974 году на полуострове Таймыр оказались удивительные животные — овцебыки.

Когда-то овцебыки были широко распространены по всей Европе и бродили вместе с мамонтами, шерстистыми носорогами, дикими лошадьми. Изменение климата и некоторые другие причины сильно повлияли на животных мамонтовой группы, в том числе, естественно, и на овцебыка. Но на Крайнем Севере он мог бы сохраниться, если бы не люди.

Овцебык не удирает от врагов, в случае необходимости он выставляет навстречу опасности свои могучие, сильно расширенные у основания и образующие что-то вроде шлема рога. При этом самцы выстраиваются в круг или квадрат, помещают в середину самок и телят и принимают на себя удар. Таким образом они отбивают атаки волков и, говорят, даже медведей. Видимо, таким же образом встречали они и охотников — падали под пулями, но не отступали.

Так было на русском Севере, где последнего овцебыка убили в конце XVIII или начале XIX века. Так было и в Северной Америке, где последнее стадо овцебыков истребили в 1860—1870 годах. Быки сохранились лишь на северо-западе Канады и на северо-востоке Гренландии. В начале нашего века люди спохватились: ведь исчезает с лица Земли очень интересное и очень ценное животное.

Овцебык интересен всем. Например, он — самое шерстистое или точнее, может быть, самое длинношерстное животное на Земле: волосы его на боках достигают 90 сантиметров длины. Он «морозоустойчив». И не только потому, что имеет такую длинную шерсть, но и потому, что умеет сохранять тепло — не суетится, двигается степенно (если нет причины бежать). Кроме того, из-за особого свойства подкожного жира, находящегося в ногах овцебыка (он плавится при температуре более низкой, чем жир в других частях тела), кровь в них циркулирует слабо, и ноги зверя безо всякого вреда для него могут сильно охлаждаться, уменьшая тем самым общие теплопотери организма.

Овцебык очень нетребователен к пище, даже северный олень по сравнению с ним — настоящий обжора: питаясь тем же скудным кормом, что и олени, овцебыки потребляют его в 4 раза меньше!

Достоинства быка (с точки зрения человека) можно перечислять очень долго. Тончайшая шерсть, вернее подшерсток, похожий на пух, очень высоко ценится. (Раньше,

чтобы добыть этот подшерсток, животных убивали. Сейчас научились вычесывать быков, не причиняя им вреда.)

У овцебыков очень вкусное мясо, их молоко содержит 11 процентов жира.

Задумав спасти быков, люди решили расширить и места их обитания. Для этого сначала завезли овцебыков в Швецию, Норвегию и Исландию. Но там быки погибли от воспаления легких: без труда перенося сильные морозы в Канаде и Гренландии, они не смогли перенести влажности воздуха.

На Аляске дела пошли лучше. Вскоре там образовалось довольно крупное стадо.

В Западной Европе не отказались от идеи акклиматизации (точнее, от реакклиматизации) овцебыка. В 1929 году несколько животных было завезено на остров Шпицберген. Быки прижились, начали размножаться. Но во время второй мировой войны все стадо погибло — пришлось начинать заново.

Сейчас быки появились в СССР— их привезли с Аляски. Часть быков поселили на Таймыре, часть на острове Врангеля. Условия в этих местах для быков оказались благоприятными. Что же касается морозов и метелей—они овцебыкам не страшны. Низко опустив рогатые головы и, как врагов, встречая ледяные порывы ветра, овцебыки могут стоять сутки, двое, трое — держат «круговую оборону» против мороза и ветра, прикрывая собой малышей и их мамаш.

Страшнее для овцебыков сильные снегопады, когда невозможно доставать корм из-под снега. Но люди, взявшие на себя заботу об овцебыках, не оставляют их в беде — вездеходы, а если требуется, и вертолеты доставят еду попавшим в трудное положение животным.

Овцебыков называют еще мускусными быками, потому что в определенное время года специальные железы начинают вырабатывать секрет, напоминающий по запаху мускус. Но более употребительное название все-таки овцебык. Хотя бы потому, как точно заметил канадский исследователь Арктики В. Стефансон, «что он обладает почти всеми достоинствами коровы и овцы, а во многих отношениях превосходит их».

ОТ НОЕВА КОВЧЕГА ДО НАШИХ ДНЕЙ

И все-таки может так случиться, что ни в заповедниках, ни в питомниках, ни тем более в природе не удается сохранить животных. И тогда взоры любителей природы обращаются в сторону зоопарков. Впрочем, такое отношение к ним — явление новое, хотя история самих зоопарков весьма древняя.

Кто-то в шутку сказал, что первый зоопарк на своем ковчеге организовал Ной, о котором рассказывается в Библии. Он собрал в него животных и разделил их на «чистых» и «нечистых». Если же говорить всерьез, то первые зоопарки, сведения о которых дошли до нас, были созданы в очень далекие времена.

Так, древнеегипетские папирусы сообщают, что еще в 2900 году до нашей эры существовал крупный зоопарк в Саккаре. Другой зоопарк на берегах Нила был создан в XVI — XV веках до нашей эры фараоном Тутмосом III. Возвращаясь из военных походов, он привозил в свою столицу различных животных. А его мачеха даже снаряжала специальные экспедиции за животными в Пунт (теперешнее Сомали).

Примерно 31 век назад, как повествует китайская «Священная книга песен», был основан зоопарк в Китае. Он занимал площадь в 600 гектаров и назывался «Парк ума» (или «Парк разума»).

Ассирийские правители тоже были большими любителями зоопарков, причем даже специализированных: царица Семирамида предпочитала держать в неволе леопардов, ее сын Ниниа — львов, а царь Ашшурбанипал — верблюдов и львов.

В X веке до нашей эры был зоопарк и у царя Соломона.

В Европе впервые зоопарки появились, очевидно, у древних греков и римлян. Причем любознательные и просвещенные греки широко использовали зоопарки для изучения животных.

Однако доподлинные сведения о первых европейских зоопарках дошли до нас лишь из X века нашей эры.

Когда появились зоопарки в Америке, точно неизвестно, но известно, что в 1520 году, когда испанские завоеватели ворвались в столицу ацтеков, они уже застали там прекрасный, благоустроенный зоопарк.

Считалось, что первым зоопарком в России был Измайловский зверинец, устроенный царем Алексеем Михайловичем. Сначала в нем находился подаренный персидским шахом русскому царю слон, а затем стали там держать и других животных. Измайловский зверинец действительно был одним из первых зоопарков на Руси, и зоопарком довольно большим, причем животные содержались не только в клетках, но и в загонах, и даже на воле. Однако задолго до Измайловского зверинца (в 1061 году) существовал зоопарк в Новгороде, на Софийской стороне, где находился Зверино-Надеинский монастырь. В этом зоопарке содержались не только животные местной фауны, но и экзотические животные, которых привозили из дальних стран различные купцы и путешественники.

Первый в России зоопарк, который был открыт для широкой публики,—это Московский зоопарк, основанный в 1864 году. Его основатель—крупный ученый и общественный деятель профессор А. П. Богданов писал, что учреждение это должно быть не только коммерческим или развлекательным, должно служить просвещению народа, а также делу сохранения редких животных. Однако через четыре года после открытия зоопарка в Москве Богданов вынужден был отказаться от своих высоких идей, и парк превратился в чисто коммерческое заведение, где животные содержались к тому же в отвратительных условиях.

Таковы были все зоопарки, основанные в России (зоосады, как их называли), и многочисленные передвижные зверинцы, над которыми по ночам висел тоскливый вой голодных, измученных животных, а вокруг стоял тяжелый смрад от нечищеных клеток.

Передовые люди как в России, так и во многих странах мира пытались превратить зоопарки в научные и просветительные учреждения. Робкую попытку сделал в середине прошлого века Карл Гагенбек, известный торговец животными, но у него ничего не получилось. Хотя кое-что для спасения редких животных он тогда сделал.

Много сил созданию зоопарков, в которых животные по возможности меньше чувствовали бы неволю, отдал Альфред Брем. Сначала в Гамбурге, а затем в Берлине он по-

пытался создать зоопарки, которые стали бы и научно-просветительными учреждениями, и помогли бы сохранять редких животных. Но и Брем был сломлен долгой изнурительной борьбой с людьми, видевшими в зоопарках лишь средство обогащения. Однако заслуга Брема в том, что он сумел разработать, если так можно выразиться, теорию будущих зоопарков, которая начинает осуществляться на практике только сейчас. Только сейчас начали создаваться зоопарки, где животным созданы условия, максимально приближенные к естественным. В этих зоопарках стремятся удовлетворять «поведенческие потребности», свойственные этим животным, то есть животные не только будут сохранены физически — сохранятся их характерные черты, которые обычно теряются в неволе.

Попытки создать в Аскании-Нова зоопарк такого типа сделал в конце прошлого века Ф. Фальц-Фейн. Сын богатого помещика, он имел возможность не думать о коммерческой стороне дела, а просто держать животных в сносных условиях, заботиться о них. Однако зоопарк Фальц-Фейна был исключением. Основная масса зоопарков представляла собой зрелищно-коммерческие учреждения, куда многие люди ходили развлекаться, где даже можно было подразнить плененных зверей и птиц, поиздеваться над ними. И не удивительно, что большинство порядочных людей резко отрицательно относилось к зоопаркам и зверинцам.

Сейчас отношение к зоопаркам изменилось. И потому, что изменились сами зоопарки, и потому, что они в огромной степени стали помогать изучению животных, о которых мало известно науке. И, наконец, потому, что целый ряд животных уцелел на Земле лишь благодаря зоопаркам.

Вспомним хотя бы зубров. Ведь они существуют сейчас лишь потому, что некоторое количество их оставалось в зоопарках.

Антилопа белый орикс была когда-то широко распространена в Африке. Но вот появились охотники, вооруженные не только ружьями, но и пулеметами, установленными на автомобилях. А некоторые преследовали стада этих животных даже с самолетов, и в конце концов в природе не осталось ни одной этой антилопы. И только в зоопарках, защищенных от охотников и им подобных «любителей» природы, ориксы сохранились.

Еще более убедительный пример — история милу, или оленя Давида. Это удивительное животное с небольшой гривой и печальными глазами. У этого животного несколько названий. И одно из них в переводе с китайского означает «не похожий ни на одного из четырех». Действительно: рога у него оленьи, но на оленя это животное не похоже; хвост коровий, но и на корову оно не похоже; не похоже оно и на козу, хотя имеет козьи копыта, не похоже и на лошадь. Второе название этого животного — милу. А научное название — олень Давида — дано ему в честь путешественника и исследователя Азии Арманда Давида, который впервые увидел это животное и сообщил о нем ученым.

Увидеть милу было нелегко. Нигде в природе он не существовал. И единственное стадо в 120 голов, уцелевшее на Земле, паслось в императорском саду в Китае. Олени считались священными, их существование держалось в тайне, и постороннего, проникшего в эту тайну,

ждала жестокая казнь. Арманд знал, чем он рисковал. Но он был настоящим натуралистом и перелез высокую стену, окружавшую императорский парк, чтобы увидеть оленей.

«Вылазка» Арманда Давида имела важные последствия: об удивительных животных стало известно ученому миру, и китайцы уже не могли хранить в тайне существование милу. Вскоре несколько животных попало в Европу. А через 20 лет после этого разбушевавшаяся река Хуанхэ разрушила стены парка, олени разбежались и были истреблены. Последнего оленя в Китае убили в 1900 году.

В XX веке олени Давида вообще перестали бы существовать, но, к счастью, несколько экземпляров уже прижились в Европе. И через некоторое время олень Давида появился в ряде зоопарков мира. Он хорошо чувствует себя в неволе, и к 1922 году на Земле насчитывалось уже 64 милу. В 1935-м уже 300, в 1963-м — около 400. Сейчас их гораздо больше.

Наконец, еще один пример — лошадь Пржевальского.

Знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский привез из своих путешествий по Монголии шкуру и череп неизвестного ранее науке животного. В 1881 году зоолог И. С. Поляков описал это животное, определив, что оно является предком нашей домашней лошади, и назвал ее в честь путешественника и первооткрывателя лошадью Пржевальского. Уже тогда эти лошади были редкими. Сейчас в природе не осталось ни одной такой лошади. Зато уцелело несколько лошадей Пржевальского в зоопарках. И благодаря этому к 1971 году на земном шаре жили уже 182 чистокровных лошади Пржевальского.

Ученые называют зоопарки «зоологическими банками», где хранятся уникальные ценности. А Джеральд Даррелл, страстный защитник диких животных, организатор знаменитого зоопарка в Англии, в котором живет 24 вида редчайших животных, так сформулировал задачу зоопарка: «Его цель — попытаться спасти от полного истребления некоторые виды животных точно так же, как музеи хранят великие творения искусства, а различные общества обеспечивают охрану древних памятников и строений. Животные, населяющие вместе с нами эту планету, не менее важны, и если еще можно представить себе рождение нового Рембрандта или Леонардо да Винчи, то никакие наши усилия, даже в век потрясающего развития технологии, не могут возродить истребленный вид фауны».

Но животные в зоопарках не только охраняются и сохраняются. Некоторые редкие виды в зоопарках так размножились, что появилась возможность возвратить их в дикую природу. Например, Мальгашская республика (остров Мадагаскар) заключила с зоопарком Сан-Диего (США) соглашение о разведении некоторых видов лемуров в зоопарке, так как из-за интенсивной хозяйственной деятельности эти животные исчезают на острове. А львов в Африку перевозят из... Лондонского зоопарка, где, как в Пражском, Базельском и в некоторых других крупных зоопарках мира, хорошо налажена работа по разведению редких животных. Однако тут люди столкнулись с неожиданными трудностями: выращенные в неволе львы часто не могут приспособиться к новым условиям. Выращенные в неволе, они часто утрачивают свои основные хищнические

инстинкты и оказываются неспособными добывать корм на воле. Впрочем, это относится не только к хищникам. В 1975 году канадские биологи Р. и Б. Бриндемур по просьбе руководителей заповедника на острове Борнео организовали «школу» для орангутанов, выращенных в неволе. Оказываясь на свободе — в естественных условиях! — эти обезьяны не могут приспособиться и голодают. В «школе», организованной Бриндемурами, оранги учатся самостоятельно жить в джунглях.

Другая проблема — малое количество животных одного вида. В результате—скрещивание близких родственников, а это может привести к вырождению.

Безусловно, сильно влияет на некоторых животных и отсутствие естественного отбора.

Наконец, пока еще не все редкие или вымирающие животные, содержащиеся в зоопарке, размножаются в неволе. Однако работа в этой области фактически только начинается, и большинство ученых настроены оптимистически. Ведь в зоопарках уже успешно размножаются такие редкие животные, как карликовые бегемоты и окапи. (Из 200 окапи, живущих сейчас в зоопарках, примерно 150 родились в неволе.) В зоопарках живет и семь видов животных, в природе уже не встречающихся. И есть надежда, что благодаря зоопаркам они уцелеют на Земле.

Эту надежду поддерживает и тот факт, что многие зоопарки превратились сейчас из зрелищно-просветительных учреждений в научные (или сочетают и то и другое): ведь в зоопарках, как сейчас стало ясно, имеется прекрасная возможность изучать биологию животных. В условиях зоопарков можно наблюдать процессы, которые очень трудно, а порой и невозможно проследить в природе. «Ни в каком другом месте нельзя так хорошо изучить и исследовать, например, поведение животных во время размножения или в период роста, — пишет один из крупнейших современных зоологов, директор Берлинского зоопарка профессор Г. Дате. — Современный зоологический сад дает возможность сравнивать поведение отдельных особей одного вида и более или менее родственных видов животных».

«ДАТЬ ТИГРУ ДОМ»

В 1972 году индийское правительство, поддерживаемое в этом вопросе Международным союзом охраны природы и Всемирным фондом охраны дикой природы, разработало проект, получивший название «Тигр».

В 20-х годах нашего века в Индии было около 40 тысяч тигров, а в 1972-м оставалось всего 1,8 тысячи. В последующие годы эта цифра явно снизилась, так как, несмотря на запрет охоты и вывоза шкур за границу, браконьерство продолжалось. Тигры стали гибнуть от ядохимикатов — были обнаружены трупы десятков отравленных животных. Но одной из важнейших причин исчезновения хищников эксперты считают все-таки интенсивное уничтожение лесов, сокращение в них диких копытных, выпас скота и тому подобные мероприятия, сильно сокращающие места, пригодные для жизни этих хищников. Вот почему ученые считают необходимым в первую очередь сохранить природные места обитания животных. И не случайно операция по спасению тигров, начатая в Индии, в Национальном

парке Д. Корбетта, получила название «Дать тигру дом».

Спасение наших соседей по планете — вопрос очень многогранный. Это и запрет охоты на определенных животных, и заповедники, разведение некоторых редких животных в зоопарках и расселение по стране (или другим странам). Но это и сохранение исконных мест обитания животных. Однако возможно ли это? И имеет ли такое сохранение смысл? Ведь существует мнение (и его высказывают многие видные ученые), что на Земле в конечном итоге не останется ни клочка дикой природы. Деградация и разрушение мест обитания животных — так принято называть в науке преобразование земель в сельскохозяйственные угодья и осушение болот, строительство городов, поселков, предприятий и, конечно же, вырубка лесов. А к чему это поведет — отвечают американские ученые: по их прогнозам, если только тропические леса будут сокращаться такими же темпами, как сокращались они до сих пор, то к началу следующего века количество видов животных на Земле уменьшится примерно на 200 тысяч. (Конечно, имеются в виду все животные, в том числе и беспозвоночные, и мелкие позвоночные, но мы же говорили—и еще будем говорить — о том, что все виды важны в природе, каждый вид по-своему неповторим и уникален.) Мы сейчас еще не знаем, чем грозит исчезновение того или иного вида. Конечно, уже исчезло немало животных, а наша планета все-таки существует, катастрофы как будто не произошло. Но откуда мы знаем, что было бы, если б эти животные уцелели? Может быть, в распоряжении людей оказались бы какие-то очень важные охотничьи или домашние животные? И не знаем мы сейчас, какие животные из тех, что в настоящее время живут на Земле, вдруг могут оказаться совершенно необходимыми или, по крайней мере очень важными. Ведь могут возникнуть самые непредвиденные обстоятельства, возникнуть необыкновенные ситуации, когда считавшиеся нейтральными или даже вредными животные вдруг станут нужными или очень полезными для людей. Или вдруг при более тщательном изучении окружающей среды выяснится, что считавшиеся маловажными или вредными виды играют огромную роль в жизни нашей планеты. Такие примеры уже есть, и их немало. Мы еще поговорим об этом в следующей главе. А сейчас нас интересует другой вопрос: как же сохранить многообразие животного мира, когда человек все активнее наступает на девственную природу и, как писал Б. Гржимек, диким животным не остается места на Земле.

У людей есть много путей для этого. О некоторых мы уже говорили. Но есть и еще один путь — в этом стремительном движении вперед человечеству следовало бы чуть-чуть приостановиться, оглянуться назад, кое-что прикинуть и кое-где подсчитать.

Сейчас уже очевидно, что охрана живой природы тесно связана со статистикой, с расчетами и подсчетами. Статистика, расчеты становятся на охрану природы!

Человек начнет считать и сталкиваться с удивительными и парадоксальными на первый взгляд цифрами и фактами, которые могут убедить даже самого закоренелого прагматика, самого убежденного противника дикой природы.

Вот лишь один пример. Когда-то на Аляске были открыты богатые

россыпи золота. Вспыхнула «золотая лихорадка» — тысячи людей ринулись туда в надежде разбогатеть. И хоть многие вернулись ни с чем, золота на Аляске, видимо, было добыто много. Но вот прошел бум и, как точно заметил профессор А. В. Яблоков, «Аляска не манит больше золотоискателей, но охотники по-прежнему неплохо живут за счет живой природы, и страна богатеет». Да, золота добыли много, и в те годы стоимость этого драгоценного металла значительно превышала стоимость добываемых на Аляске мехов. Но вот кончилось золото, а дикая природа, и в частности звери, осталась. И сейчас подсчитано, что меха, добытые на Аляске, дали в десять раз больше прибыли, чем все золото, найденное там.

Это лишь один пример. Таких примеров можно привести немало. И каждый убедительно доказывает: чтобы сохранить фауну нашей планеты, человечество должно коренным образом пересмотреть свое отношение к животным, произвести, так сказать, переоценку ценностей.

Советский зоолог М. А. Заболоцкий рассказал однажды, как геологи нашли месторождение золота на территории одного заповедника. Так как заповедники тогда находились в ведении ВЦИКа, то они обратились к его председателю М. И. Калинину с просьбой разрешить разработку этого месторождения. Михаил Иванович поинтересовался, осталось ли еще где-нибудь в Советском Союзе золото. Геологи удивились такому вопросу и ответили, что золота достаточно и в других местах. Тогда Калинин им посоветовал добывать золото в этих местах, а уж когда его нигде не будет, начать разрушать заповедник.

Вот если бы так было всегда и всюду! Если бы все люди понимали, что часто все золото мира не окупит погубленной природы!

Конечно, люди не могут отказаться от прокладки дорог, строительства населенных пунктов, расширения городов и возведения плотин. Однако если еще недавно это делалось часто без тщательного взвешивания всех последствий, то сейчас уже серьезно задумываются над тем, сколько пахотной земли будет занято при строительстве плотины, сколько земли будет изъято из землепользования при прокладке дороги. Люди начинают серьезно считать, взвешивать — и это хорошо! Жаль только, что учитывают они еще не все — надо, чтобы проектировщики подсчитывали, сколько гнезд, нор, берлог будет уничтожено при том или ином строительстве и хотя бы приблизительно (настоящую стоимость никто подсчитать не может!) представляли себе, во что тот или иной проект обойдется государству: какие потери будут сегодня, завтра, через годы. Если бы такие подсчеты производились — наверняка многие проекты строительства искусственных морей или прокладки дорог, сооружения поселков или рытья каналов были бы пересмотрены, строительство было бы перенесено в другие места, а многие из-за убыточности (именно так!) были бы отменены вовсе.

Человек считает себя хозяином природы в силу имеющегося у него могучего оружия — разума. Но до сих пор хозяин не очень разумно хозяйничал на планете. Сейчас он это начал понимать. Доказательство тому — заповедники и национальные парки, Красная книга и запреты на отстрел животных, успехи зоологии и всех ее ответвлений, создание науки об охране животных

и многое другое. И все-таки по-настоящему хозяином природы человек станет тогда, когда научится по-настоящему считать. И не только убитых или сохраненных животных. Человеку надо уже иметь и в этом плане дело с более крупными числами и считать, если так можно сказать, «во времени», то есть делать расчеты не только того, что имеется или имелось, но и того, что может иметься.

Вот очень простой, но в то же время весьма показательный пример: прежде чем приступать к вырубке какого-то участка, следовало бы посчитать, что выгоднее — использовать древесину или добывать на нем белок. Возможно, древесина окажется доходнее, но может оказаться и наоборот. Как же это может быть? Ведь древесина — ценнейший продукт, она нужна во всех отраслях промышленности, продукты вторичные, то есть получаемые от переработки древесины, не только многочисленны, но и очень ценны, очень важны, часто — незаменимы. Как же их можно сравнивать с мехом, пусть даже с ценным и красивым? Конечно, нельзя! Так считали долгое время, так продолжают думать многие и сейчас. Думают так по инерции. Но человечество уже начало понимать, что пора отказываться от инерционного мышления. И вот стал появляться несколько странный, но очень точный термин—«эффект неиспользования», то есть определяется выгодность неиспользования какого-то участка природы. Допустим, того же леса, о котором мы сейчас говорили. Однако слово «неиспользование» — понятие условное, и в данном случае его надо понимать как «сохранение и использование в ином плане».

Конечно, если вырубить участок леса, то доход от древесины превысит все доходы, получаемые от леса. Но доход этот будет единовременный. Доход же от обитающих в этом лесу животных хоть и меньше, зато он постоянный, ибо животный мир, при правильном и рациональном отношении к нему, постоянно воспроизводится. Вот тут и надо считать. И если мы подсчитаем стоимость, например, пушнины, добытой в этом лесу за двадцать или тридцать лет, она, возможно, значительно превысит стоимость древесины, которую мы получили бы, вырубив этот лес. Не говоря уж о других продуктах, которые дает лес, не говоря уж о главном — о том, какое значение этот лес имеет для чистоты воздуха, для охраны водоемов. Так что оказывается иногда выгоднее не доставать топоры, оставить в покое пилы.

Может показаться странным, что в этой главке мы много говорим о выгодности, о доходах, о прибылях, — в общем, о коммерческой и финансовой стороне. Относится ли это к охране животных? Но дело в том, что у человека с его соседями по планете сложились сложные, многообразные и в том числе утилитарные отношения. Правильно налаженные, эти отношения могут помочь сохранению животных в сложных условиях современного промышленного мира.

Второе, что может показаться странным в этой главке, — это призыв к защите леса во имя охоты в нем на белок. Но опять-таки — странный он лишь на первый взгляд. На самом же деле, уничтожив лес, мы тем самым обязательно уничтожим всех белок, сохранив лес, мы тем самым «дадим дом белке», то есть сохраним ее природные места обитания, сохраним главный фактор

ее существования. А уж навести порядок в этом доме, то есть следить, чтоб отстрел был нормирован, чтоб зверьков было нужное количество (мало — плохо, много — тоже нехорошо), — дело уже дальнейшего.

Однако сохранять дом необходимо не только для белок или каких-то иных мелких зверей, и «эффект неиспользования» того же, допустим, леса будет не только в выгодности охоты. Напротив, охота — не единственная и отнюдь не главная сторона в отношении людей и животных. По крайней мере, сейчас она не главная. И чем дальше, тем меньшую роль она будет играть в жизни людей. Потому что настало время, когда необходим новый, совершенно иной подход к животным. Профессор Яблоков считает, что отношения должны меняться так: от промысла люди должны перейти к пастушеству, а от пастушества — к фермерству. «Промысел, — пишет Яблоков, — самая примитивная форма использования природных ресурсов, человек берет у природы готовые блага, ничего не давая ей взамен. Она хороша была лишь в первобытные времена. Теперь давно уже пора перейти на другой принцип взаимоотношения с природой: прежде чем что-нибудь взять у нее, надо ей сперва что-то дать».

Конечно, это впрямую не относится к белкам в нашем условном лесу. (Хотя, если говорить в широком смысле этого понятия, то и тут мы, во-первых, даем белкам дом, во-вторых, регулируем охоту. Так что «эффект неиспользования» вполне укладывается в рамки этого нового подхода.) Может быть, и охотники на Аляске как-то по-новому подходят сейчас к своему делу, а может быть, там еще не пришел черед менять отношения. Но вот во многих северных районах Евразии люди уже перешли к более прогрессивному отношению к диким животным. Пример тому — отношение людей к диким оленям. По сути дела, человек пасет диких оленей, то есть животных, которые ни по анатомическому, ни по морфологическому строению, ни по поведению не отличаются от тех, которые паслись здесь до того, как человек обратил на них внимание, или пасутся сейчас там, где нет поблизости человека. Конечно, имеется какая-то часть прирученных в полном смысле слова, но не о них сейчас речь. Речь идет об огромных стадах животных, природу которых человек не стремится изменить. Но он взял эти стада под контроль — перегоняет их с пастбища на пастбище, обеспечивает в случае необходимости кормом, охраняет от хищников, борется с болезнями оленей. Человек не промышляет этих животных в буквальном смысле, хотя и использует их в своих нуждах. Человек и не приручает их в прямом смысле, хотя и делает для этих животных многое. Иными словами, он помогает природе (в данном случае под природой мы имеем в виду оленей, которым человек дает все, что требуется) и берет у нее то, что ему нужно. Такое отношение человека с дикими животными получило название пастушества. Конечно, не ко всем оно применимо, не все животные нуждаются в такой форме отношений. Но мы и не пытаемся уравнять всех — в данном случае подходит пастушество, в других случаях для сохранения дикой природы подойдет еще более прогрессивная форма отношений — фермерство. Какое-то количество животных уцелеет благодаря запрету охоты на них. Люди уже ищут самые разные пути со-

хранения животных. Помогает им в этом и современная наука, и современная техника. Но главное — помогает людям великое мужество и преданность идее.

И МУЖЕСТВО, И КОСМИЧЕСКИЕ СПУТНИКИ...

На зеленом склоне холма, на самом гребне кратера Нгоронгоро, между уникальным заповедником Серенгети и выделенным из него резерватом, находится необычный памятник. На нем высечено: «Михаэль Гржимек. 12.4.35. — 10.1.59. Он отдал всё, что имел, даже свою жизнь за то, чтоб сохранить диких животных Африки».

Многие посетители этого заповедника останавливаются у памятника, но далеко не все знают, что Серенгети, может быть, уже перестал бы существовать как заповедник, если бы хмурым декабрьским днем 1957 года Михаэль Гржимек вместе со своим отцом — известным зоологом Бернгардом Гржимеком не отправились на самолете в Африку.

Сейчас Международный научно-исследовательский институт Серенгети носит имя Михаэля Гржимека, там изучают животных заповедника, там разрабатываются методы спасения диких животных Африки. А четверть века назад не только не велось никакой работы — существование самих животных в Африке вообще, и в Серенгети в частности, было под угрозой.

Национальный парк-заповедник Серенгети находится на территории бывшей Танганьики. В 1964 году Танганьика, освободившись от английского господства, вместе с другой, тоже ставшей свободной страной — Занзибаром образовала Объединенную Республику Танзанию. Но в 1957 году Танганьика была подмандатной территорией Англии, а английское правительство тогда, видимо, не очень заботилось о сохранении редчайших животных, иначе оно не стало бы сокращать территорию заповедника. Уменьшение заповедника — одного из немногих в Африке, где еще уцелели стада редких диких животных, — не просто механическое сокращение на одну треть площади. Оно грозило гибелью многим животным. И профессор Бернгард Гржимек понимал это. Понимал и Михаэль — еще совсем молодой, но уже опытный зоолог, как и отец, страстный защитник животного мира Земли. Но как доказать губительность такого проекта, как показать катастрофу, к которой приведет уменьшение территории заповедника?

Профессор Гржимек уже не раз бывал в Африке, бывал он и в Серенгети. Он знал: стада антилоп, зебр, жирафов кочуют по обширной территории. Почему? Что заставляет их перемещаться с места на место? Как далеко откочевывают эти стада,и не выйдут ли они за пределы заповедника, если его границы будут сужены?

Потом Михаэль Гржимек, совершая многочисленные поездки в разные части Серенгети, соберет образцы почв и трав. Благодаря этому ученые установят, что путешествуют животные не случайно: в определенное время года они кормились в определенных зонах, причем многие из этих участков лежали далеко за пределами предполагаемых новых границ. Значит, если будет сокращена территория заповедника, то большая часть животных окажется за его пределами, станет неохраняемой и неминуемо погибнет от браконьеров.

В конце концов профессор Гржимек докажет губительность сокращения площади заповедника. Но это произойдет позже. А на первых порах необходимо было сосчитать животных и убедить английские власти цифрами и фактами.

Ученые давно поняли, что считать животных необходимо. Без учета люди не узнали бы — ни сейчас, ни в дальнейшем, — сколько осталось тех или иных животных, какие стали редкими, какие исчезают. Не будут знать зоологи и каких животных становится слишком много, а это ведь тоже опасно: слишком большое количество в одном месте приводит к истощению пастбищ, а значит, к гибели животных от голода, от массовых заболеваний. Особенно важно это в заповедниках, где человек создает животным наиболее благоприятные условия существования, где их размножение не сдерживается регуляторами, имеющимися в природных условиях.

Поняв необходимость вести «природную бухгалтерию», ученые придумали и много способов подсчета животных. Например, таких животных, как бобры, ондатры, барсуки, имеющих постоянные жилища, считать сравнительно легко: надо, во-первых, найти их жилища; во-вторых, определить, какие из них обитаемы, какие брошены; в-третьих, выяснить, сколько зверей живет в обитаемых жилищах — один, пара или целая семья. А уж потом полученные цифры сложить или перемножить.

С лисами и волками — и сложнее и проще. Сложнее потому, что жилища у них временные, сооружаются только на тот период, когда появляется потомство. Поэтому норы и логова этих зверей ищут и учитывают только в первой половине лета. А проще потому, что легко определить, брошенные эти жилища или действующие: обитаемые хорошо отличаются от необитаемых.

Есть немало животных, которые вовсе не имеют жилищ. Их считают только зимой — по снегу, по следам. Однако это тоже не просто: ведь один заяц или один лось может оставить столько следов, что покажется, будто прошло целое стадо. Для того чтоб не ошибиться, поступают так: намечают пробную площадку и по ее границам стирают все следы. Потом загонщики идут цепочкой и заставляют зверей, находящихся внутри площадки, покинуть ее. Все звери обязательно пересекут полосу, на которой стерты старые следы, и оставят свежие. Вот эти следы и подсчитывают.

Конечно, жилища зверей разыскивают не по всему лесу, а на определенном участке — какой-то части леса. Допустим, это — одна его сотая. Значит, количество зверей в лесу примерно в сто раз больше, чем на этом участке.

Есть немало и других способов, причем в последнее время применяются новейшие достижения науки и техники. Однако все они не подходили Гржимекам, потому что работа, которую им предстояло выполнить, была совершенно необычной: им предстояло подсчитать количество животных на территории в 12 тысяч квадратных километров — именно такую площадь занимал Серенгети.

Английское правительство не только отказалось субсидировать работу Гржимеков — у него даже не нашлось денег, чтоб частично оплатить поездку ученых в Африку. У Гржимеков тоже не было денег на это. Но у них имелось огромное желание спасти животных Серенге-

ти, они видели в этом свой гражданский долг. Гржимеки отсняли фильм о диких животных. Фильм пользовался большим успехом. На деньги, полученные за фильм, они покупают небольшой самолет и, перед тем как отправиться в Африку, на некоторое время становятся учениками авиашколы.

До прибытия Гржимеков существовало мнение, что в Серенгети обитает более миллиона животных. Гржимеки начали проверять, так ли это. Считать животных с самолета очень трудно: надо пролететь над одной зоной много раз, чтоб учесть всех животных — ведь они не стоят на месте! К тому же самолет не имел глушителей, и к грохоту моторов невозможно было привыкнуть. Но Гржимеки работали, работали с каждым днем упорнее, потому что с каждым днем становилось все яснее: животных в Серенгети меньше, чем предполагалось, примерно в три раза: не миллион, а всего 367 тысяч.

Это уже само по себе было очень важным результатом. И это еще раз подтверждало, что сокращать территорию заповедника нельзя. Но надо было и обосновать такое утверждение, доказать, что животные будут выходить за пределы заповедника, если площадь его сократится. И выходить не по прихоти, не по привычке, а по необходимости, потому что кочевки для них жизненно важны.

Отец и сын пересаживаются с самолета на автомашину: надо пометить животных, чтобы можно было проследить их переходы, кочевки. При помощи специального ружья, стреляющего особыми пульками, Гржимеки усыпляли гну и газелей и надевали на них прочные, яркие и легкие ошейники. Эти ошейники не мешали животным, а людям помогали наблюдать за передвижением гну и газелей: даже издали ошейники были хорошо видны.

Метить зебр оказалось труднее: они не подпускали к себе на расстояние выстрела, приходилось их догонять на машине и ловить вручную — за хвосты. А это не только трудно, но и опасно — волосы на хвостах зебр остры как бритва.

Все же в скором времени сотни зебр щеголяли в ярких ошейниках. Теперь можно было с самолета и считать и следить, куда животные направляются.

Потом начал свои исследования Михаэль — он собрал образцы почв и трав в различных частях заповедника, и стало ясно, почему животные кочуют: в разное время года они пасутся на разных участках. Впрочем, Гржимекам это было понятно и раньше. Но надо было убедить тех, от кого зависели границы заповедника. И профессор Гржимек представляет веские доказательства, убедительно показывает, что животные в поисках корма будут обязательно выходить за пределы сокращенного заповедника. Доводы оказались убедительными настолько, что английским властям пришлось оставить заповедник в прежних границах.

А какой ценой были спасены животные Серенгети, напоминает людям скромный памятник Михаэлю Гржимеку, разбившемуся на самолете во время работы.

Впрочем, история этого памятника — особая история.

Когда весть о гибели молодого ученого разнеслась по миру (а многие люди в разных странах с интересом и волнением следили за работой Гржимеков), отовсюду в адрес отца стали поступать деньги на па-

мятник Михаэлю. Но Бернгард Гржимек решил распорядиться этими деньгами иначе. Можно представить себе, как хотел он соорудить прекрасный памятник сыну, однако он не сделал этого, он использовал деньги на организацию лаборатории имени Михаэля Гржимека, которая сейчас превратилась в Международный научный институт. Это — настоящий памятник мужественному Михаэлю. Но самый лучший памятник ему — сотни и тысячи животных, сохранившихся в Серенгети.

А в другой части Африканского континента и тоже на крутом склоне находится могила Карла Экли — мужественного и благородного человека, который тоже отдал жизнь делу спасения диких животных, и в частности спасению горных горилл.

Горную гориллу открыл в 1902 году немецкий офицер Оскар фон Беринге. Вообще-то ученым гориллы известны давно. Но обитали они, по мнению зоологов, совершенно в другой части Африки, за тысячи километров от тех мест, где сделал свое открытие Беринге. Сначала Беринге не поверил — ведь он был офицером, занимавшимся в Африке отнюдь не зоологическими исследованиями. Но Беринге был человеком образованным и упрямым. Он собрал доказательства и представил их зоологам. Доказательства убедили ученых, и они вынуждены были признать открытие Беринге.

Открытая Беринге горилла получила название восточной горной, так как жила в горах Восточной и Центральной Африки, а известные уже ученым гориллы стали называться западными береговыми, или гориллами низменностей, так как жили на побережье Западной Африки и на обширной холмистой равнине, уходящей километров на 500 в глубь континента.

Через два десятилетия после открытия Беринге Американский музей естественной истории посылает в Африку известного натуралиста и скульптора Карла Экли с заданием застрелить нескольких горилл для изготовления чучел, которые будут находиться в музее. Пять раз стрелял Экли в этих огромных и редких животных. Пять раз слышал он отчаянные предсмертные крики обезьян. Пять раз видел он, как падал великолепный зверь, пытаясь из последних сил ухватиться за ветку, как бился на земле в предсмертных судорогах. Экли выполнил задание музея. Но потом снова вернулся в Африку. На этот раз для того, чтоб выполнить требование своей совести и своего сердца — начать борьбу за спасение горилл, которых уже тогда оставалось немного, но на которых все-таки продолжали охотиться.

Экли был свидетелем развлечения шведского принца Вильгельма, в короткий срок убившего 14 горилл. В это же время американец Бербридж погубил еще десяток. Всего за несколько лет в небольшом районе — в последнем прибежище этих обезьян — было уничтожено 54 гориллы. Экли очень хорошо понимал: если так будет продолжаться, то через несколько лет горные гориллы исчезнут.

Бельгийские колониальные власти, управлявшие территорией, на которой находилось последнее пристанище горных горилл, не очень интересовались наукой, не очень беспокоились о животных. Но Экли был упорен, настойчив и мужествен: он сумел поднять на защиту горных горилл тысячи людей — поднял прессу и ученых, поднял любите-

лей природы во всем мире. И колониальные власти вынуждены были создать в 1925 году национальный парк Альберта. Но никто не знал, сколько осталось в нем горилл. Для того чтоб выяснить это, чтоб изучить жизнь горилл, Карл Экли снова приехал в Африку. Но ему не пришлось еще раз встретиться с животными, охране и защите которых он решил посвятить жизнь: Экли умер в самом начале экспедиции.

Его похоронили в парке, который был создан благодаря его мужеству и настойчивости. Но над могилой энтузиаста еще долго продолжали звучать выстрелы.

И все-таки горные гориллы не были полностью уничтожены. И большая заслуга в этом Карла Экли. Сейчас, когда бывшие колонии получили независимость, охрана природы в Африке значительно продвинулась вперед. На месте парка Альберта создан Национальный парк Вирунга, площадью в 800 000 гектаров, где сейчас живут примерно 200—250 горных горилл. И возможно, объявление животных этого заповедника национальным достоянием Республики Заир прекратит или хотя бы значительно уменьшит браконьерство и горные гориллы будут спасены, сохранятся на Земле.

Горные гориллы, как пишет английский исследователь Д. Фоссет, «несмотря на свое могучее сложение — одни из самых добродушных и робких животных». Но это мы знаем сейчас. Знаем благодаря ученым, таким, как этот же Фоссет, проведший много месяцев среди горных горилл, и главным образом благодаря американскому зоологу Джорджу Шаллеру, совершившему, по словам профессора М. Ф. Нестурха, научный подвиг.

Горные гориллы крупнее и мощнее береговых. Рост самцов достигает почти двух метров, а вес 300 килограммов. К тому же горные гориллы очень грозны внешне. Местные жители и некоторые путешественники описывают их как очень кровожадных и опасных животных. Но Джордж Шаллер, вооруженный лишь биноклем и фотоаппаратом, прожил среди горилл целый год, изучил их повадки, привычки, характер и объявил всему миру, что обезьяны эти, если их не пугать и не ставить перед необходимостью защищаться, — спокойные и достаточно кроткие существа. Шаллер, конечно, рисковал: при всей незлобивости горилл это все-таки дикие звери, и «наблюдатель мог бы жестоко поплатиться за нежелательность его присутствия для этих очень крупных и мощных обезьян», — писал М. Ф. Нестурх. Но Шаллер сделал то, что не делали другие, — он пошел к обезьянам, заставив себя преодолеть предрассудки, преодолеть предвзятое мнение ученых. Он вошел в мир горилл, заранее определив свою задачу: установить с ними контакт и доказать миролюбивость обезьян.

Доказать истину не легко. Нередко это стоит жизни.

Человек, о котором сейчас пойдет речь, очень любил природу, очень любил зверей. И жизнь свою он посвятил природе, зверям.

Во время Отечественной войны он стал солдатом. На фронте был тяжело ранен. Из госпиталя выписался инвалидом. Он имел право отдохнуть, мог заняться какой-нибудь легкой работой. А он, едва оправившись от ранения, уехал в тайгу. Он сутками бродил в чащобах, спал у костра, часто жил впроголодь и уставал до изнеможения. А сил было мало. И здоровья тоже:

ведь инвалидность он получил не случайно. Но человек шел на все ради того, чтобы... поближе познакомиться с тиграми, чтобы восстановить истину.

Человек этот — его звали Лев Григорьевич Капланов — был молод, но считался уже опытным зоологом. Сам он себя опытным не считал, а лишь хотел стать таким. И заветной мечтой его было — узнать правду о тиграх самому и рассказать ее людям. Это звучало несколько странно — ведь тигров люди знали давно, о них много, очень много писали. В любой книге о хищниках, будь то научный труд или записки путешественников, — всюду можно было прочитать о тиграх, узнать, какой это опасный, коварный и кровожадный зверь. Даже в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля слово «тигр» объясняется коротко и ясно: «лютый зверь».

Правда, имелись и другие мнения. Например, еще в середине прошлого века знаменитый русский зоолог и путешественник Н. А. Северцев писал, что кровожадность и свирепость тигра сильно преувеличены, и называл это «неудачной выдумкой».

Туркестанский охотник Е. Сысоев, одно время активно призывавший к полному уничтожению тигров, в 1875 году пришел к выводу, что «это не лютый зверь, опоэтизированный в наших народных сказках и баснях, а кошка, которая показывает свои страшные когти и зубы только для защиты собственной шкуры».

О многочисленных встречах с тигром рассказывал и известный советский исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев.

Но таких высказываний о тиграх было немного, большинство зоологов и путешественников считали тигров коварными и кровожадными.

Лев Капланов не верил им. Он ходил по следам тигров, он сталкивался с ними «лицом к лицу», и тигры не трогали его. Капланова убил браконьер, оказавшийся гораздо страшнее и коварнее любого хищного зверя. Но зоолог успел собрать интереснейший и ценнейший материал. И уже после его смерти вышла книга, ставшая поворотным пунктом отношения людей к тиграм.

«Тигр стоит на грани полного уничтожения, — писал Капланов. — Между тем его не только можно, но и нужно сохранить в составе дикой фауны». И собранный Каплановым ценою жизни материал показывал правоту и справедливость этих слов. После книги Капланова и работ поддержавших его затем зоологов люди стали иначе смотреть на этого зверя.

Михаэль Гржимек, Карл Экли, Лев Капланов — лишь три имени. На самом деле их гораздо больше — гораздо больше людей, отдавших жизни за спасение животных. Но еще больше людей, совершивших, подобно Шаллеру, научный подвиг.

Джейн Лавик-Гудолл было двадцать лет, когда она одна отправилась в джунгли, чтоб узнать правду о шимпанзе. Ведь и о них люди знали мало, и о них рассказывали легенды. Десять лет провела она среди обезьян. Сколько мужества и моральной силы, сколько самозабвения понадобилось этой женщине, променявшей обеспеченную и комфортабельную жизнь в городе на трудную, опасную жизнь в джунглях! Сколько доброты и терпения потребовалось ей, чтоб завоевать доверие шимпанзе, узнать их жизнь

и рассказать об этой удивительной жизни людям!

А затем она и ее муж Гуго ван Лавик-Гудолл решили рассказать миру правду о гиенах, шакалах, гиеновых собаках — животных, считавшихся кровожадными и безжалостными убийцами, вороватыми и коварными прихлебателями. Но Гуго и Джейн рассказали другое, то, чего не знали даже многие ученые, — они рассказали об умных зверях, верных друзьях, преданных родителях. Для того чтоб узнать это, Гуго и Джейн много месяцев жили бок о бок с этими животными, непрерывно сменяли друг друга, наблюдая за ними. Надо было фанатически любить животных, чтоб проделать это.

А сколько любви к животным потребовалось Джой Адамсон — отважной женщине, отличному художнику, мужественному человеку, чтоб стать другом хищных кошек — львов и гепардов. Хищники верили человеку, человек верил зверям. Они были истинными, добрыми соседями по планете. Джой Адамсон, как и Лев Капланов, погибла от рук браконьеров.

Ян Линдблад был прикован к постели с детства. Любовь к природе помогла ему сделать невероятное: он не только встал на ноги — настойчивые и упорные тренировки помогли ему сделаться прекрасным танцором и одним из лучших в мире цирковым акробатом. Но славе и материальному благополучию Линдблад предпочел трудности и лишения, которые ждали его во время путешествий в джунгли или в тундру, а громкую славу артиста он поменял на скромное звание борца за спасение животных.

Их много — благородных людей, спасающих животных. У них было (или есть сейчас) разное оборудование: у Гржимеков имелся самолет, а у Экли вряд ли было что-нибудь, кроме ружья для самозащиты и бинокля для наблюдений; Шаллер взял с собой лишь бинокль и фотоаппарат, а Линдблад, чтоб рассказать людям о животных, использует новейшие достижения акустики, электроники и кинотехники.

Сейчас люди, изучающие и спасающие животных, получили возможность пользоваться новейшими достижениями техники, вплоть до космических спутников. Но какое бы оборудование у них ни имелось, главное — их личное мужество. Типичный пример тому — работа по спасению белого медведя.

Белый медведь как будто должен быть вне опасности: живет далеко, в безмолвных просторах Арктики, где врагов у него нет, да и численность зверя сравнительно не такая уж маленькая: по предположению одних ученых, белых медведей на планете сейчас 7—9 тысяч, по предположению других — даже 10—20 тысяч. Это, конечно, немного, но и не так уж катастрофически мало. А в прошлом веке белых медведей было, видимо, гораздо больше. И тем не менее уже в прошлом веке начали раздаваться голоса в защиту белого медведя.

Оказывается, несмотря на отдаленность мест обитания белого медведя, люди его знали издавна — еще в первом веке он был известен римлянам, в VII веке его хорошо знали японцы, в IX веке на него активно охотились норманны, а в XIII веке, как писал Марко Поло, белые медведи были у татарских кочевников.

В XII—XIII веках на берег Баренцева моря пришли русские, и вскоре шкуры белых медведей появились в Новгороде и в Москве.

С каждым десятилетием все больше осваивались берега северных морей, все больше становилось промысловиков, зверобоев, торговцев пушниной и мехами. Правда, надо сказать, что специально на белых медведей охотились редко — их убивали попутно охотники за тюленями и китами. (Местные жители добывали медведей, но это не могло нанести серьезного ущерба медвежьему поголовью.)

Истребление медведей началось с прошлого века, когда значительно уменьшилось число китов и тюленей, и тюленебои, как и китобои, стали уже специально охотиться на медведей. К тому же начали входить в моду ковры из шкур белых медведей (а значит, появился большой спрос на них).

Все это привело к тому, что в первой половине нашего века уже сложилась тревожная обстановка. А медведей по-прежнему продолжали истреблять: в 20—30-х годах в Арктике убивали более 2 тысяч медведей ежегодно. Рождаемость даже при обычных условиях уже не могла бы восполнить потери. А тут еще начало создаваться ненормальное положение для самок: люди осваивали Север, и все меньше оставалось удобных мест для медвежьих «родильных домов».

Количество зверей продолжало уменьшаться, но их по-прежнему истребляли местные жители, а для богатых американцев и канадцев на Аляске были устроены специальные аэродромы, где в аренду сдавались вертолеты и спортивные самолеты, с которых охотились на белых медведей. («Полярное сафари — всего 3 тысячи долларов за удовольствие подстрелить с воздуха белого медведя». И находилось множество желающих!)

Правда, в США и Канаде стали делать вид, что как-то контролируют охоту на медведей, однако в Норвегии никакого запрета не было, и белых медведей продолжали истреблять все, кто хотел. Даже в 60-е годы, по самым скромным подсчетам, убивали не менее 1,5 тысячи медведей в год. И стало ясно: над белыми медведями нависла угроза полного исчезновения.

Советский Союз первым отказался от промысла белого медведя. Еще в 1938 году зверей запретили убивать с кораблей, после Отечественной войны в ряде районов была запрещена охота на белых медведей. Но ведь зверь не признает границ: сейчас он находится в безопасности на нашей территории, а завтра может оказаться на территории США, Канады или Норвегии и угодить под выстрел. И тогда подняли голос ученые этих стран. К ним присоединились ученые всего мира. Общественность многих государств потребовала запретить охоту на белых медведей, тысячи и тысячи людей обращались к правительствам США, Канады, Норвегии, Дании. Среди них, может быть, одними из самых активных были дети, требовавшие спасти белого медведя. И правительства стран, на территории которых живут белые медведи, вынуждены были последовать примеру Советского Союза и запретить охоту на этих зверей. А в 1957 году было заключено международное соглашение по охране белого медведя.

Однако запретить охоту—это еще далеко не все. Нужны и другие меры. Но что же можно сделать, чтобы не только не сокращалось поголовье этого хищника, который, кстати, играет большую роль в сохранении биологического равновесия в Арк-

тике, но и увеличивалось? Вот об этом и задумались ученые, вдруг понявшие, что очень мало знают о белом медведе.

Тогда была создана Рабочая группа по белому медведю, первым председателем которой стал советский ученый С. Успенский. Началось активное выяснение, где живут белые медведи и как кочуют, что, кроме охоты, угрожает их жизни и как размножаются эти звери, сколько они весят зимой и летом, каковы их болезни.

Но чтобы найти ответы на все эти вопросы (или на многие из них), нужно, по крайней мере, подойти к зверю. А это не так-то просто. Хотя и считают, что белый медведь, как правило, на людей не нападает и, по свидетельству С. Успенского, его можно отпугнуть даже позвякиванием ключей, вряд ли кто-либо из этих зверей позволит осматривать зубы или разрешит взвесить себя. А это надо, так же как надо прикрепить к ушам медведя цветные «сережки» с определенным номером, чтобы при необходимости можно было узнать, где он окольцован и куда добрался, кочуя по льдам. И надо пометить зверя, нарисовав у него на спине большие яркие цифры — их видно с воздуха, и это дает возможность зоологам наблюдать за медведями. И еще надо умудриться прикрепить к медведю маленький радиопередатчик — его укрепляют на специальном ошейнике, сделанном из стального троса (он же служит антенной), и ученые могут следить за медведем на расстоянии десятков километров. Да, все это и многое другое очень надо. И чтоб иметь возможность все это проделать, а значит, приблизиться к медведю и произвести над ним различные манипуляции, ученые применяют специальные «летающие шприцы» — приборы, которые обездвиживают медведей.

Техника пришла на помощь биологам. Причем техника самая новая: уже применяются для учета медведей во льдах приборы, улавливающие инфракрасное излучение, приборы ночного видения, приборы, позволяющие на расстоянии измерять температуру и освещенность в берлогах, даже искусственные спутники Земли стали помогать биологам, изучающим белых медведей. И все-таки главным оружием ученых было и остается их мужество. И дело не только в том, что неизвестно, на сколько времени действует укол «летающего шприца» — медведь в любую минуту может проснуться; и не только в том, что нередко приходится подходить к берлогам вплотную; и не в том, что долгие месяцы и годы проводят люди на Севере, променяв удобства и комфорт больших городов на долгие полярные ночи, на пургу и мороз. А в том, что они, как пишет один из отважных людей Севера профессор С. Успенский, «поняли, как нужен Арктике белый медведь, как он украшает эти просторы и как много они потеряют, его лишившись».

Да, новейшая техника пришла на помощь людям. Но по-прежнему основное оружие в спасении диких животных, оружие самое сильное, нестареющее и нержавеющее — это благородство и мужество.

У человека вполне достаточно объективных причин, чтобы стремиться к сохранению дикой природы. Но в конечном счете природу может спасти только его любовь.

ЖАН ДОРСТ

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

(Человек и дикие звери)

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ БЕГЕМОТ!

Неподалеку от Нью-йоркского зоопарка есть необычное кладбище. В строгих и скорбных рядах выстроились двести с лишним могильных камней. На каждом камне — название животного, перечеркнутое надписью «вымер». Это, конечно, символическое кладбище, имеющее целью лишний раз напомнить людям, как скудеет наша планета.

А в самом зоопарке — другой символ: у клетки из толстых металлических прутьев висит табличка: «Самый опасный хищник на Земле». Заглянув в клетку, можно увидеть зеркало и в зеркале — свое собственное отражение. Горькая, но правдивая шутка. Да, человек — виновник гибели множества наших соседей по планете. Это человек дикий и человек вполне цивилизованный. Человек, не ведавший, что творил, и человек, действовавший или действующий вполне сознательно.

Ведь еще совсем недавно находились люди, которые утверждали, что дикие животные на нашей планете должны быть полностью уничтожены, а дикая природа должна быть заменена культурными ландшафтами.

Это, конечно, крайность. И сейчас, во всяком случае, такое мнение высказывают лишь очень немногие и очень недальновидные люди. Но даже те, кто к природе вообще, и к диким животным в частности, относится вполне лояльно, могут задать вопрос: для чего, собственно, они нужны?

Действительно, почему люди скорбят о том, что исчез тасманийский волк? Почему тратят силы на спасение находящегося где-то в далекой Африке бегемота? Почему радуются, что на Земле сохранились бизоны и зубры?

Почему Жан Дорст предлагает всю поверхность Земли разделить на три зоны: первые две (зоны городской и примыкающей к ней застройки и зону интенсивного землепользования) отдать человеку, а третью (нетронутую или мало использованную природу) оставить диким животным? Эта зона, включая заповедники и национальные парки, должна занимать не менее трети каждого государства? Кажется фантастичным — в наше время треть Земли отдать в распоряжение диких животных! Но Дорст считает, что так должно быть. И не один он. Почему? Зачем?

Наверное, в первую очередь потому, что люди стали думать о спасении диких животных. «Симпатия, испытываемая человеком ко всем живым существам, делает его настоящим человеком», — писал замечательный гуманист XX века Аль-

берт Швейцер. А на Земле имеется много настоящих людей. И еще больше хотят стать ими.

Видимо, надо быть настоящим человеком, чтобы бороться за спасение животных, не щадя сил. Не за свою собаку или кошку, которую знаешь по имени, а за тысячи безымянных кошек и собак, которые нуждаются в заботе человека, за антилоп и бегемотов, носорогов и слонов, живущих в далекой Африке или Азии, за полярного медведя, бродящего между торосами, и за орангутана, еще прыгающего пока по деревьям в густых лесах Калимантана. Мы уже говорили об этом, говорили о многих людях, посвятивших свою жизнь животным.

«Доброта, — писал замечательный советский педагог В. Сухомлинский, — должна быть такой же неотъемлемой частью человека, как его дыхание».

Доброта в высшем своем проявлении свойственна людям, спасающим животных, людям, которые знают, что и крошечная антилопа дик-дик, и великан слон способны страдать и чувствовать боль, что они хотят жить, как хотят жить все существа на Земле.

Добрых и благородных людей на нашей планете много. И их становится все больше и больше. Это огромное счастье для нас и для наших соседей по планете.

Но есть и равнодушные. Их тоже много. К сожалению, еще слишком много. Они сами не убивают животных, они даже не против того, чтобы животные существовали на планете. Но при обязательном условии: чтобы не мешали им, равнодушным. Впрочем, тем, кто захочет уничтожить животных, равнодушная часть человечества молча разрешит это сделать. Они не будут протестовать, тем более не будут тратить силы, чтобы защитить наших соседей по планете. При этом равнодушные люди абсолютно уверены, что все происходящее верно, что все так и должно быть. Уничтожают животных где-то в Африке? Ну и пускай. Никакой беды нет. Что изменится от того, будут существовать эти животные или нет? Ну есть, конечно, полезные, без которых человеку не обойтись, которые приносят пользу. Даже как-то влияют на жизнь людей. А остальные... Да что о них беспокоиться?!

Есть люди, равнодушные к произведениям искусства, к памятникам архитектуры. И были времена, когда одни с легким сердцем отдавали распоряжения взрывать, разрушать уникальные сооружения, а другие спокойно взирали на все это. Были времена, когда в пламени исчезали полотна великих мастеров, гибли неповторимые творения скульпторов, уникальные изделия ювелиров и чеканщиков.

Сейчас даже равнодушная часть человечества уже не высказывается (по крайней мере, публично) о том, что все это не нужно, что все это можно разрушить и уничтожить. Хотя, может быть, в душе еще немало людей считают, что незачем тратить силы и средства на охрану и восстановление старины, лучше заняться строительством современных стадионов и дворцов культуры.

Спору нет — и стадионы, и дворцы культуры нужны. Однако нужны не только дворцы, но и сама культура. Памятники архитектуры и произведения искусства — достояние человека, его богатство, его культура, его прошлое и настоящее. И хотя понимают это еще не все, ценность материальной и духовной культуры уже публично не обсуждается.

Животные на нашей планете еще являются предметом споров или равнодушного пренебрежения. А ведь они — тоже достояние человечества, его богатство, его настоящее и будущее.

«Вечной останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через пятьдесят лет вряд ли кого-нибудь будут интересовать конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через пятьдесят лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце... Любой будет стоять в немом восхищении и безмолвно схватит за руку своего соседа, когда впервые в жизни увидит, как 20 тысяч полосатых «тигровых лошадок» не спеша пересекают из конца в конец бескрайнюю степь.

Так неужели же действительно бессмысленно сейчас стараться что-то сделать для этих людей, этих львов и этих зебр, которые будут жить через пятьдесят лет? И для тех, которые будут жить через сто и через двести...» — писал Б. Гржимек.

Но равнодушному человеку этого не понять. Впрочем, трудно винить людей, смотрящих на животных утилитарно: ведь испокон веков люди привыкли делить своих соседей по планете на полезных и вредных. Одних миловали и пестовали, других боялись и уничтожали.

Потребовалось очень много времени, понадобились громадные усилия, нужно было глубокое проникновение в суть явления, чтобы понять наконец: в природе нет вредных и полезных — все зависит от обстоятельств, и иногда полезное может вредить, а вредное может оказаться необходимым. Чем больше узнавали люди, тем больше менялось их представление о «добре» и «зле» в мире животных. Мало того, люди теперь знают, что все в природе тесно взаимосвязано, что все живое соединено друг с другом, с землей, воздухом, водой тысячами невидимых, но очень прочных нитей. И обрыв этих нитей опасен: он может сказаться сегодня, или завтра, или послезавтра. И не обязательно где-то поблизости от самого обрыва нити — аукнется в одном месте, а откликнуться может в другом.

Вот лишь несколько примеров.

Для чего нужны слоны? В некоторых странах Азии слонов используют. Так, может быть, африканских слонов не стоит охранять, тем более что дело это нелегкое и хлопотное. Произойдет ли что-нибудь, в конце концов, от того, что исчезнут африканские слоны?

В жаркие, засушливые месяцы в местах, где живут слоны, нередко пересыхают источники и водоемы. Слоны не могут жить без воды, поэтому научились ее добывать: могучими бивнями вырывают глубокие ямы, которые постепенно наполняются находящейся в земле водой. Правда, такое случается не всегда, но в большинстве случаев воду слоны добывают. Очевидно, они обладают какой-то интуицией: слоны почти никогда не роют ямы там, где воды нет. Иногда, правда, воды бывает мало, иногда это всего лишь мутная жижа, но тем не менее все-таки влага, которая спасает слонов от гибели. Слоны выпивают, конечно, не всю воду из этих ям. И у ям находят спасение сотни других животных, умирающих

от жажды и не способных самостоятельно добыть воду. А что было бы, если бы не слоны? Впрочем, гадать не надо, люди уже многократно убеждались: там, где исчезли слоны или их стало слишком мало и некому устраивать такие водопои, наблюдается массовая гибель животных.

Роль слонов в жизни других животных этим не исчерпывается. Во время кормежки слоны обгладывают листву с ветвей деревьев, а нередко валят и сами деревья. Если это происходит в лесу, то лес становится светлее, лучше развивается травянистая растительность, увеличивается количество корма для многих копытных.

В саваннах немаловажную роль играют удобрения: благодаря слонам в одном из резерватов Уганды почва получает в год 40 тонн высококачественных удобрений на гектар.

Таким образом, слоны, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к зебрам, антилопам и другим копытным, облегчают им жизнь, спасают от гибели. А что могло бы произойти, если бы исчезли копытные? Возможно, последовали бы какие-то другие явления, а они повлекли за собой новые, может быть, весьма печальные или даже трагические события. А ведь первопричиной их были бы слоны, вернее, отсутствие слонов. Такое уже случалось. Правда, виноваты были не слоны, а бегемоты.

Вот уж, казалось бы, нелепое, ненужное создание! И совершенно непонятно, почему вдруг ученые начали связывать гибель урожая на полях и распространение тяжелых болезней с исчезновением бегемотов. Тем не менее бегемоты имели прямое отношение и к тому и к другому. Но поняли это люди слишком поздно, когда произошло уже много бед и несчастий.

Бегемоты на суше — существа довольно неуклюжие. Чтоб спуститься в воду, им нужен пологий склон. Такой склон на берегу они находят, выбирают на нем наиболее удобное место и пользуются им изо дня в день. Постепенно тропинки, которые протаптывают бегемоты, превращаются в своеобразные галереи, причем они могут быть до полуметра глубиной в жестком грунте и до полутора метров в мягкой почве.

По этим галереям-тропинкам бегемотам удобно спускаться с берега в воду. Но эти же галереи-тропинки превращаются в настоящие водосбросы или водоотводные каналы, когда по ним после сильных ливней устремляются в реки дождевые воды.

Истребили бегемотов — некому стало прокладывать галереи, и не стало каналов, по которым вода стекала в реки. Она остается на полях, превращая их в болота и, естественно, губя посевы.

Людям было трудно понять, почему гибнут посевы. Еще труднее понять, как связано возникновение болезней с уничтожением бегемотов. А связь, оказывается, имеется, причем самая непосредственная.

Бегемоты — животные растительноядные. Пищу находят на берегах и на дне водоема. На растениях часто живут моллюски. А в этих моллюсках находят себе пристанище возбудители опасных болезней. Бегемоты уничтожали растительность, а заодно и моллюсков и возбудителей болезней, естественно, тоже. Исчезли бегемоты, и растительность уже никто не уничтожал. На ней в изобилии расплодились моллюски,

а значит, появилось огромное количество возбудителей болезни. Казалось бы, бегемот никак не влияет на распространение болезни. Непосредственно действительно не влияет, а фактически, как видим, влияет, и очень серьезно.

Когда-то Чарлз Дарвин сказал, что благодаря старым девам в Англии еще не перевелись бараньи отбивные. (А его друг Томас Гексли добавил, что благодаря этому Англия имеет самый мощный морской флот.)

Странно, но если разобраться, Дарвин и Гексли оказываются правы.

Старухи в Англии во времена Дарвина очень любили (вероятно, любят и сейчас) кошек и в изобилии держали их в своих загородных домах. Кошки уничтожали мышей, которые разрушали шмелиные гнезда. Таким образом, кошки спасали шмелей. Шмели — единственные опылители клевера. Клевер — любимая еда овец и баранов. Не будет клевера — исчезнуть бараны, и не станет бараньих отбивных. А английские матросы (это уже добавил Гексли) очень любят бараньи отбивные, они придают силы морякам, а сильный моряк — это сильный флот.

Шутливая цепочка, которую выстроили Дарвин и Гексли, — не такая уж шутливая на самом деле. Достаточно вырвать из этой цепи одно звено, и вся цепь распадется. Так в природе всегда. Мы часто не видим непосредственной связи между животными. Но это не значит, что ее нет. Связь есть всегда, поэтому к оценке роли каждого животного надо подходить очень осторожно. Даже к грызунам, которые нередко приносят большой вред. (Крысы и домовые мыши в расчет не принимаются — они уже выключены из природной цепи, потеряли все связи с природой, стали нахлебниками, живущими за счет человека.)

Многие грызуны, живущие в природе, приносят большой вред лесному и сельскому хозяйству. Но представим себе, что люди уничтожили всех грызунов. Тем самым они, естественно, спасли большое количество зерна, лесных семян и так далее. И вот идем мы по тихому полю или по тихому лесу. Никто не мелькнет в траве, никто не зашуршит сухими листьями. Нет ни лесных мышей, ни полевок. Но нет и лис, куниц, горностаев, хищных птиц. Мы их не уничтожали — они погибли сами, погибли от голода, потому что грызуны были их основной пищей. А гибель лисиц или хищных птиц приведет вот к чему: рано или поздно в эти края попадет парадругая грызунов. Очень скоро они размножатся в огромных количествах — ведь грызуны вообще очень плодовиты, а тут еще и сил, сдерживающих их размножение, нет. И вот тогда-то грызуны начнут вредить по-настоящему!

Но представим себе, что грызуны в этих местах так и не появились. И польза от их уничтожения хорошо заметна, ее можно даже выразить в каких-то цифрах. А вот вред от уничтожения грызунов не виден так явственно и в цифрах его выразить трудно. Но вред имеется. И не малый. Дело в том, что некоторые грызуны-землерои, перелопачивая почву, активно участвуют в ее обогащении, повышают ее продуктивность.

Однако и это еще не все: унося в свои убежища или подземные кладовые семена, грызуны-землерои тем самым способствуют расселению растений. Сейчас исследованиями сотрудников Центрально-черно-

земного заповедника им. В. Н. Алехина уже точно установлено, что расширению площадей лесов в Курской области способствует роющая деятельность некоторых грызунов.

Так что же, нельзя бороться с грызунами? Нет, конечно, можно и нужно. Но до определенного предела. Не доводить до полного уничтожения животных. Не случайно в науке появился термин «щадящая борьба». Когда грызунов много — плохо, когда мало — тоже нехорошо. Впрочем, это относится не только к грызунам, а ко всем животным.

Равновесие — один из основных законов природы. И в животном мире это равновесие в огромной степени помогают поддерживать хищники.

И еще один очень важный фактор.

Мы уже говорили о взаимосвязанности всего живого в природе. Из этой взаимосвязи нельзя исключить и человека как биологический вид.

Существует так называемый принцип незаменимости: никогда продукты, созданные руками человека (искусственно), не смогут заменить продукты естественного происхождения. Принцип этот не так очевиден, как другие, и требует некоторого пояснения. Дело в том, что природа человека двойственная, биосоциальная. В своем общественном развитии человек подчиняется социальным законам, оставаясь при этом (и оставаться будет всегда) в своем физиологическом развитии видом биологическим. И в этом своем физиологическом развитии он может нормально существовать лишь тогда, когда будет получать естественные продукты: физико-химические процессы обмена веществ, эволюционно запрограммированные, основаны именно на этих продуктах. Искусственные добавки, предметы быта (вроде синтетических тканей, искусственного меха, фармакологии и т. д.) — все это может и должно существовать, но не как основное, а как дополнение к естественному.

Сейчас ученые разделили животный мир условно на три категории: а) животные, представляющие текущую ценность; б) животные так называемой ожидаемой ценности — те, кто будет служить в будущем материалом для гибридизации, станет поставщиком медицинского сырья, и так далее; в) животные потенциальной ценности, то есть те, ценность которых в настоящее время невозможно определить. Но как пишет известный советский ученый А. Яблоков: «Мы заранее не в состоянии предвидеть, какое значение для человечества может иметь тот или иной вид в будущем. Виды, считавшиеся совершенно бесполезными или вредными, часто затем оказывались исключительно важными и заслуживающими всяческой охраны. . . Сегодня мы вправе сделать вывод о потенциальной полезности любого вида живых организмов. . . Все они без исключения должны быть сохранены как виды».

Ну, а те, польза которых очевидна, — тем более. В частности — хищники.

«ПУМА — ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ»

Мы уже говорили о том, что все животные так или иначе важны для благополучия нашей планеты (за редкими исключениями, о которых мы тоже говорили). Однако существование самих животных нуждается в определенных предпосылках, в оп-

ределенных условиях. Естественно, что благоприятные условия для разных видов могут быть совершенно разными. Но одно условие существования необходимо для всех — равновесие. Для того чтобы трава хорошо росла, на ней должно пастись определенное количество травоядных. Для того чтобы травоядные животные процветали, необходимо определенное количество хищников. Ученые считают, что оптимальным вариантом для северных лесов является один волк на сто лосей, а для саванн Африки один крупный хищник на 350—1000 зебр, антилоп и других копытных.

Однако люди очень недавно поняли роль хищников. Да и поняли это далеко еще не все.

Впрочем, некоторые народы, постоянно связанные с животными, видимо, уже о многом догадывались, а может быть, и знали точно, как важны хищники.

Примером тому может служить отношение индейцев к пуме.

Пума — довольно большая (до двух метров длиной и более 100 килограммов веса) кошка, которая была распространена в Северной и Южной Америке. У нее много имен: пумой звали ее перуанские инки, кугуаром называли французы; леон — так называли пуму в Южной Америке, кэтэмаунт — звали ее англичане. Иногда по ошибке называли ее и пантерой.

Всем белым пума внушает страх. А индейцы не боятся ее. Они сочиняли про пум сказки и легенды, где почти всегда зверь этот фигурирует как положительный герой, они рассказывают, что пума очень игрива (и это подтверждается наблюдениями), никогда не нападает на людей (что тоже верно), и упорно называют пуму «другом человека».

Ученые не могли понять, почему индейцы так называют этого зверя, пока американский исследователь Морис Хорнокер не обнародовал результаты своих долгих наблюдений за этими животными. Хорнокер подтвердил и спокойный нрав пумы, и ее веселость, и некоторую игривость (хотя загнанные сейчас людьми высоко в горы и угрюмые леса, пумы тоже стали как будто более угрюмыми). Выяснил Хорнокер и то, что пумы не нападают на лосей и на оленей до тех пор, пока полностью не съедят мясо, добытое на предыдущей охоте. Значит, она вообще не такая уж кровожадная, как рассказывают белые охотники. Но главное, утверждает Хорнокер, 50, а то и 75 процентов жертв пум — больные, старые или ослабленные животные. Значит, она способствует процветанию копытных, является прекрасным «селекционером». Пума — друг животных. А значит, и друг людей, тесно связывавших свою жизнь с этими животными.

Видимо, поэтому и называют ее так индейцы. А ведь еще недавно за уничтожение пум выплачивалась крупная денежная сумма.

Пума, конечно, не единственный хищный зверь, который, как это ни парадоксально, является «другом животных». Все хищники так или иначе служат «санитарами» и «селекционерами», так или иначе помогают поддерживать равновесие. Однако отношение человека к хищникам весьма противоречиво, а когда дело касается защиты домашних животных, отношение людей к хищникам становится резко отрицательным. Тут говорить приходится не о пользе, а об огромном вреде. Наиболее типично в этом плане отношение людей к волкам.

Великий французский натуралист

Бюффон дал такой словесный портрет волка: «Мерзкий лик, дикий вид, устрашающий голос, невыносимый запах, коварный нрав». Характеристика убийственная. Но волкам нет дела до того, что думал о них Бюффон. У них свои заботы — им надо жить. И они живут, живут, несмотря на то, что испокон веков люди преследовали этих хищников повсюду, где могли. В Древней Греции еще два с половиной тысячелетия назад выдавались призы за убитых волков. То же было и в Римской империи. Потом во многих странах уничтожение волков стало чуть ли не делом государственной важности, во всяком случае, во многих европейских странах за счет казны содержали специальные отряды истребителей волков, а в облавах, кроме охотников, нередко принимали участие полицейские и воинские подразделения.

Нелегко было бороться с волками. Но люди все-таки преуспели в этом деле: в Англии последний волк был убит в начале XVI века, в Ирландии — в конце XVII века, в других странах численность хищников сильно сократилась или практически свелась к нулю. И, по данным XI Международного конгресса биологов-охотоведов, проходившего в Стокгольме в 1973 году, по 20—25 волков имелось на территории Норвегии, Швеции и Финляндии, на территории Польши и Болгарии по 100—120. В Чехословакии— около 100. В Испании, Португалии и Италии — по 200—300 волков.

Это, конечно, немного. Однако всего на Земле сейчас существует 120—140 тысяч волков. Из них четверть в Западном полушарии, три четверти в Восточном. Это много, особенно если учесть, что с волками ведется постоянная, неослабевающая борьба: на них устраиваются облавы, охотятся с вертолетов, травят их ядами. Ни одно млекопитающее не выдержало бы такого пресса и давно исчезло бы с лица Земли. А волки выдержали. Возможно, потому, что, кроме «мерзкого вида и коварного нрава», у них есть еще кое-что. В частности — сила, выносливость, высокоразвитая нервная система, сообразительность. Они могут жить в самых различных природных условиях, то есть, как говорят биологи, обладают экологической пластичностью, быстро приспосабливаются к новым обстоятельствам, новой обстановке и не теряются даже в самых неожиданных и трудных ситуациях.

Это в дополнение к характеристике, которую дал волкам Бюффон. Кроме характеристики, существуют анкетные данные.

Длина тела: в среднем 105—160 сантиметров (плюс хвост 35—50 сантиметров).

Высота в плечах: от 80 до 100 сантиметров.

Вес: обычно 35—50 килограммов. (Изредка встречаются великаны, весящие больше 60 килограммов; предельный вес волка, который удалось зарегистрировать, — 79 килограммов.)

Скорость передвижения: на коротких дистанциях — 85 километров в час, со скоростью 35—40 километров может бежать несколько часов, а делая по 20—25 километров, бежит без остановки много часов.

У волка прекрасное зрение, тонкий слух, удивительное чутье: считают, что оно сильнее обоняния человека в миллион раз. Не занимать ему и силы.

Летом волки живут парами, выращивают появившихся весной вол-

чат. Волчата рождаются слепыми и беспомощными, и родители трогательно ухаживают за ними, причем заботу о потомстве проявляют оба. Пока волчица кормит волчат молоком и никуда не отлучается, волк приносит ей еду. Потом отец начинает кормить волчат, отрыгивая полупереваренную пищу — «котлетки». Волчата растут быстро и за четыре месяца увеличивают свой вес в 30 раз. С помощью родителей усваивают все волчьи повадки и охотничьи премудрости.

Охотятся волки ночью на довольно большом участке, отмеченном по границам собственным запахом. А к зиме собираются в стаи: отец, мать, прибылые, то есть волчата текущего года, и переярки — молодые волки, родившиеся в прошлом году. В стае может быть 6—10 волков, но в трудные зимы иногда объединяются несколько стай.

В волчьей стае царит железная дисциплина — вожаку, самому сильному и ловкому в стае, подчиняются все безоговорочно. Ослушавшихся строго наказывают. Движение, жест, взгляд вожака — закон для всей стаи. Кстати, у волков для общения друг с другом служит и мимика (когда на морде отражается гнев или злоба, покорность или угроза), положение хвоста или ушей. Такое умение «разговаривать» не только помогает соблюдать дисциплину, но и охотиться, скрываться, нападать и защищаться, а в конечном итоге — выжить.

Выжить волку помогает и его удивительная выносливость: он может не есть по многу дней, не теряя прежнюю силу и «не выходя из формы». Зато, добравшись до еды, волк способен съесть до 10 килограммов мяса, хотя обычно его суточная норма — 2—2,5 килограмма.

Таковы краткие «анкетные данные» волков. Но большинство людей ими не интересуются. Они вполне согласны с характеристикой волка, данной ему Бюффоном. Людей, безусловно, можно понять: вред, наносимый волками, нападающими на скот, огромен. И стремление уничтожить этого хищника вполне естественно. Какое дело крестьянину до каких-то качеств волка, если волк задрал корову или ворвался в овчарню?! И никто никогда не сомневался, что война, объявленная волкам, — война справедливая. Профессор В. Н. Шнитников писал: «Волк — один из самых страшных врагов нашего хозяйства. Если бы мы могли сосчитать всю дичь и всех ценных пушных животных, которых истребляют волки, то, вероятно, оказалось, что этот кровожадный хищник является самым вредным из всех наших вредных животных».

В. Н. Шнитников писал о волках, живших на территории нашей страны. Норвежский натуралист Йор Евер пишет о полярных волках: «Трусливые, но хитрые, алчные и ненасытные дьяволы. Кровожадные, всегда охочие до убийств...»

Можно привести еще немало подобных высказываний, и все они будут справедливы.

Но почему же в тех странах Европы, где волков осталось мало, они взяты под защиту? А в тех, где эти хищники были полностью уничтожены, волков решили завезти из других стран? Почему многие ученые вдруг стали выступать в защиту волков? Что, волки изменились, стали меньше есть или перестали быть хищниками? Нет, волки не изменились — изменилось наше представление об окружающей среде, углубились наши знания о взаимосвязи всего живого на Земле. Сравнитель-

но недавно ученые пришли к выводу, что волки, как и другие хищники, необходимы на Земле, что без них придется гораздо хуже тем самым животным, которых они уничтожают. Примеров тому много. Один из наиболее типичных — история уничтожения хищников, и в первую очередь волков, в США на плато Кайбаб в штате Аризона.

На этом плато жили чернохвостые олени. В начале нашего века их было там примерно 4 тысячи голов. Рядом с ними паслись и домашние животные. На этой же территории жили хищники — пумы, койоты, рыси и волки. Соседство домашних животных и наличие хищников приводило к тому, что количество чернохвостых оленей было постоянным в течение многих лет.

В 1906 году территорию, где жили чернохвостые олени, объявили заповедной. Удалили домашних животных и принялись уничтожать хищников. В сравнительно короткий срок были уничтожены все волки, истреблены почти все рыси, пумы, койоты. Результат не замедлил сказаться: к 1920 году оленей стало уже около 60 тысяч, а еще через 4—5 лет поголовье их увеличилось до 100 тысяч. И вдруг количество оленей начало резко уменьшаться. Сначала количество оленей уменьшилось в три раза, затем — в десять раз. Хищники их не уничтожали. Зато олени уничтожали сами себя: размножившись, они съели все вокруг, вытоптали пастбища и стали гибнуть от голода. Пришлось срочно запретить охоту на хищников, которые сдерживали размножение оленей.

А вот еще один пример. Те, кто читал книгу американки Лоис Крайслер «Тропами карибу», возможно, обратил внимание на странное посвящение: «Волкам полярной тундры и тем, кто хочет действовать, чтоб спасти им родину и жизнь».

Лоис Крайслер вместе с мужем — американским кинооператором, снимавшим фильм о диких животных, — полтора года прожила на Аляске, в непосредственной близости волчьих стай. Она не только наблюдала за волками, не только воспитывала двух волчат, она смогла завоевать доверие хищников, подружилась с ними, увидела жизнь стаи не со стороны, а как бы изнутри. И если Л. Крайслер вступилась за волков, то сделала это с чистой совестью и полной ответственностью, имея на это все права.

И, конечно, Л. Крайслер знала о том, что произошло в Канаде, где, как и на Аляске, живут олени карибу.

В 1911 году, по приблизительным подсчетам, этих оленей было не менее 30 миллионов. А в 1956 году их осталось лишь четверть миллиона — за 45 лет численность этих животных сократилась в 120 раз! И ученые и любители природы встревожились. Особенно после того, как в печати появилось описание гибели чернохвостых оленей и оленей карибу, сделанное одним из американских зоологов. «Истощенные трупы оленей были убедительным свидетельством неуклюжего и безграмотного решения крайне деликатной и сложной экологической проблемы», — писал этот ученый.

Основной причиной сокращения численности оленей считали хищников, и в частности волков. Поэтому в Канаде с 1953 по 1958 год было уничтожено 6,5 тысячи волков. Карибу, быстро размножившись, вскоре начали гибнуть от бескормицы и главным образом от болезней. Начались эпизоотии, потому что больные животные, которых в первую

очередь уничтожали хищники, уже никем не уничтожались.

Сторонники полного истребления волков не согласны с таким толкованием событий. Они считают, что хищников все-таки надо уничтожать, а численность животных должны регулировать люди. Что же касается ликвидации больных, то среди тех, кто становится добычей волков, утверждают они, лишь 15 процентов больных и неполноценных животных.

На первое возражение очень точно ответил советский ученый А. Слудский: «В настоящее время мы еще не можем полностью взять на себя функции естественного отбора, они, как и раньше, должны осуществляться хищниками, уничтожить их полностью как вид при современных условиях хозяйства нельзя». Что же касается второго возражения, то, может быть, действительно среди жертв волков лишь 15 процентов больных. Но, вероятно, эти 15 процентов играют такую существенную роль и изъятие их настолько важно, что волкам можно простить и уничтожение некоторого количества здоровых животных? Во всяком случае, в США и Канаде именно так и считают.

Но то, что годится для Канады и США, не годится для нас, считают сторонники полного уничтожения волков в СССР. Да, конечно, целиком перенести опыт американцев в наши условия нельзя. Но наблюдения показали: из-за отсутствия волков происходит перенаселение и вырождение благородного крымского оленя, в результате резкого сокращения численности волка на Таймыре возросла заболеваемость дикого северного оленя. На IX Международном конгрессе биологов-охотоведов, проходившем в Москве в 1969 году, советский ученый Л. Н. Мичурин сообщил, что, по его наблюдениям, из 37 убитых волками оленей 26 оказались больными. После уничтожения волков с самолетов в 60-х годах зараженность диких оленей на Таймыре возросла с 2 до 31 процента. Наблюдения в Дарвинском заповеднике, проводимые в течение 25 лет, показали: пока были волки — среди лосей не было массовых заболеваний, уничтожили волков — начались эпизоотии.

Однако у противников волков есть самый сильный и неотразимый довод: вероятно, в дикой природе волки нужны, и на Таймыре сосуществование волков с оленями или в степях Казахстана с сайгаками сбалансировано. Но ведь волки уничтожают домашних животных! Это верно. И там, где волков много, они — страшный бич скотоводства. По подсчетам специалистов, до революции только в европейской части России от волков ежегодно гибло примерно 750 тысяч голов скота. После революции дело обстояло не лучше: во время гражданской войны прекратилась и без того слабая борьба с волками, и они сильно размножились. Борьба с хищниками началась вскоре после окончания гражданской войны, но некоторое время результаты были мало ощутимы. Потом численность волков сократилась до 100 тысяч (в 1935 году). Во время Отечественной войны, когда людям было не до четвероногих хищников, количество волков снова возросло. И опять сразу после войны началось уничтожение их: в 1946 году было уничтожено 63 тысячи волков. С 1956 по 1965 год только по РСФСР было истреблено 125 тысяч хищников. За 25 лет в РСФСР численность волков сократилась в 17 раз. Но до сих пор в республике они приносят огромные убытки. А ведь РСФСР—

не самая «волконаселенная» часть нашей страны: по подсчетам специалистов, здесь лишь одна пятая от общего количества волков, живущих в нашей стране, — примерно тысяч 10. Три пятых приходится на Казахстан. И убытки там значительно больше. Поэтому проблема защиты волка в нашей стране не стоит. Мало того, в районах интенсивного животноводства волк должен быть истреблен полностью или, по крайней мере, его численность должна быть сведена до минимума. Вместе с тем, как считают некоторые ученые и охотоведы, настало время перейти от безоговорочного и повсеместного истребления волка вообще к более гибкому и внимательному отношению к этому хищнику, к изучению его места в природе, среди диких копытных животных. И к более внимательному изучению самого волка.

Казалось бы, волк изучен хорошо. И в то же время он еще остается во многом загадочным. А психика волка, как писал советский ученый, профессор В. Гептнер, «даже выше, чем еще недавно думали». Однако при этом волк, как ни странно, делает немало непонятных глупостей.

Очень осторожный, умеющий избегать ненужных встреч, умеющий затаиваться, волк вдруг неожиданно начинает выдавать свое присутствие протяжным и тоскливым воем, который слышен далеко вокруг. Конечно, воют волки не случайно — что-то вой этот значит. Но вот что?

Или еще один пример: хитрые и осторожные звери устраивают свое логово очень тщательно. Но если человек обнаружит его и заберет волчат, волки из этого не сделают никакого вывода и на следующий год снова устроят логово в том же месте. И даже если каждый раз человек будет забирать волчат, волки не сменят место жительства. Почему же это происходит? Неужели волки при их сообразительности не могут догадаться, что надо сменить опасное место?

В поведении волков вообще еще много непонятного. Например, нападая на диких животных, если они даже в стаде, волки убивают лишь столько, сколько им нужно. Нападая на стадо домашнего скота, они производят настоящее опустошение, убивая во много раз больше того, что могут съесть или унести с собой. И еще многое непонятно в жизни, поведении, психике волка.

В Америке, кроме тех же волков, что водятся в Восточном полушарии, живут койоты — небольшие (менее метра в длину и максимум полметра высоты) хищники, которых называют еще луговыми волками. Они действительно живут на открытых пространствах и в леса забегают только случайно. Жилище себе устраивают лишь на время выкармливания потомства. (Обычно у койотов 8—9 детенышей, но может быть и больше, до 20.) Логово вполне спартанское — в расщелине скалы или в пещере, в дупле поваленного дерева или в глубокой норе, — и к тому же всегда без какой-либо подстилки. Койоты, как и волки, — хорошие родители, но осенью расстаются с детишками навсегда.

Луговых волков ученые узнали лишь в 1823 году. А уже в 1825-м им была объявлена война — койотов убивали ради шкуры, а главным образом из-за того, что они уничтожают ягнят. Сначала койотов истребляли ковбои и охотники, затем истребление приняло массовый характер. С конца прошлого века борьба с койотами поднялась на государственный уровень: министерство сельского хозяйства стало тра-

вить луговых волков ядами. В 1915 году конгресс США одобрил ассигнования на сумму 125 тысяч долларов для борьбы с койотами. За полвека было отравлено около 2 миллионов зверей. После второй мировой войны стали применять еще более сильнодействующие и более совершенные яды.

И вдруг в конце 50-х годов сорок пять фермеров из штата Колорадо публично заявили, что запрещают убивать луговых волков на своих землях. Что же произошло? Койоты стали вегетарианцами? Нет. Может быть, фермеры вспомнили, что индейцы племени навахо очень неплохо относились к койотам — не только не истребляли их, но даже поместили фигурку этого зверя среди своих богов? А ведь индейцы навахо были скотоводами. Нет, вряд ли фермеры вспомнили индейцев. Скорее всего, как люди практичные, они подсчитали пользу и вред, который приносят эти животные. Мы не знаем, каковы были результаты подсчетов фермеров, но знаем, что только в 1962 году в Калифорнии, например, на истребление койотов было затрачено 90 тысяч долларов, а ущерб от убийства ими ягнят равнялся всего 3,5 тысячи долларов. Но и это условная сумма: ягнята не основная, а случайная пища койотов. Главная же их пища — грызуны. Там, где истребляют койотов, появляется множество грызунов. Скот остается без корма, и ущерб, таким образом, во много раз превышает тот, который наносят койоты. Фермер-писатель Дейтон Хант заявил подкомиссии сената в 1973 году, что койоты, уничтожая грызунов, пожирающих траву, приносят доход в среднем 88 долларов каждый. А это вдвое больше, чем убытки, приносимые этими животными овцеводам.

И тем не менее койотов во многих районах страны еще продолжают истреблять. Правда, яды уже не применяют, но есть государственная служба по истреблению койотов.

В последнее время американцы всерьез заинтересовались жизнью койотов: во многих районах созданы сотни специальных станций по наблюдению за луговыми волками. С помощью миниатюрных радиопередатчиков, прикрепленных к койотам и овцам, люди пытаются установить передвижение, сближение этих животных или удаление их друг от друга. Ведется учет койотов, делаются попытки найти средства, при помощи которых можно было бы отпугнуть койотов от овец или вызвать у хищников отвращение к ним. Например, туши овец обрабатывают химическими препаратами, которые койотам не вредят, но вызывают рвоту, а затем и отвращение. Опыты оказались удачными. Убитых койотами овец стало вдвое меньше.

Койоты так же жизнестойки, как волки. Недаром же в Америке их часто называют «чудо-собаки». Выжить койотам помогает и нетребовательность, и всеядность, в буквальном смысле слова, и высокоразвитая нервная система, и способность приспосабливаться к любым условиям.

Волк и койот — лишь два примера. Примеров значения хищников для других животных, конечно, можно привести гораздо больше. Однако это вовсе не значит, что нельзя бороться с хищниками, в частности с волком. Надо лишь помнить: «Влияние хищника на жертву противоречиво... враги иногда становятся важным, необходимым фактором благополучного существования своих жертв», — пишет А. Слудский.

Это, конечно, очень важная, но, видимо, не единственная роль хищников.

Профессор В. Гептнер писал, что «... приручение волка и превращение его в собаку было одним из важнейших моментов в развитии человеческой культуры. И сейчас никто не может сказать, что вызовет в природе обратный процесс — уничтожение одного из важнейших экологических звеньев — уничтожение хищников. И какие последствия, какую цепную реакцию это может вызвать, и как это отразится на человеке. Но, несомненно, отразится. И, безусловно, отразится очень значительно, а возможно, и глобально!»

«МЯСО — ЭТО ПРАЗДНИК»

Известный советский ученый, академик С. С. Шварц говорил: «Любой вид животных или растений биологически уникален. Его вымирание — принципиально невосстановимая утрата». Но допустим, человек, равнодушный или просто плохо разбирающийся в экологии, не знает об этом, не задумывается, а если и услышит нечто подобное, не обратит внимания. Однако есть фактор, который заставит остановиться и посмотреть вокруг внимательно любого. Речь идет о еде, точнее, о мясной пище.

По данным ФАО (Международная комиссия по продовольствию ЮНЕСКО), 2/3 населения земного шара недоедают. В особенности не хватает мяса. В Европе, в наиболее богатых и развитых странах, на одного человека в среднем приходится 40—70 килограммов мяса в год. В Португалии и Турции по 15—18 килограммов, в Японии лишь по 2, а в Индии всего по одному килограмму мяса на человека в год. Конечно, люди едят не только мясо, но мясо, как и хлеб, является основным продуктом. Не случайно в некоторых языках африканских народов понятия «животное» и «мясо» обозначаются одним словом. В других языках слово «мясо» означает то же самое, что и «праздник». В Древней Руси, как и в Древней Греции, слово «скот» имело двоякий смысл: скотом назывались и домашние животные, и деньги, состояние. Скотом оплачивались все приобретения, а у древних германцев слово «скот» было равнозначно слову «сокровище».

Из этого можно сделать вполне логичный и закономерный вывод, что в жизни людей огромное значение имеют домашние, а не дикие животные. Значит, люди, которые не понимают, зачем спасать диких животных, зачем тратить на это силы и энергию, те самые люди, которые делят всех наших соседей по планете на полезных, то есть нужных, и бесполезных, то есть ненужных, — правы? Значит, чтоб обеспечить людей пищей, в частности мясом, надо лишь увеличить количество домашних животных. Конечно, это логично: чем больше скота, тем больше мяса. Однако ведь всему есть предел, и увеличивать поголовье домашнего скота до бесконечности невозможно. Конечно, человек совершенствует пастбища, совершенствует и методы пастьбы, но и тут возможности не безграничны. А количество людей на планете увеличивается, значит, возрастают и потребности в пище. В то же время сокращается площадь пахотных земель, уменьшается площадь выпасов и лугов — ведь строятся фабрики и заводы, прокладываются дороги, растут города. И вот нашлись люди, которые видят выход в том,

чтоб покончить с современной цивилизацией и вернуться в далекое прошлое, а некоторые договорились до того, что человек вообще должен вернуться в первобытное состояние, поселиться в пещерах или джунглях. Есть и более «умеренные»—они не призывают вернуться в столь далекое прошлое, но тоже предлагают отказаться от многих достижений человеческого разума.

Но можно ли представить себе современного человека, пересевшего, скажем, в повозку, пользующегося дилижансом или путешествующего пешком? Да и захочет ли человечество отказаться от тех благ, которые дает ему цивилизация?

Но представим себе невероятное: представим, что люди действительно отказались от автомобилей и самолетов, закрыли фабрики и заводы, даже перестали вести сельское хозяйство современными методами. И что же получится? Да, воздух станет чище, перестанут загрязняться реки и моря. Но люди окажутся раздетыми в самом прямом смысле этого слова: ведь единственной одеждой в этом случае могут быть шкуры зверей. Но зверей-то на планете уже почти не осталось. Оставшиеся не оденут и небольшую часть населения планеты. А уж на все 4,5 миллиарда людей не хватит никакого зверья!

Однако люди будут не только раздетыми, но и голодными, так как без современных методов ведения сельского хозяйства, без машин и удобрений земля не способна прокормить и небольшую часть теперешнего населения планеты. И если вернуться «назад к природе», то есть в пещеры и джунгли, то только одна тысячная современного человечества будет обеспечена едой. Ведь сейчас даже по сравнению с XVIII—XIX веками человек от сельского хозяйства стал требовать в 4—5 раз больше. Значит, возврат к природе — это не выход, должны быть найдены какие-то другие пути.

Люди уже видят некоторые из этих путей. Один из них — выведение новых пород домашних животных. Мы не будем сейчас вспоминать, какой долгий и сложный путь прошло человечество, создавая новые породы животных, приручая и одомашнивая их. Вспомним лишь, что первоначальным, или, как говорят биологи, исходным материалом, были дикие животные. Человек улучшил их, целенаправил, довел до совершенства. Но новые условия порождают и новые требования. И человек снова стал улучшать породы уже имеющихся у него домашних животных. И тут, конечно, тоже есть много самых разнообразных путей, но один из наиболее реальных — скрещивание домашних животных с дикими. А в ряде случаев это вообще единственный способ увеличения продуктивности домашнего скота. Ярким примером тому может служить новая порода, которая появилась в результате скрещивания среднеазиатской овцы с диким бараном архаром. Новая порода не только дает больше шерсти и больше мяса, она вообще оказалась более жизнеспособной.

Мы уже уничтожили многие виды животных. Если уничтожим остальных — не известно, как будем обходиться без них в будущем. Ведь улучшать породу необходимо. И выводить новые тоже необходимо. А для этого нужен генофонд. Генофондом служат дикие животные, на которых рассчитывает человек, собираясь в будущем улучшать породы домашних животных или создавать новые. «Каждый вид, об-

ладая неповторимым генофондом, представляет собой уникальный результат эволюции. Сегодня невозможно предвидеть значение для человека того или иного генофонда в будущем. Примеры показывают, что виды, ранее считавшиеся вредными или бесполезными, оказываются важными и заслуживающими охраны. Поэтому необходимо сохранение всего видового многообразия, сохранение разнокачественности живой природы», — пишут академик В. Е. Соколов и профессор А. В. Яблоков.

Выведение новых пород — вопрос особый и заслуживает отдельного разговора. Вопрос этот очень важный, но, как теперь ясно, это не единственный способ обеспечить людей продуктами питания. В ряде случаев могут и должны заменить домашних дикие животные.

Сейчас известно, что мясо диких животных по качеству выше мяса домашних. И по биохимическим показателям, и по витаминности, и по усвояемости мясо диких животных значительно превосходит баранину, говядину, гусятину и даже курятину, отмечает советский ученый Т. Б.Саблина. (Кстати, мех диких животных тоже ценится выше, и опытный меховщик сразу определит, на воле выросло животное или оно выращено на звероферме.)

Но качеством мяса и меха не исчерпываются преимущества диких животных перед домашними. Мы знаем, что пастбища — очень серьезная проблема в животноводстве: это один из основных регуляторов численности домашних животных. Количество диких животных на пастбищах, конечно, тоже не беспредельно, но на одинаковом по размерам участке диких животных может жить и кормиться в несколько раз больше, чем домашних. Мало того, в одной местности может пастись до 25 видов диких копытных, что совершенно невероятно для домашних. Хотя бы потому, что не существует такого количества домашних животных. Но если бы даже и существовало, они не могли бы жить вместе, потому что дикие копытные, в отличие от домашних, используют в пищу разные растения или разные части растений.

В животноводстве существует такое понятие — «перевыпас». Это означает полное уничтожение растительности, полное истощение пастбища, полное разрушение его.

В Сахаре есть плато Ахаггар. В центре этого плато небольшой оазис с водоемом, где живет несколько крокодилов. Это все, что уцелело от некогда цветущей страны, ставшей ныне символом бесплодия и уныния. Есть и другие свидетельства того, что Сахара когда-то была цветущим краем. Например, многочисленные наскальные изображения животных, обитавших здесь. Одно время считали, что причиной возникновения Сахары было изменение климата. Теперь известно, что пустыней этот край стал не только и даже не столько из-за изменения климата, сколько из-за человеческой деятельности, а точнее, из-за деятельности скотоводов. Огромные стада домашних животных, с которыми люди кочевали по этим краям, не только поедали растительность, но и вытаптывали ее, разрушали растительный покров. Дерн становился слабым, не мог удержать песок, и пустыня наступала, а цветущий край превращался в бесплодный.

В науке есть термин — степи (или пустыни) скотогенного происхождения. Такова Сахара. Таковы, к сожа-

лению, и многие другие ныне бесплодные, а некогда цветущие края. А ведь дикие животные никогда не превращают цветущие края в пустыни, никогда не истощают пастбища так, как это могут сделать домашние животные.

Конечно, домашние животные по многим статьям выше диких — человек же трудился недаром, выводя новые породы, совершенствуя их. И продуктивность, и надои молока у домашних часто выше, чем у диких.

Но у диких, помимо уже отмеченных, есть и свои преимущества. Например, они быстрее растут, они легче переносят засуху (а ведь 1/3 часть поверхности нашей планеты — засушливая), они гораздо меньше подвержены заболеваниям, от которых страдают домашние животные, они не требуют ухода.

Может сложиться впечатление, что домашние животные уже совершенно не нужны (или будут не нужны в ближайшем будущем) и что их вполне уже могут заменить дикие. Конечно, это не так. Но в ряде мест нашей планеты — это уже официально признано — гораздо легче, удобнее и рациональнее разводить диких животных, чем домашних. И уже сейчас в некоторых районах Африки крупные копытные дают до 60—70, а кое-где и до 90 процентов всей мясной продукции. После тщательных проверок, взвесив все «за» и «против», канадцы почти полностью отказались от разведения домашних оленей, считая, что продуктивность диких гораздо выше.

О сайгаках мы уже говорили. Сейчас стало возможным ежегодно получать для народного хозяйства по нескольку тысяч тонн высококачественного сайгачьего мяса почти безо всяких затрат: ведь сайгаков не надо пасти, питаются они дикими растениями, поедая более ста видов, среди которых немало ядовитых, не употребляемых домашними животными. (Так что и тут сайгаки не конкурентны овцам и коровам.) Для сайгаков пригодны и такие пастбища, где домашние животные не могут пастись из-за отсутствия водопоев, — сайгакам же вода не очень нужна, во всяком случае, они долгое время могут обходиться без нее.

А ведь сайгаки были почти полностью истреблены. И если бы не вмешательство человека, мы многое бы потеряли, даже с практической точки зрения. Это мы сейчас понимаем, потому что можем оценить достоинства сайгака. А скольких животных мы не можем оценить, потому что потеряли их навсегда, и просто даже не представляем, чем они могли стать для нас. Или представляем и думаем о них с большим сожалением. Классический пример тому — стеллерова корова, открытая в 1741 году Георгием Стеллером и уничтоженная промышленниками за 27 лет.

Георгий Стеллер — единственный натуралист, видевший живыми этих коров, — писал: «Эти животные уже от природы ручные, без того чтобы его нужно было приручать». Стеллерова корова могла стать единственным морским домашним животным. Она могла поставлять большое количество прекрасного мяса, жира, очень питательного и вкусного молока и не требовала ухода. Она вообще ничего не требовала, кроме доброго отношения к себе. Но ее уничтожили, она навсегда потеряна для людей.

Может быть, такая же судьба ждет и других животных, в частности так называемых водяных козлов. Еще в 1934 году в одной только до-

лине реки Мафуэ в Африке насчитывалось не менее четверти миллиона этих животных. А в 1960 году их оставалось не более 30 тысяч: до недавнего времени местные жители устраивали на них облавы, которые назывались «чилас», или «кровавые бани»,—во время таких облав вода в реке становилась красной от крови тысяч животных (в основном самок и козлят), загнанных в реку и убитых там.

А ведь если рационально подойти к этим животным, то, по подсчетам ученых, без ущерба для стада можно было бы ежегодно забивать не менее 20 тысяч водяных козлов. И возможно, для какой-то части населения этих мест была бы решена проблема питания.

«Кровавые бани» сейчас запрещены. По крайней мере, официально. Но даже если запрет строго выполняется (что весьма сомнительно, так как браконьерство, к сожалению, процветает всюду), то пройдет немало времени, пока стада водяных козлов увеличатся настолько, что на них можно будет охотиться, не опасаясь полностью истребить этих животных.

Мы уже говорили о бегемотах. Но их значение не ограничивается теми проблемами, о которых упоминалось, — бегемоты могли бы превратиться в поставщиков мяса, если бы их так бездумно и так жестоко не уничтожали.

Мясо бегемота по вкусу напоминает телятину, а по своему составу более ценно. К тому же бегемоты не требуют никакого ухода, ни в чем не конкурируют с домашним скотом. И если бы в свое время люди правильно подошли к делу, то, возможно, бегемоты сыграли бы важную роль в решении одной из коренных проблем современной Африки — способствовали бы обеспечению африканцев мясом.

Но дикие животные могли бы служить человеку не только как поставщики мяса.

Человек приручил лошадь. До сих пор в горах ему верно служат ослы, в пустынях верблюды, на Севере человек до сих пор не может обойтись без оленей. Но ведь не только они могли стать верными друзьями и помощниками человека.

Еще в 1821 году великий французский натуралист Ж. Кювье удивлялся, почему в Южной Африке не одомашнивают зебру: она вынослива и нетребовательна, не подвержена многим заболеваниям, которым подвержены лошади. Однако буры не думали об одомашнивании зебр, они были заняты лишь их истреблением. А ведь зебры, если бы люди занялись ими, могли стать домашними животными. И может быть, кое-где с успехом заменили бы лошадей. Пусть не все зебры, но квагга определенно могла бы стать домашней. Мы уже говорили, что это было очень доброе и послушное животное. Она легко привыкала к человеку, и если человек прилагал хоть небольшие усилия — квагга отвечала ему взаимностью. В 1904 году бельгийское правительство поручило некоему лейтенанту Ниссу одомашнить зебр. Лейтенант изловил 90 животных, поместил их в загон и уже через две недели докладывал, что 60 из них стали почти совершенно ручными. Всего через две недели! Но, к сожалению, на этом дело и кончилось — заниматься дальнейшим одомашниванием зебр почему-то никто не захотел. А ведь еще в XVIII веке зебры бегали в упряжке по Кейптауну. Позже несколько прирученных зебр катали своих владельцев по Лондону. Но кваrr истре-

били, и вполне вероятно, что человек лишился прекрасного помощника, приспособленного к жизни в трудных африканских условиях.

Впрочем, можно привести и более близкий нам пример — вспомнить лося, который, кстати, когда-то был одомашнен, причем одомашнен в числе первых животных — предполагают, что это произошло 4—5 тысяч лет назад. А по предположению некоторых ученых — даже в новокаменном веке. Доказательство тому — наскальные рисунки, найденные в Сибири, в бассейнах рек Лены, Ангары, Енисея, которые ученые относят к этому периоду. На них изображены люди, пасущие лосей, ведущие их на поводке и даже едущие верхом на лосях.

О лосиной упряжке упоминается в финском эпосе «Калевала». И много позже лось продолжал служить людям — известно, например, что лось в XV веке использовался как верховое животное в шведской армии. Даже в более поздние времена в Швеции на лосях ездили полицейские и никому другому скакать на лосях не разрешалось, так как на этом сильном и «вездеходном» животном можно было укрыться от преследования властей в глухом лесу или непроходимых болотах. В XVIII веке на лосях в санной упряжке ездили шведские курьеры, а в Прибалтике со времен Петра I сохранился указ, запрещающий «появляться в городе на лосях».

Не остались в стороне и американцы: еще в прошлом веке они использовали лосей на полях — лоси покорно тянули плуги.

Потом лось перестал быть домашним животным. Трудно сказать, почему это произошло, — может быть, потому, что он не выдержал конкуренции с лошадью как верховым животным, а с коровой и овцой как с поставщиками мяса? А может быть, люди оставили рядом с собой тех, кто не мог жить на воле, а лося «перевели» в категорию охотничьих животных? Действительно, одомашнивать его не надо — стреляй в дикого и заготавливай мяса сколько надо! И стреляли, и дострелялись до того, что лосей почти уничтожили. И если бы не решительные меры Советского правительства, кто знает, не остался ли бы сейчас лось лишь в воспоминаниях?

А между тем животное это — уникальное. Ведь, кроме мяса, лось может дать очень целебное, буквально лекарственное, содержащее 12—14 процентов жира, около 9 процентов белка, молоко. Оно не скисает 5—7 суток, так как обладает устойчивостью к различным бактериям.

Лоси быстро растут, им не нужны теплые помещения, едят они то, что не едят другие домашние животные. Но, кроме того, «лось хранит в себе громадной важности потенциальные возможности, учесть которые с достаточной полнотой в настоящее время невозможно», — писал известный советский зоолог П. А. Мантейфель. Он считал, что необходимо исправить прежние ошибки и ввести в список сельскохозяйственных животных лося.

В 1934 году Комитет по заповедникам при ВЦИК принял решение об организации в заповедниках лосиных питомников.

Первые попытки одомашнить лося были предприняты в Серпуховском научно-опытном хозяйстве и в заповеднике «Бузулукский бор». Однако Отечественная война прервала работу. Возобновилась она в 1948 году, когда в Печеро-Илычском заповеднике Коми АССР была создана лосиная ферма.

В 1974 году работы по одомашниванию лося начали вести в Костромской области. И сегодня уже нет сомнений, что лось — очень ценное животное и, безусловно, есть смысл сделать его домашним.

О молоке уже говорилось; можно добавить, что оно используется при лечении язвы желудка и кишечника. Правда, считалось, что мясо лосей содержит гораздо меньше полезных веществ, чем мясо других животных. Но сейчас установили: это относится лишь к мясу лосей, убитых на охоте. Дело в том, что в организме сильно напуганных животных расходуются самые ценные белки. Мясо же домашних лосей очень ценно — в 100 граммах такого мяса содержится суточная норма полезных веществ, необходимых взрослому человеку.

Наконец, лось может быть и транспортным животным (как уже был когда-то) — он легко поднимает более 100 килограммов, а в санной упряжке перевозит до полутонны груза.

Иметь друга, помощника, поставщика необходимых и весьма ценных продуктов надо всюду. Но особенно это важно на Севере. Там есть олень. Но почему должен быть только он один?

Мы уже говорили об овцебыках. Упоминали в связи с ними известного канадского исследователя Арктики В. Стефансона. Он еще в 1920 году выдвинул идею одомашнивания овцебыков. «Мы привыкли думать, — писал Ф. Стефансон, — что корова и овца являются наилучшими возможными видами домашнего скота, и нам трудно поверить, что существует животное, которое в случае его приручения окажется еще более полезным». Далее Стефансон перечислял достоинства овцебыка. Это животное дает больше молока, чем корова и олень, причем молока более полезного; шерсть его лучше овечьей, и можно получить ее с овцебыка гораздо больше; мясо не уступает говяжьему, и опять-таки с овцебыка его можно получить гораздо больше, чем с коровы; овцебыки не бродят в поисках пастбищ, им не надо заготавливать корм, они не боятся холода, поэтому для них не надо строить хлева, им не страшны волки, овцебыки очень дружелюбны по отношению к людям. Короче говоря, это почти идеальное домашнее животное для сурового Севера.

К счастью, овцебык спасен. И люди делают всё, чтобы одомашнить его.

Люди много сил потратили на спасение зубра. Конечно, нельзя было допустить, чтобы этот уникальный зверь, предки которого бродили рядом с мамонтами, а потомки (сегодняшние зубры) почти не отличаются от них, — исчез. Это была бы величайшая потеря. Но, если прагматиков и равнодушных людей не убедит необходимость сохранения на Земле уникального зверя, может быть, их убедит другое: зубр — животное нетребовательное, в его рационе 400 видов растений. Он легко переносит холода. И содержать его не очень сложно. Если удастся размножить зубра в достаточных количествах, возможно, человечество получит дополнительный источник высококачественного мяса.

Это же можно сказать и о бизонах.

Можно привести множество других примеров. Но кажется, достаточно, чтобы любой непредубежденный человек понял, как необходимы на Земле дикие животные.

На нашей планете происходят серьезные демографические процессы: количество людей неуклонно растет. Существуют разные прогнозы относительно темпов прироста населения. Но так или иначе, оно быстро увеличивается. Безусловно, человечество найдет замену истощающимся энергетическим ресурсам. Будет ли это солнечная энергия или атомная — сказать трудно, но она будет. Люди превратят неплодородные почвы в плодородные, выведут новые сорта сельскохозяйственных растений, которые придут на помощь или на смену сегодняшним, очистят воздух и воду Мирового океана, создадут удивительные машины, аппараты, приборы, которые облегчат и украсят жизнь человека. Но животные будут по-прежнему играть огромную, решающую роль в жизнедеятельности, и в жизнеобеспечении нашей планеты. И ничто их заменить не сможет.

часть вторая

В ПАРАДЕ
ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ОТРЯДОВ:

ОДНОПРОХОДНЫХ

СУМЧАТЫХ

НАСЕКОМОЯДНЫХ

ШЕРСТОКРЫЛОВ

РУКОКРЫЛЫХ

НЕПОЛНОЗУБЫХ

ЗАЙЦЕОБРАЗНЫХ

ГРЫЗУНОВ

ХИЩНЫХ

ХОБОТНЫХ

НЕПАРНОКОПЫТНЫХ

МОЗОЛЕНОГИХ

ПАРНОКОПЫТНЫХ

ПРИМАТОВ

ПАРАД

В предыдущей части мы познакомились лишь с некоторыми, но, пожалуй, с самыми главными проблемами, которые волнуют сейчас и ученых всего мира, и тех, кто просто любит животных и понимает их значение для жизни нашей планеты. А теперь познакомимся с самими животными. (И в процессе этого знакомства мы будем постоянно сталкиваться с теми же проблемами.)

Класс млекопитающих меньше, чем классы насекомых, земноводных и пресмыкающихся, которые участвовали в двух других парадах (в первых двух книгах «Соседи по планете»): в нем, по мнению одних ученых, 3500 видов и несколько сот подвидов; по мнению других ученых, не признающих подвидов, — 4500. А отрядов — 20. Тем не менее парад наш будет долгим, хотя участвуют в нем лишь представители 14 отрядов. Да и то далеко не все их представители. Дело в том, что о каждом млекопитающем можно рассказать много интересного, написать целую книгу, а каждый отряд может стать участником самостоятельного парада, который будет длиться очень долго. Но у нас нет возможности принимать парад до бесконечности. Поэтому в параде будут участвовать не все млекопитающие, но зато об участниках мы расскажем поподробнее. А о тех, кто в параде не принимает участие, желающие могут прочитать в других книгах.

Задача нашего парада — не рассказывать обо всех животных этого класса (это просто невозможно), а дать тем, кто принимает этот парад, правильное представление о млекопитающих, об их месте в жизни нашей планеты, о значении их для окружающей нас среды.

С некоторыми животными, даже с целыми отрядами или семействами, мы уже познакомились в первой части, и поэтому в параде они принимать участия не будут. О других мы упоминали в первой части, но недостаточно, поэтому место им на параде предоставлено.

ОДНОПРОХОДНЫЕ, ИЛИ ЯЙЦЕКЛАДУЩИЕ

Представители этого отряда называются еще первозверями. Первозвери во многом отличаются от остальных четвероногих соседей по планете, обитающих на ней сейчас, зато имеют немало сходных черт с животными, существовавшими на Земле в далеком прошлом. Причем эти сходные черты сближают первозверей не с млекопитающими, а с пресмыкающимися и птицами. Именно эти обстоятельства вызвали впоследствии долгие споры о том, какое место первозвери должны занять среди представителей животного мира, куда, к какому классу они могут быть отнесены. И именно благодаря «смешанным» чертам, делающим первозверей похожими на млекопитающих и на птиц, и даже на пресмыкающихся, история официального открытия одного из них похожа на детектив. Правда, детектив зоологический. Но, как и во всяком детективе, здесь есть и поиски, и различные версии, и ложные следы. Как и во всяком хорошем детективе, и здесь в конце концов торжествует истина. Правда, на то, чтобы эту истину установить, потребовалось почти столетие!

Семейство Утконосы. Все началось с того, что в ноябре 1797 года какой-то любознательный европеец, переселившийся в Австралию, в штате Новый Южный Уэльс поймал необычного зверя. Зверь этот так поразил переселенца, что он решил отправить шкуру в Англию — пусть, мол, ученые мужи разберутся, что это за существо. Но ученые англичане не захотели разбираться: едва взглянув на присланную шкуру, они сразу решили, что перед ними — подделка. Ученые прошлого были людьми искушенными: многие десятилетия всяческие шарлатаны «создавали» самых необычных животных, соединяя воедино различные части млекопитающих, рыб, птиц, земноводных или пресмыкающихся. Таинственные «морские монахи» и «василиски», «морские девы» и прочие чудища, имеющие, например, рыбий хвост и птичью голову или змеиное туловище, множество ног, крылья и так далее демонстрировались на ярмарках и даже попадали иногда в научную литературу того времени. Правда, в XIX веке в Европе подобных подделок стало гораздо меньше, однако в странах Азии и Африки они еще были широко распространены, и оттуда заморских чудищ моряк и путешественник привозил в Европу. И не удивительно поэтому, что, получив шкуру из Австралии, англичане приняли ее за подделку. Известный английский анатом Роберт Кнокс писал впоследствии, что «ученые склонны были зачислить это редкое произведение природы в один разряд с восточными «русалками» и другими самоделками подобного рода».

В самом деле, может ли существовать зверь с птичьей головой? Однако через какое-то время известный в Англии зоолог Джордж Шоу, изучив посылку из Австралии, пришел к выводу, что шкура — не подделка. Проверка других зоологов подтвердила вывод Шоу — и ученый мир вынужден был признать существование необычного животного. И только через пять лет после того, как европейцы получили шкуру, зверь этот был описан и узаконен как животное-амфибия из «рода кротов» (утиный клюв ему «простили» — что оставалось делать?). Но когда зверь получил признание и даже

научное имя, в Англию были доставлены уже не шкуры, а сами зверьки. И тут выяснилось, что у самки нет молочных желез. Значит, она не выкармливает детенышей молоком и не может быть отнесена к млекопитающим. Тем более что, в отличие от млекопитающих, это животное, как оказалось, имеет клоаку, подобно птицам. В таком случае это не зверь с птичьим клювом, а птица в звериной шкуре?! Четверть века ученые не могли решить, куда отнести это животное—к птицам, зверям, пресмыкающимся или ни к тем, ни к другим, ни к третьим. Крупнейшие ученые того времени — французы Жорж Кювье, Этьен и Исидор Сент-Илеры (отец и сын), англичане Эдвард Хоум, Джон Джемиссон и Ричард Оуэн, немцы Иоган Блуменбах и Лоренц Окен и многие другие включились в жаркий спор. Он продолжался и тогда, когда в 1824 году у «спорных» животных были все-таки найдены молочные железы (противники признания утконосов млекопитающими объявили, что это не молочные, а мускусные или жировые железы). Спор вспыхнул с новой силой, когда в 1829 году были обнаружены в норах утконосов яйца (сторонники версии «утконос—млекопитающее» утверждали, что это яйца черепахи, случайно попавшие в нору к зверю).

Сменялись поколения ученых, а спор продолжался. Но истина рано или поздно должна была восторжествовать. И она восторжествовала. Известен даже день, когда это произошло: 2 сентября 1884 года. Этот день можно считать днем «научного рождения» утконосов.

2 сентября 1884 года в городе Монреале (Канада) проходило собрание Британской научной ассоциации. И вот прямо в президиум собрания поступила телеграмма из Австралии от известного ученого Колдуэлла. Он сообщал, что собственными глазами видел, как утконосы откладывают яйца. (То, что они выкармливают детенышей молоком, было доказано раньше.)

Итак, яйцекладущее, однопроходное, с птичьим клювом (все как у птиц!) — и тем не менее млекопитающее!

Что же из себя представляет это необычное существо?

Начнем с клюва: он первый бросается в глаза и он первый ввел в заблуждение ученых. Да, клюв действительно есть. Но на птичий он похож лишь внешне: у птиц клюв твердый, крепкий, у утконоса он мягкий, покрытый эластичной кожей, которая натянута на две тонкие, длинные, дугообразные косточки. В общем, это не клюв, а скорее, нос в форме клюва. На коже клюва находится много нервных окончаний, играющих очень важную роль в жизни утконоса: они помогают зверю ориентироваться и находить еду в воде. Роясь в придонном иле, утконос отыскивает там моллюсков, рачков, личинок насекомых. Набрав достаточно пищи, утконос поднимается на поверхность и, лежа неподвижно на воде, перетирает добычу твердыми роговыми краями клюва.

Кормится утконос лишь рано утром или поздно вечером, но работает в это время очень активно: ведь за день утконос съедает столько пищи, сколько весит сам!

Плавают утконосы прекрасно, причем «веслами» им служат не задние лапы, как у всех ведущих полуводный образ жизни млекопитающих, а передние. Как и положено, на лапах-«веслах» имеются перепонки. Но у утконосов они не между паль-

цами, а на ладошках. В воде перепонки распускаются широким веером и помогают плавать, на суше «веер» складывается — перепонки подгибаются и не мешают ходить.

Кроме перепонок, на передних лапах утконосов имеются острые и крепкие когти, с помощью которых звери неподалеку от воды устраивают себе в земле норы. Правда, нора эта небольшая, неглубокая и на ее устройство утконос много сил не тратит. Но раз в году — накануне появления потомства—утконос (точнее, утконосиха) начинает трудиться по-настоящему: нору вырывает длиной в 5—6 (но бывает и в 10 и более) метров, причем нора имеет целый ряд отнорков и заканчивается специальной камерой. В эту камеру утконос притаскивает собранные в воде ветки, водоросли, листья. (Любопытно, что транспортирует он все это, прижав хвостом к животу.) В гнезде утконос перебирает свою добычу, перетирая клювом все твердые частички, чтоб подстилка стала как можно мягче.

Когда приготовления закончены, утконосиха закупоривает входные отверстия толстыми земляными пробками и откладывает 2 (реже 1—3) маленьких (менее 2 сантиметров в диаметре) яичка, покрытых не скорлупой, как у птиц, а пленкой из рогового вещества, как у некоторых пресмыкающихся. Затем самка сворачивается клубком вокруг кладки и в течение 7—10 дней обогревает свое будущее потомство, по сути дела, насиживает яйца, не оставляя их ни на минуту. И так же в течение месяца не оставляет она появившихся на свет крошечных (они меньше 3 сантиметров в длину) слепых и голеньких детенышей. Пройдет, по крайней мере, недели четыре, прежде чем мамаша рискнет хоть ненадолго оставить их. Потом утконосиха станет отлучаться чаще и на более продолжительное время, а молодые утконосы начнут вылезать из норы, лишь когда им исполнится месяца четыре. К этому времени они уже достигают 30-сантиметровой длины, хотя и продолжают еще питаться материнским молоком.

Молока у утконоса много. Но молочные железы у этих животных развиваются лишь тогда, когда утконосы откладывают яички. В остальное время железы очень малы и совершенно незаметны.

Нет у утконосов и сосков. Во время кормления мамаша ложится на спину, а утконосики вскарабкиваются на родительницу и начинают слегка нажимать на голые участки кожи — так называемое млечное поле. На этом млечном поле находятся очень крупные поры и сквозь них, как сквозь ситечко, выступают капельки молока, которые и слизывают малыши.

Утконосов в зоопарках очень мало, а наблюдать за ними в природе крайне трудно: они пугливы, при малейшем подозрительном звуке немедленно прячутся в зарослях или опускаются на дно (обычно утконосы остаются под водой не больше минуты, но при испуге могут не подниматься на поверхность и 5 минут). Поэтому людям далеко еще не все известно об утконосах. Неизвестно, например, для чего у самцов-утконосов на передних ногах шпоры, в которых проходит канал, соединяющийся с ядовитой железой? Причем яд, вырабатываемый этой железой, довольно сильный. Если речь идет о защите, то у утконосов не так уж много врагов (а до появления человека и сопутствующих ему животных было и того меньше). И потом — почему защи-

щаться должны только самцы? Разве самки — они и поменьше (самцы достигают 65 сантиметров, самки — не более 60) и послабее — не нуждаются в защите? А шпоры почему-то есть только у самцов.

Или другой пример: у новорожденных утконосиков имеются зубы. Для чего они им? И почему у повзрослевших эти зубы исчезают?

Есть и другие загадки. Так что, хотя спор об утконосе закончился давно, вопросы все-таки остались.

Семейство Ехидны. И внешне, и по некоторым повадкам зверек этот похож на нашего всем известного ежа: у него острые и твердые иглы, при опасности он свертывается в клубок, как и еж, он плохо видит, но обладает прекрасным слухом и обонянием. И все-таки и ехидна и еж состоят в таком отдаленном родстве, которое только возможно для существ, принадлежащих к одному классу. Если же говорить о ближайших родственниках ехидны, то ее двоюродным братом можно назвать утконоса.

По странной случайности это было установлено в тот же самый день, когда было доказано, что утконосы — яйцекладущие млекопитающие. Именно в этот день, 2 сентября 1884 года, известный немецкий ученый Вильгельм Гааке, изучая в Австралии ехидн, обнаружил у них сумку на брюшке, а в сумке — яйцо! Еще одно яйценосное млекопитающее! Это тоже была сенсация, хотя и не такая, какую произвел утконос.

Ехидна почему-то вообще интересовала людей меньше, чем утконос. Даже отнеслись к ней с некоторой небрежностью и имя дали совершенно неподходящее. Ехиднами в Древней Греции называли гадюк, затем — видимо, по ассоциации со змеями — это имя (научное) получил один из видов угря. И вдруг совершенно безобидный зверь тоже получает имя ядовитой змеи! У ехидн, как и у утконосов, самцы имеют на передних ногах шпоры, но звери никогда не пользуются этим оружием. Защищаются ехидны иначе — свертываются в клубок, выставляют длинные, до 6 сантиметров, острые и твердые иглы. Иногда ехидна сильными передними лапами быстро вырывает небольшую наклонную ямку, куда засовывает голову и переднюю часть туловища, обращая в сторону врага спину со вздыбленными иглами. Если же враг, почему-либо не убоявшийся этих колючек, попытается извлечь ехидну из земли, ему придется затратить очень много усилий: этот зверек обладает большой силой. В природе врагов у ехидны практически нет, люди же преследуют ее редко: шкура ехидны ценности не представляет, мясо употребляют лишь местные жители, да и то не считают его первосортным. Поэтому ехидна не пуглива. Однако увидеть ее нелегко: ехидна активна в темное время суток, хотя может отыскивать добычу еще и до захода солнца и после его восхода.

В отличие от утконоса, ехидна совершенно не связана с водой, хотя и предпочитает заросшие, сырые низины. Там она бродит, низко опустив голову, обнюхивает или исследует длинным тонким языком попадающиеся на пути предметы, переворачивает камни, сдвигает стволы упавших деревьев, разрывает муравейники.

Пища ехидны — насекомые, мелкие моллюски, иногда черви. Добыча чуть покрупнее ей уже не «по зубам». Дело в том, что голова ехидны, как и голова утконоса, оканчи-

вается длинным клювом. Но у утконоса он плоский и способен буквально распахиваться, а у ехидны он вытянут в трубочку, сквозь отверстие которой можно просунуть лишь длинный — до 25 сантиметров — язык и втянуть прилипшую к нему мелкую живность. Еды ехидне нужно много. Вот и бродит она без отдыха по своему участку (радиус его примерно километра полтора). Впрочем, иногда ехидна совершает и 10—15-километровые переходы. А почему бы и не попутешествовать ей? Животное это свободное, и даже родительские обязанности не удерживают ехидну на месте: малыш всегда с ней в сумке. Правда, как он туда попадает — непонятно: ни ртом, ни лапами ехидна не может дотянуться до сумки, чтобы положить туда малыша.

Некоторые ученые утверждают, что сумка у ехидны образуется лишь после появления детеныша. Происходит это так: самка откладывает яйцо на землю, из него появляется крошечный, голенький, беспомощный малыш, который тем не менее способен доползти до брюшка мамаши и крепко уцепиться за ее шерстку. С этого момента вокруг малыша начинают образовываться кожистые складки, которые в конечном итоге превращаются в сумку.

Это, безусловно, достаточно убедительное объяснение того, как малыш попадает в сумку. Но как же быть со свидетельством Вильгельма Гааке, который первый доказал, что ехидны, как и утконосы, — тоже яйцекладущие животные, при этом яйцо ехидны Гааке отыскал именно в ее сумке? И не он один находил яйца в сумках ехидн. Поэтому вопрос: яйцо или появившийся из него малыш попадает в сумку — до сих пор остается открытым. Остается открытым и вопрос, каким образом это происходит.

Но так или иначе, малыш оказывается в сумке и живет в ней примерно два с половиной месяца. У ехидны, как и у утконоса, нет сосков, и малыш утыкается носиком в млечное поле, выдавливает из сетчатого участка кожи капельки молока и слизывает их. За два с половиной месяца маленькая ехидночка вырастает до 9—10 сантиметров (новорожденный имеет не более сантиметра в длину) и весит уже 300—400 граммов. А главное — малыш покрывается иглами, и мамаше, наверное, уже не только тяжело, но и очень неудобно таскать его. Тогда она отыскивает подходящую ямку (или роет такую сама) и пересаживает туда своего потомка. Время от времени мамаша приходит к ямке и подкармливает детеныша. Это длится довольно долго, и за время сидения в ямке детеныш удваивает свой вес. Но вот однажды мамаша придет к своему детенышу и не застанет его на месте. Однако она не испугается, не побежит его искать — она поймет: детеныш уже вырос и начал самостоятельную жизнь... А то, что он не попрощался с мамашей, — что ж, это бывает не только у ехидн...

Так живет австралийская ехидна, так живет и тасманийская — более крупная, чем австралийская, но с меньшим количеством игл и более густой шерстью. Так живут и проехидны — обитатели Новой Гвинеи, отличающиеся от ехидн более изогнутым клювом и более высокими ногами.

СУМЧАТЫЕ

Для того чтоб быть в этом отряде, надо иметь сумку. Так, по крайней мере, можно предположить, если исходить из названия отряда. Но, оказывается, сумка есть не у всех сумчатых. И наоборот — наличие сумки еще не дает права быть зачисленным в этот отряд. Примером может служить ехидна: сумка у нее есть, а в отряд сумчатых этот зверь не входит. Впрочем, животное, имеющее сумку и не входящее в отряд сумчатых, — такое же исключение, как отсутствие сумки у представителя отряда сумчатых. Тем не менее, кроме сумки, представитель отряда должен иметь еще какие-то характерные черты или признаки. Для зоологов-систематиков такими признаками являются строение зубов и нижние челюсти.

Благодаря этим признакам в один отряд объединены такие различные по внешности и по образу жизни животные, как, например, сумчатые мыши (некоторые из них величиной не более 5 сантиметров) и гигантские трехметровые кенгуру. Всего же в отряде около 200 видов. Все они, за исключением американских опоссумов, жители Австралии, Новой Гвинеи и близлежащих островов.

Семейство Хищные сумчатые. В это семейство входят, помимо других животных, и самые маленькие сумчатые — сумчатые мыши.

Мыши, даже если они такие необычные, что имеют сумки, все равно не могут быть хищными. И действительно — все 30 с лишним известных сейчас ученым видов сумчатых мышей питаются насекомыми и другими беспозвоночными. Однако хищнические наклонности у них все-таки есть: сумчатые мыши нападают на домовых мышей и даже на крыс, появившихся в Австралии вместе с европейцами - переселенцами, и уничтожают их в больших количествах. Правда, не все — многие сумчатые мыши живут в пустынях или полупустынях, в лесах или в горах и там с домовыми мышами не сталкиваются. Но другие, живущие вблизи человека, оказывают ему немалую услугу, истребляя вредных грызунов.

Сумчатые мыши очень разнообразны. Среди них есть и крошечные, чуть более 4 сантиметров в длину, и величиной с белку. Одни действительно похожи на наших крыс или мышей, другие — на тушканчиков, третьи — крошечные копии кенгуру — даже передвигаются только на задних лапках.

И сумки у них разные: у одних это действительно сумки, у других только кожистые складки, ограничивающие млечное поле сверху и снизу. У некоторых сумки имеются постоянно, у большинства появляются лишь во время выкармливания потомства.

Когда первые европейцы-колонисты стали заселять Австралию, они, естественно, в первую очередь обращали внимание на наиболее заметных, крупных животных. Но некоторые мелкие зверушки сами заставили обратить на себя внимание. Например, кистехвостая крыса тафа (у нее действительно хвост заканчивается кисточкой).

С тафой европейцы познакомились очень скоро, и знакомство это было отнюдь не из приятных. Смелая, ловкая, быстрая, прекрасно лазающая по деревьям тафа — прожорливый и кровожадный хищник. Будучи величиной с белку, она отважно нападает на зверей и более крупных, чем сама. А уж тем, кто

помельче и послабее, от нее нет никакой пощады. Тафа начала совершать набеги на фермы, опустошать кладовые первых переселенцев, учинять разгром в курятниках. Люди объявили кистехвостым крысам решительную борьбу и, безусловно, имели на то все основания. Но вот прошло некоторое время, и отношение к тафе резко изменилось. И на это тоже имелись основания: тафы целиком переключились на домовых мышей и крыс. Так что сейчас некоторые ученые считают тафу очень полезным хищником.

Активно истребляет грызунов и гребнехвостая мышевидка — мульгара. А плоскочерепные и узконогие сумчатые мыши питаются насекомыми, главным образом саранчовыми. Так что и к этим сумчатым у людей претензий быть не может. Но жизнь сумчатых мышей изучена далеко не достаточно. Об одних известно многое, даже такие любопытные подробности: узконогие мыши, например, прекрасные мамаши, заботливо охраняющие свое потомство, гребнехвостые сумчатые мыши способны накапливать в хвостах запасы жира, а широконогие сумчатые мыши умеют бегать по потолку пещеры. Про других, особенно про тех, кто живет вдали от человека, таких, например, как сумчатая гребнехвостая крыса, обитающая в песчаных и каменистых пустынях, известно немного. Да и о самой этой крысе стало известно сравнительно недавно. И, очевидно, существует еще не один маленький сумчатый хищник в безлюдных уголках Австралии, о котором людям ничего не известно.

Если есть сумчатые мыши, то почему бы не быть и сумчатым кошкам? Правда, австралийские кошки очень отличаются от американских и европейских, но ведь и мыши в Австралии совсем другие. По внешности австралийские кошки напоминают одновременно и кошку и куницу, поэтому их еще называют сумчатыми куницами. Основная пища сумчатых кошек — рыба, птица, мелкие зверушки, не пренебрегают они и насекомыми.

Сумчатых кошек в Австралии пять видов, однако наиболее типичны два: кволл и тигровая кошка (ее чаще других называют сумчатой куницей).

Кволл — существо маленькое и изящное, у него тонкая мордочка, пушистый хвост и светлые пятна на черной, серой или буроватой шерсти. Сумка у этого зверька образуется только накануне появления потомства. Внутри сумки — шесть сосков. Правда, претендентов на эти соски гораздо больше — иногда на свет появляется две дюжины детенышей. Но выживают лишь шестеро — те, кто быстрее других успеют добраться до сосков.

Кволл ведет ночной образ жизни. Он отважен, умен, хитер, и первые колонисты в Австралии немало страдали от этих животных, совершавших набеги на фермы. Правда, и кошкам за это доставалось от колонистов! Но вскоре люди поняли, что пользы от кволлов, уничтожающих грызунов, гораздо больше, чем вреда. И перестали их преследовать.

Иное дело — тигровая кошка. Она гораздо крупнее кволла — более полуметра в длину, — и в ее «меню» входят не только мелкие грызуны, но и некоторые домашние животные, в особенности — птицы. И если кволлов фермеры сейчас не только оставили в покое, но нередко даже держат в своих домах вместо обычных кошек (кволлы легко приручаются и прекрасно справляются

с обязанностями домашних животных), то тигровую кошку до сих пор истребляют при всяком удобном случае.

Но самым большим гонениям среди сумчатых хищников подвергается тасманийский, или сумчатый, дьявол.

Уже само его название, казалось бы, говорит обо всем — и о его внешности, и о его нраве. Тасманийский дьявол действительно не красавец — коренастый, большеголовый, с короткими лапами и, как утверждают многие, с отвратительным голосом. Что же касается его «дьявольского» нрава, то тут, видимо, большую роль сыграло первое впечатление европейцев, никем впоследствии не опровергнутое и даже усугубленное не очень объективными свидетелями.

Тасманийский дьявол — хищник. Одно это делало его в глазах людей существом вредным. А если хищник при первом же знакомстве еще и навредит людям — репутация его окончательно портится. Именно так произошло с тасманийским дьяволом.

Впервые люди познакомились с этим зверем, когда начали осваивать остров Тасманию. Осваивали весьма своеобразно — ссылали на него людей, приговоренных к каторжным работам. Тасманийский дьявол (тогда, видимо, он еще так не назывался) на людей особого внимания не обратил. Зато проявил большой интерес к их мясным запасам. Откуда зверю было знать, что куры и утки, привезенные на остров, предназначались не ему? Но люди не поняли этого и начали истреблять зверя. Впрочем, тасманийского дьявола убивали не только за то, что он забирался в курятники, — его собственное мясо оказалось вполне съедобным.

Сейчас зверь этот сохранился лишь в безлюдных районах Тасмании — высоко в горах. Неизвестно, сколько их осталось, но, видимо, очень немного. В Австралии, где еще сравнительно недавно сумчатый дьявол был широко распространен, он истреблен полностью. По мнению многих фермеров и даже некоторых ученых, страна избавилась от вредного, опасного и отвратительного существа.

Но есть другое мнение. Немало людей, и в частности профессор Бернгард Гржимек, считают, что истребление сумчатого дьявола — не такое уж полезное мероприятие, а сам этот зверь не так уж страшен и отвратителен. Ведь люди в основном сталкивались с этим животным, когда оно было ранено или поймано и посажено в мешок или клетку. И вряд ли можно требовать в такой ситуации дружеских жестов со стороны животного. Если же с тасманийским дьяволом обращаться прилично, то, как свидетельствует Б. Гржимек, наблюдавший этих зверей в зоопарках и дома у некоторых любителей животных, он не проявляет никаких «дьявольских» черт. Не только молодые, но и взрослые дьяволы легко приручаются, становятся очень забавными и, если не подвергать их соблазну — не подпускать к курятникам, могут жить в домах, как собаки. К тому же они очень чистоплотны — ухаживают за своей шкуркой, чистят ее, а по утрам тщательно умываются: складывают ладошки ковшиком, смачивают их слюной и тщательно моют мордочку и уши.

Может быть, профессор Гржимек несколько пристрастен и вряд ли стоит превращать этого зверя в домашнее животное, но сохранить его, безусловно, необходимо. Тем более

что его и не изучили-то еще по-настоящему. Лишь теперь стали известны многие подробности его жизни. В частности, например, то, что тасманийские дьяволы — нежные и заботливые родители и детенышей выращивают, так сказать, в два приема. Сначала новорожденные «дьяволята», которые в момент появления на свет чуть больше сантиметра (величина родителей в среднем — до полуметра), отсиживаются в сумке. У матери четыре соска, и детенышей бывает не более четырех. За почти двухмесячный срок пребывания в сумке малыши вырастают в 6—7 раз, и только после этого у них открываются глаза и появляется шерстка. Покинут сумку они лишь в 4—5-месячном возрасте. Но и потом молодые звери остаются некоторое время на попечении родителей — лежат в мягком уютном гнездышке, мать кормит их молоком, а отец бдительно охраняет.

Тасманийский дьявол—самый крупный сумчатый хищник, о котором мы с полной уверенностью можем сказать, что он сохранился на Земле. Потому что о тасманийском или сумчатом волке (о них речь шла выше) мы этого сказать не можем.

Семейство Намбаты, или Сумчатые муравьеды. Намбатом этого зверька зовут австралийцы. Второе название — сумчатый муравьед — дали ему зоологи. И в этом втором названии содержится сразу две ошибки: во-первых, намбаты не сумчатые, во-вторых, почти не едят муравьев. Очевидно, в 1836 году, впервые увидав намбата, натуралисты не стали особенно вникать в то, что́ он ест. Увидали: роется в земле, высовывает свой длинный клейкий язык, на который прилипают насекомые, и быстро втягивает его в маленький узкий рот — и решили, что это очень похоже на поведение американского муравьеда. И стал намбат муравьедом, но австралийским. А так как все коренные австралийские животные — существа сумчатые, то естественно было предположить, что и намбаты имеют сумки. Так и появилось название сумчатый муравьед.

Однако намбаты питаются главным образом термитами. Правда, иногда вместе с термитами прихватывают и муравьев, если те оказываются поблизости, но это так, в виде гарнира. Поэтому муравьедом намбата назвать нельзя. Это первая ошибка зоологов. Вторая ошибка заключается в том, что намбат не сумчатое животное. Хотя по существующей классификации он относится к сумчатым, сумки у него нет. Даже признаков ее пока не обнаружили. Крошечные голые детеныши, едва появившись на свет, подползают к материнским соскам, крепко цепляются за них и уже не выпускают в течение 8—9 месяцев.

Намбат — животное небольшое (сантиметров 24 в длину плюс почти такой же хвост), но знаменитое: у него 52 зуба. И это при том, что он вообще может обойтись без зубов, ведь пища намбата достаточно мягкая.

Но если самому зверьку такое количество зубов вроде бы и ни к чему, то ученые благодаря этим зубам установили, что намбат — самое древнее млекопитающее на Земле, старше даже утконосов и ехидн.

В Австралии живут два вида намбатов — обыкновенный, распространенный достаточно широко, и рыжий намбат, ставший теперь очень редким. Благодаря австралийскому ученому Калаби и его коллеге Дэвиду Флею люди сейчас кое-что знают о намбатах. Знают, что они очень до-

бродушны, что предпочитают не уходить далеко от дупла, в котором живут, и при малейшей опасности прячутся в него (это единственная защита намбата). Знают, что, раскапывая термитник, зверек садится на задние лапки и работает только передними, а обыскивая трухлявые деревья, он когтями разбрасывает гнилую древесину и засовывает свой длинный язык в ходы термитов. Но никогда намбат не задерживается подолгу на одном месте. Даже если еды еще осталось достаточно, намбат почему-то спешит дальше, к новому термитнику. И всегда, благодаря своему тонкому обонянию, безошибочно находит термитов: в земле ли, на дереве, в поваленном стволе — всюду.

Дэвид Флей наблюдал за намбатом в неволе и свидетельствует, что его «маленькая мисс Намбат», как он окрестил зверька, была очень веселой, обладала прекрасным характером, имела отменный аппетит и любила греться на солнышке.

Возможно, если людям удастся спасти рыжего намбата, мы еще узнаем о нем немало любопытного. А спасти его надо по многим причинам и, кроме всего прочего, потому, что он очень красив — это самое яркое и по окраске и по рисунку млекопитающее Австралии.

Семейство Сумчатые кроты. Когда в 1888 году это животное было открыто, оно немало удивило и озадачило зоологов: во-первых, крот, живущий в земле, должен по всем законам оставлять следы в виде хотя бы кротовин, хорошо заметных сразу, и ходов, которые легко обнаружить при специальных поисках. А этот зверек не делал ни того, ни другого. Во-вторых, у найденного зверька не обнаружили поначалу сумки, а ученые к тому времени установили: все австралийские животные, если это коренные жители пятого континента, должны иметь сумку или, по крайней мере, млечное поле. Так, может быть, этот крот не коренной австралиец? Тем более что внешне он очень похож на кротов, живущих в Европе и в особенности — в Африке. Может быть, он оттуда? Или близкий родственник европейских и африканских кротов?

Но постепенно все разъяснилось.

Да, внешне австралийский крот действительно похож на европейского и африканского. Но ни в каком, даже отдаленном родстве с ними не состоит. Сходство же их объясняется похожими условиями жизни (в науке такое явление называется конвергентной эволюцией или просто конвергенцией).

И сумку у этих кротов в конце концов нашли. Что же касается кротовин и подземных ходов, то сумчатый крот не оставляет их по очень простой причине: живет он в песчаной, быстро осыпающейся почве, и только гнездо, в котором выращивает потомство, устраивает довольно глубоко.

Ползая неглубоко под землей, крот время от времени выбирается наружу, чтобы подышать. Несколько метров он ползет по поверхности, извиваясь при этом как змея, потом снова зарывается и продолжает двигаться уже в земле. При этом дорогу себе он прокладывает главным образом мордой, прикрытой особым роговым щитком. Лапы у него сильные и хорошо приспособленные для рытья, но в работу он пускает их не так уж часто.

Семейство Австралийские бандикуты. Известный путешественник, писатель и большой знаток живот-

ных Джеральд Даррелл так описал этого зверька: «Он был величиной с кролика, с длинным посапывающим носиком, яркими бусинками глаз и заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшим листьям и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтоб поскрести землю своей аккуратной лапкой, видимо, искал насекомых».

Даррелл очень точно описал длинноносого бандикута — одного из представителей этого семейства и, к сожалению, едва ли не единственного, которому пока еще не грозит полное истребление. Дело в том, что бандикутов преследуют и австралийские аборигены — они употребляют в пищу мясо этих зверьков, и колонисты-фермеры — они считают бандикутов вредителями, портящими садовые и огородные растения. На самом же деле бандикуты не только не вредят, а, напротив, приносят немалую пользу тем же фермерам, уничтожая много вредных насекомых.

Наблюдатели описывают, как забавно ест длинноносый бандикут: найдя червя или личинку, зверек пропускает ее между пальцами одной, затем другой лапы, тщательно очищая добычу от прилипшей земли. Вообще зверьки эти, как считают специалисты, очень добродушные, доверчивые и приветливые. И нуждаются в защите. Особенно относится это к бандикуту-кролику, или билби, на которого охотятся, помимо всего прочего, и еще из-за его красивого меха. А зверек этот особенно полезен, так как, кроме насекомых, уничтожает большое количество грызунов. Поведение билби очень своеобразно. Например, в отличие от своих сородичей, он роет глубокие (до полутора метров) спиральные норы, где проводит светлое время суток, прячется от врагов. При попытке врагов раскопать нору он начинает рыть в противоположную сторону, причем с такой быстротой, что обгоняет раскапывающего нору, даже если тот действует лопатой. Спит билби, сидя на задних лапках, засунув мордочку между передними и сложив пополам свои длинные кроличьи ушки.

Все бандикуты (а их около 20 видов) имеют хорошо развитые сумки, в которых вынашивают 1—2 детенышей (больше бывает очень редко). Слабая плодовитость этих зверюшек, с одной стороны, усиленная охота на них, с другой, наконец, уничтожение постоянных мест обитания — все это рано или поздно может привести к тому, что забавные и полезные зверьки полностью исчезнут. Если, конечно, люди не примут мер к их спасению.

Семейство Поссумы. Осенью 1931 года в одном из районов Австралии можно было увидеть группу людей, которые занимались странным делом: они объезжали деревни и поселки, заходили в каждый дом и, показывая маленькую шкурку зверька, случайно обнаруженную учеными среди многочисленных трофеев охотников, пытались выяснить, где был пойман этот зверек. Энтузиасты обследовали все поселения, расположенные на площади в 5 тысяч квадратных километров, прежде чем получили ответ. И сразу же в район, где был добыт этот зверек, отправилась экспедиция. Но она окончилась безрезультатно.

Беличий поссум — так назывался этот зверек — один из самых ред-

ких на Земле: он был открыт в 1867 году и с тех пор показывался на глаза людям лишь несколько раз.

После неудачной экспедиции ученые решили, что зверек этот окончательно исчез, и добытый в 1931 году был последним беличьим поссумом на Земле. И вдруг через 30 лет — в 1961 году — произошло сенсационное событие: было поймано сразу 4 беличьих поссума. А потом снова — сколько ни искали — он не появлялся в поле зрения ученых ни живой, ни мертвый.

Существует ли еще на Земле беличий поссум — неизвестно. Но если и существует, то, безусловно, в очень незначительном количестве.

Причины исчезновения беличьего поссума, маленького (до 20 сантиметров), изящного зверька, пока не выяснены — во всяком случае, тут не вина людей: к тому времени, когда люди начали заселять Австралию, этот зверек был уже редким.

А вот по чьей вине другой представитель семейства поссумов — щеткохвост, или кузу, — едва не исчез с лица Земли, очень хорошо известно.

У щеткохвостов (прозванных так за то, что хвост у них покрыт довольно жесткими волосками) прекрасный сероватый или коричневатый мех, и в конце прошлого — начале нашего века ежегодно по нескольку миллионов шкурок этих зверьков привозили в Европу и Америку. «Аделаидская шиншилла» (так назывались шкурки этих поссумов) высоко ценилась. Казалось — кузу был обречен. Но, к счастью, австралийцы вовремя спохватились и запретили охоту на щеткохвостов. Сейчас отстрел кузу разрешается только по специальным лицензиям, а лицензии выдаются лишь в случае, если специальный инспектор засвидетельствует необходимость такого отстрела, то есть если будет доказано, что зверек начал вредить в садах. Правда, как пишет советский ученый Н. Н. Дроздов, работавший в Австралии, из-за ценного меха истребление этих зверьков продолжается под разными благовидными или неблаговидными предлогами. Тем не менее кузу сейчас достаточно многочислен и легко уживается рядом с человеком, так же как и его родственник — кольцехвостый поссум (кончик длинного хвоста у этого зверька загнут в колечко — отсюда и название). Они быстро привыкают к новой обстановке, охотно пользуются кормушками, которые развешивают в садах и парках любители природы, совершенно не боятся человека, даже позволяют себя погладить (это дикие, а о прирученных и говорить нечего) и абсолютно не приносят никакого вреда, хотя фермеры, жаждущие заполучить ценные шкурки, доказывают обратное.

В Австралии и на близлежащих островах живет более тридцати видов поссумов. Все они имеют глубокие сумки, где детеныши находятся в безопасности. Не будь таких глубоких сумок, малышам пришлось бы плохо: ведь поссумы не только ловко лазают по деревьям, но и прекрасно прыгают и даже хорошо летают. Летают, конечно, не по-настоящему, а планируют при помощи длинного пушистого хвоста и летательных перепонок — широких складок кожи, которые растягиваются между передними и задними лапами, когда зверек в полете широко раскидывает их. Благодаря таким складкам-«крыльям» маленький сахарный летающий поссум совершает прыжки-полеты длиной в 50 метров, а большой летающий поссум, забравшись на верхушку 30-

метрового эвкалипта, может пролететь и 80—90 метров.

Подросшие детеныши перебираются из сумки на спину мамаши и таким образом еще месяца два-три (у разных видов эти сроки разные) путешествуют по деревьям. Правда, в это время летающие поссумы воздерживаются от полетов.

Поссумы отличаются друг от друга и по окраске (есть почти черные, есть и совершенно белые — альбиносы), и по образу жизни (одни обитают на деревьях, другие — на земле), и по устройству жилищ (одни поселяются в кроличьих норах, дуплах, случайных убежищах или вообще спят где придется, другие вьют аккуратные гнезда-шарики, затрачивая на это много сил и времени). Отличаются поссумы и по величине: большой летающий поссум, например, достигает в длину четверти метра и к тому же имеет полуметровый хвост, а поссум-карлик не более 8 сантиметров, и хвост у него короткий. И питаются поссумы по-разному: среди них есть и насекомоядные, и растительноядные, и многоядные (их пища — растения, насекомые, грызуны), и даже такие, которые едят только мед.

Сладкоежек среди поссумов немало, но настоящий любитель меда — поссум-медоед.

В свое время утконоса не могли причислить к млекопитающим, потому что этот зверь откладывал яйца. Возможно, столкнись люди в то время с поссумом-медоедом и узнай подробно его жизнь — он тоже вызвал бы горячие споры. Очень многое у этих зверьков напоминает птиц-медососов. Питаются медоеды точно так же, как медососы, — поедают пыльцу, сосут нектар, проглатывают мелких насекомых, встречающихся на цветах. Как и птицы, эти зверьки совершают путешествия: отправляются туда, где начинают цвести те или иные растения. Как и птицы, они вьют гнезда, причем очень похожие на птичьи, а то и просто поселяются в гнезда птиц-медососов вместе с хозяевами.

Медоеды сильно отличаются от других поссумов (и даже выделены в особое подсемейство). Например, у них имеется длинный язык со щеточкой на конце, специально приспособленный для сбора цветочной пыльцы, а мордочка вытянута в трубку, будто приспособлена специально для того, чтоб втягивать нектар. Правда, медоед не откажется и от насекомого, если оно попадется ему на цветке. Тогда он садится на задние лапы, берет добычу передними, аккуратно отрывает крылышки и проглатывает.

Однако общего с другими поссумами у медоедов больше, чем отличий. И кроме всего, медоеды, как и другие поссумы, совершенно безобидные животные, легко приручаются и становятся очень ласковыми и игривыми.

Семейство Кенгуру. О кенгуру написано множество популярных и научных книг, его изображение красуется на марках и фирменных знаках, это животное — официальный символ Австралии. Вместе со страусом эму он изображен на гербе страны. Наконец, кенгуру — одно из немногих сумчатых, которых можно увидеть в зоопарках мира. И тем не менее до сих пор это животное продолжает оставаться загадочным даже для специалистов. Неспециалисты же очень часто о кенгуру имеют неверное, а то и просто искаженное представление. В большинстве популярных да и во многих научных книгах утверждается, что

первые европейцы, увидевшие и описавшие этих животных, были английский путешественник капитан Джеймс Кук и его спутник, биолог Джозеф Бенис, посетившие Австралию в 1770 году. А ведь еще за 140 лет до Кука «странных тварей кошачьего рода, которые ходят только на задних ногах» увидал, а затем и описал в своих воспоминаниях голландский моряк Франс Пелсарт.

После Пелсарта в 1699 году «переоткрыл» кенгуру английский пират-натуралист (в науке были и такие персонажи) Вильям Дамшер. Ну, а вообще слухи о кенгуру и некоторые сведения о нем проникли в Европу уже более 1000 лет назад: арабский географ Мусади упоминает о нем в своей книге, написанной в 950 году и появившейся в Европе в том же X веке.

В общем, кто открыл кенгуру — вопрос неясный, что значит само слово «кенгуру» — тоже до конца не ясно.

Одна из версий такова: капитан Кук, увидав этих животных, спросил у аборигена, как они называются. Абориген не понял и переспросил, произнеся что-то вроде «кеогору». Кук решил, что именно так называется это животное.

По другой версии, абориген на вопрос Кука просто ответил: «не знаю», что прозвучало как «кенгуру». Наконец, третья, наиболее похожая версия: кенгуру — местное название одного из видов этого животного. Кук, конечно, не мог знать, что животные, одно из которых он «чуть было не принял за дикую собаку, если бы не увидел, что оно передвигается и бежит, подпрыгивая как заяц или олень», очень разнообразны — от небольших, менее полуметра, до почти трехметровых гигантов. Но независимо от величины у всех кенгуру недоразвиты передние ноги и сильно развиты задние; все представители этого семейства (а их примерно 50 видов) держатся более или менее вертикально, как бы стоят, опираясь, словно на треножник, на две задние ноги и могучий хвост. Передвигаются кенгуру скачками, прыгая на задних ногах и балансируя, удерживая равновесие хвостом. Наконец, еще один общий признак для кенгуру: все они травоядные.

Самые маленькие кенгуру — кенгуровые крысы (их не следует путать с сумчатыми крысами). Живут кенгуровые крысы в густых зарослях травы, там устраивают гнезда, роют норы или селятся в норах кроликов (в зависимости от вида), там находят себе и пропитание — грибы, семена, клубни растений.

Еще сравнительно недавно кенгуровых крыс было много. Сейчас два вида исчезли совершенно, остальные девять видов стали редкими и находятся на грани полного исчезновения. Виноваты в этом не только фермеры, которые истребляли кенгуровых крыс, считая их вредителями полей и садов (что не совсем верно), но и лисицы, завезенные в Австралию и на острова людьми, и динго, и собаки. К сожалению, судьба этих кенгуру предрешена — ведь о спасении их, видимо, никто не думает. Так же, как никто, наверное, не думает о судьбе самого быстроногого кенгуру — валлабизайца.

Все валлаби (кенгуру средних размеров), как и все крупные кенгуру, в отличие от кенгуровых крыс, считаются кенгуру настоящими. Это не значит, что кенгуровые крысы — какие-то не настоящие. Но, очевидно, крупные и средние имеют больше общего между собой и больше

соответствуют «традиционному» образцу — тому самому кенгуру, которого знают все. К валлаби близки и древесные кенгуру — единственные кенгуру, живущие на деревьях. Однако еду — ягоды, листья папоротника, клубни растений — они находят на земле. На земле древесные кенгуру мало отличаются от остальных своих родственников. А на деревьях они ведут себя как типичные древолазы: прыгают, ползают по веткам и спят на суках в горизонтальном положении. А при необходимости могут спрыгнуть с двадцатиметровой высоты!

Кенгуру вообще прекрасные прыгуны. Даже во время пастьбы крупные кенгуру делают полутораметровые прыжки, «прогуливаясь», прыгают на два метра, при опасности же могут прыгнуть на 7—8 метров, а в момент отчаяния, как пишет Б. Гржимек, — даже на 13,5.

Но это — кенгуру-гиганты, и о них мы еще поговорим. А валлаби такие рекорды не устанавливают, хотя и они — прыгуны отличные, особенно скальные валлаби. И бегуны они такие, что ни собаки, ни динго угнаться за ними не могут. К тому же в беге по крутым камням помогают им оригинальные приспособления — жесткий и густой мех на подошвах задних ног. Благодаря этому скальный валлаби может взбираться на дерево, если оно растет чуть-чуть наклонно, и прыгать по ветвям, совершенно не пользуясь передними ногами.

В общем, в горах эти кенгуру чувствуют себя в безопасности. Но, к сожалению, в горах, на голых скалах ничего не растет. И приходится кенгуру спускаться в низины, чтобы найти еду. Вот там-то и подкарауливают кенгуру их основные враги — люди и собаки.

Кенгуру, которые живут в зоопарках, — это, главным образом, валлаби, их чаще других привозят в Европу или Америку. Но в клетках или вольерах даже небольшому валлаби негде развернуться, показать, на что они способны. А уж про больших кенгуру, могущих развить скорость до 40—50 километров в час и совершающих 6—9-метровые прыжки, которые, по словам советского ученого Э. Рогачевой, «одно из самых эффектных зрелищ... в природе», — и говорить нечего. Больших кенгуру три вида. Серый живет в лесистых зонах, за что и получил свое второе имя — лесной. Второй вид — рыжий — почти такой же крупный, но более стройный и грациозный. Он предпочитает небольшими семейными группами по 10—12 особей жить на равнинах. В Австралии, как считают биологи, он занимает то же место (биологическую нишу), которую в Африке занимают степные антилопы.

Валлару — третий крупный кенгуру — живет в горах. Это сильное животное обладает довольно мрачным, по сравнению с другими кенгуру, характером. Правда, все крупные кенгуру при опасности вступают в бой, используя и определенные приемы борьбы, и физическую силу, и могучее оружие — ноги и когти. Но сами они, как правило, не нападают и при любой возможности стараются удрать. Валлару же драчлив и агрессивен — особенно скверный характер у старых самцов. Однако, в отличие от серых и рыжих кенгуру, валлару лишь царапаются и кусаются, и никогда не используют такое мощное оружие, как ноги. Почему — непонятно.

Другая загадка — отношение валлару к воде. Все кенгуру мало пьют, а валлару особенно долго может

обходиться без воды. Когда же ему становится невтерпеж — обдирает кору с деревьев и слизывает сок.

Во время сильной жары кенгуру, как и некоторые другие млекопитающие, открывает рот и часто дышит. Валлару при этом еще и облизывает передние ноги и грудь, а иногда даже и задние ноги — видимо, слюна, испаряясь, несколько охлаждает животное. Значит, от жары он все-таки страдает. Но в то же время даже в сильный зной и даже при наличии воды пьет он далеко не всегда.

Некоторые ученые считают, что вода снижает питательность пищи. И возможно, валлару, довольствующийся скудной, бедной белками растительностью, предпочитает страдать от жажды, но не лишать свой организм необходимых питательных веществ. Рыжий кенгуру тоже может подолгу обходиться без воды, теряя при этом треть веса и перенося такую потерю, очевидно, довольно легко. (Для сравнения: человек, потерявший 12 процентов содержащейся в организме жидкости, погибает.)

Но совсем без воды кенгуру все-таки жить не могут, и в период сильных засух погибает до 75 процентов молодых, уже покинувших сумку, и до 80 процентов находящихся в сумках детенышей, так как у матерей пропадает молоко. Да и взрослые кенгуру гибнут в большом количестве.

Массовая гибель могла бы, казалось, привести к полному исчезновению гигантских кенгуру, если бы не уникальная приспособленность этих животных. И в частности, уникальный механизм размножения. Но сначала о размножении кенгуру вообще, точнее, о рождении и воспитании потомства.

Ученые, да и не только ученые, имели возможность познакомиться с кенгуру давно: еще в конце XVIII столетия, всего через несколько лет после сообщения Д. Кука о необычных животных, кенгуру были присланы в Лондон в подарок королю Георгу III и за определенную плату их показывали всем желающим.

И так же давно известно, что у кенгуру есть сумка и что в ней проводит первое время детеныш, — хотя это, как ни странно, заметили не сразу. Вообще европейские ученые далеко не сразу поверили, что в Австралии все животные сумчатые: ведь до открытия Австралии считалось, что сумка есть у единственного в мире зверя — у американского опоссума, о котором мы еще будем говорить. А ведь европейцы знали о сумчатых очень и очень давно. Во всяком случае, еще во II веке римский писатель Лукиан упоминал о странных животных, умеющих открывать и закрывать свой живот, как мешок, и носящих в этом мешке-животе детишек. Правда, сам Лукиан в это не верил, но коль скоро такие рассказы ходили среди европейцев, очевидно, люди когда-то все-таки сталкивались с сумчатыми.

Но вот в конце концов сумка у кенгуру была обнаружена, а в ней живое существо. И новая сенсация: существо это — детеныш кенгуру — был менее двух сантиметров длины и весил 3/4 грамма. Поначалу ученые решили, что появляется это существо тут же, в сумке, вырастая из соска, на котором висит. Словно груша на ветке. Любопытно, что мнение, будто кенгуренок появляется из соска матери, до сих пор бытует в Австралии среди фермеров. Но ученые уже давно установили: это слепое и глухое существо с цепкими коготками на передних ногах

(задние — недоразвиты) появляется на свет не в сумке. В сумку оно попадает после рождения... Но вот как? Опять загадка! До прошлого века ученые были уверены, что мамаша берет зубами или губами новорожденного и опускает его в сумку. Казалось бы, иного мнения быть не может — не лезет же этот фактически полуэмбрион в сумку самостоятельно. Это было бы невероятно. И тем не менее — факт: новорожденный кенгуренок добирается до сумки самостоятельно. Мамаша лишь за два часа до родов начинает вылизывать и чистить ее да тщательно вылизывает у себя на животе узенькую полоску шерсти: то ли намечает дорожку для младенца, то ли очищает шкурку, вроде бы стерилизует ее. Но так или иначе, голый и слепой малыш, цепляясь коготками за шерстку матери, довольно быстро добирается до сумки, отыскивает (очевидно, руководствуясь все-таки запахом, так как у него в это время уже хорошо развиты ноздри и вполне сформировавшийся обонятельный центр в мозгу) один из четырех сосков и повисает на нем. Сосок разбухает, заклинивает ротик, так что малыш с этого момента надежно укрепился в сумке. Сокращая особые мышцы, мамаша впрыскивает ему в рот молоко. Казалось бы, все уже ясно. Так нет: «Мы установили (и наш фильм может это подтвердить), что мать, вопреки распространенным утверждениям, не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша», — заявляет Джеральд Даррелл.

Ученые, конечно, разберутся в этом, как разобрались они в том, откуда в сумке, которую едва покидает подросший кенгуренок (ему к тому времени уже 8 месяцев), сразу появляется новый малыш. Некоторое время эти молочные братья живут рядом — один, правда, в сумке, другой «на воле». Но и великовозрастный кенгуренок, уже самостоятельно находящий еду, нет-нет да и вскочит в сумку — либо молочком полакомиться, либо испугавшись чего-нибудь. Он уже такой большой, что в сумке не помещается — ноги и хвост торчат наружу, а вот поди ж ты! И мамаша не только не прогоняет его — с этой достаточно тяжелой ношей она быстро скачет, удирая от опасности.

Итак, второй малыш появляется, когда его брат уже подрастает. Но в случае гибели малыша, даже если это происходит вскоре после рождения, в сумке немедленно появляется другой!

И только недавно обнаружили удивительный механизм деторождения у кенгуру. Оказывается, вскоре после появления на свет детеныша, в чреве матери зарождается другой. Развившись до определенной стадии, он как бы «замирает», перестает расти и в таком состоянии находится до тех пор, пока не освобождается сумка. А произойдет это тогда, когда находящийся в сумке детеныш либо подрастает и покидает сумку, либо погибает. Пустая сумка — сигнал зародышу, который, получив его, начинает быстро развиваться и скоро оказывается в сумке.

Но, несмотря на такой, по выражению одного австралийского биолога, «поточный метод», кенгуру — хорошие мамаши. Они не только подкармливают и при опасности прячут в сумке своих великовозрастных отпрысков, — убегая от преследования и чувствуя, что уйти ей не удастся, мамаша-кенгуру на бегу выбрасывает своего младенца. Правда, существует мнение, что делает она это либо для того, чтобы было

легче бежать, либо жертвует детенышем — оставляет его преследователю, чтобы спастись самой. Но большинство специалистов считают, что это все-таки не так. Во-первых, выбрасывает мамаша детеныша не под ноги преследователю, а всегда в какое-то укрытое место: например, в кусты или расщелины скал. Во-вторых, делает это она только в самых крайних случаях, когда уже нет никаких шансов на спасение. И наконец, если самке все-таки удается спастись, она обязательно возвращается и пытается отыскать детеныша.

Значит, и этот вопрос пока не прояснен. Вообще вопросов, на которые еще не дал ответ кенгуру, много. Но самый главный — будут ли сохранены на Земле эти удивительные и необычные животные?

Семейство Американские опоссумы. Когда хотят сказать, какая у опоссума сумка или как он вынашивает своих новорожденных детенышей, обычно говорят: как кенгуру, или: сумка у него, как у кенгуру. И сразу все понимают. Потому что кенгуру известен всем, опоссум же — очень немногим. А когда-то «имя» его гремело, и знаменит он был в Европе задолго до австралийских сумчатых. Америка, в которой живут опоссумы, была открыта раньше Австралии, и вскоре после открытия Америки опоссум был доставлен в Европу. Тут он наделал такой переполох, что восседавшая тогда на испанском троне королевская чета — Изабелла и Фердинанд собственноручно изволили обследовать сумку доставленной во дворец самки опоссума.

И много позже, когда Кук описывал австралийских животных, он, приметив сходство у одного из них с американским зверьком, дал ему сходное имя. Правда, по одной версии — он просто ошибся и упустил букву «о» (получился поссум), по другой версии — он сделал это умышленно, так как заметил не только сходство, но и различия. И, опустив одну букву, как бы хотел этим подчеркнуть: да, похожи, но не совсем. Конечно, различий у этих зверей много. Но и сходства немало. И у американца и у австралийца есть сумки, и потомство подрастает в этих сумках. Американский ученый Дж. Бейхлесс писал, что существовала легенда, будто детеныши опоссумов «появляются как почки на ветках, развиваются на материнских сосках и затем отделяются». Впрочем, такое говорили ведь не только об опоссумах. Сейчас мы знаем, что опоссумята появляются на свет, как и положено всем детям, и лишь потом попадают в сумку. Знаем, что рождается сразу 10—20 детенышей, знаем, как они добираются до сумки, хотя сам этот процесс просто в уме не укладывается: ведь все новорожденные вместе весят едва ли 2 грамма, а путь, учитывая их величину, предстоит проделать немалый. К тому же надо не просто ползти, а бороться за первые восемь мест. Награда занявшим первые восемь мест — жизнь. Остальные погибают, так как у матери только 8 (у некоторых видов — 12) сосков. Но зато уж те, кто попал в сумку, чувствуют себя в полной безопасности: присосавшись, они будут в течение трех месяцев висеть в теплом «помещении», они будут обеспечены едой и, по мере сил и возможностей родительницы, будут защищены от врагов. Подросшие опоссумята вылезут из сумки, но не покинут родительницу. Они переберутся к ней на спину, уцепят-

ся коготками за шкурку, а хвостиками за материнский хвост, который она загибает и все это время держит параллельно спине. Примерно месяц-полтора путешествуют опоссумята таким образом, пока у мамаши не появляется новое потомство. Тогда подросшие детишки покидают мамашу и начинают самостоятельную жизнь. К этому времени они уже прекрасно умеют находить себе еду, и голодная смерть им не грозит. Тем более что опоссумы почти всеядны — питаются насекомыми и мелкими грызунами, земноводными и рептилиями. Большое место в их рационе занимает и растительная пища. Возможно, поэтому опоссум не очень торопливое животное: он будто знает, что еду всегда найдет, гоняться за ней не надо — не одно, так другое, но обязательно что-нибудь подвернется. Может быть, это и дало основание А. Брему написать, что опоссум «вял, ленив, сонлив и кажется отвратительно глупым». Но опоссум не так уж ленив, и, если ему что-то хочется, он обязательно добьется своего. Например, он захочет полакомиться птичьими яйцами, а гнездо расположено на ветке, которая не выдержит тяжести опоссума. Тогда он поднимается повыше, цепляется хвостом за подходящий сук над гнездом, и, повиснув на хвосте, дотягивается передними лапами до гнезда. Если же опоссуму грозит опасность, он показывает чудеса хитрости и изворотливости.

Известно, что многие хищники не трогают мертвечину. И, будто зная это, опоссум при малейшей опасности «притворяется» мертвым. Притворяется так ловко, что у американцев стало обычным называть притворщика «опоссумом» или «играющим опоссума». Но опоссум не просто «играет» — он так входит в роль, что ни шлепки, ни удары, ни боль не заставляют его «ожить». Долгое время люди считали, что это мнимая смерть — каталепсия, то есть состояние, когда животное действительно цепенеет, становится нечувствительным к внешним раздражителям. Сейчас стало известно, что у животных в клетках мозга все время возникают электрические импульсы. Причем во сне — одни импульсы, в обморочном состоянии — иные, в состоянии бодрствования — третьи. Так вот, когда на специальном аппарате записали импульсы «умершего» опоссума, выяснилось, что его мозг в это время работает особенно четко и напряженно, будто животное лихорадочно соображает, как же выйти из сложившейся ситуации.

Такие ухищрения спасали опоссума от его естественных врагов, спасали и от людей, пока шубы и воротники из меха опоссума не стали модными. И спокойной жизни зверя пришел конец!

Сколько видов опоссумов — точно не известно, но, по крайней мере, их не менее 60. Среди них большинство представителей так называемой тропической формы — жители Центральной и Южной Америки. Из них наиболее известный — очень красивый, пушистый, или шерстистый, опоссум. Сумки у него нет, и голенькие детеныши висят, прицепившись к соскам мамаши. Подросшие опоссумята облепляют мамашу со всех сторон и так живут на ней до тех пор, пока не станут самостоятельными.

Пушистые опоссумы больше, чем другие представители этого семейства, проводят времени на деревьях. А наиболее распространенный — североамериканский опоссум. Он вообще не считает нужным

придерживаться общепринятых для диких зверей правил — лезет к людям, особенно если у людей есть курятники (чем вызывает справедливый гнев владельцев этих курятников), и даже проявляет некоторые склонности к политике: как свидетельствует В. Песков, одного опоссума поймали неподалеку от здания ООН, куда зверек, очевидно, направлялся.

Всего этого нельзя сказать о мышевидных опоссумах, составляющих основную часть семейства (их более 40 видов). Эти небольшие зверьки— самый крупный из них длиной не более 15—17 сантиметров — живут в уединенных местах (многие — в горах) и редко появляются вблизи человеческого жилья.

Еще в большей степени это относится к водяному опоссуму, или плавуну, — очень скрытному и редкому зверьку, который селится у небольших тихих речек и ручьев.

НАСЕКОМОЯДНЫЕ

В этот отряд, состоящий, по мнению одних ученых, из 7 семейств и 3 подсемейств, а по мнению других — из 10 семейств, входят такие разные животные, что даже трудно вообразить их родственниками. Ну действительно, что общего между колючим ежом и подземным жителем — кротом? Тем не менее они родственники. У них были общие предки, жившие еще 135 миллионов лет назад, когда по нашей планете бродили динозавры. От этих предков у современных насекомоядных сохранились некоторые признаки. Один из них, наиболее важный для зоологов-систематиков, — это особый узор на коренных зубах. Не будем вдаваться в подробности, почему именно этот признак так важен, а обратимся к одному из наиболее типичных и наиболее распространенных представителей отряда, объединенных в **семейство Ежовых.**

Ежей на Земле около 15 видов. Четыре вида живут в нашей стране. А из этих четырех — самый известный европейский (хоть и живет в Азии тоже), или обыкновенный, еж. Он,. в общем-то, и правда обыкновенный, точнее, обычный. Его можно встретить и в лесу (если лес не сырой), и в роще, и в парке, и совсем рядом с человеком — в саду. Еж бегает не таясь, шуршит листьями, громко посапывает, причмокивает, когда ест. Почувствовав опасность, он свертывается клубком (для этого у него на спине множество специальных мышц), прячет незащищенную мордочку и брюшко и выставляет свои иглы. Эти иглы (их часто называют «колючки»), конечно, помогают. Однако еж все-таки переоценивает их: у некоторых хищных птиц достаточно длинные когти, к тому же «ладони» у них покрыты толстой кожей, и колючки ежа им не страшны. У лисы таких «рукавиц» нет, но и она, говорят, может полакомиться ежатиной, если поблизости имеется водоем или хотя бы лужа: осторожно, чтобы не наколоть лапы, покатит она колючий клубок к воде. Закатит его в воду, там еж волей-неволей должен развернуться. Лисе же только этого и надо. А ведь еж мог бы заранее, едва заметив лисицу, постараться ускользнуть от нее, например спрятаться в какую-нибудь нору, забраться под валежник. Но еж не делает этого, — видимо, слишком надеется на свои иглы.

Впрочем, некоторые виды ежей, как установил недавно американ-

ский исследователь Э. Д. Броди из Нью-йоркского университета, усиливают действие своего «колющего оружия», смазывая иглы ядовитой жидкостью. А так как у самих ежей яда нет, то они «занимают» яд у жаб: прокусывают околоушные железы этих земноводных, где содержится ядовитая жидкость, и смазывают ею иглы.

Броди испытывал на себе и на нескольких добровольцах «отравленное оружие» ежей и убедился, что оно намного эффективнее: просто укол игл вызывает кратковременную боль, а укол игл, смазанных ядовитыми выделениями жабы, вызывает сильное жжение, которое не проходит в течение часа.

Любопытно, что такое поведение ежей — не случайное, а скорее, врожденное: оно проявляется уже у слепых ежат в возрасте 15—16 дней, когда они слизывают ядовитые вещества с игл матери и наносят его на свои иголки.

Ежей люди знают давно и их колючки — тоже: еще 2 тысячи лет назад в античном мире из высушенных и натянутых на дощечки шкурок делали гребни-чесалки для овечьей шерсти. В результате количество этих зверушек настолько сократилось, что сенат Древнего Рима вынужден был издать закон об охране ежей!

Однако в других странах ежей было много. И даже тогда, когда через десятки веков появились гурманы, утверждавшие, что мясо ежей самое вкусное в мире, даже когда ежиное мясо стало очень модным во многих странах, а в Лондоне даже появился специальный рынок, где торговали этим мясом, ежи продолжали оставаться достаточно многочисленными и в то же время... таинственными.

Так бывало нередко: люди как будто бы хорошо знали животное — охотились на него или держали в неволе, но в то же время не имели никакого представления о том, как оно «устроено», как живет в природе. Это в полной мере относится и к ежам: их знали, но о них в то же время ничего не было известно. Лишь в 1884 году появилась первая серьезная работа о ежах, точнее, об их иглах. А наблюдением за жизнью ежей, исследованием их органов чувств люди занялись лишь в самом конце прошлого века. Правда, с тех пор узнали многое. Например, сейчас известно, что слух у ежа более тонкий, чем у кошки, лисы, собаки, волка. Известно, что у ежа необыкновенное обоняние: он может почувствовать добычу, находящуюся в земле на глубине нескольких метров. А вот зрение у ежа очень слабое. Впрочем, ночному животному, может быть, зрение и не так уж важно. А ведь еж активен, как правило, ночью.

Летом еж спит где придется и лишь перед тем, как на свет должно появиться потомство, строит гнездо. Обычно ежат 5—6, но бывает и меньше — 3, и больше — до 10. Они слепые, глухие и голые. А на ярко-розовой кожице явственно выделяется множество бугорков. Пройдет всего несколько часов, бугорки эти полопаются и на их месте появятся мягкие белые иголочки. Впрочем, иногда ежата уже появляются на свет с мягкими иголочками. Иголочки будут расти по миллиметру в сутки, темнеть, твердеть, и недели через две эти молочные иголки превратятся в настоящие, прочные, хотя и полые внутри (зачем носить на себе лишнюю тяжесть?) иголки. Их у ежа много: 6—7 тысяч (примерно по 15 на каж-

дый квадратный сантиметр). Дней через 16 ежата откроют глаза, а еще недели через две мамаша выведет их на прогулку. Месяца полтора будет водить она своих детишек, а к осени семья распадется: зимуют ежи в одиночку, спят. (Если можно назвать сном состояние, когда температура тела падает с 34 градусов до 2—3; частота дыхания сокращается с 40—50 до 6—8.) В это время они, естественно, ничего не едят, а живут за счет накопленного с осени подкожного жира. Конечно, на таком «пайке» долго не продержишься, и уже ранней весной худющие ежи (иголки прямо висят на них) начинают бегать по лесу в поисках пищи. Тут уж не до разносолов — хватают все, что подвернется. Вообще ежи не гурманы: ягоды и семена растений, пауки и слизни, черви и мыши, а главным образом насекомые (примерно 200 видов) — все ест еж. И ест очень много: обычно за ночь он съедает столько же пищи, сколько весит сам. А весною оголодавшие зверьки съедают гораздо больше. В это время они не успевают наесться за ночь, поэтому бегают и днем. Но постепенно все входит в нормальную колею и налаживается спокойный, размеренный образ жизни.

Все это, как и многое другое, о ежах уже известно. И все-таки кое в чем ежи остаются загадочными, а иногда и просто легендарными зверушками. Например, существует легенда, будто ежи выдаивают коз и коров. И даже находятся люди (а раньше их было гораздо больше), которые уверяют, что видели это собственными глазами.

Правда в этой легенде лишь в том, что ежи действительно любят молоко. Есть даже такие любители, которые специально поселяются поблизости от хлева и во время дойки (они довольно быстро узнают это время и запоминают его) пробираются в хлев. Притаившись в углу, ежи терпеливо ждут — не капнет ли молоко на пол, не брызнет ли струйка мимо ведра. И когда это случается (а такое бывает нередко), немедленно вылизывают все без остатка своим маленьким красненьким язычком. Может быть, это послужило основанием для легенды, а может быть, какой-то пастух, чтоб прикрыть собственный грех, свалил вину на ежа, он, мол, выдоил корову, а я тут ни при чем!

Но если эта легенда сейчас непопулярна (да и мало у нас в стране сейчас коровников, куда бы могли забираться ежи), то другие очень распространены.

Считается, например, что еж — отличный мышелов, вполне может заменить кошку в доме. Когда сложилось такое мнение и что его породило — сказать трудно. Но сейчас доподлинно известно: за мышами ежи не охотятся специально. Да и как он может охотиться на этих чутких и проворных зверьков, если бегает еж не так уж быстро, во всяком случае, мышь ему наверняка не догнать, затаиваться или подкарауливать — тоже не в обычаях ежей. Эти теоретические соображения были проверены практически: в лабораториях проделывали множество опытов, проводили наблюдения в природе. И все подтверждало: еж — не мышелов! А если и хватает мышей, то лишь случайно подвернувшихся.

Но, может быть, он — змеелов? Это тоже широко распространенное мнение. Однако и тут можно сказать совершенно определенно: специально змей ежи не ищут, и змеи не занимают какого-то видного ме-

ста в питании ежей. Впрочем, трудно сказать, какие взаимоотношения складываются между ежами и змеями в разных местах и какую роль играют ежи в регуляции численности змей. Но, видимо, иногда эта роль довольно значительна. Доказательство тому — появление огромного количества змей в некоторых районах Италии, где были уничтожены ежи.

Одна из любопытных особенностей биологии ежа — его малая восприимчивость к ядам. Во всяком случае, ядовитых насекомых, таких, например, как шпанские мушки, нарывники, майки, которых другие звери и птицы не едят из-за того, что в их организме содержится достаточно сильный яд, ежи поедают в больших количествах и безо всякого вреда для себя. Мало того, выяснено, что ежи не реагируют на большие дозы таких ядов, как мышьяк и синильная кислота. Так что яд гадюки для ежа тем более не очень опасен. (Опытным путем установлено, что на ежей не действует доза яда, способная убить 40 кроликов.) Тем не менее и еж может погибнуть от укуса гадюки. Но, как правило, укус ядовитой змеи вызывает у ежа лишь небольшую опухоль и легкое недомогание. Да и это случается не часто — еж ловко уворачивается от ядовитых зубов змеи, подставляя ей свой колючий бок.

И наконец, еще одна, пожалуй, самая таинственная и самая непонятная легенда. Она существует уже много веков — еще Плиний Старший, живший в самом начале нашей эры, утверждал, что ежи накалывают на иглы кислые яблоки, тащат их в свои убежища и там поедают. С тех пор многие крупные ученые, в том числе и Ч. Дарвин, так или иначе упоминали об этом. И конечно, находится множество людей, которые видели, как ежи не только тащат яблоки, но и как катаются по рассыпанным на земле дичкам, чтоб наколоть их на свои иглы.

Когда зоологи ближе познакомились с ежами, они очень удивились: с одной стороны, версия эта настолько распространена, что не верить просто нельзя, с другой стороны... зачем ежу яблоки? А действительно — зачем? Ведь ежи — животные насекомоядные, а если бы и захотели полакомиться какими-нибудь плодами, то почему обязательно только яблоками? Да еще и тащит их зачем-то в укромное местечко. Ведь известно, что запасов ежи не делают. И наконец, еще одно: спинные мышцы ежа так устроены, что он не может, лежа на спине, накалывать яблоки.

Одним словом, с точки зрения зоологов, если рассуждать логически, этого не должно и не может быть — все нереально и необычно. Но вот как раз именно эта необычность и нереальность дает основания задуматься. Если допустить, что еж не катается по яблокам, а накалывает их на иглы, торчащие над мордой (ежи хорошо умеют «бодаться», используя при этом торчащие вперед иголки), то можно кое-что предположить. Накалывает еж яблоки явно не для того, чтоб их потом съесть, — это, при желании, он мог бы сделать и на месте. (Кроме того, известны случаи, когда ежи точно так же таскали и явно несъедобные вещи, например окурки сигарет.)

Тут надо сделать некоторое отступление. У многих животных на шкуре селится множество паразитов и кровососов. Животные по-разному справляются с ними: одни тщательно вылизывают свою шерсть, другие — вычесывают. Есть и такие

(особенно много их среди птиц), которые принимают «песочные ванны» — купаются в песке, а затем встряхиваются и вместе с песчинками избавляются от паразитов. Еж ни вычесывать свои иглы, ни тем более вылизывать их не может. Поэтому и блохи живут на еже, и клещи, впиваясь в его шкурку между иглами, сосут кровь. Так, может быть, считают некоторые ученые, яблоки, вернее, какие-то вещества, содержащиеся в них, помогают ежам избавиться от паразитов? Но это — предположение, требующее проверки.

Ежи, в отличие от многих других животных, довольно легко приспосабливаются к меняющемуся ландшафту, их не смущает присутствие людей — был бы лес подходящий да еды достаточно. Поэтому наступление человека на природу, казалось бы, не должно влиять на численность ежей. Но, оказывается, эта приспособляемость имеет и обратную сторону. Ежи не боятся машин, которые мчатся по дорогам, проложенным через лес. И часто гибнут под колесами. Если же учесть, что и дорог таких, и машин на них становится все больше и больше, то количество ежей, ежегодно гибнущих под колесами, исчисляется миллионами. Только в ФРГ, по самым приблизительным подсчетам, гибнет до 300 тысяч зверьков в год. Конечно, водители машин вовсе не стремятся специально давить ежей — просто так само получается.

Люди, как правило, к ежам относятся хорошо, часто стараются приручить их, поселить в своих домах. И невдомек этим людям, что, принося зверька из леса или парка в квартиру, они этим самым губят его.

Ежу в доме плохо, даже если его поят молоком, кормят и заботятся о нем: паркет или линолеум никогда не заменят ему траву и землю, каменные или бетонные стены не заменят ему деревья и кустарники. И людям, у которых в квартире живет он, тоже плохо: ночное животное не дает спать, топочет, бегает до утра по комнатам. Посадить его в ящик или коробку — совсем уж последнее дело! И наконец, держать в квартирах ежей просто опасно: как выяснено недавно, среди клещей, живущих на ежах, имеются такие, которые разносят тяжелые заболевания.

Еж — животное симпатичное и полезное. Но пусть он живет там, где ему положено. А мы будем радоваться встрече с ним на лесной или садовой тропинке!

А вот ушастого ежа на лесной тропинке не встретишь — он житель степей, пустынь и полупустынь. Внешне ушастый еж несколько отличается от своего европейского собрата: он раза в два-три меньше, проворнее и имеет хорошо заметные длинные торчащие ушки. Но по образу жизни ушастый ежик очень напоминает обыкновенного. Разве что зимняя спячка у него короче, поскольку весна в тех местах, где живет ушастый еж, начинается раньше, а осень наступает позже.

Семейство Выхухолевые. Говорят, мех этих зверьков когда-то ценился выше бобрового. Потом о выхухоле как о пушном зверьке позабыли. Снова вспыхнул интерес к нему лишь в начале нашего века — мех выхухоля стал модным. И вот только в 1913 году на Нижегородской ярмарке было продано 60 тысяч шкурок. А по всей России — многие сотни тысяч. Да и за границу вывозили — там выхухоль ценился еще

больше, ведь нигде, кроме России, уже не осталось этого зверька.

Когда-то очень давно (считают, что выхухоль на Земле появился примерно 30 миллионов лет назад) он был распространен по всей Европе. Потом в Европе сложились неблагоприятные для выхухоля природные условия, и численность его сильно сократилась. Затем в действие вступили так называемые антропогенные факторы — неблагоприятные условия, создаваемые человеком.

Дело в том, что выхухоль не может жить в реках с сильным течением. Не может жить выхухоль и в водоемах, на берегах которых нет растительности: во время весенних паводков зверьки спасаются на развилках ветвей или в дуплах деревьев. Поэтому селятся выхухоли в старицах, заводях, маленьких речках с очень тихим течением, в небольших, заросших по берегам прудиках.

Выхухоль — зверек небольшой, длина его в среднем сантиметров 20, а вес примерно полкилограмма. Шкурка не только красивая и теплая, но еще и очень любопытно «устроена»: во-первых, смазана жиром и почти не намокает, во-вторых, остевые волоски на ней кверху не суживаются, как обычно у других животных, а, наоборот, расширяются. Они как бы заклинивают друг друга, и благодаря этому между кожей и верхней границей меха остается воздух. Такая воздушная прослойка — замечательный теплоизолятор. А это очень важно для зверька: ведь он плавает и зимой.

На суше выхухоль довольно беспомощен. Зато в воде он чувствует себя прекрасно. Благодаря задним ногам, имеющим большие перепонки между пальцами (это «весла»), и длинному, уплощенному с боков, покрытому крупными чешуйками хвосту (это «руль») выхухоль за минуту может проплыть метров 30.

Норы выхухоль делает на берегу, причем норы самые разнообразные — иногда даже многоэтажные, но вход в них всегда расположен под водой. Это дает возможность выхухолю из воды сразу же попадать в свой дом. Дом, состоящий обычно из двух-трех камер, достаточно просторный, чтоб в нем поместилось несколько зверьков: нередко выхухоли живут семьями, зимой же в одном гнезде собирается их более десятка.

Кроме основной норы, у всех выхухолей есть еще одна-две кормовые — там зверьки хранят запасы пищи на черный день, там же поедают пойманную во время охоты добычу. Охотничий участок выхухоля расположен между основной и кормовыми норами и имеет длину метров 25—30.

Отправляясь на кормежку, выхухоль не мечется по всему дну, а, уткнув в ил свой длинный хоботок и помогая себе передними ногами, как бы ходит «на руках». При этом он все время взрыхляет ил и подбирает личинок насекомых, пиявок, брюхоногих моллюсков. Добравшись до входа в кормовое гнездо, зверек либо залезает в него, чтобы съесть добычу, либо отправляется в обратный путь. А так как выхухоль по одному и тому же маршруту ходит изо дня в день, то на дне образуется траншея. И если под илом мягкая земля, эта траншея может быть (и бывает нередко!) глубиной до полуметра.

У такого способа добычи пищи есть, безусловно, свои преимущества. Но кроме того, у него есть еще и «побочный эффект», который

помогает зверьку жить зимой.

Зимой капельки воздуха, которые выдыхает выхухоль, а также капельки воздуха, застрявшие в его волосяном покрове, «выжатые» из него водой, поднимаются на поверхность и скапливаются у нижней кромки льда. Поскольку зверек путешествует изо дня в день по одному и тому же маршруту, то воздух, естественно, скапливается в одном и том же месте. Капельки воздуха врастают в лед, делают его рыхлым, пористым. При паводках, особенно ранних, когда вода может неожиданно залить нору, лед в этих местах взламывается в первую очередь и дает возможность зверькам спастись. Кроме того, благодаря пористому льду вода в этих местах насыщена кислородом и привлекает множество мелких беспозвоночных, облегчая выхухолю добывание еды.

Для людей же ровная цепочка таких пустот во льду — верный признак того, что тут живут выхухоли. Иногда благодаря этим пустотам даже можно понаблюдать за выхухолем, плавающим подо льдом. Вообще же, хоть и живет этот зверек в относительной близости к человеку, увидеть его не просто. Разве что весной, выгнанный из своего убежища, сидит он, бедняга, на дереве или плывет на куче хвороста у всех на виду. Обычно же выхухоль старается не показываться на глаза человеку. Даже когда надо вдохнуть воздух, он имеет возможность сделать это не поднимаясь на поверхность: ноздри у выхухоля находятся на кончике вытянутого хоботка, и, чуть выставив его из воды, зверек дышит оставаясь незаметным.

Насчет слуха выхухоля ученые не имеют единого мнения: некоторые считают его глухим, другие, напротив, — хорошо слышащим. По поводу зрения тоже ведутся споры: одни уверены, что выхухоль почти слепой, другие считают, что он достаточно хорошо видит. А вот насчет обоняния разногласий нет: запахи он различает прекрасно.

Однако ни осторожность, ни скрытный образ жизни не спасли выхухоля от истребления. И, наверное, сейчас он бы вымер, если бы в 1920 году Совет Народных Комиссаров не принял постановление об охране этого зверька. (К тому времени выхухоль остался лишь кое-где в бассейнах Волги, Днепра, Урала.) В годы Советской власти, кроме строгого запрета на охоту, были проведены и другие меры по спасению выхухоля — организация заповедников, расселение его по стране (расселили примерно 10 тысяч зверьков, и он прижился в некоторых местах Башкирии, Мордовии, Смоленщины, в поймах). Эти мероприятия дали такие положительные результаты, что после великой Отечественной войны даже разрешили охоту на выхухолей (правда, под строгим контролем). Однако вскоре количество этих зверьков стало снова быстро сокращаться. Конечно, дело не только в людях, истреблявших выхухолей. Их губят и ранние паводки — ведь выхухоль не всегда успевает выскочить из норы, — и засухи, во время которых пересыхают водоемы, и рыбацкие сети, в которых выхухоль запутывается и погибает. Зверьков губит загрязнение воды пестицидами и промышленными отходами и уничтожение растительности по берегам водоемов. Наконец, просто все меньше и меньше остается подходящих для его жительства мест — тихих стариц и прудиков.

Сейчас зоологи очень активно занимаются проблемой выхухоля. И

есть надежда, что все-таки удастся спасти этого зверька, о жизни которого мы знаем еще далеко не все. Не знаем, например, почему малыши у выхухолей (о которых, кстати, родители очень заботятся) появляются не в определенные периоды, как у многих животных, а в самые разные сроки — и в мае, и в августе, и даже в октябре.

Или, казалось бы, такой простой вопрос. В гнездовых камерах у выхухолей всегда сухо, и выстланы они сухой травой. Где же выхухоль берет сухую траву и как умудряется доставлять ее сухой в гнездо, через воду?

Наконец, сам по себе выхухоль — современник мамонта (а возможно, и гораздо старше его), на протяжении миллионов лет сохранившийся на земле почти не изменившись, — представляет огромный интерес для науки. И «если выхухоль исчезнет бесследно — вина ляжет на нас, не сумевших сохранить его для потомства», — пишет профессор И. Барабаш-Никифоров.

Семейство Кротовые. Крота увидеть не просто, зато узнать о том, живут ли в этой местности кроты, легко: часто ходы их проложены так близко от поверхности, что постоянно обваливаются. Нередко на лугу или на поле можно увидеть длинные неглубокие канавки. И сразу станет ясно: тут ходил крот. Если же крот прокладывает ходы глубже, то о его присутствии расскажут небольшие кучки земли — кротовины. Когда крот роет неглубоко от поверхности (на глубине 2—5 сантиметров), землю он не выбрасывает: она, как правило, мягкая, рыхлая, и он вроде бы уплотняет ее, утрамбовывает, вжимает в стенки. А вот поглубже (иногда ходы пролегают на глубине полуметра) земля не такая мягкая, ее не уплотнишь, не раздвинешь, не утрамбуешь. И приходится кроту время от времени проделывать вертикальные «шахты» и выбрасывать лишнюю землю на поверхность.

Часто таких кротовин (особенно в лесу) и обвалившихся мелких галерей-ходов (особенно на лугу или в поле) бывает очень много. И люди, естественно, давно заметили это. А раз заметили работу крота, то должны были определить и свое отношение к кроту — решить, хорошо, когда кротов много, или плохо.

Одни ученые заявили: плохо, потому что, прокладывая свои ходы и галереи под землей, кроты рвут или перегрызают корни деревьев в лесах, питомниках, садах, портят корнеплоды в огородах.

Однако другие считают, что большое количество кротов — явление положительное, потому что мех у этих зверьков красивый и теплый. И крота вполне можно отнести к пушным зверям.

Люди, правда, оценили мех крота сравнительно недавно — лишь в 20-х годах нашего века (до этого в некоторых европейских странах шкурки кротов использовали иначе: модницы сбривали себе брови и вместо них наклеивали тоненькие полоски, вырезанные из кротовых шкурок). А в 30-х годах добывать кротов стали весьма энергично. В 1935 году в нашей стране был сдан 31 миллион шкурок. Правда, этот год оказался рекордным — потом добывать кротов стали меньше, но тем не менее в пушном промысле нашей страны добыча кротовых шкурок стоит на шестом месте.

Однако главное достоинство крота — не шкурка. Крот постоянно живет в земле. Во всяком случае, там

его главная сфера деятельности. И все у него приспособлено для того, чтоб жить в земле: вальковатое тело, покрытое густыми и короткими волосками, которые не мешают движению (а так как шкурка от трения о землю быстро вытирается, кроты, в отличие от других животных, линяют три-четыре раза в году), отсутствие ушных раковин (опять-таки, чтоб не цеплялись за землю), маленькие ушные отверстия, прикрытые толстой кожистой складкой. Крошечные глаза тоже прикрыты складкой кожи (крот не может даже различать контуры предметов, но отличает свет и тьму — и это ему важнее). Наконец, лапы — могучие, с мощными когтями, с вывернутыми назад ладошками—прекрасные землеройные инструменты.

На поверхности земли крот неуклюж и беспомощен, но плавает он хорошо: если на пути его странствований встретится водная преграда, он не задумываясь форсирует ее, даже если это будет широкая река.

Еду крот находит в земле: прокладывая свои галереи, он то и дело натыкается на червей, насекомых или их личинок. За один присест крот съедает примерно 20 граммов. Наевшись, он тут же укладывается спать и спит примерно часов пять. Просыпается крот голодным и немедленно снова отправляется на добычу пищи. За сутки этот зверек съедает столько пищи, сколько весит сам, а иногда и больше. Голодать крот не может: 17—18 часов без еды для него гибельны. Поэтому он и не залегает на зиму ь спячку.

Однако не надо думать, будто крот только и занимается рытьем новых галерей. Часто он путешествует и по старым, проложенным раньше ходам. И находит там богатую добычу: некоторые ученые считают, что живущих в почве беспозвоночных привлекает особый запах, выделяемый кротом.

И все-таки главная заслуга крота даже не в том, что он в больших количествах уничтожает вредных насекомых и их личинок.

В кротовинах и ходах скапливается вода и хорошо увлажняет почву. Замечательный русский почвовед В. В. Докучаев даже выделил особую разновидность «кротовинного» чернозема.

Однако появление тракторов (а вместе с ними появилась глубокая вспашка) изгнало кротов с полей. Сейчас они живут на лугах и главным образом в лесах. Причем не во всяких — в чистом ельнике кроты не живут, им по вкусу смешанные и лиственные леса, особенно — березняк. Там они прокладывают и поверхностные галереи, и глубокие. Вот эти-то глубокие особенно интересуют ученых. Даже не столько сами галереи, сколько земля, выброшенная из них: она в полтора раза богаче кальцием, магнием, железом и другими минеральными веществами, чем земля, находящаяся на поверхности. Подсчитано, что на гектаре березового леса кроты выносят из нижних слоев до 10 тонн такой обогащенной земли, покрывая ею почти четвертую часть всего березового леса. Таким образом, то, что когда-то находилось на поверхности земли и унесено было водами в более глубокие слои, возвращается кротами обратно. Достаточно сказать, что лишь в Подмосковье кроты выносят на поверхность до 8 тонн минеральных веществ на гектар ежегодно.

Кроты—животные одиночные. Да и как под землей соберешься в

стаю или в стадо? Поэтому и характеры у них довольно мрачные и злобные: к обществу зверьки не привыкли, и если встретятся — обязательно подерутся. Только раз в году весной встречи кротов (и то лишь разного пола) происходят мирно. Через некоторое время после этих встреч в глубоких, до двух метров, норах, появляются обычно 5 (но может быть и больше и меньше) слепых, покрытых желтым пушком кротят. Первое время кротята очень мирные и ласковые, даже попискивают, как цыплята. Но постепенно становятся драчливыми и примерно через месяц, достигнув величины взрослого крота, расстаются друг с другом безо всякого сожаления. И если встретятся когда-нибудь, то не узнают, конечно, друг друга и вступят в жестокую схватку.

Все это относится к европейским кротам, которые распространены не только в Европе, но и в Западной Сибири. Похож на европейского и алтайский — он лишь немного крупнее, хвост у него короче да зубы мельче. А вот большая могера, или дальневосточный крот, крупнее европейского раза в два, хотя в остальном довольно похожа на европейского.

Однако среди кротов есть такой, который сильно отличается от своих родственников внешностью: на рыльце у него звезда или цветок — как угодно. Это необычное «сооружение» состоит из двадцати двух мягких голых лучей — лепестков, которыми зверек, как пальцами, ощупывает и захватывает добычу. Называется этот крот — звездонос. В отличие от других кротов звездоносы довольно добродушные существа, любят общество себе подобных: часто собираются компаниями, вылезая на поверхность земли, где, кстати, в отличие от других кротов, могут довольно успешно охотиться. Звездоносы прекрасно плавают и ныряют, поэтому даже в воде могут охотиться. Но в основном звездоносы ведут себя так, как и полагается кротам: роют в земле норы и ходы, отыскивают там пищу, устраивают гнезда и выводят обычно 6 голеньких детенышей, которые через 3 месяца становятся взрослыми.

Семейство Землеройковые. В 1658 году в Лондоне вышла «История четвероногих животных и змей» известного в то время зоолога Топселя, в которой немало места было уделено и землеройкам. «Это — хищное животное, хотя и прикидывается нежным и кротким, но кусает глубоко и смертельно, отравляет при малейшем прикосновении. Будучи свирепым существом, она всякому старается вредить, и нет такого создания, которое бы было любимо ею или могло ее любить, так как все животные боятся ее». Далее Топсель рассказывает, что землеройка, попав в колею, оставленную колесом повозки, погибает, не в силах выбраться из нее. И земля из этой колеи становится целебной. Впрочем, и сама землеройка, пойманная в колее, сожженная, истолченная и перемешанная с пылью и гусиным жиром, становится прекрасным лекарством от всяких воспалений. «Мазь, приготовленная из жженого и истолченного в порошок хвоста землеройки, служит прекрасным средством против укушения бешеной собакой, — пишет далее биолог.—Кроме того, если убитую землеройку подвесить таким образом, чтоб она не касалась земли, то труп ее помогает против всяких нарывов и волдырей, стоит

только троекратно коснуться им больных мест».

Итак, с одной стороны — панический ужас перед землеройкой, который испытывали жители многих стран Европы, с другой — приписывание землеройкам магических лечебных свойств. Среди них, кстати, было и такое: в стволе ясеня просверливали большое отверстие, куда сажали пойманную со всеми предосторожностями землеройку, и замуровывали. Такое дерево получало название «землероичного ясеня», и его ветви якобы приобретали целебные свойства.

Мы не знаем, каких землероек имели в виду тогда люди, не знаем, почему этому зверьку приписывались такие страшные свойства, но можем с полной ответственностью сказать: люди были к землеройкам несправедливы.

Землероек много, они живут почти во всех частях земного шара, они очень разнообразны, но все без исключения полезны.

Зверьки эти отыскивают насекомых на земле и в лесной подстилке, под камнями и в кучах хвороста. Уже одно это говорит в пользу землероек: они находят насекомых там, где не могут отыскать или добраться до них птицы и другие насекомоядные животные. Но дело не только в том, что́ едят землеройки, но и сколько едят: некоторые за сутки съедают в несколько раз больше, чем весят сами!

Землеройки очень маленькие. Недаром же они называются пигмеями, крошечными, малыми, карликовыми. Есть, правда, и иные названия — голиаф, большая, гигантская. Но та же гигантская белозубка, весящая около 70 граммов, действительно гигант по сравнению, например, с карликовой: она в 50 раз тяжелее ее. Правда, быть гигантом рядом с карликовой белозубкой не трудно — этот зверек самый маленький на нашей планете: длина его 3,5—4 сантиметра, вес в среднем — 1,5 грамма. Живет это удивительное создание на юге Западной Европы, в некоторых странах Азии и Африки. Встречается и в нашей стране — в Закавказье, Средней Азии, Казахстане. Правда, всюду этот зверек довольно редок. А вот другой «малыш»—малая белозубка — живет почти по всей территории СССР, встречается в Западной Европе, в странах Дальнего и Ближнего Востока. Как и все землеройки, она очень прожорлива: съедает в сутки почти в полтора раза больше собственного веса, без еды может оставаться дольше, чем другие землеройки, — до 28 часов (другие погибают, поголодав 5—6 часов). Как и у всех землероек, у малой белозубки в год бывает несколько приплодов, в каждом от 5 до 10 детенышей, которые даже все вместе не перетянут гирьку в один грамм. Однако недели через две с половиной малыши настолько подрастают, что уже осмеливаются выходить из гнезда. Правда, дальние прогулки они первое время совершают лишь под руководством мамаши: ухватившись зубками за хвостики друг друга (а первый малыш — за хвостик родительницы), двигаются они ровной цепочкой. Если кто-нибудь случайно отцепится, немедленно тоненьким писком оповещает об этом всех остальных. Тогда мамаша останавливает весь караван и отыскивает потерявшегося.

Образ жизни почти всех землероек схож. Они не залегают в зимнюю спячку — такого длительного голодания землеройки не вынесут — и охотятся круглый год, роясь

в земле, «прошивая» лесную подстилку, а в холодных районах бегая зимой под снегом.

Сутки у землеройки разделены не на ночь и день, а на время охоты и время сна. У одних видов землероек таких «ночей» и «дней» бывает в сутки 10—15, у других — больше. А у крошечной бурозубки (ее длина — 4—5 сантиметров, а вес примерно 2,5 грамма) сутки, как показывают наблюдения, разделены на 78 собственных «суток» — 78 раз в течение 24 часов она спит и столько же раз, естественно, бодрствует, добывая себе еду. И весит эта еда в четыре с лишним раза больше, чем весила сама землеройка.

Отличаются по образу жизни от остальных землероек лишь водные (такие есть и в Америке, и в Европе, и в Азии). Все они имеют перепонки или густые щетинки между пальцев, помогающие им плавать, все они отыскивают пищу в воде, но все они тем не менее — землеройки, хотя и не роют землю.

Сейчас ученым известно около 300 видов землероек. Однако предполагается, что это лишь часть существующих на Земле. На самом деле их значительно больше. До сих пор продолжают открывать и описывать новые виды землероек. Причем землероек удивительных. Например, бурозубый карлик, открытый недавно в лесах Шри Ланка, не только оригинально окрашен, но как бы имеет два носа — мордочка его раздваивается на два хоботка и на каждом хоботке по ноздре.

Есть среди вновь открываемых и другие оригинальные зверюшки. Но и известные уже давно землеройки постоянно преподносят неожиданности: то побивают рекорды обжорства, то показывают необыкновенную силу и ловкость (одолевая, например, грызунов, которые крупнее и гораздо сильнее, чем они сами). А недавно поразили землеройки зоологов своей так называемой сезонной изменчивостью.

Всегда было известно, что на кости животных, в отличие от жировой и мускульной ткани, не влияют сезонные изменения. Не влияет и питание. Поэтому количество зубов и строение черепа были основными признаками в систематике. И вдруг землеройки опровергли эту, казалось бы несомненную, истину. Как установил польский зоолог Август Даниель, у землероек в зависимости от сезона изменяется объем мозговой коробки и величина мозга. Зимой объем мозговой коробки уменьшается на 27 процентов, высота черепа — на 15, а вес мозга — на 35 процентов по сравнению с летними данными. А летом все восстанавливается. Впрочем, цифры, полученные А. Даниелем, относительны: чем суровее зима, тем сильнее уплотняется черепная коробка.

Кстати, насчет костей землероек. В Африке живут так называемые прочноскелетные землеройки, или броненоски. Скелет их настолько прочен, что эти зверьки (длина их 12—15 сантиметров) свободно выдерживают вес взрослого человека, если тот случайно наступит на зверушку.

До недавнего времени было известно, что у землероек хорошо развиты обоняние, осязание и слух. Считали, что именно эти чувства помогают землеройкам отыскивать пищу. А совсем недавно установили, что многие землеройки способны воспринимать ультразвук.

Врагов в природе у землероек немного — сильный запах отпугивает от них многих хищников. Однако враги все-таки есть. Большое коли-

чество землероек губят и люди. А ведь век этих очень полезных зверьков и без того короткий — максимум полтора года живет землеройка.

ШЕРСТОКРЫЛЫ

Вообще-то среди млекопитающих нашей планеты шерстокрылы не занимают сколько-нибудь значительного места. Во-первых, этот отряд состоит всего из одного или двух видов (ученые еще точно не решили), во-вторых, живут они на сравнительно небольшой территории — на Филиппинах, на некоторых островах Индонезийского архипелага и на части Индокитайского полуострова. Но в нашем параде они все-таки участвуют — очень уж любопытные и необычные эти животные.

Названы они шерстокрылами не случайно: у них действительно есть покрытые шерстью «крылья» — широкая кожная перепонка между передними и задними ногами. Днем, когда шерстокрыл спит, зацепившись за сук всеми четырьмя ногами, перепонка служит ему плащом, в который он уютно заворачивается. Но вот спустились сумерки, зверек проснулся и почувствовал голод. За едой далеко отправляться не надо: листья или плоды, которыми питается шерстокрыл, находятся тут же, рядом. Если же их мало или шерстокрыл истощил запасы провианта на одном дереве — не беда: повернувшись, он, как пловец с вышки, бросается вниз, но не падает, а, раскинув ноги и вытянув хвост (перепонка прикрепляется и к кончику хвоста), начинает медленно и бесшумно планировать. Без каких-либо усилий он проплывает в воздухе полсотни метров и опускается на облюбованное дерево. Может шерстокрыл совершать и более длительные полеты — в сотню и больше метров. При этом он летит почти горизонтально, теряя на 100 метров полета не более 10 метров высоты.

Окончив полет, шерстокрыл, если он не очень голоден или если нет опасности, немедленно принимается за туалет. Сначала причесывается. Для этого у шерстокрыла имеется специальный гребень — зубы. Зубы его не менее удивительное приспособление, чем летательная перепонка: они вытянуты вперед и сильно зазубрены на концах. Такими зубами очень удобно соскребать с листьев и плодов мякоть, ими же очень удобно причесываться. А когда гребень забивается волосами, в ход идет «гребнечистка» — язык с многочисленными бугорками на конце. Быстро проводя кончиком языка по зубам, шерстокрыл освобождает их от волос. Причесавшись, начинает «пудриться». Собственно, «пудра» высыпается сама из специальных «пудрениц», находящихся на его коже. «Пудра» — зеленоватый порошок, покрывающий коричневатую, желтоватую или бурую шерсть шерстокрыла—помогает ему маскироваться.

Закончив туалет, зверек приступает к еде или отправляется в новый полет. Правда, больших путешествий шерстокрылы не совершают — придерживаются определенных территорий в лесу.

Раз в год у шерстокрылов появляется потомство — обычно это один, редко два голеньких, беспомощных детеныша, совершенно «бескрылых», слепых, с которыми мамаша ни на секунду не расстается. У шерстокрылов нет постоянного гнезда, нет

и какой-либо сумки, куда можно было бы поместить детеныша. Но детеныш и не нуждается в этом: уцепившись за сосок матери, он висит и, видимо, неплохо чувствует себя в любой ситуации. Ему, очевидно, так нравится путешествовать вместе с матерью, что и подросший он не хочет расставаться с ней, и нередко можно видеть перелетающего с дерева на дерево шерстокрыла с «пассажиром», который ненамного меньше родительницы.

Местные жители высоко ценят мясо шерстокрылов и охотятся на этих зверей. Кроме того, шерстокрылов усиленно истребляют, так как считают их вредителями кокосовых плантаций (шерстокрылы действительно нередко питаются цветками кокосовых пальм, однако вред их сильно преувеличен). Наконец, сведение лесов под сельскохозяйственные угодья особенно сильно влияет на численность шерстокрылов. И если он не будет взят под защиту, вполне вероятно, что этот интересный зверек скоро полностью исчезнет с лица Земли.

РУКОКРЫЛЫЕ

Изо всех наших соседей по планете рукокрылые, пожалуй, самые знаменитые существа: с этими зверьками связаны сотни легенд, примет, поверий, и только перечисление их заняло бы не одну страницу.

У многих народов летучие мыши либо сами были носителями злого начала, либо прислуживали черным силам, либо эти черные силы и отрицательные персонажи мифологии имели явные приметы летучих мышей. Так, например, у древних греков повелительницы вихря — злые богини Гарпии — изображались с крыльями летучих мышей.

У многих народов существовали поверья, что души грешников отправляются в ад на летучих мышах. Верили люди, что в аду тоже не обходится без летучих мышей, ибо они являются приближенными самого Сатаны. (Не случайно на многих картинах не только церковных, но и светских художников, изображавших ад, обязательно присутствовали летучие мыши или фантастические существа с крыльями летучих мышей).

Ни одно сборище ведьм не обходилось без летучих мышей: эти зверьки доставляли служительниц дьявола на себе или сами колдуны и ведьмы принимали облик летучих мышей.

Легендарные упыри, вампиры, подкарауливающие людей (чаще всего это происходило на кладбищах) и высасывающие кровь, тоже иногда представлялись в облике летучих мышей.

Чтоб уберечься от злых духов, от вампиров и упырей, люди творили молитвы и заклинания, изобретали множество ладанок и амулетов.

В Европе, например, до сих пор кое-где сохранился обычай прибивать к дверям сарая высушенные крылья летучих мышей—это должно свидетельствовать, что место уже занято дьяволом и другому дьяволу тут нечего делать.

Правда, в некоторых странах к летучим мышам относились иначе: например, в Австралии и Китае они считались священными и всячески охранялись. В африканских странах бытовало поверье, что тот, кто съест мясо летучей мыши, будет отлично видеть в темноте, станет таким же проворным, сможет двигаться так же бесшумно, как летучая мышь. Поэтому охотники многих африкан-

ских племен употребляли в пищу мясо этих зверьков.

Окружено легендами и происхождение летучих мышей. Например, в одной из басен древнегреческого баснописца Эзопа рассказывается о том, что во время войны между птицами и полевыми мышами летучие мыши то снимали крылья и присоединялись к грызунам, то снова прикрепляли крылья и присоединялись к птицам. В общем, всегда были с теми, на чьей стороне в данный момент оказывалось преимущество. А когда война кончилась, ни птицы, ни полевые мыши не захотели принять в свое общество летучих мышей-предателей. И им с позором пришлось уйти в пещеры, прятаться там от дневного света и выходить наружу только в темноте.

Есть еще немало различных легенд и сказаний. Все они достаточно фантастичны и достаточно причудливы. В происхождении таких легенд виноваты, безусловно, и причудливая внешность и, главным образом, необычный образ жизни этих зверьков.

На протяжении всей истории нашей планеты лишь три группы животных поднимались в воздух. В прошлом это были ящеры-птерозавры, в настоящее время летают насекомые и птицы. Млекопитающие, хоть среди них есть и планеристы и парашютисты, по-настоящему летать не научились и остались на земле. Все, кроме зверьков одного отряда, который называется отрядом рукокрылых. Это большой отряд (сейчас известно почти 1000 видов рукокрылых).

Рукокрылые — разные по величине и по облику — имеют один общий и очень существенный признак — крылья, в которые превратились передние конечности животных.

Обычно принято всех рукокрылых называть летучими мышами. Но с научной точки зрения такое объединение неверно. Отряд рукокрылых не случайно разделен на два подотряда — крылановых и летучих мышей. Летучих мышей примерно 800 видов. А остальные (около 150 видов) — крыланы. Они — хоть и имеют крылья, хоть и входят в отряд рукокрылых—к летучим мышам не относятся. (Наиболее крупных крыланов называют летучими лисицами или летучими собаками, хотя, само собой разумеется, к подлинным лисицам и собакам они никакого отношения не имеют!)

Крыланы очень разнообразны. Среди них есть и карлики и великаны. У наиболее крупных крыланов размах крыльев более полутора метров, а вес почти килограмм. Таких среди летучих мышей нет. Зато среди них есть малютки, весящие меньше 2 граммов!

Крыланы, как правило, животные растительноядные (точнее даже — плодоядные), хотя некоторые, кроме растительной пищи, охотно поедают и насекомых. Летучие мыши же почти все насекомоядные.

И все-таки одно из основных отличий летучих мышей от крыланов — способность издавать неслышимые звуки. Крыланы (за редким исключением) этого делать «не умеют».

То, что летучие мыши не только летают, но и охотятся в темноте, люди заметили давно. И давно пытались выяснить, как же это происходит. Еще в 1793 году итальянский ученый Спалланцани пытался понять, почему летучие мыши так ловко ориентируются в темноте. Выяснить это ему не удалось, но удалось доказать, что зрение в данном случае не играет роли: зверьки пре-

красно летают и с заклеенными глазами. Через год швейцарец Ш. Жюрин доказал, что ориентацию летучие мыши теряют не тогда, когда не могут видеть, а когда не могут слышать. Жюрин пришел к выводу, что летучие мыши «видят ушами».

А еще через несколько лет Ж. Кювье высказал мнение, что дело не в зрении и не в слухе, а в осязании, в особой восприимчивости кожи на крыльях летучих мышей. Эта кожа, по мнению Кювье, реагирует на сгущение воздуха, которое возникает между телом летящего зверька и встречным предметом.

Теория, выдвинутая Кювье, существовала более ста лет. Правда, позже стали подумывать и о слухе. В одном из научных трудов прошлого века было написано: «Слух у нее так тонок, что хищные виды должны затыкать себе уши для того, чтоб спать спокойно; они имеют для этого маленькие подвижные наушники, при помощи которых могут по желанию делать себя глухими. . . Растягивание носовых перепонок позволяет им так же закрывать ноздри для того, чтоб воздух не вылетал во время лета. . .»

Лишь в 1913 году люди снова вернулись к гипотезе Жюрина, но, конечно, взглянули на нее с новых позиций. Американец Х. Максим, известный всем как изобретатель станкового пулемета, и мало кому известный как отличный инженер, и еще менее известный как знаток природы, немало сделавший для ее изучения, высказал мнение, что у летучих мышей существует эхолокация. Но Х. Максим ошибочно полагал, что летучие мыши издают звуки небольшой частоты, не учитывая или не зная, что низкочастотные звуки имеют особенность как бы «обтекать» препятствие, в то время как хорошо отражаются от препятствий лишь звуки высокочастотные.

Еще дальше в этом вопросе пошел голландский ученый Дийграаф. Он доказал, что летучие мыши «издают множество криков, но почти все они попадают в диапазон частот, лежащих за порогом человеческого уха».

Однако гипотеза, выдвинутая Кювье в 1800 году, жила еще и в XX веке. Лишь в 1938 году американец Д. Гриффин открыл у летучих мышей эхолокацию и доказал ее существование.

Но прежде чем говорить об эхолокации, следует вспомнить, что такое звук вообще.

Звук — это колебание воздуха. Струна гитары, если ее тронуть, будет колебаться. Колеблясь, она заставляет колебаться и окружающие ее частички воздуха. Колебания воздуха в нормальных условиях распространяются в воздухе со скоростью примерно 340 метров в секунду. Достигнув барабанной перепонки человеческого уха, заставляют и ее колебаться. Сигналы эти через нервные волокна, соединенные с барабанной перепонкой, передаются в мозг, и мы слышим звук. Однако — не всякий.

В физике существуют такие понятия, как скорость звука и частота звука. Частички воздуха, колебля друг друга, создают серию сжатий и разрежений, то есть распространяется звуковая волна. Скорость распространения этих волн и есть скорость звука в воздухе. А число волн, проходящих через какую-то точку, называется частотой звука. Частоту звука выражают в условных единицах — герцах. И считают: 1 герц — это одно колебание в секунду, или, иными словами, через выбранную точку в одну секунду

проходит одна волна (одно колебание). Звуки, частота которых более 20 тысяч герц, называются высокочастотными или ультразвуком, ниже 20 герц — низкочастотными или инфразвуком. Чем больше частота, тем выше звук, и наоборот. Люди, как правило, могут слышать звуки, частота которых не ниже 16—20 герц и не выше 20 тысяч герц. Это называется пороговыми пределами. Все, что выше или ниже этих пределов, недоступно нашему слуху. Но ведь звуки, частота которых выше или ниже наших пороговых пределов, в природе, конечно же, существуют.

Именно такие высокочастотные звуки (или ультразвуки) и издают летучие мыши. Некоторые из них способны издавать звуки, частота которых около 150 тысяч герц (150 тысяч колебаний в секунду!). Другие издают звуки с меньшим числом колебаний, но все же они лежат за пределами человеческого восприятия. Однако издавать звуки — для эхолокации еще недостаточно: надо еще услышать их отражение, так называемый эхосигнал.

Каждый знает, что такое эхо. Достаточно даже негромко крикнуть, хотя бы в пустой комнате, как через мгновение звук, отразившийся от стен, вернется обратно. Правда, вернется несколько измененным: степень изменения зависит от многих причин, в том числе и от формы препятствия, вставшего на пути звука, и от материала, из которого сделано препятствие, и от расстояния, на котором оно находится. Именно на этом и основана звуковая ориентация, или эхолокация, летучих мышей.

В принципе все выглядит так. Летучая мышь издает серию звуков высокой частоты, посылает их в пространство. Звуковые волны распространяются свободно, пока не наткнутся на какое-то препятствие. Наткнувшись, возвращаются обратно. И зверек слышит их. По тому, как скоро вернулся звук, зверек узнает, на каком расстоянии находится предмет.

Конечно, на самом деле все гораздо сложнее. Но в упрощенном виде все выглядит именно так.

Сейчас мы уже многое знаем об этой удивительной способности летучих мышей «видеть ушами». Известно нам, например, что среди летучих мышей есть «шептуны» — это листоносые и десмодовые, издающие сигналы в 30—40 раз слабее, чем другие. Знаем, что у каждого вида свой «голос»: разная частота звуков, разное количество серий и разные паузы между ними. Некоторые летучие мыши испускают широкий, рассеянный пучок звуков, другие — узкий. Знаем, что благодаря эхолокации летучие мыши не только ловят насекомых или отыскивают плоды, но и прекрасно ориентируются, не натыкаются на предметы, способны даже обнаружить натянутую проволоку толщиной в человеческий волос!

Благодаря своей эхолокации летучие мыши могут определить расстояние до предмета или до насекомого, определить, в какую сторону насекомое летит, отличить несъедобные предметы от насекомых, даже если эти предметы по форме и по весу такие же, как насекомые. Иными словами, эхолокация имеет очень важное значение в жизни летучих мышей.

Однако летучие мыши, по крайней мере многие из них, способны издавать звуки и вполне различимые человеческим ухом. Эти звуки зверьки издают не для того, чтобы

отыскать еду или сориентироваться в пространстве.

Профессор Мельбурнского университета в Австралии Джон Нельсон, долгое время изучавший «язык» рукокрылых, пришел к выводу, что слышимые нами звуки, издаваемые рукокрылыми, можно разделить на несколько групп. На группу воинственных сигналов, когда самцы готовятся вступить в схватку друг с другом; территориальных, когда в брачный период самцы охраняют свой участок и свой небольшой «гарем»; предостерегающих, когда сторож или часовой замечают опасность и предупреждают остальных; группу звуков, которые издают самцы, поющие «серенады» дамам своего сердца, и, наконец, звуки, с помощью которых мамаша общается со своим детенышем.

Потомство у летучих мышей появляется на свет очень «разговорчивым» — с первых же минут жизни они начинают пищать и умолкают, лишь найдя материнский сосок. После этого те, кто не расстается с мамашей, вместе с ней путешествуют по воздуху (хотя детеныши довольно тяжелые — вес новорожденного равен 40 процентам веса матери), будут молчать целую неделю. Другие, которых родительницы с первых же дней оставляют на время охоты в убежищах, будут пищать почти все время, умолкая лишь во сне.

Через неделю детеныши летучих мышей значительно взрослеют, увеличиваются в весе, обрастают шерстью, становятся зрячими. В это время и те, кто не расставался с матерью, уже остаются в убежище, когда родительница отправляется на охоту. В убежище, как правило, малышей бывает много (родятся они почти все в одно время). Прижавшись друг к другу, они ждут матерей, которые, едва прилетев, начинают их кормить (первые дни — молоком, потом — принесенными насекомыми). Интересно, что самки некоторых видов рукокрылых отыскивают своих детенышей даже среди большого количества малышей и кормят только их — остальных прогоняют. Самки других видов кормят любого голодного детеныша, оказавшегося рядом.

Примерно через месяц (у некоторых чуть позже — недель через шесть) детеныши уже становятся взрослыми, самостоятельными и сами решают свою судьбу: одни улетают, другие остаются в родной колонии.

Летучие мыши, как правило, живут колониями. Колония может состоять из нескольких десятков, сотен, тысяч и даже миллионов зверьков. Рассказывают, что европейцы, переселившиеся в Америку, были очень взволнованы, увидав издали действующий вулкан или, может быть, какой-то страшный пожар: огромные столбы черного дыма поднимались высоко в небо. Однако на поверку это оказался не вулкан и не пожар — это из пещеры на ночную охоту отправлялись летучие мыши.

Такое скопление летучих мышей — явление не частое, но и не исключительное. В знаменитой Новой пещере (штат Техас, США), по приблизительным подсчетам, обитает примерно 30 миллионов летучих мышей. Польский ученый А. Кршановский описал другую пещеру — Бракенскую, находящуюся на юге США, где в некоторые годы собирается до 20 миллионов летучих мышей.

Вылет такого количества зверьков из пещеры — дело сложное, и если

бы они вздумали одновременно покинуть ее, неминуемо погибли бы все. Но у летучих мышей в данном случае существует, очевидно, какой-то регулирующий фактор: вылетают зверьки постепенно. «Происходит это следующим образом, — пишет Кршановский, — в воронке, на дне которой находится вход в пещеру, образуется густой вихрь, состоящий из летучих мышей, вылетающих из отверстия. Образуя кольцо, они поднимаются в этом вихре все выше и выше, и лишь на высоте нескольких метров этот вихрь превращается в сплошной черный поток в несколько метров шириной, движущийся медленно и исчезающий где-то вдали». Вылет длится с 16 до 22 часов.

Возвращение летучих мышей выглядит иначе, чем вылет. Кршановский так описывает это: «Неожиданно откуда-то сверху мыши стремительно пикируют вниз. Низко над землей они раскрывают крылья, издавая при этом свист и вой, напоминая падающие листья или куски бумаги, и быстро исчезают в пасти пещеры». Это продолжается с полночи до полудня следующего дня.

Пещеры, конечно, не единственные убежища летучих мышей, хотя такое скопление может быть только в пещерах. Более мелкие колонии обосновываются в покинутых шахтах или заброшенных домах, под куполами мечетей и в древних гробницах, на чердаках домов и в дуплах деревьев, — в общем, всюду, где имеется полумрак, относительная прохлада и где можно спокойно провести светлую часть суток. Однако величина колоний зависит не только от величины убежищ, «а от того, сколько зверьков может прокормиться на расстоянии, какое они могут преодолеть за время их умеренного по быстроте и недостаточно продолжительного по выносливости полета», — пишет профессор А. П. Кузякин.

Это существенный фактор, ведь летучие мыши очень прожорливы. Достаточно сказать, что за время охоты (а оно обычно у летучих мышей невелико: в общей сложности примерно полтора часа, редко больше) летучая мышь съедает несколько сотен насекомых. Так, например, было прослежено, что бурая ночница за час совершила около 1200 бросков, а бурый кожан — около 1300. Если даже половина бросков была неудачной (насекомым удавалось спастись, хотя это маловероятно), то и тогда за час каждая съедала 600—650 насекомых. В лаборатории рыжая вечерница за полчаса съела 115 мучных червей, а бурая ночница за минуту поймала 20 мух дрозофил.

Подсчитано, что лишь один вид летучих мышей в Техасе уничтожает примерно 7 тысяч тонн насекомых в год. (Не случайно в этом штате принят закон об охране летучих мышей.) Известно, что в некоторых районах, в том числе и в некоторых районах нашей страны, летучие мыши свели до минимума или даже полностью уничтожили малярийных комаров.

Количество пищи регулирует количество летучих мышей одного вида в определенной местности. Однако в одном районе, в непосредственной близости, могут находиться колонии разных видов летучих мышей (а то и смешанные колонии). Они не соперники: каждый вид либо специализируется на определенных насекомых (крупные, мелкие), либо ловит их на определенной, «своей» высоте. А некоторые летучие мыши приспособились охотиться даже на

земле. Это труднее, зато наземные насекомые обычно крупнее.

Как и всякие насекомоядные животные, летучие мыши активны только в теплое время года. В тропиках и субтропиках у летучих мышей никаких проблем не существует. В странах с умеренным климатом с наступлением холодов летучие мыши исчезают. Сейчас известно, что из 40 видов летучих мышей, живущих на территории нашей страны, по крайней мере 12 совершают перелеты. Правда, у большинства перелеты не такие значительные, как у птиц, но 1000—1500 километров для некоторых видов — не предел. Во всяком случае, летучих мышей, помеченных летом в Воронежском заповеднике, зимой находили в Крыму, Болгарии, Турции. А окольцованных в Белоруссии — в Австрии, ГДР, ФРГ, Румынии, Венгрии, Голландии.

Чтобы проследить перелеты летучих мышей, люди решили кольцевать этих зверьков. (В США начали в 1916 году, в Европе — в 1932, в СССР впервые стали метить летучих мышей в 1937 году.) Поначалу метили летучих мышей так же, как и птиц, — надевали им на лапку легкое металлическое кольцо. Однако летучие мыши по каким-то причинам упорно старались избавиться от этого «украшения» и повреждали зубами кольцо настолько, что на нем невозможно было разобрать надпись и номер. Тогда стали крепить метки на предплечье зверьков (эта метка не беспокоит летучих мышей). В Чехословакии теперь применяют цветные метки — они облегчают наблюдения. В США последнее время начали метить рукокрылых компостером, просекая на перепонке крыла маленькие отверстия. Эта операция безболезненна, ранки легко заживают, а на крыле остаются светлые, легко различимые шрамики в виде букв и номера.

Несмотря на то, что изучением перелетов летучих мышей сейчас занимаются довольно активно (а о самих перелетах известно уже достаточно давно — об этом писал еще в 1769 году английский ученый Джильберт Уайт), люди все-таки знают их мало.

Лучше изучена зимовка летучих мышей, остающихся в наших краях и не улетающих в другие страны. Известно, что часто они остаются в тех же убежищах, в которых проводили летом светлые часы суток, иногда отыскивают более подходящие для зимы (но тоже холодные) и впадают в зимнюю спячку. Точнее, это не спячка, а анабиоз — состояние, когда организм почти полностью замирает, температура тела зверьков понижается до 2—3 градусов (иногда даже до 0), они покрываются инеем и кажутся совершенно замерзшими, дыхание их замедляется до 5—6 раз в минуту, биение сердца — до 15—16 ударов. Но едва пригреет солнышко — летучие мыши «оживают» и начинают активную жизнь. Дыхание учащается до 96 раз, а сердце начинает биться со скоростью 420 ударов в минуту.

Таковы некоторые общие, наиболее характерные черты летучих мышей. Но ведь у представителей каждого вида есть и свои собственные, типичные лишь для данного вида, черты. Они тоже очень интересны, и, конечно, хорошо было бы, чтоб в нашем параде приняли участие все рукокрылые. Но это невозможно — их слишком много. Поэтому придется ограничиться лишь некоторыми видами. Начнем с крыланов.

Самый крупный из всех крылановых, а значит, из всего отряда ру-

кокрылых, — калонг. Величиной он с крупную кошку (сантиметров 40 в длину), но когда расправляет крылья, кажется настоящим великаном: размах его крыльев — более полутора метров. Это уже не зверек, а настоящий зверь. И там, где он живет (на Филиппинах, на островах Малайского архипелага, на полуострове Малакка), местные жители считают его охотничьей дичью. Мясо калонгов высоко ценится местными жителями.

Калонг — самый крупный из крыланов, а карликовый крылан — самый мелкий в подотряде: длина его 6—7 сантиметров, размах крыльев — менее четверти метра. Живет он в Бирме, Индокитае и на Больших Зондских островах.

Жить, летать, находить пищу крыланам помогает тонкое обоняние и острое зрение. К звуковой ориентации они не способны. И лишь единственное исключение составляет пещерный крылан, живущий в Индии, Бирме, Непале, Пакистане, на юге и юго-востоке Китая. У него хотя и весьма примитивный, но эхолокатор все-таки имеется: в темных пещерах, где проводит большую часть времени это животное, зрение — плохой помощник.

Крыланы, если не считать размеров, в общем-то, все похожи друг на друга. Кроме молотоглава. У него две особенности: огромная непропорциональная голова (за что он и получил свое имя) и любовь к пению. Природа снабдила его сложным и довольно развитым голосовым аппаратом, и зверек им часто пользуется. Правда, пение его напоминает хор квакающих лягушек, но молотоглаву, видимо, собственный голос нравится — поет он часто и охотно.

Вообще у каждого вида рукокрылых есть какая-нибудь оригинальная особенность. Например, у футлярохвостых (это уже летучие мыши) длинный хвостик может убираться, втягиваться в особую полость, как в ножны или в футляр. А у зайцегубых верхняя губа как бы разрезана или расщеплена, и из этого разреза торчат большие резцы.

Зайцегубые — рыбоядные летучие мыши. Обнаружив рыбу, стремительно пикируют и хватают добычу лапами, вооруженными длинными цепкими когтями.

Такой способ охоты характерен лишь для рыбоядных.

Насекомоядные летучие мыши хватают добычу ртом, помогая себе при этом крыльями: если насекомое ударилось о крыло, зверек молниеносно сгибает это крыло, подвигая добычу, как рукой, ко рту.

Некоторые летучие мыши, живущие в Австралии, Южной Азии и Восточной Африке, имеют на мордочках торчащий кверху кожистый остроконечный придаток, за что и прозваны копьеносыми. А у других, живущих не только в тропиках и субтропиках, но и в Европе, на мордочках — кожистая пластинка в форме подковы. Поэтому, в отличие от своих копьеносых сородичей, они зовутся подковоносами.

Легко догадаться, что зверьки, живущие в Южной и Центральной Америке и прозванные листоносыми, получили свое имя тоже за какое-нибудь «украшение» на мордах. Так оно и есть: кожистый придаток на их мордах отдаленно напоминает по форме лист.

Листоносые — зверьки растительноядные — питаются плодами, пыльцой и нектаром растений (хотя не брезгают и насекомыми). Чтоб легче добывать нектар и слизывать пыльцу, они «обзавелись» длинными

языками (у некоторых видов языки длиннее самих их обладателей). А на кончиках языков у этих зверушек — специальные щеточки. Такого оригинального приспособления нет, пожалуй, ни у кого.

Но если мы будем продолжать разговор об оригинальных приспособлениях летучих мышей, то обязательно должны вспомнить и клейконогих — маленьких (длиной в 3—5 сантиметров, весом в 3—6 граммов) зверушек, имеющих на ногах присоски. Благодаря таким присоскам эти летучие мыши могут «приклеиваться» к любой гладкой поверхности, например к листу дерева.

Но как ни оригинальны прошедшие, вернее, пролетевшие перед нами летучие мыши, они не занимают центральное место в параде рукокрылых. Это центральное или, по крайней мере, одно из центральных мест в нашем параде займут представители семейства бульдоговых. Разглядеть этих зверьков вообще очень трудно — они лучшие летуны среди рукокрылых и проносятся мимо словно молнии. Но на параде мы их попросим не очень торопиться и постараемся разглядеть толстые, сросшиеся посередине и направленные вперед уши. При полете эти уши, как ножи, рассекают воздух и в то же время в некоторой степени служат рулями высоты: поднимая ушастую голову, зверек летит вверх, опуская — «рулит вниз», снижается. Кроме того, именно эти летучие мыши могут образовывать гигантские колонии. Наконец, среди бульдоговых есть и такие оригинальные существа, как голые бульдоги — обитатели Филиппин и Индонезии. Эти зверьки действительно голые — на их темно-коричневой коже торчат лишь отдельные волоски.

Любопытны бульдоги еще и тем, что, отдыхая, они не заворачиваются в крылья, как в плащи, что характерно для многих летучих мышей, а с помощью специальных коготков запихивают крылья в особые кожистые карманы.

Короче говоря, если бы мы стали перечислять оригинальные качества рукокрылых, нам пришлось бы, пожалуй, называть все виды — каждый чем-то да интересен, чем-то оригинальным может «похвастаться». А так как перечислить всех невозможно, отметим лишь еще одну любопытную черту многих рукокрылых, живущих в жарких странах, — их яркую окраску. Мы привыкли считать летучих мышей серыми или буровато-коричневыми, скромно окрашенными. А между тем среди них немало щеголей, одетых в оранжево-красные и красно-бурые, кремовые и белые, полосатые и комбинированные «костюмы».

Большинство летучих мышей приносят пользу. Но среди них есть такие, которые портят репутацию всему отряду. Это кровососы из семейства десмодовых. Ничем, кроме крови, эти летучие мыши питаться не могут, так уж устроены. Подобравшись к спящему животному (десмодовые хорошо бегают по земле), они отыскивают наименее защищенный шерстью участок кожи и острыми зубками делают надрез. Затем в ранку впрыскивают слюну, которая обладает двумя свойствами: обезболивает место надреза и не дает вытекающей крови свертываться.

Ранки вампиры делают неглубокие да и крови высасывают немного — несколько граммов им достаточно, чтобы насытиться. Но опасность заключается в другом: во-

первых, на одно животное могут напасть в течение ночи несколько вампиров, во-вторых, ранки долго не заживают и часто воспаляются, в-третьих, эти кровососы способны переносить бешенство.

Десмодовые немногочисленны, к тому же живут в Восточном полушарии от Мексики до Южной Америки. Однако они компрометируют все благородное племя летучих мышей во всем мире. Мало того, люди уничтожают миллионы и миллионы рукокрылых, так как им сопутствует слава кровососов, хотя никакого отношения к кровососам все остальные рукокрылые не имеют. В частности, относится это и к кожанам — самым известным и самым распространенным в Европе рукокрылым. Из 200 видов кожановых в нашей стране живет 33. Кроме них, в СССР встречаются ночницы, вечерницы, длиннокрылы, ушаны, трубконосы — всего 40 видов.

Главное значение летучих мышей, как мы уже говорили, в том, что они — активные истребители вредящих насекомых. По мнению некоторых специалистов, здесь они значительно превосходят птиц. Вопрос спорный. Но то, что летучие мыши не только уничтожают огромное количество насекомых, но и делают это в то время, когда почти все насекомоядные птицы спят, а многие вредные насекомые бодрствуют, несомненно увеличивает значение рукокрылых.

Ученые считают, что в биологическом методе борьбы с насекомыми, вредящими сельскому хозяйству, методе, который со временем, возможно, почти полностью заменит химический, летучие мыши займут видное место.

Если, конечно, нам удастся сохранить их в достаточном количестве.

НЕПОЛНОЗУБЫЕ

Когда-то в этот отряд входили и ехидны, и утконосы, и еще некоторые звери, действительно не имеющие зубов. И понятно, почему Жорж Кювье дал этому отряду название «неполнозубые» (можно было бы с таким же успехом назвать его «беззубые»). Сейчас в отряде — лишь три семейства, остальные «зачислены» в другие отряды. А из оставшихся семейств зубов не имеют только муравьеды. У представителей другого семейства этого отряда — броненосцев — зубы имеются, причем в большом количестве (у гигантского броненосца, например, их более 100!). У ленивцев (третье семейство отряда) зубов около трех десятков. Правда, и у ленивцев и у броненосцев зубы достаточно примитивные — без корней, и эмали на них нет. Строение зубов и объединяет этих очень разных зверей в один отряд.

Семейство Ленивцы. Ленивцы живут в Южной Америке, и некоторые наблюдатели считают, что они издали напоминают каких-то маленьких обезьянок, другие утверждают, что ленивцы немного похожи на маленьких медведей. Но даже если это и так, при знакомстве более близком вообще ни о каком сходстве с обезьянами или с какими-нибудь другими животными не может быть и речи. Хотя бы потому, что ни одно животное не проводит всю жизнь вниз головой. Можно, конечно, вспомнить рукокрылых — некоторые из них лишь 1/20 часть жизни бодрствуют. Все остальное время они спят, повиснув вниз головой. Но часы бодрствования эти зверьки проводят очень активно. Ленивцы же и спят вверх ногами и, просы-

паясь, остаются в том же положении. И нередко бодрствующего ленивца трудно отличить от спящего, настолько он медлителен и малоподвижен. Впрочем, некоторые виды способны двигаться со скоростью нескольких сотен метров в час. И даже передвигаться на значительные расстояния. Например, помеченный ленивец однажды прошел 8 километров! На это ему потребовалось 48 дней. И то развить такую скорость он смог лишь потому, что на его пути деревья росли близко друг от друга, и по веткам, по вьющимся растениям, опутывающим эти ветки, ленивец легко перебирался с дерева на дерево. Если бы ему пришлось проделать даже часть пути по земле, вряд ли ленивец вообще прошел бы такое расстояние: ведь по земле вверх ногами не пойдешь, а иначе ходить эти звери почти не умеют. Вот и ползают они со скоростью 300 метров в час.

«Перевернутый» образ жизни ленивцев не мог не повлиять на их внешность и на их внутреннее строение. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы заметить: шерсть у ленивцев направлена не как у всех животных — от хребта к животу, а наоборот — от живота к хребту. Для живущего вверх ногами это необходимо — иначе с него не будет скатываться дождевая вода. Сами же шерстинки тоже необычны: под микроскопом они кажутся потрескавшимися или расщепленными. И как в трещинах старой стены вырастает мох или трава, так в трещинках волосков ленивцев вырастают сине-зеленые водоросли, которые окрашивают шкурку в зеленоватый цвет. (Это единственный известный случай симбиоза растений и млекопитающих.) Водоросли очень полезны малоподвижным и лишенным каких-либо средств защиты ленивцам: «сад» на шкуре—прекрасный «маскировочный халат». Но сад этот к тому же и не пустует: в нем живут маленькие бабочки.

До недавнего времени считалось, что бабочки никогда не покидают своего хозяина. Но исследования, проведенные двумя американскими учеными, показали, что «волосяные джунгли» не покидают лишь самцы. Самки улетают откладывать яички. Для этого они спускаются на землю. В перегное из яичек выведутся гусенички, окуклятся, потом превратятся в бабочек, и эти бабочки прилетят туда, где живут или жили их родители.

Бабочкам очень удобно жить в шерсти ленивцев: и еды у них достаточно, и находятся они в относительной безопасности. Ленивцам тоже эти насекомые небезразличны: питаясь кожными выделениями и чешуйками, отслоившимися от кожи, бабочки тем самым в какой-то степени очищают шкурку зверька.

Висеть всю жизнь вниз головой — занятие явно нелегкое. Для этого нужна не только приличная сила, но и какие-то специальные приспособления. И то и другое у ленивцев есть: это мощные лапы с длинными крепкими когтями-крючками, благодаря которым ленивец висит или медленно двигается.

Однако ленивец не только внешне приспособлен к тому образу жизни, который ведет. Многие его внутренние органы «перевернуты» или перемещены, сильно увеличены или, наоборот, уменьшены. Например, желудок составляет от 20 до 30 процентов веса всего зверя. Он напоминает желудок жвачного животного. Ленивцы — сугубо растительноядные, пищу переваривают медленно

(в желудке она задерживается около 100 часов). Это очень важно: ведь у ленивцев много разных проблем. Даже справлять свои естественные надобности и то проблема: пачкать листья, которыми сами же и питаются, нельзя, а отойти в сторонку ленивцы просто не способны. Поэтому желудок и кишечник устроены у ленивцев так, что позволяют им справлять свои естественные надобности раз в 8—10 дней. Этому процессу ленивцы посвящают целый день — медленно спускаются к подножию дерева, проводят там несколько часов и так же медленно поднимаются.

Желудок у ленивцев большой, а сердце, наоборот, очень маленькое (ведь этим зверям никогда не приходится испытывать сильные нагрузки): вес его составляет всего 0,3 процента общего веса зверя. Однако работает оно не так уж медленно: пульс у ленивцев, как и у человека, — 70—80 ударов в минуту. Правда, дышит ленивец медленнее и даже довольно долго может обходиться без воздуха — эксперименты показали, что зверек способен оставаться под водой до 40 минут. В это время сердце его бьется очень слабо, циркуляция крови задерживается. Примерно то же происходит с ленивцем, если температура воздуха понижается до 10—15 градусов: животное оцепеневает, а температура его тела уменьшается до 20 градусов. Зато если воздух прогревается до 37 градусов, температура ленивца подскакивает до 35 градусов, а дыхание учащается до 140 раз в минуту.

В скелете ленивца тоже немало оригинального. Так, у одного из видов, относящегося к двупалым ленивцам (ленивцы разбиты на две группы: двупалые, имеющие в длину 60—65 сантиметров и весящие до 10 килограммов, — их два вида, и трехпалые — их три вида, и они поменьше), 6 шейных позвонков, хотя у всех млекопитающих (кроме ламантинов, у которых тоже 6 шейных позвонков) — в том числе и у жирафа! — 7. У другого представителя двупалых ленивцев количество шейных позвонков нормальное, зато грудных позвонков больше, чем у кого-либо, — 24—25!

У трехпалых ленивцев нормальное количество грудных позвонков, зато рекордное — шейных: 9 или даже 10. Благодаря этому они могут крутить головой так, как ни одно млекопитающее, — поворачивают голову градусов на 180—200.

Голова у ленивцев круглая, похожая на свиную, но почти пустая в буквальном смысле: мозг, не имеющий никаких извилин, занимает лишь часть черепной коробки.

Видимо, не случайно А. Брем писал о ленивце как «о существе дегенеративном, неповоротливом, бесформенном, производящем тяжелое впечатление на человека». Однако Брем все-таки не совсем прав. Конечно, о впечатлении спорить трудно — это дело субъективное, что же касается дегенеративности, то для жизни, которую избрали себе ленивцы, они достаточно приспособлены. Ленивцы скорее производят впечатление, если оценивать их с человеческой точки зрения, очень равнодушных животных. Даже к детенышам своим они, по наблюдению французского исследователя М. Перамона, совершенно равнодушны.

Детеныш ленивцев (он обычно рождается один) появляется на свет уже совершенно оформившийся, покрытый шерстью, зрячий. Он сразу же цепляется за шерсть роди-

тельницы и не расстается с ней ни на минуту в течение нескольких месяцев. Первые 2—3 месяца детеныш питается молоком, потом, не покидая мамаши, начинает дотягиваться до листьев и только месяцам к девяти становится самостоятельным. Мамаша покорно носит и кормит детеныша, но, как считает Перамон, не проявляет никакого беспокойства, если детеныша у нее забирают. Да и вообще вспоминает о нем, лишь когда тот сам дает знать о себе писком.

Ленивцы — животные абсолютно беззащитные, единственное их спасение, как мы уже говорили, быть по возможности менее заметными. Но иногда они выдают себя «пением»: у двупалых это, как утверждают некоторые натуралисты, «безукоризненная гамма», у трехпалых оно состоит из двух громких звуков «а-а-а-и-и-и», за что эти животные получили свое второе имя — «а-и».

Семейство Муравьеды. Небольшое, оно состоит всего из трех «братьев» — карликового муравьеда (местное название «мико дорадо»), «таманду» и большого муравьеда, которого называют «юруми». Все три «брата» — жители Южной и Центральной Америки. И все обладают удивительной особенностью — они едят, не открывая рта. Открыть рот они не могут при всем желании — морды их вытянуты в длинную трубку, заканчивающуюся маленьким отверстием. Губы у муравьедов тоже маленькие — разве что ягодку схватить ими. Но ягодкой сыт не будешь. Да и едят ягоды муравьеды лишь для того, чтобы немного разнообразить свое меню. Главная же их пища — муравьи и термиты, которых поедать муравьеды приспособились не открывая рта: высовывают свой длинный клейкий язык и просовывают его в термитник или муравейник, а затем втягивают вместе с налипшими на него насекомыми. Работают муравьеды языками очень проворно: например, большой муравьед умудряется в течение минуты высунуть и втянуть в рот язык раз 160. При этом он успевает, перед тем как высунуть язык, смазать его клейкой слюной, а втянув, соскрести с языка добычу специальными ороговевшими сосочками, находящимися на внутренней стороне щек и на нёбе.

Добычу муравьеды не жуют — зубов нет. Но, во-первых, она достаточно мягкая, во-вторых, сильные мускульные стенки желудка перетирают пищу, а мелкие камешки, которые проглатывает муравьед, действуют в желудке как жернова.

Муравьеды — звери очень прожорливые. Большой муравьед (длина его — свыше метра, вес — до 25 килограммов) за день съедает примерно килограмма полтора-два муравьев или термитов. Добыть такое количество, не имея специальных приспособлений, наверное, просто невозможно. Но у муравьедов есть приспособления: об одном — длинном клейком языке — мы уже говорили. (У большого муравьеда язык достигает 60 сантиметров длины.) Второе приспособление — когти на мощных лапах. Этими когтями (они достигают 10 сантиметров) муравьед разрушает прочные стенки термитника или разрывает гнезда муравьев, а языком выуживает из них насекомых.

Таманду раза в два поменьше, а весом меньше раз в 10. Карликовый же муравьед — совсем маленький: сантиметров 20 в длину, а весом не более полукилограмма.

Большой муравьед живет исключительно на земле, карликовый — почти только на деревьях. А таманду — и на земле и на деревьях.

Таманду и карликовый муравьед — животные в основном ночные, а большой — может охотиться и ночью и днем.

Наевшись, большой муравьед тут же укладывается спать, не особенно заботясь об удобствах: теплое и пушистое одеяло всегда при нем — это его хвост. Вообще шерсть у большого муравьеда не очень длинная, лишь на спине у него густая грива из довольно длинных волос. На хвосте же — волосы чуть ли не полуметровой длины. Ляжет муравьед, устроится поудобнее, уткнет морду в передние лапы, укроется хвостом — и ничего ему больше не надо!

Хвосты таманду и карликового муравьеда для этого не годятся. Зато их хвосты помогают лазать по деревьям и кустарникам. Особенно важно это для карликового муравьеда, который почти не спускается с деревьев. Там же, на деревьях, самка карликового муравьеда рождает одного детеныша и носит его на спине. Папаша постоянно находится поблизости и время от времени берет эту драгоценную ношу к себе. По очереди кормят они подросшего детеныша кашицей из перетертых в собственном желудке муравьев, и лишь когда детеныш становится почти совершенно взрослым, перестают о нем заботиться.

Таманду тоже таскает детеныша на спине, но нередко, путешествуя по деревьям в поисках древесных термитов или муравьев, самка вынуждена сажать детеныша на ветку и снова забирать его, отправляясь дальше.

Большой муравьед рождает детеныша, стоя на земле. Появившийся на свет муравьедик сразу же вскарабкивается на спину матери и почти не слезает с нее до двухмесячного возраста. Потом постепенно начинает осваивать землю, однако спина матери продолжает оставаться основным местом его обитания еще довольно долго. Лишь достигнув двух лет, молодой муравьед становится совершенно самостоятельным.

Муравьеды — животные сильные. Правда, кусаться они не могут, но при опасности пускают в ход передние лапы с острыми когтями. При этом таманду поднимается на задние лапы, как рассерженный медведь, а карликовый, повиснув на хвосте, может обороняться всеми четырьмя конечностями. Впрочем, и таманду иногда опрокидывается на спину и пускает в ход все четыре лапы.

Если же муравьедов не трогать, они никогда не проявляют агрессивности. Но люди, к сожалению, очень даже трогают муравьедов. Особенно большого. В результате он стал уже настолько редок, что необходимо было издать закон, запрещающий уничтожение этих животных.

Семейство Броненосцы. В деревнях Северной Аргентины или Бразилии, Мексики или Боливии можно иногда видеть ребятишек, играющих большим и тяжелым шаром. Один путешественник рассказывал, что был поражен и даже немного напуган, увидев, как такой шар, когда ребята оставили его, вдруг развернулся и, не торопясь, заковылял куда-то на своих коротких ножках. Эта «игрушка» оказалась броненосцем, или, как называют его в Южной и Центральной Америке, армадиллом (в переводе с испанского это значит «несущий доспехи»).

Броненосцы не желают отставать

от своих родичей — ленивцев и муравьедов и тоже хотят быть в чем-то оригинальными. Но в чем? Длинный и клейкий язык? Он есть у муравьедов. Умение свертываться клубком? Это умеют и ежи. «Доспехи» есть и у черепахи. А вот иметь одновременно и длинный язык, как у муравьедов, костный панцирь, как у черепахи, и при этом еще свертываться в клубок, как еж, — на это способны лишь броненосцы.

У них есть и другие особенности, например сильные колебания температуры тела, зависящие от температуры окружающего воздуха, или сниженный по сравнению с другими животными обмен веществ.

Правда, надо сказать, что, вопреки установившемуся мнению о способности всех броненосцев свертываться в клубки, это могут проделывать лишь представители двух из 21 вида. Другие броненосцы при опасности прячутся в какую-нибудь ямку или нору. Плотно прижав свое незащищенное брюхо и крепко вцепившись когтями в землю (оторвать броненосца в это время от земли очень трудно), они подставляют врагу свой крепкий панцирь.

Если же нет подходящего углубления, броненосцы могут быстро вырыть яму, причем работают лапами, не переводя дыхания в буквальном смысле слова — несколько минут совершенно не дышат, чтоб не задохнуться в пыли, которую поднимают во время работы.

Способность задерживать дыхание помогает некоторым броненосцам спасаться от врагов в водоемах: они уходят в воду, ложатся на дно или бегут по дну, выбираясь на берег далеко от преследователя.

Броненосцы хоть и живут рядом с людьми, хоть и довольно легко приручаются (причем настолько, что некоторых держат на фермах как истребителей вредных насекомых), изучены недостаточно. Особенно самые маленькие (до 18 сантиметров), плащеносные.

Самые крупные, объединенные в группу больших броненосцев, изучены лучше, чем плащеносные. Хотя тоже еще недостаточно. И неизвестно, будут ли изучены по-настоящему: слишком активно истребляют их местные жители. У людей есть основания быть недовольными этими зверями: питаясь насекомыми, в частности термитами и муравьями, броненосцы не только взламывают термитники и разрушают муравейники, но и перекапывают поля, взрыхляют лесные поляны и опушки, иногда губят целые рощи. Если учесть, что большой броненосец в длину может достигать метра, а весить 50 килограммов, аппетит у него колоссальный, то можно представить себе размеры разрушительной деятельности. Другие броненосцы этой группы не такие крупные, но и они активно роют землю.

Не меньшим преследованиям подвергаются и щетинистые броненосцы: за их уничтожение в некоторых странах установлены даже премии. Люди преследуют этих животных потому, что они портят посевы, потому, что роют многочисленные норы, и лошади, проваливаясь в них, ломают себе ноги. Нор у щетинистых броненосцев действительно много, меняют они их часто, к тому же они чаще, чем другие броненосцы, при опасности зарываются в землю.

Но даже если броненосцы не вредят людям, их все равно преследуют (даже твердопанцирных, которых держат на фермах как активных истребителей насекомых): мясо их едят, а из панцирей делают музыкальные инструменты и сувениры.

ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ

До сравнительно недавнего времени такого отряда не было. Зайцы, кролики, пищухи считались грызунами и числились в том же отряде, что и мыши, крысы, белки, бурундуки.

Конечно, ни зайцы, ни кролики не похожи на мышей или белок. Но и грызуны, как мы скоро увидим, очень отличаются друг от друга. Так что дело не во внешности, а в такой «мелочи», как зубы. Впрочем, поначалу именно из-за зубов объединяли теперешних зайцеобразных с грызунами: и у тех и у других нет клыков, а коренные зубы растут не рядом с резцами, а отделены от них довольно большими костными площадками. Но потом, опять-таки из-за зубов, и произошло разделение: выяснилось, что у некоторых представителей этого отряда не по одной паре резцов, а по две. А этого грызунам не «полагается». Поэтому тех, кто имел по две пары резцов, исключили из отряда грызунов, образовав для них специальный отряд — зайцеобразных.

Желудок у зайцеобразных, как выяснилось, тоже сильно отличается от желудка грызунов. В одной очень старой книге было сказано о зайце, что «жует он жвачку, но копыта у него не раздвоены». Трудно сказать, откуда автор этой книги узнал то, что стало известно ученым лишь сравнительно недавно. А именно: желудок зайцев действительно напоминает желудок жвачных животных, а процесс пищеварения протекает примерно так же, как у овец или коров (вот почему в той книге говорилось и о копытах).

Отряд зайцеобразных небольшой — в нем всего около 60 видов, семейства 2 и, конечно, наиболее значительное — **семейство Зайцы.**

Все представители этого семейства, а их примерно 45 видов, довольно похожи друг на друга: у всех более или менее длинные уши, короткий хвост, а задние ноги гораздо длиннее передних (у некоторых видов даже на 30—35 процентов).

Зайцы живут в Европе и в Азии, в Африке и Северной Америке. Их ближайшие родственники — кролики тоже живут в Европе, Северной и Южной Америке и Африке. В Азии они не живут.

Зайцев, конечно, знают все. Однако, наверное, не все знают, что среди них есть и такие, как живущие в Японии рюкю: они способны, благодаря своим длинным и острым когтям, ловко лазать по деревьям и жить в дуплах. Это очень редкий сейчас вид: сохранились рюкю лишь на двух островах, где, по очень приблизительным подсчетам, сейчас живет всего 600—800 зверьков.

Лазающий по деревьям заяц — явление, конечно, исключительное: большинство зайцев живет на земле. Они белые, серые, бурые — в общем, окрашены не очень ярко. Однако среди них есть и полосатые (как, например, короткоухий и коротконогий заяц, живущий на Суматре), и рыжебокие, и охристые (как, например, тибетский), и курчавые (они действительно курчавые). Есть даже черно-бурые зайцы. Но какого бы они ни были цвета, окраска всегда служит им маскировкой. Ведь маскировка — одно из основных и главных средств защиты зайцев. Если же маскировка не срабатывает, заяц использует второе главное средство защиты — ноги. Говорят, заяц труслив. Причем мнение это настолько прочно, что трусость зайца даже вошла в поговорку. Но так ли уж верна эта поговорка?

У охотников есть термин «крепкая лежка»: заяц «крепко» (то есть долго) лежит на месте, даже когда видит приближающегося врага. Может быть, он надеется на то, что враг свернет в сторону, пойдет другим путем? Впрочем, может быть, и не думает ни о чем заяц в это время, но крепость своих нервов он явно демонстрирует. И только в крайнем случае вскакивает и пускается наутек. Ну, а что остается делать — ведь ни кусаться, ни царапаться по-настоящему он не может. Зато прыгает и бегает здорово: некоторые могут развивать скорость до 50 километров в час. Интересно, что из-за длинных задних ног в гору зайцам бежать легче, чем под гору — под гору он просто катится кубарем.

Заяц не просто удирает — он еще и хитрит при этом: пробежит какое-то расстояние вперед и, если преследователь далеко, вернется по своим следам, сдвоит, а то и строит их, или прыгнет в сторону — сделает «сметку». Собака, волк или лиса, идущие по следу зайца, теряются, не могут понять, куда же побежал он — вперед или назад? А заяц тем временем еще раз хитрит: еще раз сделает большой скачок в сторону — и был таков. Пока преследователь будет разбираться, заяц уже окажется далеко.

Но это — не единственное доказательство того, что заяц вовсе не трус. Трус в момент опасности обычно теряет от страха голову. А заяц даже в самой критической ситуации трезво оценивает обстановку. Когда преследователь близко и обмануть его не удается и рассчитывать надо только на ловкость и быстроту, заяц из нескольких вариантов (если они имеются) выбирает наиболее оптимальный. Он может вскочить на возвышение или прыгнуть в реку, побежать по дороге или, наоборот, скрыться в кустах. И всегда выбранный вариант будет самым верным, хотя людям иногда кажется, что заяц просто потерял голову от страха.

Из-за того, что заяц убегает от опасности, он не только прослыл трусом, но получил еще и прозвище «косой».

Тот, кто имел возможность разглядеть спокойно сидящего зайца, мог убедиться: глаза его — большие, бархатисто-темные, красивые — не косят. Но дело в том, что спокойно сидящего зайца редко кому удается видеть — видят его люди обычно удирающим. Шея у зайца малоподвижная, оглянуться он не может, а посмотреть, где преследователь, хоть мельком, но надо. Вот и скашивает он глаза, а людям кажется, что он вообще косой.

Но случается, не помогают зайцу ни хитрость, ни быстрота. Тогда вступает в силу последний, «аварийный» вариант защиты: заяц падает на спину и обороняется сильными задними ногами. Это, конечно, крайний случай, и далеко не всегда заяц из такой схватки выходит победителем. Но бывает, отбивается от хищных птиц и даже калечит их.

Есть у зайцев и другие способы защиты. В частности, очень слабая шкурка и непрочная шерсть. Если хищник схватит зайца за шкуру, косой может вырваться. Правда, при этом он оставит преследователю клок шерсти или даже кусочек кожи, но это не беда, особенно когда дело касается спасения жизни!

Трудно жить зайцам: любителей зайчатины столько, что косых не спасли бы ни быстрые ноги, ни маскировка, ни хитрость. И возможно, исчезло бы заячье племя с нашей планеты, но выручает зайчишек их плодовитость.

Зайцы-беляки, живущие там, где более теплый климат, приносят 4—5 раз в году от 2 до 5 зайчат. В холодном или умеренном климате у них в году 2—3 помета. И в каждом по 7—8 детенышей.

В европейской части СССР зайцы-беляки приносят детишек обычно 3 раза: в марте-апреле рождаются «настовички» (в это время еще лежит снег, который ночью покрывается твердой коркой — настом). Второй помет у зайчихи в июне — в это время колосится рожь, цветет гречиха — и зайчата называются «колосовичками» или «гречишниками». В третий раз зайчиха приносит «листопадничков» — они появляются в августе.

Существуют разные версии относительно родительской заботливости зайчихи. Одни ученые считают, что зайчиха — хорошая мамаша, она остается рядом с детишками, далеко от себя их не отпускает, обучает житейским премудростям (что есть, кого опасаться), а в случае опасности притворяется больной или раненой и отводит от зайчат хищника.

Особенно заботливые мамаши — русачихи: они и норы делают для детишек, и кормят их молоком 3—4 недели.

Однако есть и другое мнение. Многие ученые утверждают, что зайчихи не заботятся о потомстве — оставляют новорожденных где-нибудь под кустиком или в густой траве, а сами убегают. Зайчонок на некоторое время обеспечен едой: мать накормит его, и в желудке зайчонка запас очень жирного молока, составляющий чуть ли не половину веса малыша. Через какое-то время мамаша вернется и снова покормит зайчонка, или покормит его другая, оказавшаяся рядом кормящая зайчиха. Объясняется такое поведение тем, что новорожденные зайчата не издают никакого запаха: потовые железы у зайцев находятся только на подошвах, и зайчонка, если он сидит неподвижно да еще поджав лапки, не почувствует хищник, даже если окажется совсем рядом. А вот следы взрослой зайчихи могут привести хищника к беспомощному, не способному еще спастись бегством, зайчонку. Логика в таком объяснении, безусловно, есть. Но насколько это соответствует истине — вопрос до сих пор остается открытым. Ученые пока не пришли к единому мнению: одни считают, что зайчиха покидает зайчат, другие убеждены, что она некоторое время кормит их, не убегая далеко. Существует версия, что зайчат охраняет самец: он якобы находится все время поблизости от малышей и при опасности отвлекает на себя врага. Возможно, что истина лежит где-то посередине: обстановка или обстоятельства определяют поведение зайцев. А может быть, разные виды в этой ситуации ведут себя по-разному. Но одно несомненно: зайчата рождаются уже вполне развитыми, оформившимися, зрячими. Они быстро растут, через несколько дней уже хорошо двигаются и начинают есть траву.

В нашей стране живет четыре вида зайцев. Наименее распространенный — маньчжурский. Он относится к так называемым жесткошерстным зайцам, к которым относится и японский лазающий по деревьям, и суматринский полосатый, и щетинистый, обитающий в Индии и Непале, и бирманский, живущий в Индокитае.

Маньчжурский заяц водится в лиственных лесах Приморья. Хвойных лесов он избегает — там мало подлеска, кустарников, а именно кустарник — главное место его пребыва-

ния. За это он и получил свое второе имя — кустарниковый.

Мех у маньчжурского зайца жесткий и не очень теплый, поэтому зверек устраивает гнезда, в которых проводит много времени, особенно зимой, и очень неохотно покидает гнездо — делает это лишь в случае крайней необходимости.

Уши у маньчжурского зайца сравнительно короткие, задние ноги тоже не такие длинные, как у других зайцев.

Толай, или песчаник, — самый маленький заяц, живущий в нашей стране. От других он отличается стройностью, длинноногостью, этаким изяществом да еще и тем, что более приспособлен к жизни в самых разных условиях: может жить в пустынях и в горах (на Памире и Тянь-Шане встречается на высоте 3 тысяч метров), на лугах и в зарослях камышей у воды.

Самые же распространенные и самые известные зайцы — это беляки и русаки. Во многом они очень схожи. Настолько схожи, что между ними существуют «смешанные браки», и потомство от этих «браков» называется тумаками. Есть и различия. Русаки покрупнее: они могут достигать в длину сантиметров 70 и весить 7,5 килограмма. Беляки же весят не больше 6 килограммов. Да и это, наверное, рекорд.

На север беляки заходят гораздо дальше, чем русаки, и живут большей частью в лесах, хотя нередко встречаются и в безлесной тундре. Но и тут явно предпочитают тундру кустарниковую.

Русак — в основном житель открытых пространств. Если же и живет в лесах, то в разреженных, да и там обычно держится на опушках или полянах. Он гораздо дальше беляка продвинулся на юг.

Лапы у беляка покрупнее, и ступни, особенно зимой (из-за густых волос на них), кажутся гораздо шире. Благодаря этим волосам зайцу легче бегать по снегу: он бежит, как на лыжах, и не проваливается.

Русак живет в местах, где снег обычно менее глубокий и не такой рыхлый. Поэтому «лыжи» ему не нужны. Зато прыжок у него размашистее.

Одно из основных отличий русака от беляка — смена окраски по сезонам. Летом, правда, этих зайцев отличить довольно трудно. Зато зимой даже издали скажешь, кто беляк, кто русак. К зиме беляки «переодеваются» в светлую и более густую шубу, летом у них шкурка становится бурой или буровато-серой. Русак же и зимой и летом носит наряд одного цвета. Лишь на территории Башкирии, Татарии и в близлежащих районах живут русаки, которые зимой становятся значительно светлее. Но это исключение. Есть исключение и у беляков: в местах, где снег лежит почти постоянно, например в Гренландии, они и летом остаются белыми.

Ни беляк, ни русак не имеют постоянного логова. Только в сильные морозы беляки делают в снегу небольшие норки. В тайге, правда, беляки устраивают глубокие норы — до 8 метров — и используют их как постоянные убежища: спят в них, прячутся во время опасности. Но это не типично для зайцев. Обычно они залегают на дневку в любом подходящем месте, где-нибудь под деревом, в кустах. Зимой — просто на снегу. Теплую и мягкую «перинку» зайцы постоянно носят с собой: на животе у них густая — гуще, чем в других местах, — шерсть. Русак тоже спит где придется, устраивает себе убежища, в которых проводит

самые жаркие часы, лишь на юге и только летом.

Русаки и беляки — животные оседлые. Постоянно бегая по лесу или по полям, они тем не менее пасутся на определенных территориях. Иногда зайцы уходят кормиться подальше от того места, где проводили дневные часы, однако это не кочевка, а так называемые суточные переходы, постоянные и регулярные, — в тайге зайцы протаптывают во мху даже целые тропы, по которым совершают эти переходы.

Но случается и иначе. Если численность зайцев в одном месте сильно увеличивается и из-за глубокого снега, покрывающего невысокие кустарники, возникают неблагоприятные условия для жизни, часть этих зверьков переселяется на новые места. Тогда они идут небольшими стадами голов по 30—40, и ничто их не останавливает: ни реки, ни поселения людей. Многие гибнут во время этих походов, но зайцы упорно продолжают двигаться вперед, будто понимают, что другого выхода у них нет, — на прежнем месте их всех ждет верная смерть. Если не от голода, то от болезней, которым заячье племя очень подвержено.

Иногда зайцы вынуждены переселяться после сильных снегопадов. Часто такие миграции бывают сезонными — зимой, например, зайцы уходят из тундры в тайгу, весной возвращаются обратно.

Сравнительно недавно на Камчатке наблюдалось шествие зайцев, вызванное, очевидно, иной причиной: табуны зверьков, сомкнувшись в колонны, шли в сторону океана для того, чтобы, как считают специалисты, утолить минеральный голод водорослями, которые волны выбрасывают на берег.

Однако зайцы путешествуют не только по своей воле, но и по воле людей. Так, например, русаков специально расселили по нашей стране, прижились они и в США, куда были завезены еще в 1889 году, и в Канаде, где были выпущены в 1912 году.

Правда, в Аргентине из-за германского консула русаки в прошлом веке чуть не стали национальным бедствием. Этот консул был страстным охотником и больше всего любил охотиться на зайцев. Но так как зайцы в Аргентине не водились, консул распорядился привезти ему дичь из Европы. В 1888 году несколько зверьков были доставлены в Западное полушарие и, на радость консулу-охотнику, выпущены на свободу. А через десять лет зайцы так размножились, что стали уничтожать урожай на полях, губить плодовые деревья. Местные хищники не трогали их, местное население не охотилось на зайцев, и положение становилось почти катастрофическим. К счастью, догадались завезти из Европы борзых. Собак держали впроголодь, позволяя питаться лишь зайчатиной. Быстроногие борзые довольно скоро освоились и разрешили эту проблему.

А вот проблему, которая возникла в Австралии с близким родственником зайца — кроликом, решить оказалось гораздо труднее. Да, по сути дела, она не решена еще и до сих пор, хотя усилия прилагаются огромные.

Но сначала о кроликах вообще. Внешне они похожи на зайцев, хотя имеются и существенные различия. Например, сразу бросается в глаза, что ноги и уши у них гораздо короче, чем у зайцев.

Зайцы, как мы знаем, нор или каких-то других постоянных убежищ, как правило, не имеют и живут в

одиночку. Кролики же предпочитают жить колониями и роют глубокие, со сложными ходами-лабиринтами норки. В этих норках крольчихи рождают слепых, глухих, голых и совершенно беспомощных крольчат, которые через 8 дней начнут слышать, через 9 — видеть, но только через месяц становятся самостоятельными.

Зайцы предпочитают, если это возможно, на глаза человеку не показываться, кролики же часто селятся поблизости от человеческого жилья, а при опасности не удирают, как зайцы (на свои ноги кролики не надеются), а прячутся в норках.

Впервые, очевидно, одомашнили кроликов в Китае и Испании. Возможно, что в Китае они были одомашнены раньше. Во всяком случае, как указывает Ч. Дарвин, еще в VI веке до н. э. известный китайский философ Конфуций упоминал о кроликах как о животных, которых можно приносить в жертву богам, и рассказывал об уходе за кроликами. Их разводили и в Древнем Риме. Однако решающую роль в одомашнивании кроликов, очевидно, сыграли в средние века монастыри: блюдо, приготовленное из извлеченного из утробы матери еще не родившегося крольчонка, считалось не мясным, а постным, что очень устраивало монахов.

В те же времена стали заниматься выведением разных пород — появились мясно-шкурковые и пуховые кролики. Особенно интенсивно образование пород происходило в конце прошлого—начале нашего века. Сейчас известно более 50 пород кроликов, различающихся по целевому использованию: одних разводят на мясо, других — для получения шкурок (таковы шиншилла, венский голубой, шампань и некоторые другие). Из кроликов, выращиваемых на мясо, наиболее знамениты белый великан и бельгийский великан (вес этих кроликов может достигать 9 килограммов). Основная пуховая порода — ангорский кролик. Они в основном белые, но люди искусственно вывели уже и розовых, и черных, и голубых, и рыжих зверьков. Шерсть их достигает 12 сантиметров, и каждый кролик дает до 300, а некоторые и до 500 граммов пуха. Если учесть, что для выделки 2,5 метра высококачественной шерстяной ткани нужно килограмм пуха, то понятно, почему кролиководство во многих странах стало важной статьей дохода. Так, например, только из Франции в 1952 году было вывезено в разные страны около двух с половиной миллиардов шкурок, продано на 600 миллионов франков пуха и на 60 миллионов франков мяса.

В других странах тоже широко развито кролиководство, и многие люди считают кроликов исконно домашними или полудомашними животными, плохо представляя себе их диких родичей.

А они, конечно, есть (откуда же взялись домашние?). Родиной европейских диких кроликов считается Испания. Еще в I веке до нашей эры римский поэт Катулл назвал Испанию «кроличьей страной». Оттуда их расселили во многие страны Европы как объекты для охотничьих забав (помимо кроликов, содержавшихся в клетках). Так, в Германию они были завезены в XII веке, а в Англии уже в XIII веке стали раздаваться жалобы на кроликов, вредящих полям и огородам. Тем не менее в Европе существенного вреда ни в те времена, ни позже этот зверек, видимо, не приносил. Очевидно, тут были какие-то сдерживаю-

щие силы, регулирующие численность кроликов.

Иное дело, когда таких сил не было. Примеры безудержного «разгула» кроликов имеются и в далеком прошлом и в современности.

В свое время римляне решили освоить необитаемые тогда Балеарские острова в Средиземном море. Прекрасный климат и плодородная земля обещали быстрое процветание колонии. Однако вскоре с островов стали поступать тревожные сигналы. А еще через некоторое время колонисты обратились с просьбой к римскому императору Августу прислать войска для борьбы с колоссальным количеством кроликов: завезенные на острова, они так размножились, что полностью стали уничтожать посевы.

Другой пример можно привести из более поздних времен.

В 1419 году португальский мореплаватель Хуан Гонзалес Зарко открыл в Атлантическом океане небольшой остров, который получил затем название Порту-Санту. Покидая остров, капитан каравеллы оставил на острове крольчиху с крольчатами. Видимо, двигали им самые добрые побуждения. Но португальские переселенцы, прибывшие на остров в 1456 году, вряд ли помянули добрым словом капитана: не только посевы на острове, но и все запасы, которые люди привезли с собой, были в короткое время уничтожены кроликами—потомками тех нескольких зверьков, которых Хуан Зарко оставил на острове за тридцать семь лет до этого.

В конце концов колонисты покинули остров, так как не в состоянии были справиться с полчищами кроликов.

Кстати, любопытна дальнейшая судьба этих кроликов: за четыре века жизни на острове они настолько изменились (сузился череп, вес и размеры их уменьшились вдвое), настолько отошли от домашних, что не скрещиваются с ними и не дают потомства. Они ввели в заблуждение даже Ч. Дарвина, который сообщал об этих кроликах как о представителях совершенно особого вида.

Ну, а теперь — о той известной всем катастрофе, которая произошла в Австралии уже почти в наши дни.

В 1859 году в Австралию на борту парохода «Молния» были доставлены 24 кролика и выпущены на волю в штате Новый Южный Уэльс. Правда, по другим данным, это или подобное событие произошло в 1840 году, когда завезли 16 пар зверьков и выпустили их в штате Виктория. Сейчас истину установить трудно, и вполне можно предположить, что кроликов завозили дважды. Однако это были не первые кролики в Австралии: еще в самом начале XIX века из Европы туда были завезены кролики и их разводили повсеместно — ради шкурок и мяса. Кроликов держали в клетках, но не раз случалось, что пленники убегали из клеток или фермеры просто выпускали их на волю. Эти кролики основывали небольшие колонии (но именно небольшие!) и никакой угрозы для земледельцев и скотоводов не представляли. Поэтому, когда привезенных из Европы кроликов выпустили на землях некоего Томазо Августина, ни у кого и мысли не появилось о катастрофе. Первое время кроликов берегли. Известен даже случай, когда браконьер, застреливший кролика на чужой земле, был оштрафован. Но прошло всего три-четыре года, и фермеры забили тревогу — кроликов появилось так много, что люди вынуждены были

объявить им войну. Тот же Т. Августин за шесть лет на своих землях отстрелял 20 тысяч кроликов, а некий Робертсон, на земле которого был в свое время оштрафован браконьер, стал платить ежегодно по 5 тысяч фунтов (огромная сумма!) охотникам, отстреливающим кроликов на принадлежащих ему пастбищах.

С каждым годом усиливалась паника среди фермеров. Это можно понять, если вспомнить, что кролики очень плодовиты: в Европе одна самка за год может принести до 20 крольчат, которые быстро растут, быстро созревают и через год (а при благоприятных условиях и раньше) способны сами давать потомство. В Австралии же условия оказались благоприятными для этих зверьков: климат теплый, пищи предостаточно, и крольчихи стали приносить уже не по 20, а по 40 крольчат в год. К тому же в Австралии не было ни хищников, которые бы уничтожали кроликов, ни стихийных бедствий, которые снижали бы темпы прироста. (В Европе из-за дождей, заморозков, наводнений гибнет более 40 процентов молодняка.) И теоретические расчеты, что одна пара (с детьми, внуками, правнуками и т. д.) может стать родоначальницей стотысячной семьи, в Австралии подтвердились на практике. Кролики стали распространяться по стране со скоростью 100 километров в год, и через несколько лет уже заполонили почти всю страну. Если же учесть, что всего пять-шесть кроликов могут уничтожить столько травы, сколько нужно, чтобы прокормить овцу, легко представить себе отчаяние фермеров. Ведь в Австралии к концу века были уже миллиарды кроликов!

Причем, в отличие от европейских, они приобрели способность лазать по деревьям — «отрастили» длинные когти и благодаря этому стали поедать не только траву, но и листья.

Кроличье нашествие приняло размеры государственного бедствия, и правительство Австралии вынуждено было ежегодно тратить огромные деньги на борьбу с кроликами. В то же время государственный доход страны падал из-за того, что кролики уничтожали растительность, обрекали на гибель овец, что, естественно, уменьшало экспорт мяса и шерсти.

В 1870 году из Европы стали завозить природных врагов кроликов — лис, хорьков, ласок. Но они уже не могли справиться с этой массой.

Отчаявшись уничтожить кроликов, люди решили спасти хотя бы часть пастбищ и построили стену, протянувшуюся на две тысячи километров. Но кролики легко преодолели это препятствие, прорыв под стеной ходы. Люди построили вторую стену — она протянулась уже на три с половиной тысячи километров, перегородили чуть ли не весь континент. Однако и это не помогло — кролики продолжали расселяться. Не помогли яды и даже газы.

Тогда против кроликов решили применить бактериологическое оружие!

В конце прошлого века заразная болезнь — миксоматоз — уничтожила чуть ли не всех кроликов в Южной Америке. Вспомнив об этом, биологи решили попробовать заразить австралийских кроликов этой болезнью. Конечно, риск был большой — мало ли какие последствия могло иметь это мероприятие. Но другого выхода люди не видели. Первые результаты были обнадеживающие: из 4 миллиардов кроликов осталось полмиллиарда. Но у вы-

живших успел уже выработаться иммунитет. Ученые решили не сдаваться и в 1950 году выпустили комаров, зараженных новым штаммом кроличьего вируса. Снова успех: из 500 миллионов осталось только 50. Однако эти 50 быстро приобрели иммунитет против нового вируса. А при той энергии, с которой кролики размножаются, за двадцать лет количество этих зверьков увеличилось вдвое. Конечно, это не 4 миллиарда. Но ведь и 100 миллионов кроликов съедают столько зеленой массы, сколько надо на прокорм примерно 20 миллионам овец или 3—4 миллионам голов крупного рогатого скота!

Ученые, очевидно, найдут в конце концов способ полностью очистить Австралию от этих иммигрантов. Но возникнет другая проблема: за сто с лишним лет уже сложились какие-то природные отношения — кролики служили пищей завезенным и местным хищникам. Дикие собаки динго, например, уже приспособившиеся питаться почти исключительно кроликами, с уменьшением их количества стали активно нападать на овец, утаскивать ягнят. Лишь за один год они зарезали полмиллиона ягнят и молодых овец. Стали нападать на овец и лисы, и хищные птицы. Фермерам снова пришлось браться за ружья. Они отстреляли уже множество хищников, а ведь их количество из-за отсутствия пищи и без того уменьшается. Поголовье же кроликов хоть и медленно, но увеличивается. Причем надо учесть, что это кролики иммунизированные, то есть невосприимчивые к бактериологическому оружию. И нет гарантии, что в Австралии не произойдет новый экологический взрыв.

Но не надо думать, что дикие кролики — вообще бич человечества. В большинстве мест обитания зверьки эти не очень многочисленны. Не приносят сколько-нибудь ощутимого вреда европейские кролики, переселенные и акклиматизированные в Северной и Южной Америке. Не вредят (так как различные болезни и хищники сдерживают их размножение) в Америке и местные виды — жесткошерстные кролики, названные так за действительно очень жесткие, похожие на щетину, волосы. Единственный американский кролик, имеющий мягкую и шелковистую шерстку, — кролик-пигмей.

Среди американских кроликов есть и такие оригиналы, как водяной и болотный. Живут они по берегам водоемов, хорошо плавают и в случае опасности спасаются в воде.

А кролик, живущий в Мексике, причем лишь на очень ограниченной территории, высоко в горах (3000—3500 метров над уровнем моря), даже охраняется законом, как очень редкий. Внешностью этот кролик — называется он «вулканный» — очень отличается от своих родных братьев и очень похож на двоюродных сестер — пищух.

Семейство Пищухи, или Сеноставки. Семейство это небольшое — в нем 14 видов, и все его представители живут в Азии. Только один вид живет в Европе (степная пищуха) и один вид — в Северной Америке (американская пищуха).

Зверьки разных видов несколько отличаются размерами (самая крупная — северная — достигает в длину 25 сантиметров, самая мелкая — степная — 15—19 сантиметров). Отличаются величиной ушей, длиной усиков (вибрисов), окраской. Но в принципе — все похожи друг на друга.

Схож и образ жизни.

Свое имя зверьки получили за то, что постоянно или, во всяком случае, часто, издают довольно громкие звуки, особенно при опасности. Правда, пищат далеко не все — даурская, например, громко и протяжно свистит, а монгольская издает громкое и звонкое цоканье.

Второе имя — сеноставки — эти зверьки получили за то, что чуть ли не все лето трудятся — заготавливают на зиму запасы еды, в основном, травянистые растения, иногда тоненькие веточки или семена. У некоторых запасы весьма значительные: например, семья альпийской пищухи заготавливает на зиму до 12 килограммов сена. Большинство пищух срезанную траву подсушивают, аккуратно раскладывая ее на камнях (а монгольская даже камешками прижимает, чтобы ветер не унес), или ставят в стожки. Иногда такие стожки бывают довольно большими, например, стожки даурской пищухи могут быть в полметра высотой и такими же в диаметре, хотя длина самого зверька в среднем — 20 сантиметров.

Подсушив сено, пищуха складывает его в заранее облюбованные «хранилища»—это могут быть расщелины скал или заброшенные норки—или еще в какие-нибудь «хранилища», где всегда сухо и имеется хорошая вентиляция. Такие хранилища служат зверькам не один год, используются из поколения в поколение. Но нередко пищухи оставляют сено зимовать в стожках, прикрыв его осенью опавшими листьями. Зимой под снегом прорывают ходы от жилища к стожкам и очень редко показываются на поверхности.

Одни виды пищух живут в горах или гористой местности, другие — прекрасно себя чувствуют на равнинах.

Обычно зверьки селятся колониями и живут, в общем-то, дружно. Но не все: например, американская пищуха не терпит родичей поблизости, строго охраняет свой участок обитания, на котором ставит полуметровые стожки.

Так как большинство пищух живет в горных или каменистых местах, то норы они, как правило, не роют, а селятся в подходящих для жилья расщелинах, в осыпях. Там же хранят и свои зимние запасы. Однако некоторые виды — если почва позволяет — роют норы, причем иногда довольно сложные и длинные. Например, монгольская пищуха роет нору, общей протяженностью до 10 метров. Не удовлетворяясь этим, она на зиму устраивает гнезда под снегом, сооружая там шарообразное убежище из травы.

Пищухи достаточно плодовиты: в году у них по нескольку пометов и в каждом от 2 до 8 детенышей. Как пушной зверек пищуха значения не имеет — мех ее короткий, кожа очень непрочная. Посевам, за редким исключением, практически не вредят.

ГРЫЗУНЫ

Малютки, весом в несколько граммов, и пятидесятикилограммовые великаны, высокогорные жители и обитатели полей, лесов и степей, обитатели подземных дворцов и древесных крон, хвостатые и бесхвостые, гладкошерстные, лохматые, колючие — все это грызуны. Их 2500 видов — больше половины всех млекопитающих. (А ведь известны еще, очевидно, не все грызуны.) И не посвященный в тайны систематики человек, конечно, имеет право недоумевать: что общего, например,

между белкой и мышью, бобром и дикобразом? Общего, кажется, действительно, ничего. Но все дело в зубах. В тех самых «мелочах», которые разъединили, в общем-то, похожих друг на друга пищух и полевок и объединили таких разных зверей, как летяги и тушканчики.

У грызунов, как и у зайцеобразных, нет клыков. А резцов — по паре на каждой челюсти. Научное название отряда произошло от латинского глагола «грызть». И естественно, что все представители этого отряда называются грызунами. А самые знаменитые грызуны входят в **семейство Мышиных.**

Семейство это наиболее многочисленное, в него входят около 1500 видов, небольшие (от 6 до 15 сантиметров) зверьки — мышевидные грызуны. А среди мышевидных грызунов на первом месте мыши и полевки.

Мыши и полевки похожи друг на друга, но если рассмотреть их внимательно, разница заметна: у мышей туловище вытянуто, мордочка тоже вытянутая, хвост достаточно длинный (минимум половина длины туловища), покрыт чешуйками и редкими волосками. У полевок туловище достаточно кургузое, хвост короткий и покрыт густыми волосками.

Отличаются эти зверьки и по образу жизни: мыши питаются в основном семенами растений, собирая на зиму запасы в норках, полевки же поедают главным образом стебли, кору побегов, почки. Они деятельны и зимой, прокладывают под снегом ходы, запасов не делают (исключение — серая полевка).

Мышевидные грызуны осторожны, умеют двигаться совершенно бесшумно, ловко затаиваться и быстро убегать при опасности. Поэтому увидеть их нелегко, хотя считается, что в лесу на одном квадратном километре живет примерно 40 тысяч мышевидных грызунов. А английский ученый Ч. Элтон утверждает, что эта цифра явно занижена: по его мнению, по крайней мере 60—65 тысяч грызунов находятся на одном квадратном километре леса. Причем это не катастрофа, не «мышиная напасть» (во время массового размножения грызунов бывает гораздо больше), а нормальное количество.

Среди этого «нормального количества» наиболее типичные грызуны — лесная, желтогорлая и полевая мыши.

Полевая мышь живет на открытых пространствах, преимущественно в степной зоне, но нередко встречается и в лесах, где прекрасно себя чувствует. Лесная мышь любит светлые разреженные леса, но может жить и в безлесных пространствах. Она хорошо лазает, поэтому убежища устраивает не только под корнями, но и в дуплах деревьев.

Желтогорлая мышь (свое название она получила за яркое желтое пятно на груди) тоже может жить в безлесных пространствах, хотя по деревьям лазает еще лучше, чем лесная, и чаще селится в дуплах.

Вообще среди мышевидных грызунов много отличных древолазов. Например, в тропических лесах Индонезии живет обезьяновая мышь, которая очень много времени проводит на деревьях. А длиннохвостая мышь — обитательница тропических лесов Юго-Восточной Азии, Индии, Шри Ланка — вообще ведет исключительно древесный образ жизни. Ее длинный хвост (часто в полтора, а то и в два раза длиннее туловища) — прекрасный помощник в странствиях по деревьям и кустар-

никам: он служит мышам балансиром, им же мышь ловко цепляется за ветки.

Хватательный хвост имеется и у мышей, объединенных общим названием банановых. (Живут они в Австралии, на Новой Гвинее и на некоторых близлежащих островах). Хвост у них голый, покрытый чешуйками, выложенными наподобие мозаики, а на каждой чешуйке ровно по одному волоску. Мыши эти однажды очень смутили зоологов, которые обнаружили у них детенышей, висящих на брюхе. Уж не сумчатые ли это животные? Потом выяснили: детеныши висят на брюхе матери между сосков, крепко уцепившись за шерсть родительницы. Висят с недельного возраста и до двух-трех недель. Но и позже, научившись самостоятельно передвигаться и уже не нуждаясь в материнском молоке, они в случае опасности мчатся к мамаше и прячутся у нее на брюшке.

Банановые мыши обладают еще одной любопытной способностью — они вьют довольно большие круглые гнезда. Иногда жилища помещаются в земле, но чаще мыши подвешивают их на ветках кустов или даже в кронах деревьев.

Вообще многие мыши — большие «оригиналы». Например, у африканских жесткошерстных мышей действительно очень жесткая шерсть. А проживающие там же колючие мыши действительно имеют настоящие колючки. Удивительные у них и хвосты: голые и покрытые чешуйками, хвосты эти легко обламываются, как у ящериц.

В Австралии живут мыши, которые тоже поначалу смущали зоологов. У них длинные уши, очень длинный хвост с кисточкой на конце, и передвигаются они исключительно на двух задних ногах, чем напоминают миниатюрных кенгуру. Кроме того, эти мыши, которых так и назвали — кенгуровые, очень похожи на сумчатых мышей. И даже селятся часто вместе. Тем не менее это типичные грызуны и никакого отношения к отряду сумчатых не имеют.

И все-таки самая оригинальная мышь живет не в Африке и не в Австралии, а на Евроазиатском материке и распространена от Дальнего Востока до Пиренеев.

Мышь эта — настоящий чемпион по многим «видам»: во-первых, она лучше всех лазает по стеблям трав и злаков; во-вторых, она обладает самым «удобным» хвостом — это и прекрасный балансир, помогающий ей бегать по травинкам, так же как шест помогает акробатам бегать по проволоке, это и прекрасный якорь — мышь может крепко уцепиться им за любую веточку или травинку, это и отличная подпорка, когда мышь сидит на задних лапках; в-третьих, никто не потягается с этой мышью в искусстве гнездостроения: теплое и прочное, величиной с крупное яблоко, ее гнездо делается из «ниток», толщина которых от 0,5 до 5 миллиметров. Чтобы изготовить «нитки», мышь пропускает травинки между зубами и расщепляет их. И, наконец, четвертый «рекорд» — величина мыши: она самая маленькая среди грызунов и на втором месте вообще среди млекопитающих, меньше ее только землеройка — карликовая бурозубка.

А еще мышь эта — чемпион по густоте меха: ни у одного грызуна нет такого густого меха и таких тоненьких волосков: толщина их 35 микрон!

Называется этот грызун — мышь-малютка. Так назвал зверька знаменитый путешественник Петр Паллас,

открывший его в 1778 году во время путешествия по Сибири.

Если мышь-малютка — самая оригинальная, то самая знаменитая на земле мышь домовая. И не только потому, что все мы с детства читали сказки про мышек; не только потому, что эти мыши — один из постоянных персонажей в фольклоре многих народов; а еще и потому, что, как свидетельствует английский исследователь Роу, домовая мышь сейчас является самым распространенным млекопитающим на земном шаре. Она проникла высоко в горы и на острова, где почти нет людей и, кстати, совершенно не страдает от этого: хоть и домовая, а далеко не всегда привязана к человеческому дому. И если условия благоприятные, может жить «на воле». Кстати, в наших лесах или на полях можно встретить домовых мышей: одни там живут постоянно, другие переселяются лишь на какое-то время, а с наступлением холодов возвращаются в человеческие жилища. По наблюдениям профессора А. Н. Формозова, домовые мыши, выезжающие на «летние дачи», размножаются более интенсивно, чем остающиеся в домах постоянно. А одна из разновидностей домовой мыши, курганчиковая, — вообще типичный полевой житель.

Но все-таки основное место жительства домовой мыши — жилище человека: не зря же она названа именно так.

Сейчас уже невозможно определить, когда этот грызун стал нахлебником человека, — во всяком случае, очень давно. Наверное, задолго до того, как упомянул о нем Гомер. Ведь в гомеровские времена в Древней Греции мыши уже были так распространены и так вредили, что люди приносили в жертву богу Аполлону (который, кроме всех прочих титулов, звался еще и «мышатником», так как, по мнению греков, управлял грызунами) золотых мышей в надежде, что за эти подношения бог уймет свою прожорливую рать. Но бог не помогал древним грекам. Видимо, он был бессилен что-либо сделать, как были бессильны и многочисленные боги Древнего Египта, которые не могли спасти от грызунов главное богатство страны — зерно.

Мыши — вегетарианцы, хотя и не убежденные: они не откажутся и от сала, с удовольствием съедят кусок колбасы, но растительная пища — все-таки основная. Одна мышь съедает не так уж много — примерно грамма три в сутки. Но если учесть, что домовые мыши при благоприятных условиях могут размножаться по десяти раз в год, приносят каждый раз по 6—8 мышат, а молодые в месячном возрасте уже в свою очередь могут давать потомство, то легко понять, почему вред, приносимый этими маленькими, изящными и даже очень симпатичными на вид грызунами, так огромен. К этому следует добавить, что мыши не ограничиваются поеданием зерна, семян, а в домах — крупы, муки и других продуктов, они очень охотно грызут книги, ковры, мебель, музейные экспонаты, картины. В 1956 году французская газета «Фигаро» сообщила, что мыши в Лувре добрались до ценнейших полотен Тициана и ван Дейка, а в 1960 году итальянская газета «Стампа» писала: «Одна из причин наклона Пизанской башни в том, что ее веками подтачивают мыши. (Хотя башня и каменная, но мыши находят себе работу и там.)

Свою разрушительную работу мыши почти всегда ведут тихо. Иногда они подолгу живут рядом с

человеком, совершенно не обнаруживая себя, и только следы их деятельности говорят о присутствии грызунов. Однако в своем доме — где-нибудь в подполье или сарае — мыши такой уж тишины не соблюдают. Но порядок там царит полный: у каждой мышиной семьи есть свой участок, и границы его очень редко нарушаются. Когда семья увеличивается, молодые находят себе новые, никем не занятые участки. Если таких не оказывается рядом, откочевывают в соседние дома, а нередко — если свободных участков нет поблизости — уходят довольно далеко. Теоретически приплод одной пары в течение года может исчисляться десятками миллионов. И казалось бы, наша планета давно должна была бы погибнуть от грызунов. Но этого не происходит и никогда не произойдет. И не только потому, что мыши подвержены массовым заболеваниям и подавляющее большинство их гибнет от этого; и не только потому, что грызунов в огромных количествах уничтожают многие звери и птицы; и не только потому, что неблагоприятные условия часто препятствуют их размножению. Недавно выяснилось, что некоторые грызуны способны саморегулировать размножение: при большом скоплении у них увеличиваются надпочечники и выделяется особый гормон, замедляющий размножение. И наоборот, если грызунов становится почему-либо мало, надпочечники сокращаются, и размножение происходит нормально.

Это удивительное свойство (открытое лишь недавно и далеко не полностью еще изученное) помогает грызунам избежать перенаселения и гибели от голода, помогает им в короткое время пополнить свои ряды и до настоящего времени делает их во многих странах практически неистребимыми.

Все это во многом относится и к более страшным и опасным нашим соседям и нахлебникам — крысам.

Крысы, конечно, тоже не всегда были спутниками людей: ведь они гораздо «старше» человека — следы пребывания крыс находят в древнейших слоях земли, образовавшихся миллионы лет назад. И гораздо позже, когда уже появился человек, крысы, видимо, не очень стремились к соседству с ним — в пещере питекантропа не многим-то можно было разжиться — запасов у него не имелось, зато сама крыса могла превратиться в обед или ужин питекантропа.

И не только в каменном веке, а и сравнительно недавно крыс не было рядом с человеком: ни в Древнем Египте, ни в Греции, ни в Риме, когда уже там хорошо знали мышей, ничего не слышали о крысах. Считают, что история крыс как спутников человека насчитывает примерно всего одно тысячелетие. И за это тысячелетие сменилось три вида крыс.

Сначала была коричневая. Она прибыла, как полагают, из Аравии (хотя прародиной крыс считается Центральная Азия и Южный Китай) и быстро освоилась в Европе. Однако довольно скоро спокойная жизнь коричневой крысы кончилась: начиная примерно с XIII века в Европе стала появляться черная крыса. (Правда, некоторые ученые считают, что она попала в Европу гораздо раньше, просто была менее активна и заметна.) Но так или иначе, массовое появление черных крыс совпало с развитием мореплавания и со временем возвращения крестоносцев из походов: предполагают,

что в Европу они приплыли в трюмах кораблей. В Европе черные крысы нашли благодатную почву: захламленность и теснота городов, обилие подвалов и различных погребов, большое количество свалок, мусорных ям и тому подобных злачных мест — и стали быстро размножаться. Вскоре они уже не захотели терпеть рядом с собой соперников, то есть коричневых крыс. И в короткое время коричневая крыса была полностью уничтожена.

Затем черные крысы «принялись» за людей. В 1345—1350 годы в Европе вспыхнула чума — «черная смерть», которая, по свидетельству летописцев, унесла около 43 миллионов жизней. Больше четверти всего тогдашнего населения Европы погибло из-за того, что крысы разносили возбудителей этой страшной болезни.

В 1665 году полчища крыс наводнили Лондон. Новая вспышка чумы уносила примерно по 50 тысяч человек в месяц. Город настолько опустел, что даже центральные улицы заросли травой.

Люди по-разному пытались бороться с крысами. А. Брем писал, что еще в XV веке в одном из немецких городов был установлен специальный день молитв, чтоб избавиться от крыс. В другом городе епископ объявил крыс порождением дьявола, отлучил их от церкви и благословил всех верующих на борьбу с ними. За уничтожение крыс во многих городах выдавались специальные премии. Например, в XV веке во Франкфурте тем, кто приносил в городское самоуправление 5 тысяч крысиных хвостов, выдавалась особая «привилегия». Начали появляться первые профессионалы-крысоловы, которые впоследствии организовались в специальные цехи. Во времена Шекспира крысолов пользовался большим уважением и почетом.

Однако, несмотря на такие, казалось бы, действенные меры, количество черных крыс не только не уменьшалось, а становилось все больше и больше. Но вот в Европу прибыли новые грызуны — серые крысы (их еще называют пасюки, амбарные крысы, курако, щуры), и царству черной наступил конец.

Откуда и когда они попали в Европу — не совсем ясно. Долгое время считали, что серые крысы попали в Центральную Россию, а потом в Западную Европу из Заволжья. (А в Заволжье они пришли из Азии.) Эту теорию выдвинул Петр Паллас на основании рассказов людей, видевших, как в 1727 году полчища серых крыс переправлялись через Волгу в районе Астрахани. Теория Палласа долгое время не оспаривалась, хотя еще в книге крупнейшего зоолога средневековья Геснера, вышедшей в 1550 году, а затем в книге англичанина Джонсона, вышедшей через сто лет после книги Геснера, имеются рисунки серых крыс и указания на то, что их видели в Европе. Безусловно, это могли быть единичные экземпляры, передовые отряды или разведчики, которые еще не конкурировали с хозяевами — черными крысами, но факт, что они уже тогда были в Европе. Однако А. Брем, на основании собранных им данных, считает иначе и приводит хронологию расселения крыс по Европе: в 1732 году они были привезены из Индии в Англию, в 1750 году появились в Пруссии, в 1759-м обнаружили их во Франции, в 1780-м они расселились уже по всей Германии и только в 1809 году

появились в Дании и Швейцарии, а оттуда попали в Норвегию.

Так это или нет, сейчас сказать трудно, но факт остается фактом: серая крыса (получившая научное имя «норвежская») быстро расселилась по Европе. Поначалу серых крыс было немного и черные не препятствовали расселению пришельцев. Не препятствовали отчасти потому, что сами не очень агрессивны, а главным образом потому, что первое время у каждой крысы были свои «сферы влияния» — черные жили в основном в чердачных помещениях, серые занимали подвалы и ни на что другое не претендовали. Если же не было подходящих подвалов, рыли норы (впрочем, норы они даже при наличии подвалов роют и сейчас). Норы крыс имеют примерно 10 сантиметров в диаметре, с несколькими выходами и овальной камерой, где крыса отдыхает, выкармливает потомство и куда приносит пищу про запас.

Какое-то время крысы существовали бок о бок, и черная не подозревала, какой удар готовит ей ее родственница. А серая крыса усиленно «накапливала силы»: имея в год по 3—4 приплода, в каждом из которых было по 7—8, а то и по 15—18 крысят, она готовилась к бою. И вот наступил момент, когда серая начала решительное наступление.

Одержать победу серой крысе оказалось не так уж трудно: сыграли роль и величина, и физическая сила, и выносливость. Кроме того, серая более хищная по натуре и чаще нападает. И нападают серые группами, в то время как черные воюют в одиночку.

При таком положении серая могла бы полностью уничтожить черную, как та когда-то уничтожила свою предшественницу—коричневую крысу. Однако небольшое количество черных крыс все-таки уцелело.

Оставшиеся черные крысы серых не беспокоили: серые полностью стали контролировать положение, захватили основные источники питания. И кроме того, у серых крыс были более важные дела, нежели добивать остатки армии черных, — полностью захватив Европу, они начали покорять остальной мир. И это им удалось: в 1776 году серые крысы прорвались через Атлантику, появились в Северной Америке и быстро захватили весь континент. Затем сделали рывок в Южную Америку, но там встретили решительный отпор со стороны местных черных крыс. Тогда серые укрепились в прибрежной зоне и повели медленное наступление. По последним данным, сейчас они уже продвинулись в глубь материка на 200—300 километров и заняли ряд крупных городов.

На других материках и островах серые укрепились быстро. Еще в 1859 году Ч. Дарвин писал, что «мыши и крысы представляют теперь более широкое распространение, чем какой бы то ни было другой грызун».

Пожалуй, позже всего проникла серая крыса в Сибирь и на Дальний Восток — без крупных городов она не может обходиться, а в Сибири до XIX века таких поселений было не много.

Серая крыса продвигалась на восток по мере строительства транссибирской магистрали, по мере роста и развития сибирских городов. Особенно большое количество крыс хлынуло в Сибирь и на Дальний Восток во время русско-японской войны 1904—1905 годов. К 20-м годам нашего столетия они практиче-

ски полностью «освоили» новые районы.

Таким образом, примерно за три столетия серая крыса с помощью человека заселила почти весь мир.

Однако это вовсе не значит, что серая крыса, истребив черную, оказалась благодетельницей человечества: болезни, разносимые черной, не только не прекратились, но вспыхнули с новой силой.

Москвичи познакомились с чумой в 1770 году, когда она унесла 80 тысяч жизней. (В то время уже, по всей вероятности, господствовала серая крыса.) В это же время чума посетила Италию и Грецию. Дважды — в 1803 и в 1815 годах — вспыхивала чума в Константинополе, каждый раз унося около 150 тысяч жизней. С 1783 по 1844 год более двадцати раз вспыхивала эпидемия чумы в Египте.

В 1907 году только за одну неделю в Индии погибло 76 тысяч, а всего в Индии за время этой эпидемии погибло не менее полумиллиона человек.

Чума считается болезнью прошлого. Но и в середине XX века, и в наши дни, как заявил заместитель генерального директора Всемирной организации здравоохранения, остается потенциальная опасность эпидемии этой болезни. Конечно, сейчас принимаются все меры, чтобы избежать эпидемии, и тем не менее только в первой четверти нашего века в США было зарегистрировано 448 случаев чумы. В 1965 году в одиннадцати странах болело чумой почти полторы тысячи человек. С 1906 по 1925 год только в Гамбурге было уничтожено 650 крыс, зараженных чумой. А ведь каждая из них могла стать причиной эпидемии.

Крысы распространяют не только чуму, но и многие другие болезни, начиная с туляремии и кончая бешенством. От тифа, разносчиками которого тоже являются крысы, лишь за четыре века погибло не менее двухсот миллионов человек. Известно, по крайней мере, сорок опасных заболеваний, существованию и распространению которых способствуют крысы и мыши. (Некоторые ученые считают, что таких заболеваний, по крайней мере, в два раза больше.) И не случайно замечательный человек и замечательный врач Альберт Швейцер сказал: «Там, где обитают эти мерзкие твари — крысы, я не могу поручиться за сохранность здоровья людей, имеющих несчастье жить с ними под одной крышей».

Специалисты считают, что только от чумы погибло больше людей, чем во всех войнах, происходивших когда-либо на Земле.

А сколько людей погибло от других болезней, распространенных крысами? Но распространение болезней — не единственное преступление крыс перед человечеством. Американские ученые считают, что одна крыса в год уничтожает продуктов примерно на 10 долларов. Если учесть, что сейчас в США приблизительно 400 миллионов крыс, то убытки от них составляют около четырех миллиардов долларов в год. А количество этих грызунов не уменьшается: по официальным данным, например, в Нью-Йорке в 1950 году проживало 8 миллионов крыс, а в 1958-м — уже 9.

И ведь такое огромное количество крыс не только в США. Во Франции, например, по очень приблизительным данным, их около 10 миллионов, в Индии же число этих грызунов приближается к 6 миллиардам.

Крысы страшны и своей численностью, и своей прожорливостью.

И тем еще, что они практически всеядны. Причем крыса не умеет голодать — она должна быть все время сыта. Широко распространенное выражение «беден как церковная крыса» лишний раз подтверждает, что мы еще очень плохо знаем этих грызунов. Где бы крыса ни жила, пусть даже в церкви, где вроде бы нет никаких запасов,—она всегда «богата», она всегда живет хорошо. Плохо, бедно крысы жить не могут: даже двухдневный «пост» смертелен для них. Если же учесть, что в год одна крыса съедает 15 килограммов продуктов, необходимых человеку, и, кроме того, раз в 5—6 больше перепортит, и все это перемножить на 10 миллиардов (столько, по самым приблизительным подсчетам, живет сейчас крыс на Земле), то получится страшная цифра: только злаков — риса, пшеницы и так далее — крысы уничтожают в год 30—35 миллионов тонн. В общем, получается, что каждый пятый или шестой человек, занятый в сельском хозяйстве, работает на крыс.

Крысы уничтожают не только продукты питания. Они могут грызть доски и питаться травой, они прогрызают металл и съедают электроизоляцию. Однажды Нью-Йорк был погружен во тьму, потому что крысы перегрызли свинцовую оболочку электрокабелей и устроили короткое замыкание. Вообще американские специалисты считают, что каждый четвертый пожар, происходящий в США по неизвестным причинам, — это работа крыс, устраивающих короткие замыкания.

А сравнительно недавно в Японии на одной из важнейших магистралей на много часов было парализовано движение — крысы попортили изоляцию и вывели из строя систему сигнализации. Неоднократно крысы были виновницами разрушения плотин и дамб.

Трудно перечислить все, что едят крысы. Причем нередко едят самые неподходящие с нашей точки зрения вещи, хотя недостатка в «подходящей» еде не испытывают.

У крыс зубы постоянно растут (теоретически они могут отрасти за год на 127 миллиметров). И чтобы не погибнуть, крыса должна непрерывно стачивать зубы. Делает она это, стачивая зубы о зубы. Или она должна постоянно что-нибудь грызть. А это в свою очередь значит, что она все время что-то портит.

Борьба с крысами ведется давно и почти повсеместно. Мы не знаем, насколько людские старания снижают темп размножения крыс, но очень возможно, что без этих стараний крысы давно бы уже торжествовали победу над людьми. Тем не менее не только полностью уничтожить или хотя бы снизить их численность пока не удается — во многих странах не удается даже сдержать рост крысиного поголовья.

Конечно, в первую очередь спасает крыс их плодовитость. Но не только это.

На первый взгляд может показаться, что крысы очень неприспособленные животные. Ну, на самом деле: зрение у них слабое; слух тоже так себе, ниже среднего — чистых звуков крыса не слышит, а различает лишь шорохи; и цветного зрения у крысы нет; обоняние слабее, чем у многих других животных.

И тем не менее крыса прекрасно приспособлена к жизни.

Начнем с того, что, несмотря на свою всеядность и обжорство, крысы придерживаются точного, правильного и рационального пита-

ния — ни малокровия, ни ожирения, ни авитаминоза они не знают. Два американских ученых, наблюдая в лаборатории за питанием серых крыс, давали им одновременно различные продукты, богатые либо витаминами, либо жирами, либо углеводами, либо белками. Крысы могли выбирать что угодно и сколько угодно. И они выбирали такие продукты и в таких количествах, чтоб организм получал все нужные вещества в строго определенной пропорции, наиболее полезной для здоровья.

Рациональное питание сочетается у крыс с дисциплиной — они строго соблюдают закон границ колонии и стараются не нарушать их, ибо это может кончиться для нарушителя трагически.

Сравнительно недавно профессор С. А. Барнетт из университета в Глазго установил, что крысы могут погибнуть от стресса и стресс очень часто происходит как раз на чужой территории. Причем хозяин территории даже не прикасается к чужаку, а лишь начинает кружить около него, вздыбив шерсть и щелкая зубами. А чужак не пытается ни убежать, ни оказать какое-то сопротивление или хотя бы сделать вид, что готовится к бою, — он падает и лежит неподвижно, тяжело и прерывисто дыша. После этого хозяин территории может уйти по своим делам, затем вернуться и снова совершить ряд угрожающих пассов вокруг распростертого чужака, снова уйти, отдохнуть, опять вернуться — чужак будет лежать на том же месте. Длится это иногда час-полтора, а иногда и несколько часов (с перерывами), но финал всегда один: чужак, так и не сделав попытки спастись, погибнет.

Возможно, такое бывает не всегда и не со всеми, но Барнетт утверждает, что это происходит не только при нарушении границ. По утверждению английского ученого, среди самцов крыс существует строгая иерархия. Самцы как бы разбиты на три группы, или три категории. К первой относятся смелые и сильные — господа и повелители, и перед ними все трепещут, все унижаются, подлизываются к ним. Самцы второй категории тоже сильные, но трусливые. Эта трусость доводит самцов второй категории до того, что они иногда подползают на брюхе к самцу первой категории и вылизывают ему шкурку. Если же «второкатегорник» посмеет ослушаться — повелитель убьет его, как убивают чужаков, нарушивших границу: доведет до стресса.

Что же касается крыс третьей категории — слабых, несчастных, то они почти всегда обречены на преждевременную смерть: при любом удобном случае самец первой или второй категории доведет его до стресса.

Видимо, такие отношения избавляют крысиный род от слабых особей, постоянно улучшают его, способствуют выживанию и процветанию.

Ну, и наконец, способствуют выживанию доказанные опытами находчивость и сообразительность крыс. Крысы отыскивают дорогу в самых запутанных лабиринтах даже с завязанными глазами, даже с обрезанными вибрисами — волосками, которые помогают им ориентироваться в пространстве. Они распознают фигурки и рисунки и запоминают их, если понимают, что за узнавание положена награда. Многие легенды, которые рассказывают о сообразительности крыс, оказываются реальностью. Например, существовала легенда о том, как крысы транспор-

тируют куриные яйца в свои норы: одна из крыс, обхватив лапами яйцо, ложится на спину, а другие тянут ее за хвост до тайника. Недавно французские ученые сняли все это на кинопленку.

Рассказывали, что крысы способны добывать масло из бутылки с узким горлышком, опуская туда хвосты и потом облизывая их. Похоже на легенду. Но французский ученый Морис Кейн рассказывает об этом, как о факте. Правда, наблюдали за крысами, таскавшими таким образом масло не из бутылки, а из церковной лампадки. Но не только это поражает в крысах: по натуре своей крысы—исследователи, их страстно тянет, интересует все новое, все незнакомое. В то же время они очень подозрительны. Поэтому крыса постоянно ищет новое, а найдя это новое, относится к нему с величайшей осторожностью.

Существовали и другие легенды. Например, рассказывали, что крысы никогда не прикасаются к отравленным приманкам и не идут в ловушки.

Крысы действительно очень осторожны и очень наблюдательны. Заметив что-то мало-мальски подозрительное, они уже обходят ловушки, не притрагиваются к приманкам. Кроме того, как утверждает профессор Корр-Эрст, среди крыс часто находится «смертница», которая пробует отравленную приманку. Остальные крысы какое-то время выжидают и, лишь убедившись в том, что их подруга жива (или погибла), поступают соответственно обстоятельствам. Сейчас трудно сказать, насколько это типично для крыс, но французская исследовательница утверждает, что проверила это многократно.

Множество наблюдений, множество опытов, проделанных с крысами, все больше и больше убеждают ученых: эти животные обладают высокоорганизованным нервным механизмом, и он с лихвой искупает слабость зрения, слуха и прочие недостатки. Он, этот механизм, помогает крысам обмануть самого бдительного стража и пробраться на корабль, если вздумается попутешествовать и освоить новые земли; он дает возможность обмануть самого опытного крысолова, помогает запомнить то, чего следует опасаться. Этот высокоорганизованный нервный механизм помогает крысам приспосабливаться к самым различным условиям, помогает выстоять в самой жестокой схватке, делает современных крыс, как говорят ученые во многих странах, суперкрысами. А все это, вместе взятое, превращает крыс (не только серую, но там, где выжила черная, и ее) в сильных и опасных врагов человека.

Черные и серые крысы, конечно, не единственные представители крысиного племени. Сейчас зоологи насчитывают около 140 видов различных крыс. Одни из них — близкие родственники пасюка и черной, другие — не очень близкие, даже выделены в особые подсемейства, некоторые похожи и внешне и по образу жизни, некоторые сильно отличаются. Одни считаются вредными, другие живут вдали от человека, и их интересы не сталкиваются с интересами людей.

Так, например, косматая крыса, распространенная в Центральной и Южной Африке, живет по берегам водоемов и на болотах, питается болотной растительностью и к человеку, по сути дела, отношения не имеет.

А вот ржавоносая крыса, тоже живущая в Африке, но не на болотах, а в лесах и вблизи полей, имеет

двоякое отношение к людям: при значительном размножении приносит вред урожаю, но в то же время сама служит объектом охоты местных жителей — ее мясо высоко ценят африканцы.

В Австралии живут крысы, которые похожи на кроликов или на зайцев. Правда, у них длинные, совсем не кроличьи хвосты, но и на крысиные они не похожи: хвосты сильно опушены, а на концах — кисточки. И уши у этих зверьков совершенно не крысиные — длинные. Недаром же научное название их — «зайчики». Но есть у этих крыс и другое имя — их называют прутогнездными крысами, так как они сооружают свои дома из веток и прутьев. Этот небольшой зверек (длина его максимум 20 сантиметров) сооружает конусообразное жилище высотой чуть ли не в полтора метра и диаметром до шести метров.

Одна из самых крупных крыс (если не самая крупная) — бобровая. Она не очень близкий родственник пасюка и черной крысы и даже выделена в особое подсемейство. Этот грызун весит иногда почти полтора килограмма и имеет в длину 30—35 сантиметров (плюс такой же хвост), на лапах — перепонки, так как бобровая крыса много времени проводит в воде, где находит себе еду — моллюсков, раков, мелких рыб. На берегу она разнообразит свое меню растениями.

Бобровая крыса — животное редкое и нуждается в охране.

О полевках мы уже упоминали. Название этих зверьков не очень точное: казалось бы, полевка должна жить в поле. Но некоторые виды живут и в лесу. Среди них и красная полевка, населяющая леса Сибири и Северной Америки, и красно-серая полевка — житель только Восточного полушария. И самая известная — рыжая полевка, наиболее многочисленная в лесах Европы и Сибири. Она действительно ярко-рыжая, с характерным двухцветным хвостом — сверху темным, снизу белым. Эти грызуны объединены в группу лесных полевок.

Несколько видов полевок объединены в группу каменных. Они живут среди каменных россыпей, в горах, и считаются одними из самых высокогорных млекопитающих — их ловили на высоте почти 6 тысяч метров. Некоторые из этих полевок, подобно пищухам, делают запасы на зиму — срезают и сушат траву.

Среди полевок есть и такие, которые тесно связаны с водой. (В обиходе их называют водяными крысами.) Селятся эти грызуны по берегам водоемов и добывают в воде раков, моллюсков, насекомых и их личинок. На суше питаются растительной пищей. А так как селятся водяные полевки и рядом с человеком, то часто орудуют в садах, на полях и огородах. И нередко приносят серьезный вред. Особенно вредят водяные полевки зимой, когда им приходится переходить целиком на растительную пищу. В это время они поедают и портят клубни запасенного человеком картофеля, нередко проникают в овощехранилища.

Численность водяной полевки довольно высокая — в год у нее может быть до 6 пометов и в каждом по 4—8 детенышей. Время от времени происходит массовое размножение этих грызунов, и тогда они наносят особенно значительный вред.

Но большинство полевок все-таки соответствует своему названию: они действительно селятся на полях или лугах. Это серые полевки. Их примерно 60 видов, и самая извест-

ная — полевка обыкновенная. Именно ее норы чаще всего встречаются на поле — неглубокие, но длинные и переплетающиеся между собой галереи с несколькими десятками выходов. Общая площадь таких нор достигает 25—30 квадратных метров.

Полевка — зверек очень прожорливый: в сутки съедает столько, сколько весит сам. Но дело не в прожорливости, вернее, не только в ней: полевки еще и очень плодовиты. Правда, для представителей семейства мышиных это обычное явление, но полевки размножаются особенно быстро. Самка может давать до 7 выводков в год, а на юге — и до 10, причем размножаются эти грызуны и зимой и летом. В каждом выводке в среднем по 5 детенышей (а нередко и до 15), и в трехнедельном возрасте молодые могут уже участвовать в размножении. К счастью, подавляющее большинство молодых полевок гибнет, но тем не менее остается достаточно. Поэтому не удивительно, что в некоторые годы, когда для размножения полевок создаются особенно благоприятные условия, их вред очень ощутим.

Но среди полевок есть и такие, которых люди не только не уничтожают, но специально разводят и расселяют. Называются они ондатрами.

В прошлом веке в России этого зверя не было. И вообще в Европе мало знали об этом грызуне. Зоологи-то, конечно, знали. Не зоологи, возможно, кое-что слышали о маскрэте — мускусной крысе (у нее имеются пахучие железы, отсюда и название), которая заселяет болота Северной Америки — от Аляски до самых южных штатов. А богатые европейские модницы, очевидно, имели наряды из красивых шкурок маскрэта, которого еще тогда не называли ондатрой.

В начале нашего века об этом грызуне заговорили. И если в России он продолжал оставаться малоизвестным, то в Западной Европе маскрэта хорошо узнали.

Все началось с того, что некая княгиня, проживавшая вблизи Праги, пожелала иметь в своем имении этих зверьков. Из Канады были доставлены пять пар мускусных крыс и выпущены в имении княгини. Конечно, не только княгиня, но и вообще, пожалуй, никто не ожидал, что грызуны эти начнут очень быстро размножаться и столь же быстро расселяться. Сначала они проникли в Германию, и уже через несколько лет немцы объявили мускусной крысе войну. В Бельгии, Франции и других европейских странах, где к 30-м годам маскрэт вполне акклиматизировался, войну не объявили, даже одно время пытались разводить, но скоро поняли: грызун этот очень опасный, и забеспокоились—он начал вредить посевам вблизи водоемов, стал разрушать плотины и каналы, мешал прудовому рыболовству. Тогда грызуну объявили войну повсеместно (в некоторых странах ондатру и сейчас уничтожают как опасного вредителя, хотя ценность шкурки ее никто не отрицал и не отрицает).

И вдруг, когда вред грызуна стал очевиден всем, его решили завезти в СССР. Впрочем, конечно же, не вдруг — прежде чем решиться на это, советские ученые тщательно все взвесили, проверили, обсудили. Да, в густонаселенных странах Западной Европы ондатра (так стали называть этого грызуна в нашей стране) часто вредит человеку. Но ведь там нет ни одного свободного, как-то не использованного клочка земли.

А в Финляндии, например, где много озер и болот, она пришлась ко двору. Значит, дело не в самом зверьке, а в том, где он живет, то есть в природных условиях. В СССР озер и болот, где могла бы жить ондатра, не принося вреда, достаточно. Болотные крепи тянутся на сотни километров. К тому же имеются огромные запасы травянистых растений в водоемах и поблизости от них. Например, подводные луга многих озер могут производить почти до 50 тонн сырого органического вещества на гектар.

И вот в 1928 году на Большой Соловецкий остров в Белом море было выпущено несколько зверьков, привезенных из Финляндии. Другую партию выпустили в том же году на острове Карагинском вблизи берегов Камчатки. В следующем году выпустили уже около трех тысяч ондатр. А за 35 лет — с 1928 по 1963 год — более 230 тысяч ондатр было выпущено и акклиматизировано в 100 областях, краях и республиках нашей страны. И сейчас в СССР добывается несколько миллионов ондатровых шкурок в год.

Что же касается вреда, который приносит этот грызун, то о нем пока речи нет. Правда, имеются сведения, что ондатра прогоняет выхухолей от водоемов. Но это надо еще проверить. Что же касается остальной деятельности ондатры, то тут зверек этот заслуживает лишь благодарности.

Во-первых, ондатра постоянно расчищает дно, не дает зарастать водоемам. Без ондатры многие пруды и озера уже давно превратились бы в болота.

Во-вторых, ондатра вытесняет водяную полевку, сокращает ее количество, что является фактом положительным.

В-третьих, ондатра в больших количествах уничтожает жуков-плавунцов, которые губят рыбью молодь.

В-четвертых, она спасает не только рыбью молодь, но и взрослых рыб. Дело в том, что ондатра активна круглый год. И летом и зимой она добывает растения на дне водоемов. Летом это дело не сложное, зимой же плавать приходится подо льдом. Холода ондатра не боится — шкура теплая. Подо льдом страшно другое — отсутствие воздуха. Однако и тут ондатра приспособилась — в шкурке между волосками застревает большое количество воздуха. Когда зверек опускается в воду, капельки воздуха устремляются вверх, скапливаются подо льдом. Образуются своеобразные «кислородные баллоны». В случае необходимости ондатра может легко отыскать их и сделать несколько вдохов.

Кроме этих «кислородных баллонов», ондатры делают «продухи» — отверстия во льду — и постоянно следят, чтоб они не замерзали. Таким образом, заботясь о себе, ондатра обогащает воду кислородом и очень помогает рыбам.

Ондатры роют норы, если берег водоема крутой, и строят домики, если берег пологий. Домики куполообразные, высота их примерно полтора метра, диаметр такой же. Вход прямо из воды. Домики просторные, строят их ондатры тщательно: надо, чтобы и самим было удобно и чтобы многочисленное семейство поместилось в нем. А ондатры — родители многодетные и чадолюбивые: за лето у них бывает до трех пометов, а в каждом — по 6—7 детишек. Все лето живут родители с детьми бок о бок, к осени все дружно ремонтируют и утепляют домик и проводят в нем зиму. А весной молодые ухо-

дят. Одни, если есть возможность, селятся рядом, другие отправляются искать новые подходящие места. Иногда далеко, очень далеко приходится идти. Многие гибнут по дороге. Но те, кто уцелеет, отыщут удобное место, построят домики, и все начнется сначала.

Ондатры — бродяги относительные: могут путешествовать, могут, если необходимо, и остаться на месте. А вот их родственники — лемминги — прославились на весь мир именно своими путешествиями. Причем путешествиями до сих пор во многом загадочными для людей.

Лемминги — зверушки небольшие, сантиметров 10—12 в длину, с короткими ножками. Зимой благодаря густому и пушистому меху зверек становится похожим на шарик.

Зоологи разделили леммингов на три группы: лесных, которые живут в Сибири и похожи на лесных полевок, настоящих леммингов, отличающихся яркой пятнистой окраской, и копытных, у которых две особенности: на зиму они белеют и коготки у них на передних лапках превращаются в плоские копытца.

Зима — трудное время для всех животных. А вот леммингу зимой хорошо: в теплой шубе никакой мороз не страшен, в снегу, кроме того, и безопаснее. И с едой у лемминга нет проблем: копытцами разгребает снег до самой земли и отыскивает грибы, ягоды, стебли растений, в крайнем случае — мох, лишайники.

В снегу же лемминги сооружают свои гнезда — большие, шарообразные, сплетенные из сухих травинок. В таком гнезде уютно, мягко, тепло. И весело попискивают малыши. У леммингов в зависимости от вида обычно 2—3 помета в году (хотя в иные годы бывает 1—2, а иногда может быть 4—5).

Правда, и снег далеко не всегда спасает леммингов от их природных врагов: всюду отыскивает грызунов ловкий и вездесущий горностай, легко протискивающийся в туннели, сделанные леммингами. И песцы раскапывают снег, чувствуя присутствие леммингов чуть ли не на метровой глубине. Но все-таки снег очень часто спасает леммингов.

Весной жить этому грызуну гораздо хуже — сыро, гнезда заливает вода, негде укрыться от врагов. Летом — опять хорошо: лемминги роют норы или устраивают свои гнезда в каких-нибудь трещинах, расщелинах. И там у них снова появляются малыши. Ближе к осени — опять пополнение в семье леммингов. Осенью леммингов бывает много, нередко — даже очень много. Иногда из-за этого ничего не происходит, а иногда...

Еще Олаус Магнус — известный зоолог, историограф и картограф XVI века — был поражен необычным явлением — массовой миграцией леммингов. С тех пор об этом явлении много писалось, больше говорилось, а еще больше сочинялось легенд и необычных историй. А немецкий ученый Пайглер в XVI веке написал даже научный трактат, в котором доказывал, что лемминги во время сильных бурь выпадают из облаков.

Миграция леммингов — явление загадочное. Перед тем как отправиться в путь, зверьки испытывают сильное беспокойство, начинают быстро и беспорядочно бегать, затем вдруг дружно устремляются в одну сторону, и остановить их уже невозможно. Они идут вперед, невзирая ни на какие опасности, — форсируют водные преграды (гиб-

нут при этом в огромных количествах, хотя и умеют плавать), не обращают внимания на кружащих над ними хищных птиц. Если на пути окажется населенный пункт — проходят через него, не обходя, не сворачивая. Идут даже через города, как это было, например, в 1963 году в Швеции, когда лемминги наводнили город Эстерсунд и упрямо двигались по его улицам.

Иногда лемминги направляются в глубь материка, иногда — в сторону моря. Выйдя на берег, лемминги и тут не останавливаются — идут в воду и гибнут все до одного. Правда, случается, что некоторое количество наиболее выносливых зверьков добирается до какого-нибудь острова. Но это бывает далеко не всегда. Поэтому и существует легенда о массовом самоубийстве леммингов. В 1868 году норвежский пароход, шедший по фиорду, буквально с трудом выбрался «из сплошной массы леммингов, покрывавших всю поверхность бурных вод, так как их бесчисленные головки виднелись над волнами повсюду, насколько хватало глаз», — писал один норвежский натуралист, ставший свидетелем такого «массового самоубийства».

Известный французский ученый Реми Шовен отмечал склонность леммингов подражать себе подобным во время миграций: «Стоит одному броситься в ров, как за ним последуют другие, пока ров не наполнится до краев, подойдя к краю обрыва, они ринутся в пустоту или в море...»

Есть множество описаний миграции леммингов, есть множество интересных наблюдений, подсчитано, с какой скоростью движутся зверьки и сколько их гибнет во время пути. И еще многое уже известно о леммингах. Неизвестно лишь одно: что заставляет их пускаться в такой опасный и трудный путь, что движет ими в это время?

Один из крупнейших современных экологов Ч. Элтон пытался связать миграцию леммингов с появлением пятен на солнце — периодичность миграции грызунов совпадает с периодичностью смены солнечной активности. Но это как будто бы не подтвердилось. Во всяком случае, пока теория Элтона не принята. Немецкий натуралист Франк объясняет миграцию леммингов недостатком пищи в определенных местах. Однако и объяснение Франка не удовлетворяет других ученых. «Хотелось бы верить, — пишет по этому поводу Реми Шовен, — да сомнение берет, существует множество примеров миграции, в которых потребность в пище не играет никакой роли!»

Сам Шовен склонен предполагать, что миграцию грызунов можно было бы объяснить либо какими-то метеорологическими явлениями, либо массовым психозом, причины и сущность которого еще неизвестны.

Советский ученый С. И. Огнев выдвинул следующие причины миграции леммингов: предшествующее сильное размножение при благоприятных климатических условиях; недостаток кормов и убежищ, неуживчивость и злобность самих зверьков.

В последнее время стало известно, что в поведении леммингов огромную роль играет внутреннее состояние организма: недавно американский ученый Кристиани обнаружил, что накануне и в период миграции у леммингов сильно увеличиваются надпочечники, и повышающаяся их функция вызывает у животных беспокойство и изменение поведения. Однако и это не дает

окончательного ответа на загадку леммингов. Каждая теория, пытающаяся объяснить причины их миграций, имеет свои «за» и «против». Голод заставляет их путешествовать? Но почему же лемминги во время пути почти ничего не едят и многие умирают от истощения, хотя нередко еды по дороге встречается достаточно?

Климатические условия? Но подобные же условия бывают и в те годы, когда лемминги остаются на месте.

Повышение активности надпочечников? Но чем они вызываются? И является ли это причиной, а не следствием «запрограммированного» заранее путешествия?

В общем, до сих пор этот маленький грызун остается таинственным путешественником, и до сих пор им занимаются многие ученые разных стран. Ведь миграции леммингов имеют не только научный интерес, но и практическое значение. Зверек этот — важное звено в сложной цепи взаимоотношений животных тундры: лемминг является основной пищей всех хищников Севера. Особенно зависит от леммингов песец. Косвенно лемминги влияют и на других обитателей тундры: когда этих грызунов мало, хищники начинают уничтожать гнездящихся в тундре птиц, а совы начинают охотиться на перелетных, сокращая количество пернатых в районах, далеких от тундры. Так что лемминг недаром имеет такой важный вид: он будто понимает свою важность и ценность.

С хомяками, вернее, с золотистыми хомячками (из-за величины и добродушного нрава им скорее подходит уменьшительное или ласкательное название, что и признано официально) многие знакомы.

Эти симпатичные зверушки сейчас часто живут в клетках у нас в домах, их используют в лабораториях как подопытных животных. Но если мы будем судить о всех хомяках по этим зверушкам, то получим очень неверное представление о них.

Золотистые хомячки появились в поле зрения людей сравнительно недавно и имеют довольно занимательную историю.

В 1839 году где-то в Аравийской пустыне было поймано несколько этих маленьких зверушек, и чучела двух из них поместили в музеях Лондона и Бейрута.

С тех пор в течение почти столетия в природе этих хомячков найти больше не удавалось. И ученые решили, что зверек этот вымер. Но вот в 1930 году примерно в тех же местах снова была найдена хомячиха с выводком. В Англию доставили трех зверушек, и вскоре хомячки начали размножаться. Их разводили как представителей «живых ископаемых», и никто не предполагал, что довольно скоро эти хомячки станут настолько распространенными, что начнут вытеснять из лабораторий традиционных белых мышей и морских свинок. Золотистые хомячки, как и все грызуны, очень плодовиты, легко привыкают к любым более или менее подходящим условиям (была бы еда и не было бы мороза!).

Но, конечно, не золотистые хомячки являются основными представителями семейства хомяковых.

Жители Западного полушария, возможно, сказали бы, что основные представители хомяков — так называемые рисовые крысы, широко распространенные от юга США до Аргентины и Чили. Свое название грызуны получили за то, что однажды один из видов этих хомяков, сильно размножившись, проник на

рисовые поля на юге США и нанес огромный урон урожаю. Но название не точное: нападение на поля было, в общем-то, явлением не типичным для этих грызунов — живут они, как правило, в заболоченных местностях, питаются дикой растительностью и мелкими беспозвоночными. Что же касается названия «крысы», то они действительно внешне напоминают крыс.

Но возможно, жители Западного полушария назвали бы в первую очередь не рисовых крыс, а скажем, полевых хомячков, распространенных от Канады до Колумбии и Эквадора.

А вот жители высокогорных районов Южной Америки, безусловно, отдали бы предпочтение листоухому хомячку — зверьку с большими ушами (за что его еще именуют ушастым) и красивой шкуркой (за что его нещадно истребляют, хотя забрался он высоко в горы — на высоту 4—4,5 километра).

От Южной Канады до Северной Мексики распространен еще один любопытный хомяк, тоже неточно названный — скорпионовым. Существует поверье, что этот грызун специализируется на уничтожении скорпионов. Действительно, хомяк при случае может съесть скорпиона, но специально не отыскивает их. Вообще же он питается мелкими позвоночными (растительностью лишь постольку-поскольку) и этим отличается от многих грызунов.

Мир хомяков в Южной и Северной Америке достаточно разнообразный, чего нельзя сказать об Азии. Среди азиатских хомяков, пожалуй, стоит выделить мышевидного. Он действительно очень похож на домовую мышь, но отличается от нее внешне сильно опущенным хвостом с кисточкой на конце. Обитает мышевидный хомяк в горных пустынях и полупустынях.

Где-то поблизости можно встретить и джунгарского хомячка — одного из самых маленьких и самых симпатичных грызунов.

Ну, а в Европе, в Сибири и Казахстане наиболее распространен хомяк обыкновенный. У этого обыкновенного хомяка много необыкновенного. Во-первых, незаурядная внешность. Он довольно крупный — до 30 сантиметров — и весьма привлекательный — с симпатичной шкуркой и добродушной мордочкой. Во-вторых, его добродушие весьма обманчиво — хомяк достаточно отважный, может не только защищаться, но при необходимости и нападать. Обманчива его неуклюжесть, этакая внешняя леность. На самом деле хомяк — трудяга, роет глубокие (до 2—3 метров) норы с многочисленными отнорками, галереями, кладовыми и гнездовыми камерами. В этих гнездовых камерах у него появляется потомство, которым он выделяется даже среди обычно многодетных грызунов: за лето у хомяков бывает 2—3 помета и в каждом может быть до 20 детенышей. Любопытно, что хомячата быстро растут, и уже в двухнедельном возрасте начинают копать собственные отнорки.

О трудоспособности хомяка мы можем судить по тому, что в кладовых своих он делает запасы, которые как правило достигают 20—30 килограммов, но иногда бывает и 90. Запасы — обычно это зерно, кукуруза, картошка, морковь — хомяк доставляет в нору в защечных мешках. В каждом мешочке помещается примерно граммов по 25. Значит, за один раз хомяк может доставить граммов 50, не больше. Не трудно подсчитать, сколько рейсов

ему надо сделать, чтобы в кладовой оказалось 20 килограммов. А если там запасено 90? Нет, к сожалению, хомяк не лентяй. К сожалению, потому что его активность и прожорливость доставляют людям много неприятностей.

Семейство Бобровые. О бобрах, точнее, об их судьбе мы уже говорили. А сейчас поговорим об их жизни. И прежде всего о том, что с давних пор людям бросалось в глаза, благодаря чему бобров уважали и даже поклонялись им, — об их работоспособности и строительном искусстве.

Едва обосновавшись где-нибудь, бобры сейчас же начинают строить. Жизнь их не просто связана с водой. Именно в воде они чувствуют себя свободно и находятся в гораздо большей безопасности, чем на суше. Поэтому жилища они себе строят у самой воды. И бывают эти жилища двух видов: если берег крутой, то бобры роют норы, если берег пологий — из веток и сучков, цементируя их глиной и илом, — строят хатки. Но и в том и в другом случае выход из жилища находится под водой. Ход из воды идет наклонно вверх и заканчивается просторным помещением, где бобры проводят большую часть времени. Там тепло, сухо, а главное — безопасно. И дверь в дом надежно «заперта»— закупорена водой. А в воде у бобров врагов нет. Стоит такой домик не один год — бобры не склонны менять квартиры. Лишь регулярно ремонтируют они свои хатки, подновляют, а если надо, и надстраивают — многоэтажные жилища бобров не редкость. В одном из американских заповедников имеется бобровая хатка высотой в 13 метров. Конечно, таких небоскребов очень мало. Чаще многоэтажные хатки имеют в высоту метров 5—6 (обычная высота их 2—3 метра).

Когда жилище готово, бобры приступают к сооружению плотины. Сначала делают на дне небольшой валик и отмечают его колышками. Потом посреди реки начинают возводить островок. Материал для строительства плотины используется тот же, что и на строительство домиков, но более разнообразный по «номенклатуре»: тут и толстые ветки, и тоненькие прутики, и крепкие колья, и даже, если надо, стволы деревьев. Поначалу толстые колья, жерди, ветки и прутья втыкаются в дно водоема или переплетаются между собой. Промежутки между ними бобры заполняют илом, все время уминая, утрамбовывая его. Древесный материал бобры приносят с берега, ил тоже иногда приносят с берега, неся его в передних лапах и забавно переваливаясь на задних, а иногда достают его со дна и несут во рту.

Когда плотина готова, бобры еще надстраивают ее, затем начинают заделывать все щелочки, будто знают, что даже маленькая течь может рано или поздно стать причиной гибели сооружения.

Обычно плотины бобров бывают до нескольких десятков метров в длину. Но изредка могут быть и очень большими. Например, в одном из штатов США имеется бобровая плотина, высота которой почти 5 метров, а длина 700. Но это, правда, рекорд.

О прочности плотин можно судить хотя бы по тому, что когда в Канаде бобры перекрыли реку, снабжавшую водой поля, и плотину потребовалось разрушить, сделать это смогли лишь при помощи сильного заряда взрывчатки. Однако

бобры очень скоро восстановили плотину, и война между ними и людьми продолжалась довольно долго. И неизвестно, чем бы она кончилась, если бы не нашелся какой-то компромиссный выход.

Плотина для бобров — сооружение очень важное. Во-первых, благодаря плотине поднимается уровень воды и закрывает входы в жилище, во-вторых, плотина дает животным «жизненное пространство»: одно дело плавать в маленькой и мелкой речушке, другое — в глубоком и просторном пруду.

Бобры тщательно следят за состоянием плотин и, если требуется, в любое время дня или ночи бросаются чинить ее.

Каждая семья занимает собственную хатку или нору и имеет определенную территорию, границу которой другие бобры не нарушают. Лишь во время сильной жары, когда водоемы мелеют, или во время весеннего половодья, когда заливает норы и хатки, бобры перестают соблюдать границы территории и вся колония может собраться вместе. В остальное время члены одной семьи с членами другой семьи общаются редко.

Пары бобры образуют прочные, долго не распадающиеся. Они — заботливые родители и детенышей от себя долго не отпускают. Поэтому в семье живут бобрята и прошлого и текущего года. Обычно у бобров 6—8, иногда 10—12 членов семьи.

Весной появляются на свет 3—5 зрячих, покрытых шерсткой и даже имеющих зубки бобренка, а уже через два дня они стремятся выбраться из гнезда. Поэтому, зная беспокойный нрав своих потомков, бобриха, уходя из дому, тщательно закупоривает выход, чтобы бобрята не могли выбраться наружу.

Малыши растут быстро, и недели через три вместе с родителями отправляются на кормежку. Бобры — животные растительноядные, и пищей им служат, как недавно подсчитали ученые, более трехсот видов растений. Однако предпочитают бобры сочные стебли кубышки, кувшинки, водяных лилий, ириса, любят также обгладывать кору осины и ивы.

Летом бобры часто живут поодиночке, устраивая себе временное жилье, и кормятся каждый на своем участке, не мешая друг другу. Ближе к осени семья снова собирается вместе и дружно начинает делать запасы корма на зиму. Заготавливают бобры исключительно древесный корм: чурки «распиленных» стволов, ветки осины и ивы. Бобры не впадают в зимнюю спячку, поэтому, чтобы зимой не голодать, они в зависимости от величины семьи заготавливают кубометров 20—30 или 60—70 древесины. Заготовить столько древесины бобрам не трудно. Дерево толщиной в 5—7 сантиметров они спиливают за две минуты, толщиной 30—40 сантиметров — за 15 минут. При необходимости бобр может свалить дерево толщиной в метр. Поваленное дерево бобр аккуратно разделывает — распиливает на чурбаки, обгрызает ветки. Часть коры обгладывает тут же, остальное оставляет про запас. Дотащить корм до водоема, если заготовки ведутся в сотне-другой метров от берега, нелегко. Поэтому бобры строят каналы специально для того, чтобы по ним сплавлять зимние запасы.

Бобры прекрасно приспособлены для жизни в воде и у воды. Они умеют нырять, не показываясь на поверхности 15 минут. У них так устроены губы, что позволяют

грызть в воде и не захлебываться. Нос и уши, чтобы в них не попала вода, прочно запираются особыми мускулами. На ногах у бобра имеются перепонки между пальцами, а хвост — вообще универсальный инструмент. Это и руль во время плавания, это и сигнальное приспособление — во время опасности бобры хлопают хвостом по воде, как бы предупреждая этим звуком остальных; хвост же служит бобру «стулом» — подгрызая дерево, бобр упирается в ствол передними ногами, а сидит на задних и на хвосте. Недавно стало известно, что хвост у бобра еще и терморегулятор: он голый и снабжен большим количеством кровеносных сосудов, которые в жару расширяются и, легко пропуская кровь, охлаждают одетого в теплую шкурку зверька.

Есть еще немало интересного в жизни бобров. Многое люди уже знают. О многом еще только догадываются и стремятся узнать как можно больше про этих замечательных животных, которые, как писал Серая Сова, «умеют говорить и работать, и живут в своих собственных городах».

Семейство Беличьи. Наш парад беличьих откроют не белки, а совсем не похожие на них зверьки: толстые увальни с короткой шеей, маленькими ушами и сильными толстыми лапами. Это сурки.

Сурки — звери крупные. Правда, не такие, как бобры, но 60—70 сантиметров длины и 9 килограммов веса для грызуна — данные вполне приличные. Живут сурки (их несколько видов) в степях и горах Евразии и Северной Америки и в основном похожи внешне и образом жизни.

В нашей стране чаще всего встречается сурок обыкновенный, он же степной сурок, он же — байбак. Он действительно «типичный обитатель степи», как писал профессор С. И. Огнев. И о его присутствии в той или иной местности легко узнать по так называемым бутанам, или сурчинам, — холмикам земли, которую, сооружая нору, зверек выкидывает на поверхность. Бутаны бывают довольно высокими, больше метра, и в поперечнике могут достигать и 18 метров. Обычно сурок устраивает не одну нору, а несколько (летнюю, зимнюю, защитную, и каждая имеет от 2 до 8 метров глубины). Если же все-таки у сурка нора одна (и такое бывает), то протяженность ее ходов, не считая различных камер, составляет более 60 метров. Не удивительно, что зверек выбрасывает на поверхность десятки кубометров земли.

Норы суркам очень нужны — поговорка «спит как сурок» справедлива: эти зверьки проводят во сне 9/10 своей жизни. А то время, когда бодрствуют, проводят в основном за едой. Эти толстяки — настоящие гурманы: грубую пищу не едят. Едят только нежную — стебли молодых растений, цветы, луковицы, молодые корневища. Всего сурки поедают до ста видов растений, но на каждое время года, точнее, даже на каждый месяц у них свое определенное меню, а на каждый день определенная порция — килограмм-полтора зеленой массы. Плюс некоторое количество животной пищи — насекомых и моллюсков, которых зверек поедает вместе с травой.

Сурок ест много, будто знает, что впереди его ждет длительный пост. Впрочем, от голода он не страдает — за весну и за лето успевает накопить жир, которого ему вполне хватит на всю зиму. И еще останется.

Спит он глубоко, не просыпаясь, даже не переворачиваясь на другой бок, и энергии расходует очень мало (в это время он делает всего 2—3 вдоха-выдоха в минуту, сердце бьется со скоростью 5—6 ударов в минуту, в то время как летом оно делает 100—140 ударов). Поэтому весну сурок встречает не истощенным, как другие звери.

Сурки зимуют семьями, иногда даже несколько семей собираются в одной норе. А весной у сурчих появляются малыши. Сурчата рождаются не только голыми и слепыми, но и очень маленькими: весят в 100 раз меньше мамаши. Не удивительно, что и сосут они молоко очень долго по сравнению с другими грызунами — месяца два. И потом, уже подросшие, никак не могут начать самостоятельную жизнь, — даже уйдя из собственного дома, они пристраиваются к какой-нибудь «пожилой» сурочьей семье, откуда ушли молодые и тоже пристроились к какой-нибудь «пожилой» супружеской паре. Так и зимуют молодые у чужих родителей, а их родные папаши и мамаши в это же время пригревают у себя приемышей.

А ведь молодых никто не гонит из дому. Сурки вообще зверушки мирные и даже веселые. Любят возиться, играть друг с другом, особенно молодые, с соседями уживаются хорошо, частнособственнических инстинктов не имеют, кормятся сообща, не разделяя общие пастбища на индивидуальные кормовые участки. Так им удобнее и безопаснее. Время от времени то один, то другой сурок, а то и несколько сразу поднимаются на задние ноги и подолгу стоят столбиками, внимательно оглядывая окрестности, и уж кто-нибудь (зрение у них хорошее) заметит приближающегося врага и предупредит громким криком: будьте внимательны, приближается что-то подозрительное. Тут же вся колония настораживается. А затем кто-то разглядел, какая именно это опасность. И в мгновение городок вымирает—сурки забиваются в свои норы.

Сурки живут не только в степях — некоторые приспособились жить в таких суровых краях, как Северная Якутия, например. Мех у сурков, правда, теплый — издавна ценился и до сих пор высоко ценится (за что зверьков этих усиленно истребляли), но тем не менее жить зверькам на берегах Колымы и Лены нелегко. Например, стенки зимовочных нор им приходится оштукатуривать глиной, смешанной с травой, делать очень толстую подстилку и выход закупоривать очень толстой травяной пробкой. Зимой собираются в одной норе по 20—30 зверьков.

Живут сурки и в горах. К горным жителям относятся довольно редкие сейчас альпийские сурки, о которых Гейне написал трогательные стихи, а Бетховен положил их на музыку. В горах живут и сурки Ме́нзбира — это не только самые редкие сурки, но и вообще одни из самых редких млекопитающих на Земле: сурков Мензбира до сих пор нет ни в одном зоопарке.

Сурок Мензбира, самый маленький из сурков, живет лишь в одном месте на Земле—в горах Западного Тянь-Шаня, на территории примерно в 2 тысячи квадратных километров. Он очень малочислен, и численность его продолжает сокращаться. Впрочем, количество других сурков (например, лесных и желтобрюхих) тоже сокращается — их уничтожают и ради ценного меха, и ради мяса, которое употребляют в пищу, и ради жира, который используется в

медицине и технике. А кроме того, все меньше и меньше остается нераспаханных земель, где живут степные сурки. И есть опасность, что этот очень симпатичный грызун (кстати, молодые зверьки легко приручаются) может полностью исчезнуть.

Но если сурки могут исчезнуть, то суслики, несмотря на активную борьбу с ними, продолжают во многих местах благоденствовать. Этот небольшой зверек не только серьезный вредитель сельскохозяйственных культур, но и часто является носителем опасных заболеваний.

Сусликов на Земле около 20 видов. Из них в СССР живет около 10. Наиболее распространенные — серый, желтый, большой, малый и крапчатый. Все они роют норы, на зиму залегают в спячку, все они питаются растительной пищей, и если сусликов много, ущерб может быть очень значительный. Например, сравнительно недавно более 10 миллионов сусликов наводнили поля американского штата Колорадо и довели многих фермеров до полного разорения.

Но если к суслику отношение почти всюду отрицательное (и это справедливо), то зверек, который сейчас пройдет перед нами, пользуется всеобщей любовью (и это тоже справедливо). Веселый, изящный, он очень оживляет наши сибирские, дальневосточные и северные леса. (За пределами нашей страны он живет в Японии, Северной Монголии, Китае, а также в Северной Америке.) Его легко узнать по продольным полосам, хорошо видным на светло-сером или рыжем фоне, и по пушистому хвостику. Глазки у него живые, блестящие. Называется он — бурундук. Увидать в тайге бурундука нетрудно. Зверек этот очень любопытный и не особенно пугливый. А весной можно и услышать «пение» бурундука: подыскивая себе парочку, он тоненько и нежно посвистывает, как бы говоря: «Вот он я, а где ты?» В другое время бурундук не свистит, но кричит часто.

Нору бурундук устраивает на земле — она довольно длинная, с отнорками, «уборными», с комнатами разного назначения. Иногда, правда, жилище может быть и в дупле. Но все-таки большей частью он поселяется под корнями деревьев или под поваленным стволом. Там в начале лета у бурундучихи появляется 4—6 крошечных бурундучат. Мамаша нянчится с ними довольно долго. Продолжает опекать их и тогда, когда бурундучата уже подрастают, самостоятельно отыскивают пищу. В это время мамаша очень озабочена безопасностью своих чад — она постоянно начеку, все время внимательно поглядывает вокруг и характерным цыканьем предупреждает об опасности. Тогда вся семейка быстро скрывается в норе (мамаша, конечно, последняя).

В середине лета семья распадается: каждый устраивает себе собственное зимнее гнездо и начинает делать запасы на зиму. Упорно и неутомимо таскает бурундучок в своих защечных мешках орешки, предварительно очистив их от скорлупок (в каждом защечном мешочке помещается по двадцать кедровых или по два лесных ореха). Съев мякоть ягоды шиповника или смородины, бурундук аккуратно собирает семена и тоже несет в кладовую. Носит семена липы, семена различных злаков, желуди. За два-три месяца трудолюбивый бурундучок соберет килограммов пять, а то и все десять. Однако он не просто свали-

вает в кучу свои запасы — все аккуратно сортируется, раскладывается по какому-то, понятному лишь бурундуку, принципу.

Большую часть зимы бурундук спит. Причем спит очень крепко: частота дыхания его в это время сокращается до двух вдохов в минуту, а температура понижается до 3—8 градусов. Увидишь такого зверька и подумаешь: окоченел бедняга! А он всего-навсего спит. Однако такой крепкий сон не мешает зверьку время от времени просыпаться. Проснувшись, бурундук отправляется на свой склад, хотя похоже, что идет он не подкрепляться после сна, а проверить свои запасы. Убедившись, что с ними все в порядке, и съев несколько орешков, бурундучок опять отправляется на боковую. Поэтому запасы его остаются до весны. Весной бурундук просушит их на солнышке и доест.

Запасы для бурундука важны не столько зимой, сколько именно весной. Во-первых, весной еще голодно в лесу, а во-вторых, в это время бурундукам некогда искать еду — они обзаводятся семьями и носятся по лесу, оглашая его звонким свистом, будто сообщая всем: вот, мол, наконец пришла долгожданная весна!

Бурундуки — зверушки резвые, забавные, и многие хотели бы держать их в своих квартирах. Стоит ли держать лесного, дикого зверька в клетке (а без клетки очень хлопотно, да и удерет он из квартиры рано или поздно) — сомнительно. Во всяком случае, необходимо помнить: зверек этот сам по себе безобидный, но в то же время может быть разносчиком тяжелых заболеваний — туляремии, клещевого энцефалита и некоторых других.

Нельзя закончить рассказ о бурундучке, не отметив одной его удивительной особенности: он служит прекрасным барометром. За несколько часов до дождя, сидя на задних лапках где-нибудь на пенечке, бурундуки издают совершенно особые звуки. Грустно кричит бурундучок, видимо, очень не любит он ненастную погоду.

Ну вот наконец и наступила очередь зверьков, которых все знают. Древние греки называли их скиуридами (от греческих слов «скиа» — «тень» и «аура» — «хвост»). Заметив, что зверек этот часто поднимает хвостик над головой, люди решили: он служит зверьку чем-то вроде зонтика от солнца.

Хвост, конечно, не служит зверьку зонтом, но играет в его жизни большую роль. А для нас этот хвост служит своеобразной «визитной карточкой» зверька (как горб у верблюда, хобот у слона, рог у носорога) и придает ему особое обаяние в наших глазах.

Мы называем этого зверька белкой, хотя он не белый, а серый зимой и рыженький летом. Может, зверек назван так потому, что зимой на темном фоне ствола резко выделяется? А может, потому, что и зимой и летом у него белое брюшко? Или, может быть, потому, что добывали шкурки этого зверька лишь зимой, когда вокруг все побелело?

Но как бы там ни было, а нашу белку белой не назовешь. Однако белые белки все-таки существуют. Живут они в Юго-Восточной Азии, Индонезии, на Филиппинах. И называются прекрасными белками. Они действительно прекрасные. Белые, и кремовые, и почти черные белки живут не только в лесах, но и в садах, парках. В неволе они быстро привыкают к человеку и становятся совершенно ручными.

Белок на земном шаре очень мно-

го. И распространены они очень широко—нет их только в Австралии, на самом юге Южной Америки, на Мадагаскаре и в Гренландии. И имеют белки самую разнообразную окраску. Например, солнечные белки, живущие в африканских лесах и саваннах и прозванные так потому, что очень любят принимать солнечные ванны, бывают и коричневыми, и почти черными, и даже зеленоватыми. А пальмовые белки, распространенные преимущественно в Индии и Шри Ланке, — даже полосатые, по коричневому фону вдоль спины у них идут яркие, светлые полоски. Полоски на спине или светлые черточки на боках есть у белок, которые так и названы — полосатые. Эти грызуны объединены в довольно большую группу и живут в Африке. Причем населяют они и густые леса, и редколесье, и саванны, прекрасно чувствуют себя в горах. Они называются скалистыми. Скалистые белки — небольшие зверьки, очень разнообразно и причудливо раскрашенные.

Внешне белки отличаются не только окраской: среди них есть и великаны, такие, например, как ратуфы, — некоторые виды достигают полуметровой длины (такой же хвост) и весят килограмма три, что, впрочем, не мешает им жить высоко на деревьях и совершать 6—7-метровые прыжки. Белки-гиганты живут в Азии. А белки-карлики (мышиные белки и белки-крошки — вес их меньше 10 граммов) обитают в густых лесах бассейна реки Конго и на островах Индонезийского архипелага.

Разные природные условия, в которых существуют белки, естественно, отразились на их образе жизни. Одни, например, почти никогда не покидают деревья, другие, наоборот, много времени проводят на земле. Одни активны только ночью, другие только днем, а третьи могут быть активными круглые сутки. Одни проявляют общественные наклонности и живут компаниями, другие предпочитают одиночество. Но очень во многом образ жизни белок сходен. Гнезда они устраивают, как правило, на деревьях или в кустарниках, питаются растительной пищей, но не пропустят и насекомых, мелких пресмыкающихся, птичьи яйца или птенцов. Почти все они — прекрасные прыгуны и древолазы. На белок всюду охотятся: на одних — из-за очень красивого и ценного меха, на других, если мех ценности не представляет (обычно такие белки живут в жарких странах), — ради мяса, которое ценится местными жителями.

Однако основную известность белки приобрели все-таки как пушные зверьки. И тут, конечно, на первом месте белка обыкновенная, та самая, с которой мы начали разговор.

Раньше на Руси белку звали «бело», а чаще «векша». Добывали векш в огромном количестве и для себя, и для продажи за границу. Там этот зверек официально назывался русской белкой, потому что только в России живут белки с таким красивым мехом. Правда, красивы шкурки белок не всегда. Во всяком случае, с точки зрения специалистов-меховщиков. С нашей же точки зрения, белка, наверное, красива всегда: и летом — когда она рыжая и кажется немного отощавшей, с жиденьким хвостиком, и зимой — в роскошной шубе с пышным хвостом. Ведь красота белки не только в ее шкурке. Этот зверек изящен, когда бежит по стволу, грациозен, когда пробегает по тонкой

ветке. Он кажется совершенно невесомым, когда перескакивает с дерева на дерево, и очень забавен, когда, сидя на задних лапках и держа в передних шишку, обрабатывает ее буквально в считанные минуты. (Еловую распотрошит за три-пять минут, а сосновую — за минуту-полторы.)

Рыжих белок мы видим, конечно, чаще. Во-первых, потому, что летом чаще бываем в лесу. Во-вторых, потому, что летом белки гораздо хлопотливее и активнее, чем зимой.

Летом у белок много дел и забот. Еды, правда, хватает. Но белка думает и о зиме: по нескольку килограммов орехов и грибов запасает она, причем среди них не бывает ни одного гнилого или червивого. Правда, некоторые биологи утверждают, что распознавать червивые орехи молодые белки не умеют. Это приходит только с опытом. Но другие считают, что дело тут не в опыте, а в чутье. А чутье у белок очень тонкое — зимой они могут почувствовать орехи, находящиеся под снежным покровом толщиной в метр.

Но заготовка запасов на зиму — только часть летних беличьих забот: молодым надо позаботиться о собственном гнезде, взрослым — подготовить к зиме старые гнезда.

Гнезда белки устраивают либо в дуплах, соответственно оборудовав и утеплив их, либо делают «гайно» — сплетенный из веток, проконопаченный мхом и сухой травой, немного приплюснутый шар. В таком гнезде белка проводит большую часть зимних дней и ночей.

Дважды в год — весной и летом — в гнездах появляются 3—5—10 голеньких слепых бельчат. В это время у белок-мамаш трудная жизнь. Бельчат надо кормить, но и сама мамаша не может голодать. А бельчата постоянно требуют внимания, они мерзнут даже в жаркие дни, и их все время надо согревать. Поэтому гнездо самка покидает ненадолго и, уходя, тщательно укрывает детишек или даже зарывает их в мягкую подстилку. Но и это не все: в гнездах белок много паразитов-кровососов, и малыши очень страдают от них. Поэтому время от времени мамаша перетаскивает свое потомство в другое, заранее приготовленное гнездо, а потом в третье и, может быть, даже в четвертое.

Сначала бельчата смирно сидят в гнезде — очень боятся высоты. Месяца через два-три они уже лихо скачут по веткам, но остаются еще типичными детьми — веселыми, шаловливыми и очень доверчивыми. Взрослыми белки становятся лишь в годовалом возрасте.

Белки — отличные верхолазы и акробаты, не случайно А. Брем сравнивал их с обезьянами. Однако белки гораздо более приспособлены к жизни на деревьях, легче перелетают с ветки на ветку, а хвост служит и парашютом, если надо, и рулем, при помощи которого зверек может изменить направление полета. Чувствительные волоски — вибрисы, которые у других животных обычно находятся на морде (мы называем их усами), у белок расположены и на голове, и на ногах, и на брюшке. Благодаря этим вибрисам белка чувствует дерево как бы всем телом.

Белки — непоседы. Но далеко от гнезда не уходят. Лишь иногда отправляются они в длительные путешествия. Но делают это не от хорошей жизни. Вряд ли кто-нибудь по доброй воле отправится из родных

лесов, особенно если зверь к этим лесам привязан, в неизведанные края. А белки отправляются. Причем идут очень упорно, не останавливаясь перед препятствиями, переплывая встречающиеся на пути реки (любопытно, что зверьки хорошо плавают, высоко поднимая при этом хвост, будто знают, что намокший хвост — верная гибель), проходят через поселения и даже большие города, преодолевают безлесные пространства. Надо ли говорить, что подавляющая масса белок при этом погибает. А ведь и на месте и даже при благоприятных условиях 75—80 процентов белок погибает в первый год жизни. Врагов у белок много: горностаи, ласки, куницы, хищные птицы. В большом количестве губят белок и болезни. А тут еще эти кочевки...

Кочевки белок — явление далеко не безразличное людям: от кочевок зависит благополучие охотников, количество пушнины, сдаваемое государству.

Уже много лет ученые наблюдают за миграциями белок, но до сих пор точные причины, заставляющие белок пускаться в опасный путь, неизвестны, хотя большинство склонно считать, что причина единственная — отсутствие корма. В годы, когда на хвойных деревьях много шишек, значительно увеличивается и численность белок. Но периодически, как правило, после урожайных годов наступают неурожайные. И, чувствуя это (обычно миграции совершаются в конце лета или осенью, хотя могут происходить в любое время), белки отправляются в путь. Но куда они идут? Имеет ли смысл их движение? Или они просто покидают края, где их ждет голодная смерть, и стремятся куда глаза глядят? Неизвестно. Неизвестно и внутреннее состояние мигрантов, непонятно, что заставляет их преодолевать, в общем-то, непреодолимые преграды. Например, выходя к морю, они, подобно леммингам, бросаются в воду, и это приводит к поголовной гибели всех животных. Подобное явление русский академик А. Ф. Миндорф еще в прошлом веке образно назвал «кочеванием до смерти».

Семейство Летяговые. А этих зверьков тоже часто называют белками, прибавляя слово «летающие». Зверьки действительно летают, хотя, если говорить точнее, то не летают, а планируют. А вот то, что они белки, это ошибка: они не белки, а лишь их близкие родственники. Когда летяга сидит, она действительно похожа на белку. Но вот зверек встрепенулся, чуть пригнул головку, сделал быстрое движение — и в воздухе поплыло какое-то непонятное, имеющее форму трапеции, существо. Это, широко раскинув в стороны лапы и натянув таким образом широкую кожистую перепонку, имеющуюся у нее между передними и задними ногами, полетела к другому дереву летяга. Но случается, приближаясь к дереву, летяга почему-либо передумала садиться на него. Тогда один поворот вытянутого хвоста — и зверек уже летит к другому дереву. Хвост служит рулем. Он же и тормоз, когда требуется замедлить полет, перед тем как опуститься на ствол. На дереве летяга чувствует себя отлично, на земле — гораздо хуже. Но ей не приходится так уж часто спускаться на землю. Это белки через поляну шириной метров 15—20 не перепрыгнут — надо бежать по земле, а летяга такую поляну свободно перелетит, будто птица. Недаром же когда-

то в народе существовало убеждение, что летяга «почти птица». (Во всяком случае, считали, что детеныши появляются у нее из яиц.)

Летяга поменьше белки. Шерстка у нее пышная, шелковистая. Хвост тоже пышный, а глаза большие и удивительно красивые. Живет летяга в хвойных и смешанных лесах Северной и Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Питается почти тем же, что и белка, гнезда устраивает в дуплах. Небольшие запасы на зиму делает в гнезде или поблизости от него. Летом у летяги рождаются 2—4 голых, слепых, но уже имеющих летательные перепонки детеныша. Месяца через полтора они станут выходить наружу, тренироваться в полете. Но еще недели две будут питаться материнским молоком, каждый раз, проголодавшись, возвращаться к доброй и заботливой мамаше.

В нашей стране живет один вид летяг, а во всем мире около сорока. Среди них и крошечная, меньше 10 сантиметров в длину, карликовая летяга, обитающая на Калимантане, и гиганты, достигающие, правда с хвостом, почти полуметровой длины и весящие полтора килограмма. Это тагуаны — обитатели горных лесов Индии, Шри Ланки и Бирмы. У тагуана довольно большие «крылья» (растянутые — более 60 сантиметров), которые помогают ему делать огромные прыжки — дают возможность пролететь более 60 метров. Он достаточно силен, но в то же время очень миролюбив — ни на кого не нападает, питается лишь листьями и старается быть как можно менее заметным.

Всего этого не скажешь про американских летяг. Они питаются не только различными плодами, семенами, орехами, насекомыми и другими беспозвоночными, но отыскивают в дуплах птичьи гнезда, поедают яйца, птенцов, а то и взрослых мелких птиц. Правда, такое случается не часто. Американских летяг называют ассопан — такое имя дали летягам индейцы, очень любившие этих зверьков. Может быть, любили за их изящность: ведь, как точно заметила известная американская натуралистка Салли Кэрригер, «движения их граничат с искусством»; может быть, индейцы их любили потому, что зверьки эти буквально завораживали человека, наблюдающего за их ночными игрищами. А может быть, просто потому, что индейцы — люди с большими сердцами, любящие всех животных.

Есть еще одни летающие зверьки. Сначала их вместе с летягами считали белками. Потом, когда летяг признали не белками, этих зверьков объединяли с летягами и уж потом разлучили с летягами, выделив в особое **семейство Шипохвосты**.

Семейство это небольшое (сейчас известно около 10 видов) и довольно таинственное: все шипохвосты живут в Африке и изучены недостаточно. Шипохвостами они названы потому, что на хвостах действительно имеют шипы. Точнее, часть хвоста внизу покрывают твердые чешуйки (поэтому второе их название — чешуехвостые) с заостренными вершинками. Дело в том, что зверек селится в дуплах деревьев, но не во всяких, а расположенных в тех частях ствола, где нет сучьев и ветвей. Белкам пробежать по гладкому стволу ничего не стоит, шипохвостам это сделать гораздо труднее: они и больше и тяжелее белок. Добраться до ствола они могут при помощи своих летательных приспособлений — у шипохвостов, как и у летяг, имеются между передними

и задними ногами кожистые складки. С их помощью шипохвосты летают, свободно преодолевая сотни метров (некоторые ученые предполагают, что шипохвосты могут пролететь и все 500 м), при этом они меняют и высоту и направление полета. Короче говоря, с дерева на дерево они перелетают, а по самому дереву двигаются с помощью шипов. Упершись задними ногами и хвостом в ствол — шипы не позволяют соскользнуть, зверек вытягивает вверх передние лапы и цепляется ими за кору. Укрепившись, выгибает дугой спину и подтягивает нижнюю часть туловища. Затем снова укрепляет свою «треногу» и опять вытягивает вверх переднюю часть туловища. Так и ползет к гнезду.

Шипохвосты вреда людям не приносят. Но местные жители очень любят мясо этих животных. И будет ли в конечном счете шипохвост истреблен, или ему исчезновение не угрожает — неизвестно. Потому что люди еще мало знают этого зверя, в частности не знают, сколько у него в году пометов, скольких детенышей приносит шипохвост и покрывает ли естественный прирост количество убитых охотниками.

Семейство Соневые. Когда-то сонь специально разводили в дубовых или буковых массивах, огороженных высокими заборами, —так называемых глиариях. Подросших зверьков сажали в глиняные горшки и откармливали, а потом зажаривали и подавали на пирах. Правда, это было давно, в Древнем Риме. Но и сейчас во Франции есть гурманы, которые высоко ценят мясо сонь.

Сони — зверьки небольшие: самый крупный представитель семейства не более 20 сантиметров в длину и внешне напоминает одновременно крупных мышей и маленьких белок. Водятся сони в Африке, Азии, в Южной и Западной Европе. Живут и в наших краях. Но увидать их нелегко — сони вполне оправдывают свое название: много спят, а если и бодрствуют, то ночью.

Сони спят в дуплах, где устраивают уютные гнезда (таким лежебокам нужен комфорт). В гнездах раз в год появляются детеныши — крошечные и беспомощные, которые сосут молоко, лежа на спинках. Мамаша очень заботлива и никого не подпускает к малышам, даже родителя. Любой, кто осмелится в это время сунуться в гнездо сони, познакомится с ее острыми и крепкими зубками. Правда, недели через две мамаша все-таки разрешит родителю посмотреть на свое потомство. А еще через некоторое время позволит отцу вывести своих чад на прогулку. Это очень потешное зрелище: отец важно, с сознанием выполняемого долга, шествует впереди, детеныши семенят за ним. Прогулка продолжается до тех пор, пока малыши не проголодаются. Тогда вся семейка поворачивает обратно, но уже по дороге к дому их встречает мать, отстраняет отца и становится во главе процессии.

Самая крупная из живущих в наших краях сонь — это полчок. Она, как и все ее родственники, ведет ночной образ жизни, редко покидает деревья, по которым прекрасно лазает, и на зиму залегает в спячку.

Все это можно сказать и о другой соне — лесной. Однако она чаще бегает по земле и даже иногда (если нет подходящего дерева) может устроить гнездо в земле. Кроме того, лесная соня делает запасы еды, чего не делает полчок.

Третий вид — садовая соня — как будто хочет походить и на полчка и на лесную: в северных районах она запасов не делает и крепко спит всю зиму, а в теплых краях делает запасы и, часто просыпаясь зимой, поедает их.

На юге Европы и в Малой Азии живет самая маленькая из сонь — орешниковая. Ее гнездышко-шарик похоже на гнездо мыши-малютки (да и сама соня эта чуть больше малютки — 7—8 сантиметров) и висит на тоненьких ветках кустарника. Эта соня любопытна тем, что даже летом, если температура опускается до + 15 градусов, впадает в своеобразную спячку и лежит в гнездышке до тех пор, пока не наступает потепление.

В настоящую спячку орешниковая соня впадает зимой — она забирается куда-нибудь под корни деревьев, в кучи хвороста, под опавшие листья или поваленные стволы и очень крепко засыпает. В это время температура ее тела — ниже нуля.

Африканские сони тоже впадают в спячку, но не в зимнюю, а в летнюю, когда наступает сильная жара и в засушливых районах трудно прокормиться.

Среди сонь есть очень редкая, может быть, даже это одно из самых редких млекопитающих на Земле. Называется она мышевидная.

Мышевидную соню нашли в 1924 году в районе Западного Копетдага в Туркмении. С тех пор там же было поймано еще несколько зверьков. Зоологи считали, что редкий зверек живет только в тех местах. (Если вообще живет, а не существуют лишь случайно уцелевшие, отдельные экземпляры.)

И вдруг мышиная соня решила всех удивить — объявилась в Болгарии. Правда, тоже пока в единственном экземпляре. Но не может же она жить там одна-одинешенька. Очевидно, там есть и другие. Мало, но, видимо, все-таки есть.

Существует еще один зверек, который называется соней, но никакого отношения к соням не имеет.

Когда люди впервые увидали этого зверька, они никак не могли предположить, что сделали очень интересное открытие в зоологии, и решили, что поймали какую-то разновидность сони, живущую в жестких, колючих кустарниках казахстанских степей.

Это произошло в 1938 году. Зоолог В. А. Селевин в пустыне, к западу от озера Балхаш, поймал пять небольших (менее 10 сантиметров в длину) зверьков. И назвал их баялычными мышами (баялыча — жесткий кустарник, на котором этого зверька обнаружили). Затем у зверька появилось другое название — баялычная соня. Но, познакомившись поближе, люди поняли, что это и не мышь, и не соня, а очень оригинальный грызун. В честь своего первооткрывателя зверек получил имя селевинии и является единственным представителем **семейства Селевиневых.**

Мы знаем, что в жизни грызунов резцы играют огромную роль. Благодаря резцам грызуны проделывают ходы, преодолевают препятствия на пути к еде, имеют возможность пользоваться твердыми, казалось бы, несъедобными продуктами питания. У селевинии же резцы настолько слабые, что даже кожу на руке человека этот зверек не может прокусить. А есть-то ему надо. И приспособилась селевиния поедать насекомых. Вот и получается, что по строению зверек этот грызун, а по питанию — насекомоядное.

Селевинии очень редки: за сорок лет удалось поймать около тридцати зверьков. И хоть многие стороны их жизни еще не известны (например, ни разу не удалось обнаружить норы или убежища селевинии, не известно, сколько у них пометов в год и сколько детенышей в каждом помете, не известно, как они выращивают этих детенышей), тем не менее кое-что выяснить удалось. Например, известно, что поедает селевиния малоподвижных насекомых. Но главная ее пища — нелетная форма саранчи, сидящая на кустах баялычи.

Селевиния хорошо лазает и даже прыгает вверх сантиметров на двадцать. Но для ловли насекомых она эти способности почему-то не использует, а применяет довольно оригинальный для грызуна прием. Зоолог М. Н. Ионов, наблюдавший за селевинией в природе, так описывает ее охоту: «На вечерней заре, когда саранча сидит на вершине куста и периодически издает трещащие звуки, селевиния начинает охотиться. Услыхав этот звук, зверек вприпрыжку отправляется в кусты, где сидит насекомое, и издает трещащий звук, тождественный сигналу тревоги у этих насекомых. Саранча, восприняв тревогу, спрыгивает с куста, чтобы спрятаться, и тут становится добычей зверька».

Селевиния держится около баялычи не только потому, что на этих кустах селятся саранчовые, но и потому, что в случае опасности зверек прячется в кусты — сквозь густые переплетения колючих ветвей не могут пробраться ни лисы, ни хищные птицы.

Линяет селевиния очень оригинально: у нее не выпадают волоски, а отделяется кусочками тоненький слой кожи вместе с волосками. Под отслоившейся кожей уже имеется новая густая шерстка.

Мы не знаем, какими еще оригинальными чертами и качествами обладает селевиния. Очень уж мало знакомы мы с ней.

Селевиния, как очень редкий и нуждающийся в охране зверек, занесен в Красную книгу.

Семейство Дикобразовые. Наверно, имя свое этот грызун получил за свою «дикую» внешность или «дикий образ». Зверь действительно производит странное впечатление — этакое мрачное, всклокоченное, к тому же довольно большое существо. (Дикобраз — самый крупный грызун в Европе и Африке: длина его достигает 90 сантиметров, вес почти 30 килограммов.)

У дикобразов и дурная слава: считают (или, по крайней мере, считали), что они способны стрелять своими длинными иглами, метко поражать цель и наповал убивать животных и людей, так как иглы эти отравлены сильнодействующим ядом.

Ну, насчет внешности дикобраза — это дело вкуса, а мрачность его — явное преувеличение. Конечно, дикобразы не красавцы и не весельчаки, но смешно было бы только за это их бояться и не любить. Дикобраз никогда ни на кого не нападает и иглами не стреляет. А легенда о «стрельбе» родилась, наверно, потому, что иглы эти держатся очень слабо и легко выпадают. Даже когда дикобраз, подобно собаке, отряхивается, иглы летят в разные стороны. Иглы дикобраза вообще почти никому не страшны. Они лишь могут слегка поранить нападающего, но и только. Самые длинные иглы у дикобразов на пояснице. Они легко выпадают. Но

остаются короткие и твердые шипы, которые находятся между этими иглами. Дикобраз — тихоход. Удрать от преследования ему удается не всегда. И вот, чувствуя приближение преследователя, убегающий дикобраз внезапно останавливается, и преследователь с разбега натыкается на острые шипы, которые, как отмечает А. П. Кузякин, П. П. Второв и Н. Н. Дроздов, могут «легко проткнуть даже крепкую кожу сапога».

Зубы у дикобраза длинные и очень крепкие — ими он перекусывает проволоку, разгрызает толстые доски, но для обороны эти зубы не годятся. Поэтому шипы — единственная защита дикобраза.

Вопреки существующему мнению, дикобразы — звери миролюбивые и всячески стараются избегать конфликтов. У них есть даже специальный «инструмент», предупреждающий противника, — пучок коротких, пустых внутри игл на хвосте. Почувствовав опасность, дикобраз потряхивает хвостом, иглы довольно громко гремят, будто предупреждая: «Не нападай, хуже будет!»

О миролюбивости или, во всяком случае, о вполне сносном характере этих зверей говорит и то, что в неволе дикобразы быстро привыкают к людям, особенно к тем, которые кормят их и ухаживают за ними. А некоторые звери становятся совершенно ручными. Однако абсолютными ангелами дикобразов назвать нельзя, хотя бы потому, что они достаточно прожорливы и, поселившись вблизи человеческого жилья, могут наносить серьезный урон полевым и бахчевым культурам.

Норы дикобразов довольно длинные — до 10 метров, имеют отнорки, тупики, несколько камер. Глубина таких нор может достигать 4 метров. Большие они и по площади. Профессор В. Н. Шнитников, например, приводит данные о норе дикобраза, имевшей площадь в 375 квадратных метров. В этих норах дикобразы проводят все светлое время суток, в этих норах появляются у них детеныши (обычно 2, но может быть и больше, до 5). Они появляются на свет уже зрячие и «вооруженные» иглами, правда очень мягкими. Новорожденные имеют восемь зубов, которые растут у них всю жизнь. Через неделю иглы крепнут, и дикобразики активно стремятся выбраться из норы.

«Классические» дикобразы — такие, по которым мы представляем себе все семейство, живут в Южной Европе, на Ближнем Востоке, в Индии, Китае. В нашей стране водятся они в Азербайджане, в Средней Азии, на юге Казахстана. У этих дикобразов немалая родня. Представители семейства живут и в Азии и в Африке и, в общем-то, ведут довольно схожий образ жизни, разве что одни не боятся людей, другие стараются держаться от них подальше. А вот внешностью родственники классического дикобраза отличаются друг от друга сильно. Во-первых, у многих из них нет длинных и толстых игл, а имеются тоненькие иголочки. Во-вторых, родичи классического дикобраза часто покрыты густой шерстью. В третьих, у них имеются длинные (до 25 сантиметров) и разнообразные по форме хвосты, благодаря которым дикобразы разделяются на длиннохвостых и кистехвостых.

Дикобразов можно встретить в лесах, пустынях, степях, в горах. Большинство живет на земле, но есть и такие, которые много време-

ни проводят на деревьях и хорошо лазают по ним. А некоторые вообще ведут исключительно древесный образ жизни. Но это уже представители другого семейства, которое называется — **семейство Древесно-дикобразовые.**

Древеснодикобразовые — американцы. Самые крупные — североамериканские дикобразы — имеют более метра в длину и достигают 18 килограммов веса. Живут эти дикобразы в лесных районах, главным образом в хвойных лесах, активны ночью, причем активны круглый год, так как холода не боятся. Правда, когда температура опускается до минус 18—20 градусов, дикобразы становятся малоподвижными. Когда выпадает глубокий снег, дикобразы тоже мало двигаются, так как коротконогому зверю трудно перебираться по сугробам, и сидит он на одном дереве до тех пор, пока не объест всю кору на нем.

В помете североамериканских дикобразов лишь один детеныш. Нежные колючки у новорожденного уже через час становятся твердыми, а через два дня дикобразик уже начинает самостоятельно лазать по деревьям.

Развиваются дикобразы быстро, но совершенно взрослыми становятся лишь к 2—2,5 годам.

В Центральной и Южной Америке живут цепкохвостые дикобразы, которые, лазая по деревьям, ловко цепляются за сучки и ветки своими длинными голыми хвостами. Цепкохвостые дикобразы меньше североамериканских, однако не самые маленькие. Самые маленькие представители семейства — амазонские дикобразы: вместе с хвостом такой дикобраз не более полуметра в длину.

А самый редкий — тонкоиглый — живет лишь в Центральной и Восточной Бразилии.

Жизнь амазонского и тонкоиглого дикобраза почти совершенно не изучена.

Семейство Свинковые. Один из представителей этого семейства — мара—похож на животное, составленное из различных частей других животных: у него заячья морда и кроличьи уши, тонкие, похожие на беличьи, передние ноги и мускулистые, как у зайца, задние. Но самое примечательное у мары — глаза: очень большие, опушенные длинными густыми ресницами. Ресницы очень красивы, но нужны они зверьку не для красоты: это своеобразные «защитные очки», которые прикрывают глаза от яркого солнца (мары — животные дневные и очень любят принимать солнечные ванны) и от мелкого песка (живут мары в пустынях Патагонии, где сильные ветры носят тучи песка).

Несмотря на то, что мара — животные крупные и достаточно сильные (длина их достигает 75 сантиметров, а вес 16 килограммов), они очень пугливы. Д. Даррелл утверждает, что они могут даже умереть от испуга, а уж удирают при малейшем подозрительном шорохе.

Всего этого не скажешь об их родных сестрах, которые называются кавии. Маленькие, коротконогие и короткоухие, совершенно не нервные и даже не пугливые зверушки живут в Южной Америке и, кроме того, наверное, во всех городах и городках мира. Потому что кавии не кто иные, как всем известные морские свинки.

Когда испанцы-завоеватели проникли в Южную Америку, среди прочих чудес они увидали маленьких и очень забавных зверушек.

Зверушки жили в домах, и коренные жители Южной Америки — инки держали их для забавы. Возможно, существовал и какой-то культ этих зверьков, потому что на кладбищах инков обнаружены бальзамированные трупики кавий. Кроме того, инки употребляли в пищу мясо этих зверьков, предварительно откармливая их.

Испанцы назвали зверушек свинками (толстенькие, коротконогие, они действительно отдаленно напоминают крошечных поросят), а так как эти свинки прибыли из-за моря в Европу, то поначалу назывались «заморскими». Потом «заморское» изменилось на «морское». Так зовут их сейчас повсюду. И даже научное имя этих зверьков — морские свинки, хотя животные они сухопутные, место их обитания — луга, опушки лесов, саванны. Живут они и в горах.

Зверушки эти не требовательны, легко переносят неволю и размножаются в клетках даже быстрее и активнее, чем в природе. Очень скоро заморские гости завоевали симпатии любителей животных в Европе, а затем морская свинка стала одним из самых обычных лабораторных животных.

У себя на родине кавии живут в подземных «городках». Иногда такие поселения бывают небольшими, иногда нор оказывается столько, что через поселение этих зверушек не только проехать, но даже пройти очень трудно.

Мы уже говорили, что кавии, как и два десятка их близких родственников, животные сухопутные. Но есть свинки, которые тесно связаны с водой.

Семейство Водосвинковые. В этом семействе всего два вида. Но зато какие это звери! Представитель одного вида водосвинковых — самый крупный из всех существующих на Земле грызунов: его вес достигает 60 килограммов, а длина до 130 сантиметров. Индейцы племени гуарани называют его капибара, что значит «господин травы». Название это стало общепринятым и вполне соответствует действительности: капибара поедает огромное количество растущей в воде или поблизости от нее травы. Детеныши (их бывает у капибары от 2 до 8) появляются на свет уже хорошо развитыми, подвижными и не нуждаются в убежище. Главное и единственное убежище капибара — вода, в которой зверь проводит много времени.

Вреда капибара не приносит, тем не менее его активно истребляют, так как мясо считается съедобным, а из его зубов местные умельцы изготовляют различные поделки. Но там, где капибару не преследуют, он не особенно пуглив, может даже пастись вместе с домашним скотом. И вообще он легко приручается, становится ласковым, доверчивым. Английский писатель-натуралист Д. Аттенборо, рассказывая о капибарах, прирученных местными жителями, говорит о них как об очень приятных, веселых и послушных животных.

Семейство Шиншилловые. Шиншилла — небольшой (около 40 сантиметров в длину) зверек с повадками кролика. Селится он в расщелинах скал, и путешественники, побывавшие в горах Перу, Боливии или Чили, писали о многомиллионных колониях этих зверушек. Но положение изменилось с тех пор, как люди оценили мягкий и красивый, легкий и прочный мех шиншиллы.

Впрочем, люди оценили его давно: индейцы племени чинчас, насе-

лявшие эти места когда-то, с ног до головы одевались в одежды из шкур шиншиллы. Покорившие индейцев чинчас инки тоже оценили мех этого зверька. Они даже научились изготовлять из шерсти шиншиллы ткани. Испанцы, разгромившие государство инков, в числе наиболее ценных трофеев вывезли в Европу и шкурки шиншиллы. В Европе шкурки понравились, и сразу началось варварское истребление этих зверей. Шиншилл убивали столько, что ими полностью загружали трюмы кораблей, отплывающих в Европу. Но прошло некоторое время, и на кораблях стало оставаться место для других товаров: шкурки уже не заполняли трюмы полностью. С каждым годом шиншилл становилось все меньше и меньше. Но их продолжали истреблять. В 1894 году из Чили, Боливии и Перу было вывезено 800 тысяч шкурок, в 1905 году уже только 400 тысяч. Через два года эта цифра снизилась вдвое, а еще через год было вывезено лишь 100 тысяч шкурок. В следующем, 1909-м — всего 30 тысяч.

Положение складывалось критическое. И в 1918 году правительства южноамериканских стран вынуждены были издать закон, запрещающий отлов и отстрел шиншилл. Но зверек к этому времени был уже почти полностью истреблен. Лишь очень небольшое количество уцелело в Боливии и на севере Аргентины.

В том же 1918 году американец Чэпмен, изучив жизнь шиншилл, сделал попытку развести их в неволе. Отловив несколько шиншилл, он в течение 6 лет «спускал» их с гор: ведь шиншилла живет на высоте 2—4 тысяч метров. Поэтому в течение 6 лет Чэпмен переносил ферму все ниже и ниже, приучая своих питомцев к новому климату, к новым условиям. В 1923 году 11 зверьков были наконец привезены в Калифорнию. Чэпмен не ошибся: шиншиллу действительно можно было разводить в неволе. И через 30 лет уже более полумиллиона зверьков жили на фермах США и Канады. Начали разводить шиншиллу и в Европе. Сейчас разводят ее и в нашей стране. Правда, за рубежом шкурки этого зверька по-прежнему стоят очень дорого и, как писала одна французская газета, обладание мехом шиншиллы — «самое наглядное доказательство богатства». Однако не всякой шиншиллы. Дело в том, что есть два вида: большая короткохвостая шиншилла и малая длиннохвостая. Малую удалось спасти и ее сейчас разводят на фермах. Большую же пока на фермах разводить не удается, и она попрежнему считается очень и очень редким зверьком. А именно у большой короткохвостой шиншиллы мех особенно ценный.

Близкие родственники шиншиллы — вискачи, или вискаши. Они живут на равнинах Аргентины и Парагвая и называются равнинными. Есть и горная вискача — эта живет в горах Боливии, Перу, Аргентины и Чили. Горных часто можно встретить на высоте 5 тысяч метров над уровнем моря и редко ниже тысячи. Зверьки несколько напоминают кроликов и белок. Но ни ловкость, ни умение прятаться не спасают вискачи. Их истребляют, потому что мясо этих зверьков считается деликатесом у местных жителей, а шкурки высоко ценятся. (Правда, не так, как шкурки шиншиллы.)

Равнинные вискачи крупнее горных. Длина их может достигать 70 сантиметров, а вес — 7 килограммов, в то время как горные не более 40

сантиметров длины, а вес их редко превышает 1,5 килограмма. Они такие же подвижные и ловкие — при опасности удирают со скоростью 40 километров в час, делая в случае необходимости трехметровые прыжки. Местные жители считают, что вискачи наносят вред земледелию и скотоводству, и устраивают настоящие «крестовые походы» на вискачей.

Вискачи живут колониями, и колонии эти заметны издали: большое количество земли, выброшенной на поверхность, создает определенный и довольно характерный ландшафт на плоских равнинах — пампах. Дело в том, что норы у этих зверьков очень большие — длина одной может достигать 200 метров, а диаметр входного отверстия — двух метров. Кроме того, некоторые колонии существуют десятки, а то и сотни лет, и каждое новое поколение расширяет или углубляет, удлиняет или переделывает жилище. Поэтому нет ничего удивительного в том, что со временем на равнинах образуются довольно высокие и хорошо видимые издали холмы.

Кроме любви к усовершенствованию жилищ, зверьки эти обладают еще одной всепоглощающей страстью — коллекционированием. При этом свои коллекции вискачи не держат втуне, как некоторые люди, а выставляют на всеобщее обозрение около входов в норы. В этих коллекциях есть все, что может найти зверек, — палочка и камешек, консервная банка, перья птиц и любая, потерянная человеком вещь, которую зверек способен дотащить: часы или кошелек, ключ или нож, платок или монетка. И часто местные жители, обнаружив пропажу или потерю какого-либо предмета, отправляются искать ее в колонии этих грызунов, и обычно находят ее в одном из «музеев».

Семейство Нутриевые. У себя на родине в Южной Америке этот зверь называется копиу. Живет он на болотах, вблизи водоемов и дальше сотни-другой метров от них не удаляется. Здесь на берегу находит сочную растительность, которой питается, тут же роет нору или устраивает примитивное гнездо. В норах или гнездах два раза в год появляется потомство. Обычно это пять (но может быть и 7—8) малышей, уже зрячих и хорошо развитых. Однако норы и гнезда, которые устраивает этот зверь, — убежище не надежное. Поэтому при опасности грызун немедленно прыгает в воду и детишек туда же уволакивает. Но это спасает зверьков далеко не всегда: слишком много желающих полакомиться их мясом, слишком много желающих иметь их шкурки. И вот сейчас в Южной Америке этих грызунов осталось не так уж и много. Зато появились они в других странах. А в СССР сейчас живет примерно 1/10 часть всех существующих на Земле зверьков, которые называются теперь нутриями.

Когда испанские завоеватели впервые увидали в Южной Америке этих зверьков, то приняли их за выдр. А выдра по-испански — нутрия. Однако вскоре люди поняли, что этот грызун никакого отношения к выдрам не имеет, и переименовали его в болотного бобра. Но и к бобрам это животное тоже никакого отношения не имеет. Тогда назвали его болотной крысой. Однако к крысам он имеет еще меньшее отношение, чем к выдрам и бобрам. В конце концов оставили первона-

чальное имя, данное этому зверю испанцами, — нутрия.

Образ жизни нутрии — полуводный. Но сильно отличается от жизни других полуводных животных. Когда в США пытались акклиматизировать этого зверька, создавая ему условия, подходящие для бобра или ондатры, из этого ничего не получилось. А получилось тогда, когда люди поняли: нутрия нуждается в особом подходе.

Немецкий ученый, зоогеограф У. Зодлаг считает, что дело не в климате, как предполагали одно время неудачливые акклиматизаторы, — нутрия может жить и в суровом климате. В доказательство этого Зодлаг приводит пример: нутрии живут на Огненной Земле и хорошо себя там чувствуют. Но в других местах, где зимы достаточно суровые, прижиться не могут — погибают. Однако люди, стремившиеся расселить этого ценного пушного зверька, нашли выход: там, где зимы теплые, переселенная нутрия живет на свободе круглый год (в нашей стране это Закавказье), там, где зимы суровые (нутрия не может плавать подо льдом, в норах же она не может зимовать, так как они холодные, а у некоторых нор и вовсе нет), ее на зиму отлавливают и помещают в клетки или вольеры. Весной снова выпускают на свободу. Такой метод называется «полувольным разведением». И с 1930 года, с того времени, когда нутрию завезли в СССР, широко применяется у нас. И очень успешно: с 1930 по 1963 годы в СССР выпущено 6270 зверьков. Сейчас, как предполагают, в нашей стране живет 5 миллионов нутрий.

Семейство Тушканчиковые. Тушканчики распространены широко — живут в Африке, Азии, Европе, предпочитая в большинстве своем климат теплый. Приспособились жить эти грызуны в степях, полупустынях и пустынях, могут жить на глинистых почвах и даже на каменистых. Но где бы ни жили тушканчики — все они так или иначе похожи друг на друга, и всю организацию этих зверьков определяют два основных момента: умение передвигаться прыжками и умение рыть. И в том и в другом тушканчики очень совершенны и оригинальны.

Бегают тушканчики необычно — на двух задних ногах. Передние укорочены и в передвижении непосредственного участия не принимают. Да тушканчику этого и не требуется — он и на двух задних может мчаться со скоростью 40 километров в час, а при необходимости совершать трехметровые прыжки (в двадцать раз длиннее собственного роста). Помогают тушканчикам в таком беге и в таких прыжках все, и главным образом необыкновенные задние конечности. Во-первых, они очень длинные, во-вторых, у тушканчиков очень большие ступни, в-третьих, на этих ступнях, на подошвах и на пальцах, — упругие ребристые подушечки, как протекторы на автомобильных шинах. Это у тушканчиков, живущих на каменистом грунте. У живущих в пустынях на подошвах имеются гребни из жестких волосков, позволяющие зверькам легко взбираться на барханы, в то время как другие животные, не имеющие таких приспособлений, вязнут в песке.

Бегать тушканчикам помогает и хвост — прекрасный балансир, благодаря которому зверек не только удерживается во время бега на двух ногах, но и направление круто меняет во время прыжка.

Хвост вообще играет огромную

роль в жизни тушканчиков. Конец его украшает пушистая кисточка — «знамя». Хорошо видная издали, она служит сигналом для собратьев, а преследователя обманывает: если преследователь догонит тушканчика и схватит за хвост — кожа с кончика хвоста легко снимется вместе с кисточкой и останется у преследователя. А тушканчик удерет.

Хвост помогает тушканчику быть отличным бегуном, а зубы — точнее, длинные, тонкие и очень острые резцы — делают его прекрасным землекопом: тушканчик может вырыть надежные убежища даже в твердом грунте. Советский ученый И. М. Фокин — прекрасный знаток тушканчиков — рассказывает, что пара тушканчиков за ночь прогрызла ход в кирпичной кладке дома.

В песке тушканчики роют норы передними лапами, причем работают ими так быстро, что невозможно уследить за движением лапок.

Но где бы ни были устроены норы тушканчиков, все они сделаны по одному принципу: длинные, с одним или несколькими запасными выходами, которые затыкаются земляными пробками. Иногда тушканчик просто не доводит до поверхности запасной выход, оставляя тонкий — в несколько сантиметров — слой земли. При опасности, если главный вход блокирован, тушканчик может пробить эту корочку и молниеносно выскочить наружу. Отправляясь спать, тушканчик закрывает основной вход земляной пробкой, так называемой «копейкой».

Зимой тушканчик закупоривает свое гнездо, вернее, выход из него более основательно. Спят тушканчики глубоко, не просыпаясь зимой, поэтому запасов не делают. Потомство у них появляется дважды—весной и осенью.

Однако все это мы можем сказать о тех, чья жизнь нам известна, например о длинноухом тушканчике.

У длинноухого тушканчика все длинное: мордочка удлиненная, уши как у зайца, хвост в два раза длиннее туловища, а стопа задней ноги — в половину длины всего тела зверька. Усы-вибрисы, если их заложить назад, достигнут основания хвоста.

Однако среди тушканчиков есть и такие, у которых хвост не длинный, а очень толстый. Эти тушканчики так и называются — толстохвостые. У них в хвосте, словно у верблюда в горбу, откладываются жировые запасы. Такой хвост может служить и удобной постелью — подложит его тушканчик под себя, свернется комочком и спит, как на перине. А бегать такой хвост не мешает.

«Удобные» хвосты и у жирохвостых тушканчиков. Этих тушканчиков пять видов. Из них три описаны каждый лишь по одному-единственному экземпляру. Один — по двум, найденным в 1969 году. И только единственный вид жирохвостого тушканчика довольно обычен. Но и этот довольно обычный сейчас тушканчик имеет необычную историю. И быть бы ему тоже редким или редчайшим, если бы не советский ученый Б. С. Виноградов.

В 1928 году, осматривая зоологическое хранилище Британского музея в Лондоне, Б. С. Виноградов обнаружил тушку карликового тушканчика, о котором не подозревал и сам Томпсон — замечательный английский ученый-систематик, описавший едва ли не десятую часть всех млекопитающих, известных современной науке. Томпсон тоже работал в Британском музее, но этого зверька не обнаружил. Впрочем, зверек легко мог затеряться среди других экспонатов, ведь длина его — менее

5 сантиметров. Вот и пролежал он в Британском музее более 100 лет, и никто не обратил на него внимания. Виноградов выяснил: в 1904 году двух таких же зверьков нашел на территории Северного Китая известный русский путешественник П. Козлов. Итого — три. Значит, эти зверьки очень редкие, даже редчайшие. Но Виноградов почему-то усомнился в этом. Он решил поискать их в другом месте, где, по его мнению, для жизни этих карликов имеются более подходящие условия. После долгих раздумий Виноградов пришел к выводу, что карликовые трехпалые тушканчики, так их стали называть, должны водиться в Зайсанской долине. Ученый оказался прав: когда начали искать тушканчиков там, то нашли целые поселения этих зверушек. Интересно, что норы их достигают в глубину трех метров.

Иное положение у их родственников — пятипалых карликовых тушканчиков. Этих крошек, весящих не более 10 граммов, с 1902 по 1961 годы было поймано всего четыре. В 1961 году советский ученый Д. И. Берман поймал еще двух, кстати, поймал их за 1000 километров от места, где были обнаружены предыдущие зверьки. (Тех поймали в районе пустыни Гоби, этих — на территории Тувинской АССР.)

Парад грызунов сильно затянулся. И хоть прошли перед нами далеко не все его представители, другие отряды требуют освободить место, и мы вынуждены считаться с этим. Тем не менее еще одно семейство грызунов должно пройти перед нами. Впрочем, если мы будем спокойно стоять и смотреть — мы ничего не увидим. Лишь кучки земли, время от времени появляющиеся на поверхности, подскажут, что перед нами на глубине одного-двух метров проходят представители **семейства Слепышовых.**

Слепыш — плотный, большеголовый, не имеющий шеи, довольно крупный зверь: малый — сантиметров 20 в длину, слепыш обыкновенный — несколько больше. У того и у другого нет глаз (точнее, они есть, но находятся под кожей), нет хвоста, недоразвиты ушные раковины. Все это подземному жителю не нужно. Гораздо важнее для него «инструменты», с помощью которых слепыш роет норы и многочисленные отнорки, а также прогрызает отвесные отверстия, куда головой выталкивает ненужную землю. (Часто 10—20 процентов поверхности участка, под которым живет слепыш, бывают покрыты выброшенной им землей.) Губы у слепыша устроены так, что не дают земле набиваться в рот, примерно так же, как и у бобра, который способен грызть в воде.

Слепыш как землекоп стоит среди зверей, пожалуй, на первом месте, даже впереди крота: крот роет не так глубоко и не так быстро.

Двигаясь под землей, слепыш все время работает — отыскивает и поедает части растений и корнеплоды. Но особенно любит он луковичные растения. Их зверек чувствует издалека, и иногда на гектаре, засеянном луковичными, собирается до 2—3 десятков слепышей. Едят они много. За день съедают в среднем по полкилограмма (примерно столько же, сколько весят сами). И еще запасы делают. Тоже немалые: в норах слепышей находили по 18 килограммов картофеля.

Слепыши роют двухъярусные норы: одни — летние, кормовые, другие — зимние. Летние — на глубине 20—25 сантиметров, глубина зимних иногда превышает 3 метра. Из-

лишки земли, образующиеся при рытье летних нор, слепыш выбрасывает на поверхность, землю из зимних он выталкивает в летние ходы. Запасы складывает в особые камеры. У слепышей отличный аппетит. Но, видимо, зимой они мало едят, а может быть, впадают в полусон, похожий на дрему. Этого мы не знаем. Мы вообще многого не знаем о слепышах. Например, об их размножении нам известно, что в марте—апреле у самки появляются слепышата (обычно три). Но ведь для слепышей ранняя весна самая трудная пора: старые запасы уже съедены, новых растений еще нет. Почему именно в это время появляются малыши? И еще: как слепыши в земле находят друг друга? Очевидно, встречи происходят зимой, как раз тогда, когда эти и без того необщительные животные закупориваются в своих зимних норах. Как же они узнают друг о друге? Подают сигналы запахом? Но для этого надо иметь сверхострое чутье. Звуковая сигнализация? Но для этого нужен очень тонкий слух. А ни того, ни другого у слепышей пока не обнаружено. Но сообщать о себе — это еще не все: надо ведь добраться друг до друга. Значит, надо прорыть очередной ход. А признаков зимней работы слепышей тоже пока не обнаружено.

В нашей стране слепыши встречаются на юге Украины, в Молдавии, на Кавказе и Закавказье. Местами слепыши вредят, и их пытаются уничтожить. И может случиться, что этот любопытный зверь исчезнет, так и не открыв людям, точнее, не успев открыть своих многочисленных тайн. Правда, в последнее время в местах, где этот грызун малочислен и не приносит вреда, его берут под охрану.

ХИЩНЫЕ

В этом отряде семь семейств, насчитывающих более 240 видов. Среди хищников есть гиганты (более трех метров в длину) и карлики (чуть более 10 сантиметров). Есть тяжеловесы в добрую тонну или легковесы, едва перетягивающие на весах стограммовую гирьку. Одни живут в лесу, другие — в пустыне, третьи — в горах. Есть хищники, ведущие полуводный образ жизни, причем обитают они не только в пресных водоемах, но и в морях. Даже плотоядность — основной признак — и то характерен не для всех представителей отряда: вопреки своему названию, некоторые хищники питаются насекомыми, моллюсками и другими беспозвоночными. А есть и такие, для которых основная пища — растительная. Ну, этих-то, казалось бы, надо выпроводить из отряда... Однако они все-таки считаются хищниками, и на вполне законных основаниях. Потому что объединяет всех представителей отряда не внешность, и не образ жизни, и даже не то, что они едят, а их историческое родство в прошлом, а в настоящем — строение черепа, зубов и некоторые другие признаки.

Семейство Собачьи. Представители этого семейства — типичные хищники с ярко выраженными чертами, присущими этому отряду. А среди собачьих наиболее типичный хищник — волк. О нем и о его ближайших родственниках, луговых волках, мы уже говорили.

Шакалы похожи на луговых волков и внешне (только несколько меньше и иначе окрашены) и по образу жизни, хотя имеются и различия. Луговые волки — жители от-

крытых пространств, шакалы предпочитают густые заросли кустарника или тростника, селятся вблизи водоемов. Как и койот, шакал питается самой разнообразной пищей — ест все, что может поймать, найти, украсть. В Южной Африке (там живут два вида шакалов, прозванные за окраску полосатыми и чепрачными) они постоянные спутники львов и пользуются объедками с «барского стола». Чепрачный и полосатый шакалы похожи на обыкновенного, который живет в Азии, в Юго-Восточной Европе, в Центральной Африке. В нашей стране обыкновенные шакалы живут в Средней Азии и на Кавказе. Севернее их нет — холодов эти звери не любят.

Когда-то в Древнем Риме шакалов называли «золотыми волками» — они легко приручались и хорошо служили человеку. Кое-где в Африке приручают шакалов и сейчас. Но подавляющее большинство людей шакалов не любят. Слово «шакал» употребляется часто как оскорбительное. Недобрую славу шакалы приобрели своей вороватостью и трусостью, которая сочетается у них с нахальством, особенно когда эти звери поселяются вблизи человека. Шакалы в основном деятельны в темноте. Перед выходом на охоту они громко и протяжно воют. Вой тут же подхватывают другие, находящиеся поблизости шакалы. Смысл этих сигналов еще не вполне ясен — призывом к охоте они быть не могут — шакалы лишь изредка охотятся парами или небольшими группами, в основном же добывают пищу в одиночку. Не могут эти сигналы быть и оповещением о занятой территории — четко определенных охотничьих угодий у шакалов нет.

Как и койоты и волки, шакалы заботливо выращивают появляющихся весной шакалят, но когда щенки подрастают, родители легко расстаются с ними. Зато самец и самка образуют прочные пары, которые могут распасться лишь со смертью одного из них.

О вреде шакалов у ученых нет единого мнения. Очевидно, в некоторых местах шакалы вредят, причем не только тем, что уничтожают ондатр, нутрий или водоплавающую дичь, прилетающую на зимовку. Шакалы пробираются на бахчи и портят много арбузов и дынь. Однако в других местах польза шакалов, уничтожающих падаль (на их организмы не действуют ни трупные яды, ни гнилостные микробы) и больных животных, превышает вред, наносимый ими.

Еще один представитель семейства собачьих — динго. Образ жизни этого зверя достаточно хорошо известен: хищник охотится в одиночку, парами или группами, 4—6 щенят приносит в норе или в какой-нибудь естественном убежище, в воспитании потомства участвуют оба родителя, жить предпочитает этот хищник на открытых пространствах или в разреженных лесах. Это все уже известно. А вот кто такая эта дикая собака динго — неизвестно до сих пор.

Динго живет в Австралии, но она явно не коренная австралийка. Видимо, когда-то на Австралийский континент переселились ее предки. Но вот когда это произошло и откуда взялись эти предки?

Вопрос, очевидно, не вызвал бы споров и разногласий, истина могла бы быть установлена, если бы не одно обстоятельство: когда образовывался Австралийский материк, животные были еще очень примитивные. В течение многих тысячелетий

на других материках животные изменились,«повзрослели»,стали более «усовершенствованными» и «интеллигентными», как образно заметил Бернгард Гржимек. А на Австралийском континенте они почему-то остались на более низком уровне развития. И вдруг среди них такое «интеллигентное» существо, как динго! Большинство ученых склоняются к мысли, что динго — потомки одичавших домашних собак, некогда завезенных в Австралию мореплавателями. Возможно, собаки эти уцелели во время кораблекрушений и вплавь или на обломках кораблей добрались до материка. В пользу того, что динго происходит от домашней собаки, говорит строение ее зубов и скелета, которые почти не отличаются от зубов и скелета домашней собаки, и отсутствие сумки, которая имеется у всех коренных австралийских животных.

Против говорит то, что кости динго найдены в очень глубоких слоях земли, образовавшихся тогда, когда ни о каких мореплавателях не могло быть и речи. Правда, динго роет норы, и кости могли оказаться так глубоко именно поэтому. Против того, что динго произошла от домашних собак, говорит и ее нрав, совершенно не похожий на нрав наших верных друзей. Впрочем, и тут среди знатоков динго нет единого мнения. Европейцы-переселенцы так ненавидят этих собак, что само слово «динго» для них стало ругательством. Это объяснимо: динго приносит огромные убытки скотоводам, уничтожая овец и ягнят. Подсчитано, что только за одиннадцать лет в штате Квинсленд динго уничтожили 600 тысяч овец, стоимость которых превышала 6 миллионов долларов. Так что от скотоводов нельзя требовать объективности. Однако и многие ученые считают, что динго — опасное и кровожадное животное, способное убивать только ради убийства, что его нельзя приручить и заставить служить человеку. Даже выкормленное из соски, оно в любой момент может напасть на своего хозяина. Во всяком случае, в Австралии имеется закон, запрещающий частным лицам держать у себя дома динго.

Однако коренные жители Австралии иного мнения об этом звере. Они специально воспитывают щенят, которые, став взрослыми, помогают людям на охоте. Б. Гржимек считает, что динго при соответствующем обращении и воспитании может быть не только приручен, но и станет преданным другом человека.

Однако сейчас динго не приручают, а уничтожают. Оснований для этого достаточно. Сколько сейчас в Австралии динго, никто точно не знает. Одни говорят, что эти животные уже на грани исчезновения, другие считают, что их осталось еще, по крайней мере, тысяч 200. Трудно сказать, будет ли динго полностью истреблен, — зверь этот хитрый, очень выносливый и достаточно осторожный. Но какой зверь может соперничать с человеком? А если динго будут полностью истреблены, как поведут себя другие животные, и в частности кролики, размножение которых сдерживают динго?

Дикая собака динго, конечно, вредит, убытки фермеров от этих хищников велики. Но полностью уничтожать динго рискованно. Люди уже знают, что такое уничтожить целый вид: последствия их уничтожения могут оказаться гораздо опаснее самих хищников.

Как попала енотовидная собака в Европу — известно, а вот где она сейчас живет, вернее, куда уже до-

бралась — неизвестно. Родина енотовидной собаки — Юго-Восточная Азия. А в нашей стране — Амурская область. Там она жила до тех пор, пока люди не подумали: а почему этот ценный пушной зверек должен жить только там? Пусть живет и в других местах. И вот, начиная с 1934 года, стала эта собака путешествовать — люди отлавливали ее на родине и развозили по разным областям нашей страны. Не всюду природные условия оказывались подходящими для енотовидной собаки, но во многих местах она прижилась. И даже так размножилась, что стала истреблять в больших количествах боровую и водоплавающую дичь. Тогда начался отстрел енотовидной собаки. Численность ее стала быстро снижаться. Но не только из-за отстрела, а еще и потому, что зверь этот, в общем-то, беззащитный: ни убежать, ни постоять за себя не может. В природе же и без людей у него достаточно врагов. Кроме того, енотовидная собака гибнет во время наводнений и разливов рек, молодые очень часто становятся добычей лис и волков. От полного уничтожения енотовидную собаку спасает ее плодовитость: 10—12 детенышей в год — далеко не предел. Дети беспечно шаловливы, родители заботливы и терпеливы — все, как положено. Мамаша кормит молоком щенят, а папаша в это время приносит ей еду. Потом они охотятся по очереди — один из родителей постоянно со щенятами. На прогулку выводят их оба родителя, оба обучают щенков житейским премудростям, но, несмотря на все заботы, до зимы доживает обычно лишь половина выводка.

К осени у енотовидных собак под шкуркой образуется толстый слой жира (иногда вес зверя от этих накоплений удваивается). Жир нужен зверю, потому что где-нибудь в чужой норе или под поваленным деревом, под кучей хвороста или просто в сухой густой траве заляжет он в зимнюю спячку. Собственно, спячкой это не назовешь — это скорее дрема. Но перенести суровую зиму помогает: в таком состоянии обмен веществ замедляется и жировых запасов зверю вполне хватает до весны. Да и в течение зимы он не раз проснется в теплые дни и поест, что придется. Вообще зверь этот очень неприхотлив и в жилье и в еде. Да, енотовидная собака — хищник и основная ее пища — грызуны. Не пропустит она и птичье гнездо, схватит лягушку, кузнечика — в общем, все, что подвернется. Но это летом. Зимой кузнечиков и лягушек не найдешь. Но какой-нибудь корешок, луковицу растения, желудь отыскать можно. И это сгодится. Так и проживет зверь до весны. А весной можно и свет повидать, и себя показать. Если енотовидная собака семейная (в таком случае зимуют они парами) — двинутся в путь вдвоем, если зверь холостой — пойдет один. Ходить енотовидные собаки любят, к месту не привязаны. За год могут пройти и сто и даже триста километров. Вот почему они уже появились в Польше и Чехословакии, в Румынии и ГДР, ФРГ и Швеции. И неизвестно, где появятся в ближайшее время: может быть, во Франции (если еще не появились там), а то и в Испании или Португалии — горы для этого зверя не помеха, реки не препятствие.

Ну вот, а теперь наступила очередь нашей знаменитой лисы, нашей славной кумушки Патрикеевны. Не многих животных называют по имени-отчеству. А вот лисицу часто величают именно так. Да еще и отче-

ство у нее необычное — Патрикеевна.

Лет примерно 600 назад жил князь по имени Патрикей Наримунтович, прославившийся своей хитростью и изворотливостью. С тех пор имя Патрикей стало равнозначно слову «хитрец». А так как лиса издавна в народе считалась зверем очень хитрым, то как верная «наследница» знаменитого князя и получила отчество Патрикеевна.

Но если говорить честно, не по праву носит лисица это имя: не такая она уж хитрая. Конечно, когда дело идет о спасении жизни или о добывании еды, лиса бывает и хитрой и изворотливой. Живя часто поблизости от людей, лисица многому «научилась» от них. Знает, например, кого и когда надо бояться, а кого нет. Стала отличать опасные капканы от безобидных консервных банок, в которые можно еще и мордочку засунуть, и слизнуть остатки консервов. Нередко, спасаясь от собак, выбегает лисица на шоссейную дорогу, будто понимает, что запах гудрона или бензина собьет преследователей со следа. Но все-таки лисица — не самый хитрый и даже не самый осторожный зверь. Любопытство часто берет верх над осторожностью. Например, она подходит к незнакомому предмету и не может удержаться, чтобы не исследовать его. Не может удержаться, чтобы не зайти в какой-нибудь двор и внимательно осмотреть его. Поэтому часто попадает она в трудное положение. И если бы не умение маскироваться, если бы не острое зрение, слух и обоняние, плохо пришлось бы Патрикеевне.

Обоняние и тонкий слух помогают лисице не только спасаться, но и добывать еду. Особенно зимой. Часто в зимнюю лунную ночь где-нибудь на лесной полянке, на опушке или на поле можно увидать лису, которая бежит легкой осторожной рысцой, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Вдруг она круто сворачивает, неожиданно подпрыгивает несколько раз, ударяя всеми четырьмя конечностями о снег, поднимается на задние лапы и, извернувшись, падает. Издали, конечно, не увидишь, что под лапой у нее в этот момент оказалась мышь или полевка. Так она ловит бегающих под снегом грызунов — мышкует.

А весной лисица «танцует» — поднимается на задние лапы и ходит в таком положении мелкими шажками. По аналогии с этими «па» получил свое название танец фокстрот (английское слово «фокстрот» как раз и означает «лисий шаг»).

Существовало, да и сейчас еще существует мнение, что основная еда лис — зайцы. Конечно, лиса не против зайчатины, но догнать зайца она не может — где уж ей, коротконогой, угнаться за таким бегуном! Поэтому разговоры о том, что лисицы уничтожают много зайцев, совершенно неверны. Если случайно наткнется Патрикеевна на растерявшегося зайца или на беспомощных зайчат, она, конечно, не упустит своего, но зайцы попадаются лисице не так уж часто. Впрочем, лисы прекрасно обходятся и без зайчатины. Подсчитано, что в рационе лисицы более трехсот самых разнообразных животных — от насекомых до крупных птиц. И все же основная пища лисы — грызуны. Они занимают 80—85 процентов ее рациона. Чтобы насытиться, лисице надо поймать и съесть не менее двух десятков мышей и полевок в день. И там, где кормится лисица — а площадь ее кормового участка в среднем 10 ки-

лометров в диаметре, — грызунов гораздо меньше, чем там, где лисиц нет.

Весной или в начале лета в норе лисиц появляются щенята. Иногда их бывает больше десятка. Такую семейку прокормить нелегко, и оба родителя «работают» неустанно. Впрочем, родной отец не всегда принимает участие в воспитании своих детишек — иногда его прогоняет посторонний лис и «усыновляет» чужое потомство. Такое странное, на первый взгляд, поведение лисов — один из мудрых «приемов», помогающий выживанию и процветанию лисьего рода: если посторонний смог прогнать родного отца, значит, он сильнее, значит, он лучше сможет заботиться о потомстве и надежнее защитить его в случае опасности. Впрочем, при опасности лисы вместе с лисятами прячутся в нору и в схватку вступают очень редко. Однако обнаружить присутствие лисиц в норе можно даже издали — вокруг распространяется сильный и неприятный запах. Лисицы очень нечистоплотны. Захламляют свое жилище и все вокруг.

Когда лисятам исполняется 4—6 месяцев, они перестают нуждаться в родительской опеке и покидают гнездо.

Все сказанное выше относится к рыжей лисице, наиболее известной и наиболее распространенной в нашей стране и за ее пределами — в Европе, Северной Африке, Азии, Северной Америке. Среди этих лисиц встречаются и темные, и чернобурые, и коричневые, и даже совершенно черные, но называются они все-таки все рыжими.

В степях и полупустынях Азии и Юго-Восточной Европы (а в СССР — в Заволжье, Казахстане, Средней Азии и Забайкалье) живет степная лисица — корсак. Корсак меньше рыжей, но шкурка его тоже высоко ценится. Пользу корсак тоже приносит немалую, уничтожая множество грызунов.

В песчаных пустынях Северной Африки, Синайского и Аравийского полуострова живет маленькая — сантиметров 40 в длину и сантиметров 30 высоты — лисичка фенек, имеющая непропорционально длинные (более 15 сантиметров) уши. В пустыне еды не так уж много. Приходится прислушиваться к каждому шороху и ловить любую живность — грызунов, ящериц, саранчу. Уши фенека улавливают малейший звук. Затем — молниеносный прыжок, и добыча поймана. Самим лисичкам часто тоже грозит какая-нибудь опасность. Но фенек не убегает, а быстро закапывается в песок, и это его часто спасает. Правда, спасает от хищников, а не от людей, которые охотятся на этих лисичек: у арабов жареный фенек, особенно молодой, считается праздничной едой.

Если фенек знаменит своими ушами, то серая лисица, живущая в Северной и Центральной Америке, знаменита тем, что она единственная из всего семейства собачьих умеет лазать по деревьям.

Ну, если уж говорить о каких-то особых отличительных качествах, то необходимо вспомнить песца: у него у единственного из всего семейства летом мех одного цвета, а зимой — другого. (Большей частью белого, но бывает и серого и коричневого — такие песцы почему-то называются голубыми.)

Песец—типичный житель Арктики и Субарктики и прекрасно приспособлен к суровым условиям жизни. Но порой и песцовое племя сильно редеет. Это происходит тогда, когда становится мало леммингов. (Впро-

чем, благополучие и количество рыжих лис тоже зависит от количества грызунов.)

Холодную полярную зиму песцы переносят без особого труда, лишь в сильные бураны и морозы роют норы в снегу и отсиживаются в них. А то и просто делают небольшие углубления в снегу, и этого вполне достаточно им. Главный враг песцов не холод, а голод. Поэтому в любом случае, даже если леммингов достаточно, некоторое количество песцов осенью с северо-востока Европы и Азии направляется на юг, откочевывает на несколько сотен километров. Если же леммингов мало, в путь отправляются тысячи и тысячи песцов. Одни собираются в «кормных» местах сравнительно неподалеку, другие уходят очень далеко от дома. Весной все песцы возвращаются в родные места. На песчаных сопках, холмах, на обрывах и крутых берегах рек находятся песцовые норы. Это сложные и многолабиринтовые сооружения, которыми песцы пользуются из года в год, из поколения в поколение. Десятками, сотнями и даже, как предполагают некоторые специалисты, тысячами лет. Каждую весну песцы ремонтируют норы, обязательно расширяя их или делая новый выход, отчего длина нор постоянно увеличивается, а число ходов иногда доходит до сотни, хотя пользуются песцы лишь несколькими. В этих сооружениях у самки появляются детеныши, в среднем 8—9, но и 20 щенков — не такая уж редкость.

Иногда песцы «усыновляют» щенков, потерявших родителей, и тогда в норке может оказаться и 3, и даже 4 десятка малышей.

Лето в тундре короткое, и песцы растут быстро: к осени они уже самостоятельные, а следующей весной могут сами участвовать в продолжении рода.

К сожалению, мы не можем хоть сколько-нибудь подробно познакомиться со всеми представителями семейства собачьих. Например, с такими, ставшими сейчас редкими, хищниками, жителями гор Азии и Дальнего Востока, как красные волки, с гривистым волком, обладающим оригинальной внешностью: на холке и шее у него топорщится грива, а ноги почти вдвое длиннее туловища — это самое длинноногое млекопитающее на свете. Живет гривистый волк в Южной и Центральной Америке. Примерно там же живет и кустарниковая собака. Интересен этот зверь тем, что у него мало зубов, и поэтому мясо он глотает не разжевывая.

Семейство Енотовые. Это семейство небольшое и названо «в честь» одного из типичных его представителей — енота-полоскуна. А сам енот назван полоскуном за удивительное свойство: как бы енот ни был голоден, он не станет есть, прежде чем не прополощет как следует еду. Правда, если поблизости воды нет, приходится обходиться «без стирки», но такое случается не очень часто — еноты стараются держаться поблизости от какой-нибудь воды. Зачем енот полощет, непонятно. Вряд ли тут роль играет какая-нибудь звериная чистоплотность, тем более что моет он и несъедобные вещи, и детишек своих полощет, да так, что иногда «застирывает» их до смерти.

Енот несколько похож на енотовидную собаку и внешне и по образу жизни, и даже судьба их отчасти схожа. Родина енотов — Центральная и Северная Америка. Но, как и енотовидную собаку, люди решили

расселить енота по земному шару. И вот в 1936 году енот прибыл в Европу. И был выпущен в некоторых странах. (В нашей стране он поселился в Белоруссии, на Дальнем Востоке и Северном Кавказе, а также в Азербайджане и Киргизии.) В отличие от енотовидной собаки, еноты не бродяги. Если условия подходящие, то есть если енот живет в смешанных лесах, где имеются старые дуплистые деревья и какая-то вода (озера, ручьи, речушки, болота), — он никуда не уйдет, даже если лес станет шумным, людным, даже если поблизости есть населенный пункт. Людей енот не боится, хотя и не может защититься в случае опасности. Единственный способ защиты — умение притворяться мертвым. «Играет» мертвого енот хорошо, правда, не так искусно, как его земляк — опоссум. Поэтому, чтобы поменьше иметь нежелательных встреч, енот обычно охотится в сумерки и ночью. Ест енот все, что попадается,—насекомых и лягушек, ящериц и грызунов (это основная пища). Не пропустит и птичье гнездышко, а также собирает ягоды, орехи, желуди. Все это енот разыскивает на земле, хотя по деревьям лазает прекрасно и гнезда свои устраивает чаще в дуплах деревьев, чем на земле (на охотничьем участке, который имеет диаметр 2—3 километра, у енота обычно несколько гнезд). В гнездах весною появляется обычно 4 (но может быть и до 8) енотиков. Месяца через полтора мамаша уже выводит их на прогулку, спускаясь для этого на землю. В случае опасности енотиха подсаживает на дерево детишек, а потом забирается туда сама.

Енот, как и енотовидная собака, к осени сильно жиреет и в холодных краях впадает в спячку. Но, в отличие от енотовидной собаки, спит он крепко и не просыпается довольно долго (в теплых краях енот может не спать совсем). На енота усиленно охотятся, так как ценится не только его шкура — мясо этих зверей в Америке считается деликатесом.

В Старом Свете живет сейчас лишь енот-полоскун. В Америке же есть и другие еноты. Например, близкий к полоскуну ракоед, отличающийся от него более короткой шерстью и удлиненным телом. А вот коати, или носуха, от енотов отличается сильно. Носуха и крупнее, и шерсть у нее короткая, и хвост не пушистый. А главное — морда: у енота она короткая и тонкая, у носухи же длинная, а нос вытянутый и постоянно двигается. Еноты спокойные, медлительные, предпочитают одиночество. Носухи постоянно в движении, а так как грацией они не отличаются, то кажутся суетливыми. Они очень общительны, живут компаниями, вместе разыскивают еду на земле и вместе ночуют на деревьях. Лишь за неделю до родов самка покидает компанию и уединяется в каком-нибудь дупле или в специально сооруженном гнезде. А месяца через полтора-два она уже представляет свое потомство «обществу», и молодые носухи становятся полноправными членами большой семьи.

Носухи, как и еноты, считаются всеядными, поедают мелкую живность и растения и тоже любят прополаскивать еду.

В лесах Южной и Центральной Америки живет еще один оригинальный енот — кинкажу. Небольшой, длиннохвостый, проворный, с крупными глазами, торчащими круглыми ушами и острой мордочкой, он не только лазает по деревьям, цепляясь хвостом, но и,

когда надо, повисает на хвосте. А повисать ему требуется часто — то он хочет дотянуться до фруктов, то хочет добраться до гнезда диких пчел, мед которых очень любит.

Когда-то всех зверей, входящих в семейство енотовых, называли карликовыми медведями. Немцы дали енотам имя «вашбер», что означает «моющий медведь». Альфред Брем тоже их так называл. Брем подробно описал всех енотов, но в его книгах мы не найдем даже упоминания о еноте, который почти официально за свою внешность (а может быть, и не только внешность) и сейчас называется медведем, правда, с добавлением «бамбуковый». Брем не упоминает об этом медведе, потому что просто не знал о его существовании. Впрочем, не только Брем: о нем не знали зоологи, жившие и гораздо позже, хотя, возможно, и слышали о существовании бамбуковых медведей, или панд, как стали их официально называть. Сначала люди узнали о малой панде, хотя сведения были очень скудные. Места обитания малой панды весьма ограниченны — высокогорные бамбуковые леса в нескольких провинциях Китая, Бирмы и Непала. Малая панда хоть и хищник, но предпочитает питаться молодыми побегами и веточками бамбука, которые отыскивает по ночам, а днем спит, свернувшись клубком, как кошка, где-нибудь на дереве. Наши скудные знания о малой панде, точнее, о ее жизни в природе, объясняются еще и тем, что за малыми пандами на воле наблюдать очень трудно, а в неволе они быстро теряют облик дикого зверя, утрачивают свои природные инстинкты и наклонности, становятся совершенно ручными, ласковыми, послушными.

Но если о малой панде мы все-таки кое-что знаем, то о большой — почти ничего. Даже само ее существование до недавнего времени было загадкой. И загадку эту люди не могли разгадать почти 70 лет.

В 1869 году миссионер и естествоиспытатель А. Давид (тот самый, который отважился перелезть через стену императорского парка, чтобы увидеть оленей милу) привез из Китая в Европу несколько шкурок необыкновенного зверя, которые купил у китайцев-охотников. Сам Давид этих зверей не видел и ничего рассказать о них не мог. Зоологов очень заинтересовали необычные животные, и было организовано несколько экспедиций для поиска «бен-бей-шунга», что по-китайски значит «белый медведь», или «ньяла понча», что означает «пожиратель бамбука». Однако все экспедиции возвращались с пустыми руками. Но вот в 1936 году два американских натуралиста, В. Харкнесс и Ф. Смит, решили во что бы то ни стало поймать таинственного зверя. Во время экспедиции В. Харкнесс умер, но его жена Руфь поклялась в память о муже довести его дело до конца. Ее отвага и неутомимость были вознаграждены: Руфь разыскала редкого зверя. Так, через 68 лет после открытия большой панды, как назвали ее ученые, они увидели этого зверя живым.

Юная панда по имени Сулинь, пойманная Руфью Харкнесс, была доставлена в Соединенные Штаты благополучно, но там прожила недолго. Тогда отважная Руфь вновь отправляется в джунгли и снова возвращается с победой — с новой пандочкой, которую назвали Мей-Мей. С тех пор было поймано всего несколько этих удивительных и очень редких животных. Сведения о них

крайне скудны. Внешность, естественно, изучена детально, вес, величина тоже установлены, насколько это можно сделать по нескольким экземплярам. Известно, что питается большая панда, как и малая, ростками бамбука, и лишь изредка ловит грызунов. Крошечные, раз в 50 меньше мамаши, детеныши появляются на свет раз в год или раз в два года. Воспитывают их, очевидно, оба родителя. Вот, пожалуй, в основном и все, что известно о большой панде. В нашем параде они проходят в семействе енотовых. Законность их пребывания в этом семействе доказал еще 45 лет назад американский ученый В. Грегори, который нашел у панд много анатомических признаков, схожих с признаками, имеющимися у енота-полоскуна. Однако бельгийский зоолог Фрешкоп считает, что панды к енотам отношения не имеют: эти животные — «промежуточное звено» между кошками и медведями. У них есть признаки тех и других, поэтому их надо выделить в отдельное семейство, считает Фрешкоп. С бельгийцем не согласны французские ученые, проводившие биохимический анализ крови большой панды. Французы утверждают, что к кошкам панда не имеет отношения, а близка лишь к медведям.

Но пока вопрос не решен, панда в нашем параде проходит вместе с енотовыми, родство с которыми пока еще основательно никто не опроверг.

Семейство Медвежьи. Если бы мы увидали енота, а потом посмотрели бы на панду или на носуху, то, вероятно, могли бы усомниться в том, что это представители одного семейства. А вот посмотрев на любого медведя — белого или черного, малайского или очкового, мы сразу скажем, что все они близкие родственники и все они похожи на нашего, хорошо всем известного бурого медведя — Мишку, Косолапого, Топтыгина, Потапыча, как часто называли его на Руси. Даже по имени-отчеству его величали, называли Михаилом Иванычем или Михаилом Потапычем. Такое почтение не случайно: люди очень боялись медведей.

Когда-то на Руси жили люди в лесах или поселениях, окруженных лесами, промышляли бортничеством, то есть добывали мед диких пчел, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу и охотились. И самыми опасными зверями в лесу люди считали волка и медведя. При этом (у страха глаза велики!) про медведей сочиняли разные легенды. В частности, верили: если произнести имя зверя, он обязательно явится. Настоящее имя медведя было «орктос» (от греческого «арктос»). Вслух это слово люди произносить боялись, но все-таки упоминать-то этих зверей както надо было. Вот и придумывали им люди различные клички. А клички часто подчеркивали какую-нибудь черту во внешности или в поведении. Например, заметили люди, что зверь этот любит мед и вроде бы всегда знает, где его можно найти, и придумали кличку — медведь, то есть «ведающий (знающий), где мед». (По другой версии, слово «медведь» расшифровывается как «мед едящий».) Со временем вообще забылось настоящее имя этого зверя и прозвище превратилось в его подлинное имя. Тогда уже люди стали бояться произносить слово «медведь», и пришлось им придумывать новые клички или прозвища. Так появились «имена» Топтыгин, Миша, Косолапый.

Он действительно косолапый, действительно топает — идет через лес напрямик, не заботясь о тишине, разыскивает гнезда диких пчел. Все это верно. А вот насчет того, что зверь этот страшный и опасный, — тут роль сыграло человеческое воображение. И роль немалую. Да, конечно, медведь не всегда бывает добродушным, не всегда настроен мирно и дружелюбно. Если же медведя разозлить, он покажет свою силу и свирепость. Не случайно же еще древние римляне любили смотреть бои зверей с участием медведей. Но ведь там медведи были разозлены до предела, да к тому же они защищали свою жизнь!

Варварская забава — травля медведей существовала в Европе до сравнительно недавнего времени. Особенно часто таким образом развлекались немецкие князья в XVII—XVIII веках. Медведя обычно привозили из леса и помещали в небольшой загон. В определенный день, когда назначалась травля, на зверя выпускали свору собак, которые набрасывались на него со всех сторон. Эти специально обученные псы ловко увертывались от ударов, успевали укусить медведя или вырвать у него кусок мяса. От боли медведь почти безумел, собаки все больше свирепели, а публика приходила в восторг. В конце концов какой-нибудь августейший охотник приканчивал окровавленное, истерзанное, полумертвое животное.

В XIX веке (еще в XIX — совсем недавно!) во Франции знать развлекалась тем, что свору сильных и злобных собак натравливали на сидящего на цепи медведя, который даже элементарного сопротивления не мог оказать. Собаки загрызали отчаянно ревущего от боли и страха зверя.

Когда-то в Европе, в Северной Америке, Азии, Северной Африке медведей было много. Встреча с ними не всегда кончалась благополучно. Но и тогда неспровоцированные нападения этих зверей были достаточно редки.

И все-таки медведь — хищник. Хищник могучий и ловкий, хитрый и осторожный. При необходимости он может тащить по лесу ношу в 400—500 килограммов или мчаться со скоростью скаковой лошади, причем быстро бежать может не один километр, способен, несмотря на свою неуклюжесть, совершать молниеносные броски или подкрадываться с такой осторожностью, что даже чуткие косули не слышат его приближения.

У медведя слабое зрение, но слух и обоняние развиты прекрасно, и это очень помогает ему в охоте. Но при всем при этом охотится медведь на крупных зверей не так уж часто.

Основная пища медведя — мелкие грызуны, насекомые и различные коренья и орехи, ягоды и грибы, молодые побеги и прочая растительная пища. Ну, и конечно, очень любит медведь мед. Так любит, что приходит иногда за ним на пасеку, хотя не очень-то склонен приходить туда, где чувствует присутствие человека. Даже на «овсы», то есть на овсяное поле, медведь приходит только в том случае, если это поле поближе к лесу и подальше от человека. А ведь овес для медведя — не просто лакомство. Пожалуй, ничто так не помогает медведю «толстеть», как поспевающий овес: благодаря овсу за 2—3 недели медведь прибавляет в весе килограммов 20—25. Люди испокон веков были уверены, что медведь на овсяном поле производит полный разгром, причем не столько съедает, сколько

портит — топчет и мнет. Но сравнительно недавно зоологи решили проверить — так ли уж верна эта молва? И вот выяснилось, что много напраслины возведено на зверя. То есть овес-то он ест, но не так уж много съедает, как предполагалось, и, конечно, кое-что вытаптывает и мнет на поле, но гораздо меньше, чем считали до сих пор.

Зиму медведи проводят в берлоге. Лежат там месяцев по 5—6. В это время у них сходит кожа со ступней, и звери усиленно лижут лапы. Видимо, отсюда пошла поговорка «сосать лапу, как медведь». Ну, тут спорить не стоит. А вот мнение, что медведь зимой спит беспробудно, — совершенно не верное. Медведи спят не так уж беспробудно. А у медведиц это время вообще очень беспокойное — зимой у них появляется потомство. Рождаются медвежата слепыми, беспомощными и очень маленькими: новорожденный медвежонок весит примерно граммов 500 (а мамаша — килограммов 150—200!). Таким медвежатам много еды, то есть молока, не надо. Да у матери и не может быть много молока — ведь всю зиму она ничего не ест.

К весне медвежата подрастут — вес их достигнет 6—7 килограммов, а взрослые за зиму сильно похудеют. Особенно худеют медведицы — они за зиму нередко теряют до 50 килограммов. Но если медведи, выйдя из берлоги, начинают активно разыскивать пищу, быстро полнеть и набирать силу, то медведица ведет себя иначе: найденную еду она в первую очередь отдает малышам, как бы ни была голодна сама. При этом она постоянно внимательно следит, нет ли опасности, учит детишек находить различные коренья и луковицы, показывает, как придавить юркого грызуна и как взбираться на деревья, обучает малышей плаванию. Все лето бродит мамаша с детенышами. К осени они уже здорово подрастают, становятся почти самостоятельными, но мамашу не покидают и остаются с ней зимовать. И на следующий год часто остаются с матерью. А когда у матерей появляются новые малыши, старшие братья и сестры все лето будут опекать младших и помогать мамаше воспитывать их (таких «воспитателей» называют пестунами). Любопытно, что на прогулке такая семейка двигается в строго определенном порядке: впереди идет мамаша, за ней малыши, а замыкают шествие пестуны. Малышей как бы охраняют с двух сторон.

Люди медведей знают очень давно — еще неандертальцы сталкивались с медведями, причем решались даже отвоевывать у них пещеры для жилья.

В течение многих сотен лет почти до нашего времени медведи жили в непосредственной или относительной близости к человеку. Казалось бы, за многие-многие годы люди уже хорошо изучили медведей. Действительно, охотники знают медвежьи повадки, дрессировщики (а медведи — постоянные участники не только цирковых представлений, их показывали и в балаганах, с ними когда-то ходили поводыри по деревням, и дрессированный цепной медведь показывал разные «штуки») тоже немало знают о медведях. И конечно же, ученые накопили большой материал об этих хищниках. Тем не менее люди знают о медведях (как это недавно выяснилось) не так уж много. Точнее, многого еще не знают. Например, существовало и существует до сих пор мнение, что медведи выходят

из берлоги сильно отощавшими и очень голодными. Но опыты, проведенные в Центральном лесном заповеднике, показали обратное: вышедшие из берлоги после зимней спячки молодые медведи проявляли активность во всем, кроме отыскивания еды — еду они даже не пытались отыскивать.

Некоторые ученые считают, что это «воздержание» — выработанная в течение тысячелетий мера предосторожности: после долгого голодания обильная пища может привести к несварению желудка, может вызвать расстройство пищеварения. Тем более что у медведей, вышедших из берлоги, кишечник на 1,5—2 метра короче, а стенки толще, чем были до спячки. Вскоре эти изменения исчезнут, но пока все не войдет в норму, медведь продолжает голодать, «доедает» зимние «запасы», то есть живет за счет подкожного жира.

Но всегда и всюду ли так происходит у медведей — сказать пока нельзя. Вообще, вопрос питания — один из еще не проясненных вопросов в жизни этого зверя. И других вопросов много. Например, неизвестно, почему одни звери ложатся в спячку в тех же районах, где живут летом, а другие уходят за многие километры, в совершенно иные места; почему одни звери сравнительно легко и быстро привыкают друг к другу, другие же никак не могут преодолеть «барьер несовместимости»; почему одни устраивают берлоги кое-как, другие делают их очень тщательно. И еще на много вопросов, связанных с жизнью медведей, пока нет ответов. Ответы, конечно, будут найдены, хотя сделать это нелегко, кроме всего прочего, еще и потому, что медведи — животные с очень ярко выраженной индивидуальностью, и почти невозможно встретить двух похожих по характеру медведей. Тем более необходимо сделать все возможное, чтобы эти звери были спасены, тем более необходимо бережно подходить к каждому зверю: ведь это — индивидуальность!

Сейчас в нашей стране, по приблизительным подсчетам, живет 50 тысяч бурых медведей. «Эта цифра совсем не велика, если учесть огромные пространства нашей родины, и положение с медведем нельзя считать благополучным», — пишет профессор А. Г. Банников. И хотя в некоторых республиках нашей страны охота на медведей ограничена или полностью запрещена, зверей этих становится все меньше и меньше. Правда, советский ученый С. Кучеренко считает, что в СССР живет до 100 тысяч медведей и в Сибири их необходимо отстреливать. С мнением С. Кучеренко согласны не все, многие считают, что медведей гораздо меньше. Но даже если в Сибири их действительно десятки тысяч, то в европейской части СССР их примерно тысяч 15, а в Центральной России — не более 500 зверей. К тому же надо учитывать, что в жизни бурых медведей бывают тяжелые периоды — бесснежные зимы, неурожай кедровых орехов, которыми в основном питаются осенью медведи в Сибири и благодаря которым нагуливают необходимый для зимовок подкожный жир. Если медведи не накопят достаточно жира, они часто не залегают в берлоги, бродят по лесу, нападают на все живое, в том числе и друг на друга. После таких зим поголовье медведей сокращается, иногда и очень значительно.

В жизни родича нашего бурого медведя — медведя черного тоже

бывают такие периоды. Но как бы ни был он голоден, как бы ни было ему плохо — не пойдет он зимой бродить по лесу, разбойничать, а тем более нападать на себе подобного.

Черного медведя зовут еще гималайским, и белогрудым, и уссурийским, и тибетским, и азиатским. Во всех этих названиях зафиксированы два характерных признака: место обитания и окраска. Этот медведь действительно живет в Азии (на склонах Гималаев, в Индокитае, Южном и Восточном Китае). В СССР он водится в Уссурийском крае и к северу от Амура. Он действительно весь черный, и только на груди у него большое белое пятно. Так что все названия правильные. К ним можно было бы прибавить и еще одно — оно не только было бы правильным, но и подчеркивало бы удивительную, несвойственную медведям особенность. Его можно было бы назвать дуплогнездящимся.

Бурые медведи хорошо лазают по деревьям лишь в молодости. Потом тяжеловесному мишке становится уже трудно карабкаться по стволу. А черный, несмотря на порядочный вес, всю жизнь это проделывает, и проделывает довольно ловко. И даже прыгать может с высоты 4—6 метров. На дереве медведь спасается от опасности — врагов у него достаточно. На дереве находит себе еду — орехи, ягоды, плоды. А если медведь набредет на плодоносящее дерево — устроит себе временное кормовое гнездо: наломает веток, уложит их между сучков, укрепит, даже иногда что-то вроде навеса соорудит и сидит там, наслаждается. Но, конечно, не ради того, чтобы кейфовать, устраивает себе медведь такое гнездо — просто он не может одновременно и держаться за ствол и доставать еду. Берлоги свои медведь устраивает тоже на деревьях. Найдет подходящее толстое дерево с дуплом (большей частью это тополь или липа — древесина у них мягкая), залезет в него, соскребет со стенок труху — это будет подстилкой — и заляжет на зиму. Самец в своем дупле проспит всю зиму, не просыпаясь, а самка проведет зиму не очень спокойно: в январе—феврале она родит и будет кормить двух крошечных медвежат — у черных медведей новорожденные медвежата еще меньше, чем у бурых. И еще более беспомощны. И развиваются они тоже медленно. Даже весной, выбравшись из дупла, медвежата продолжают еще некоторое время питаться молоком матери, хотя уже едят молодую зелень и насекомых. Мамаша не только очень заботливая, она по-настоящему самоотверженная: если зимой попытаться выгнать ее из дупла—ни за что не уйдет, не бросит детишек. Она остается в дупле рядом с беспомощными малышами, даже когда лесорубы спиливают дерево. Этим пользовались и охотники: отыскивая дупло с медведями, они подпиливали дерево и убивали всю семью. Если же медведица оказывалась в дупле одна, это еще не значило, что, убивая ее, охотники не губили всю семью: дело в том, что в одном дупле находится мамаша с новорожденным, а с подросшими за лето медвежатами ей в одном дупле часто бывает тесно. Поэтому зимуют они врозь, а весной снова встречаются, и мамаша продолжает опекать еще не ставших самостоятельными медвежат. Самостоятельными они станут лишь через два года. Поэтому гибель матери — это почти наверняка и гибель медвежат, зимующих в других дуплах.

Черные медведи гибнут часто. Их

преследуют тигры и бурые медведи, губят лесорубы, без зазрения совести охотники истребляют этих беспомощных зверей, тем более что охота на них совершенно безопасна. Сейчас в нашей стране принимаются активные меры по спасению черного медведя, так как его становится все меньше и меньше.

В Северной Америке живет медведь барибал, во многом похожий на черного. И внешность, и размер, и образ жизни этих медведей схожи. Вообще многие американские медведи настолько схожи с медведями Старого Света, что систематики, раньше относившие многих медведей к разным видам, теперь и знаменитого кодьяка, достигающего 750 килограммов веса, и не менее знаменитого гризли, считавшегося ранее представителем особого вида серых медведей, и некоторых других американских медведей относят к одному виду — к тому же, к которому относится и бурый.

А вот малайский медведь, живущий в Бирме, Индокитае и на островах Индонезийского архипелага, внешне сильно отличается от своих родственников. Первое его отличие — величина: он самый маленький среди всех медведей и скорее напоминает медвежонка. Но медвежата неуклюжие, а этот хорошо сбитый, коренастый и довольно ловкий. Ведет ночной, полудревесный образ жизни: еду (листья и плоды) находит на деревьях. Спит тоже на ветвях. Иногда днем принимает солнечные ванны. У этого медведя длинный тонкий язык, с помощью которого он добывает себе лакомства — муравьев, термитов, диких пчел. Такого языка нет у других медведей.

Между прочим короткая гладкая шерсть — это тоже отличительный признак.

Медведь губач (живет в Индостане и в Шри Ланке), наоборот, настолько длинноволос, что издали его можно принять за большую и очень кудлатую собаку. Он больше малайского медведя, но меньше бурого и черного. Ноги его довольно высокие и стройные, он подтянутый, и только из-за лохматой и очень жесткой шерсти эта подтянутость не замечается. Губач не лазает по деревьям, не принимает солнечных ванн, развалясь на сучках, а спит в примитивной ямке, где-нибудь в кустах, громко похрапывая. На кормежку выходит с наступлением сумерек, и тут выясняется удивительная особенность губача: оказывается, у него есть особый насос, с помощью которого медведь добывает еду. Медведь этот недаром назван губачом: у него действительно длинная морда и очень подвижные голые губы, которые, вытягиваясь, образуют что-то вроде довольно длинной трубки. Расковыряв муравейник или термитник, медведь, сомкнув ноздри и вытянув губы, выдыхает в проделанное отверстие воздух. В ротовой полости создается своеобразный вакуум. И в этот вакуум, как бы заполняя его, всасываются муравьи. Еще одна отличительная черта губача — несвойственное медведям отцовское чадолюбие: маленьких губачат в течение двух-трех месяцев, пока они находятся в гнезде, опекает вместе с матерью и отец. Когда детишки подрастают, отец покидает их. А может быть, наоборот — медвежата покидают родителей и отправляются бродить по лесу.

В Северной Америке несколько видов и разновидностей медведей. А Южная Америка медведями обижена: там живет лишь один вид. Но зато это самый редкий из всех мед-

ведей, самый ловкий из них, самый растительноядный и самый малоизученный. Называется он очковый, потому что на морде у него вокруг глаз — большие белые пятна, напоминающие очки и хорошо видные на общем темном фоне.

Вообще все медведи окрашены в темные тона, потому что живут в лесу. Ну, а там, где круглый год лежит снег, где даже летом море часто покрыто льдинами, черному или серому плохо придется: он будет очень заметен, не сможет охотиться и умрет с голоду, даже если у него нет врагов. Медведю, живущему в северных широтах, такое не грозит — он белый.

Этот медведь — самый крупный наземный хищник: его длина достигает 3 метров, а вес — 1000 килограммов. Казалось бы, такой махине трудно двигаться, особенно по торосистым льдам. Ничего подобного! Белый медведь ловко лазает по торосам, легко ходит по снегу, хорошо чувствует себя он и в воде — глубоко ныряет, при этом уши и нос у него плотно закрываются, глаза, наоборот, широко открыты. Как недавно было установлено, белый медведь, в отличие от сухопутных животных, одинаково хорошо видит и в воздухе и под водой. Он прекрасно плавает — моряки и полярники видели в открытом море плывущих белых медведей в десятках километров от какой-либо тверди. На берег белый медведь вообще без надобности выходит очень редко, предпочитая все время проводить во льдах. Жизнь его настолько прочно связана с морем, что даже научное название этого зверя — «медведь морской».

Кажется, все у этого зверя приспособлено к морской жизни, точнее, к полуводному образу жизни: обтекаемое туловище, высоко посаженные на узкой голове глаза, длинная шея и широкие лапы, служащие отличными веслами. Как медведь плавает и ныряет, мы уже говорили. Но и бегает белый медведь совсем не плохо. Правда, бегать он может только зимой — летом медведю жарко: даже при короткой пробежке у него резко поднимается температура. И дело не только в толстой, теплой шубе, хотя и она играет не последнюю роль в теплообмене. Но ведь если вспомнить других медведей, и у них шкура ненамного хуже. У белого медведя, кроме шубы, очень большую роль играет ее «подкладка» — подкожный жир, который и греет медведя и помогает ему переносить бескормицу, если такая случается. Особенно важен подкожный жир для медведицы, становящейся матерью. Самцы и не собирающиеся рожать медведицы, (рожает медведица раз в три года), даже если охота окажется неудачной, какую-то еду все-таки себе найдут: подберут падаль, поймают птицу или песца. А если и поголодают какое-то время — тоже не беда. Иное дело медведица-мамаша: она ведь отвечает не только за себя, но и за продолжение рода. Поэтому к деторождению медведица относится очень серьезно. Во-первых, нагуливает жир (он поможет ей перенести многомесячную голодовку, во время которой медведица еще и кормит детишек).

Нагуляв жир, медведица отправляется в «родильный дом» — на берег. У медведиц есть излюбленные места, например остров Врангеля или Земля Франца Иосифа, где в иные годы насчитывают по две сотни берлог. Берлогу медведица выкапывает в снегу, на подветрен-

ной стороне горы или холма. Поначалу это небольшая ямка, в которую медведица ложится. Первая же сильная вьюга занесет медведицу снегом, образуя над ней толстую снеговую крышу. После этого медведица начинает благоустраивать свою берлогу — сделает коридор, жилую комнату, уборную (белые медведи очень чистоплотны). Затем проделает выход. Обычно выход из такой берлоги располагается ниже уровня «жилой комнаты», так что теплый воздух остается в берлоге и в ней всегда тепло. Это очень важно, потому что медвежата хоть и рождаются в шубках, постоянно мерзнут и мамаше приходится все время согревать их. Пройдет не меньше месяца, пока медвежата откроют глазки и перестанут дрожать. Но мерзляками они остаются еще долго. Лишь месяца в четыре вылезут они из берлоги и впервые в жизни увидят солнце, которое в это время на их родине не заходит круглые сутки. И начинаются у малышей «медвежьи университеты» — обучаются они всем медвежьим премудростям. Обучение продолжается полтора-два года и состоит в том, что медвежата неотступно ходят за мамашей, подражая ей во всем. Обычно медвежат двое, реже трое, совсем редко четверо, а у молодых медведиц, впервые ставших матерями, — один.

Полярное лето коротко. Но тем не менее за это время медвежата достаточно подрастают — в августе весят 60—80 килограммов (рождаются они 750-граммовыми, из берлоги вылезают 10-килограммовыми). Подросшим медвежатам берлога уже не нужна, и вместе с матерью они карабкаются по торосам, неутомимо бродят по льдинам, уходят очень далеко от берега, переплывают широкие полыньи и разводы, если такие встретятся им на пути. Они еще медвежата, но уже и настоящие белые медведи. А жизнь белого медведя очень суровая и довольно однообразная. Основная задача всей жизни — быть сытым. В отличие от других медведей, белые — хищники настоящие: где им найти растительную пищу в Арктике, да еще на льду, по которому они бродят всю долгую зиму? Значит, надо охотиться. Охотиться на тюленей. С удивительным терпением лежит медведь у лунки, в которой время от времени появляются головы тюленей, выныривающих, чтобы глотнуть воздух. Белый медведь на льду незаметен. Только черный нос да черные глаза могут выдать его. И, будто понимая это, медведь прикрывает лапой морду. Лежит медведь на краю лунки — не шелохнется. Но вот появился тюлень. Молниеносный удар лапой — и тюлень с проломленным черепом уже выброшен на лед. Обычно медведь съедает шкуру и жир. Остальное ест, только если очень голоден. Поел, отдохнул и пошел дальше. Куда? Никто, даже он сам, не знает. А может быть, знает? Может быть, бродит медведь не просто так, а ходит по каким-то только ему известным дорогам? Вполне возможно. Во всяком случае, уже установлено, что медведи, бродя по дрейфующим льдам, всегда двигаются в противоположную дрейфу сторону, хотя льды во время дрейфа описывают замысловатые кривые. Однако медведь постоянно выбирает совершенно точное направление.

Но всегда ли, все ли время бродит медведь? Тоже пока не очень ясно. Как ведут себя самки в берлогах с детенышами, это уже более или менее изучено, а что делают в это

время самцы, можно только предполагать. Точно не известно. Впрочем, не известно в жизни этих животных многое. Можно предположить, что они обладают какими-то навигационными способностями, очень возможно, что белые медведи способны к долгосрочному прогнозированию погоды. Самки всегда выбирают места, где во время сильных метелей и буранов снег не будет сдуваться ветром. Но как они узнают, какие ветра будут господствовать в предстоящую зиму? А ведь узнают как-то, потому что места для берлог выбирают всегда верно. Можно предположить, что, кроме известных уже людям «приспособлений» для жизни в Арктике — теплой шубы, жира под кожей, находящегося в полужидком состоянии, печени, содержащей огромное количество витамина А (в 50 граммах медвежьей печени сконцентрировано его столько, сколько требуется человеку на целый год), у него есть и другие приспособления! И люди, безусловно, выяснят это. Выяснили же совсем недавно, что обмен веществ у белого медведя не такой уж интенсивный, как можно было предполагать у жителя холодной страны. Выяснили же, что эти полярники не так уж любят холод, как предполагалось, и тепло им больше по душе (конечно, не жара). Выяснилось же недавно, что медведи в случае длительной бескормицы залегают в берлоги-ямы, вырытые на берегу, и погружаются в спячку. Причем сделать это могут в любое время года, когда наступают неблагоприятные для них условия.

Конечно, медведи хранят еще много тайн. Человек рано или поздно разгадает их, если белые медведи не будут уничтожены и «медвежья страна», Арктика, не останется без своего хозяина — арктоса.

Семейство Куньи. Не только среди всех 70 видов семейства куньих, но и среди всех хищников этот зверек самый маленький (не более 30 сантиметров). А переполох нередко устраивает очень даже большой. Когда-то в деревнях верили, что нечистая сила пробирается в конюшню и мучает по ночам лошадей. Доказательство налицо: лошадь ночью из сарая никуда не выводили, а она выглядит так, будто всю ночь работала. Да еще вздрагивает испуганно и грива часто спутана бывает. Ну кто еще, кроме нечистой силы, мог измучить и напугать лошадь?

А «нечистая сила» в это время преспокойно отсыпается где-нибудь поблизости. И, увидав хорошо знакомую ласку, суеверные люди ни за что не хотели верить, что это именно она доводит лошадей до такого состояния. Сейчас мы знаем, что это именно так. Правда, не совсем точно известно, каким образом она это делает. Одни ученые считают, что зверек слизывает со шкуры лошадей кристаллики соли, оставшиеся от высохшего пота и при этом то ли по неосторожности, то ли нарочно, чтобы заодно слизнуть капельки крови, прокусывает шкуру лошади. Другие утверждают, что ласка в конюшне ловит мышей, забирающихся в лошадиные кормушки. А чтоб удобнее было охотиться, зверек вскакивает на спину лошади, пробегает по шее и по голове и с головы (лошадь всегда стоит головой к кормушке) прыгает на мышей. Поскольку проделывает она такие упражнения многократно и каждый раз, пробегая, щекочет лошадь, царапает ее своими коготками, путает гриву, то лошадь за ночь дейст-

вительно измучается. Второе объяснение более правдоподобно: вряд ли ласка нуждается в капельках лошадиной крови, когда она ловит и поедает столько грызунов. А ловит она много! Даже когда ласка сыта, она продолжает охотиться. Десяток-полтора грызунов поймает она за ночь. По подсчетам специалистов, за год один зверек уничтожает до 4—4,5 тысячи мышей и полевок. Поселится ласка близ дома — кошкам уже делать нечего. Но не очень часто селится этот зверек около дома да и в конюшни приходит только зимой и, конечно, вовсе не для того, чтобы мучить лошадей: пробирается вслед за грызунами, которые на зиму жмутся поближе к человеку, где им и сытнее и теплее. Обычно же ласка живет в лесу. Там у нее много дел: на своем небольшом охотничьем участке (площадью примерно 3—4 гектара), она обшаривает все ямки, все закоулки, от нее не укроются грызуны даже в своих норках — ласка вытащит их и оттуда.

Летом ласка рыженькая или светло-бурая. На зиму белеет. И тогда ее можно спутать с горностаем. Правда, вблизи легко разобраться: горностай крупнее, а кончик хвоста у него черный. Ласка мельче и вся белая. Горностай и ласка редко живут в одних и тех же местах: оба хищники прожорливые, оба питаются грызунами, так что им вместе «тесно».

Горностай водится почти во всех странах Европы, в Китае, Монголии, Японии. Но больше всего этого зверька в Западной Сибири и Северном Казахстане. Там он бегает круглый год, не страшась снега и холода, и только в сильные морозы забирается в норы (чаще всего чужие). Передние лапки горностая короче задних, поэтому он не ходит, а скачет. Но короткие передние лапки не мешают горностаю прекрасно лазать по деревьям, далеко прыгать и хорошо плавать.

Весною у самочки появляются крошечные горностайчики. Они очень маленькие (новорожденный весит менее 4 граммов), слепые и беспомощные. Мамаша их выкармливает и выхаживает, а папаша, поселившийся поблизости в отдельном гнезде, внимательно присматривается к тому, что происходит с его потомством, — видимо, судьба детишек ему не безразлична.

К концу лета молодые горностаи становятся самостоятельными и ближе к осени меняют пестрый летний наряд на белоснежный зимний. Именно этим белоснежным мехом и прославился горностай: ведь короли, цари, императоры носили мантии, подбитые горностаевым мехом. Он стал как бы символом власти. Однако не ради тепла носили сильные мира сего горностаевые мантии — у этого зверька шерсть короткая и негустая, но зато очень легкая, очень белая и очень красивая. И будто зная свою причастность к сильным мира сего, гордо скачет горностай по своему охотничьему участку. Основная пища горностая — грызуны. Причем ловит он не только мелких, но и таких крупных, как водяные крысы, не брезгает и лягушками и насекомыми, при бескормице поедает даже ягоды и грибы — что поделаешь, жить-то надо! А жить горностаю нелегко: и прожорлив он, и конкурентов много, и врагов достаточно: люди, четвероногие и пернатые хищники. Особенно часто преследует горностая соболь, который не терпит в своем кормовом районе соперников.

О соболе мы уже говорили. Надо

еще сказать, что, в отличие от горностая, которому ничего не стоит уйти за десятки километров от своего охотничьего участка, соболь очень привязан к определенному месту. Конечно, случается, что и он откочевывает километров на 100—150, но это бывает лишь в крайнем случае. Обычно же соболь живет оседло, постоянно обходя свой участок, площадь которого может быть и 25 и 3 тысячи гектаров. Соболь хорошо лазает по деревьям, но предпочитает жить и охотиться на земле. Зимой передвигаться по снегу не очень удобно, и соболь, обходя свой участок, старается вскочить на любое возвышение — на кучу хвороста или на поваленное дерево — и хоть немного пробежать по нему. Охотоведы подсчитали, что зимой больше четверти пути соболь проходит по валежнику. Иногда он ныряет в снег и там ловит мышей. Часто поднимается и на деревья: зимой в дупле устраивает зимнее гнездо, весной в дупле соболюшка рождает детенышей. Правда, соболюшка может устроить гнездо и на земле — под какой-нибудь колодой или в чьей-нибудь норе. На свет появляются 3—5, редко 7 соболят, которые быстро растут и к концу лета уже уходят от родителей (воспитывают соболят и отец и мать) и отправляются искать и осваивать собственные охотничьи угодья. Может быть, там, на новом участке, молодой соболь встретит своего родственника и в то же время заклятого врага — колонка. Тогда драки не миновать.

Колонок меньше соболя, и когда встречаются два взрослых зверька — побеждает, как правило, соболь: колонок позорно убегает с поля боя. А вот как обернется дело, если молодой соболь придет на участок взрослого колонка и захочет его прогнать, — сказать трудно: тут колонок может и не уступить. И в то же время может легко покинуть его без каких-либо видимых причин. Вообще колонки склонны к переселению — когда-то они обитали лишь в азиатской части СССР (за пределами СССР — на Корейском полуострове, в Китае и Японии), а за последние 80—90 лет, перебравшись через Уральский хребет, расселились по всей европейской части страны (впрочем, возможно, вытеснил его из Сибири размножившийся там соболь).

Зимой колонки нередко нарушают границы своих участков. Случается это во время бескормицы, когда уже не до границ и не до сведения счетов. Нарушают они границы и тогда, когда вдруг обнаруживается павшее крупное животное. На пиршество собираются колонки из разных мест и, если павшее животное очень крупное, устраивают вокруг него временные норы. Поедят колонки, поспят в этих норах и опять принимаются за еду. Наедятся — и снова поспят. И так до тех пор, пока от павшего животного останутся одни лишь кости. В характере колонков сочетается индивидуализм («уходи с моего участка») и какой-то элементарный коллективизм (когда пищи достаточно, они мирно уживаются и даже образуют временные колонии); щедрость (сильный не прогоняет слабого от найденной добычи) и жадность (осенью колонки устраивают склады, набивают их мерзлым мясом и прогоняют всех, кто приближается к их богатствам). Колонки обычно селятся в зарослях, вблизи ручьев, небольших речушек. Там же устраивают гнезда и выращивают потомство. Но при малейшей опасности мать

перетаскивает детишек в другое, заранее намеченное место. И обязательно на противоположный берег ручья или речки. Колонок в основном питается грызунами. Он может разорить птичье гнездо, поймать и съесть лягушку, не брезгает и вегетарианской пищей. Но основная его еда — грызуны. Уничтожая грызунов, колонок приносит большую пользу. К тому же это ценный пушной зверек.

В давние времена, когда еще деньги были не в таком ходу, как позднее, на Руси за товары расплачивались шкурками животных. В Киевской Руси расчетной денежной единицей считалась шкурка куницы — куни. Мех куницы ценился высоко, и хорошую шкурку нелегко было добыть даже в те времена, когда в огромных нетронутых лесах было много всякой живности, и куниц в том числе. Теперь их стало гораздо меньше.

Лесная куница, или желтодушка (она прозвана так за желтые пятна на груди), обитает в сплошных массивах леса, где имеется достаточное количество дуплистых деревьев, к западу от Урала, за Урал же заходит не далее реки Оби.

В конце апреля — в мае где-нибудь в большом дупле и обязательно на высоком дереве куница рождает 3—5 детенышей. Кунята растут быстро и к осени становятся самостоятельными. Родительница, расставшись с ребятишками, отправляется путешествовать. С этого времени куницы бездомны. (А самцы вообще никогда не имеют своего жилища.) Ночуют куницы каждый раз в новом убежище. Охотничий участок у куницы такой, что часто за одну ночь она не может обойти его. И приходится ей ночевать где придется. Впрочем, ночью куница не только спит, но и охотится. Охотится в основном на грызунов, а попутно на всех, с кем может справиться. Справиться же она может и с такими животными, как зайцы, тетерева и глухари. (Для куниц, длина которых не превышает 60 сантиметров, это добыча крупная.) Зимой куница часто промышляет белку. Чтобы найти белку, ей приходится обследовать немало деревьев, обнюхать не одно дупло или гайно. Наконец, найдя гнездо, которое пахнет белкой, куница молниеносно вышибает дверь — затычку из мягкого мха и сухой травы — и врывается внутрь. Белка не успевает даже опомниться. Съев хозяйку, куница часто остается ночевать в этом же гнезде.

Очень, прямо до самозабвения, любит куница мед. И если найдет гнездо диких пчел, то будет бродить вокруг него до тех пор, пока не съест весь мед.

Все это относится и к каменной, или кунице-белодушке, прозванной так за белое пятно на груди. Каменная куница несколько меньше лесной, светлее и живет в более теплых краях (в Южной и Центральной Европе, в Передней, Средней и Малой Азии, а в СССР — в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, Средней Азии, на Кавказе и на юге РСФСР). Предпочитает она безлесные, каменистые пространства, хотя и встречается иногда в лесу. Питается теми же грызунами и мелкими зверушками, что и лесная, но на крупных не нападает. Зато поедает очень много растительной пищи.

Третий представитель куньих, живущий в нашей стране, — харза. Обитает она в Приморье и Приамурье, но, в общем-то, зверь этот пришлый— переселился когда-то из тропиков: основные места обита-

ния этого зверя — большие Зондские острова, Индокитай, Китай. Поэтому и окраска у нее яркая, радужная, свойственная тропическим животным.

Харза гораздо крупнее своих сестер — достигает 80 сантиметров в длину и 6 килограммов веса. А самая крупная лесная куница не потянет и 3 килограммов. Поэтому главная добыча харзы не мелкие зверушки (хотя не пропустит она и грызуна), а копытные звери, в частности маленький безрогий олень — кабарга. (Харза настолько тесно связана с кабаргой, что ее численность находится в прямой зависимости от численности этого оленя.) Обычно на оленя харза охотится зимой, объединяясь для этого в специальные группы. В таких группах все точно рассчитано, будто отрепетировано: один зверь гонится за кабаргой по земле, два бегут по ветвям деревьев, над головой преследуемого животного, остальные — за лидером. Когда лидер, гонящий кабаргу, устает, его заменяет один из бегущих сзади. Главная задача — выгнать кабаргу на лед, где она не может бежать, или загнать в глубокий снег. И хищникам почти всегда это удается.

Молодые кабанята и лосята, телята изюбрей и косуль, пятнистых оленей — все становится жертвами харзы. Знатоки считают, что она — самый страшный хищник наших дальневосточных лесов.

Если харза зверь не очень типичный для семейства куньих, то хорьки очень типичны. Разве что шерсть у них высокая и редкая, а это не свойственно куньим. В остальном они очень похожи на многих представителей семейства. В нашей стране живут два вида хорьков: черный и степной. Один — темного цвета, другой — светлый. Когда-то хорьков считали истребителями кур и проклинали при каждом удобном случае. И всегда старались убить. Но мало кто знал, что курица — случайная добыча хорьков, а главная их пища — грызуны: черный уничтожает по 10—15 мышей в сутки, а степной хорек — активный истребитель сусликов.

Все куницы, прошедшие перед нами, ловкие, быстрые, изящные. А вот этот зверь будто подчеркнуто неуклюж: голова большая, шея толстая и короткая, лапы массивные, а задние выше передних, отчего зверь кажется горбатым. И если бы не некоторые анатомические особенности, не быть бы ему в семействе куньих. Но у систематики свои законы.

Норвежцы называют этого зверя «йерв», финны — «ахма», а у нас он зовется росомаха. Росомаха — зверь крупный, более метра в длину, а из-за длинной и грубой шерсти кажется еще больше. Следы росомаха оставляет тоже громадные — ступни покрыты шерстью и имеют меховую оторочку. Живет росомаха в глухих северных лесах или в сибирской тайге, иногда встречается в тундре. Зверь этот очень осторожный, старается близко к себе не подпускать. При опасности убегает, причем может развить очень большую скорость. Бежать росомаха способна долго. Легко перебирается через болота, в которых любой преследователь утонет. Двигается по тонкому льду, на котором и более легкий зверь провалится. Не страшен ей и глубокий снег, в котором увязают другие животные. Так уж ловко устроены лапы росомахи. Бегун она хороший, а ходок просто отличный. Часами бродит росомаха в поисках мелких зверьков, падали, ягод.

Но может и подкарауливать добычу, может ловко и бесшумно подкрадываться к зверю или птице. Люди до сих пор не имеют единого мнения об этом звере. Например, в некоторых странах за каждую убитую росомаху выплачивают премию, так как считают ее жадным, прожорливым, нахальным хищником, нападающим на оленей, кабанов, уничтожающим массу птиц и зайцев. Но далеко не все согласны с этим. Да, росомаха — зверь сильный: даже у рыси может отнять добычу. И прожорливый, хотя и не в такой степени, как рассказывают об этом. Однако роль хищников в природе неоднозначна. Мы уже говорили об этом: одни необходимы как санитары, как истребители больных животных, способных распространять заразу, другие важны как регуляторы численности животных. Многие ученые считают, что росомахи играют огромную роль именно как санитары. Если же они нападают на кого-то, то, как правило, это ослабленные болезнью животные. Но главная заслуга росомахи в том, что она уничтожает падаль. Охотничья территория у росомахи большая — от 1000 до 3000 квадратных километров. На этом участке она устраивает несколько кладовок или складов, причем безошибочно разыскивает их даже после больших снегопадов, сильно изменяющих ландшафт, чем опровергает мнение о слабо развитом обонянии. Вообще люди росомаху знают плохо. Долгое время считали, например, что она — бродяга. Но, как показали исследования австрийского зоолога Крота, она достаточно привязана к своему охотничьему участку. Тщательно изучив жизнь росомахи, австрийский ученый пришел к выводу, что зверь этот очень полезен, так как избавляет от падали не только сушу, но и водоемы, откуда вытаскивает мертвых животных. И тем не менее росомаху истребляют, и она уже стала редким зверем: даже не во всех зоопарках имеется она.

В густом лесу, где-нибудь на крутом склоне холма или оврага, можно увидать довольно большое отверстие, отшлифованное по краям до блеска. Это гнездо барсука — признанного мастера-землекопа. Норы его — удивительные сооружения. Впрочем, такими сооружениями норы становятся не сразу: сначала барсук роет примитивную нору — коридор, тянущийся в глубину на 2—3 метра и заканчивающийся гнездовой камерой. Но с каждым годом барсук расширяет и углубляет свое жилище, роет новые коридоры, проделывает новые ходы. И это повторяется из поколения в поколение, в течение многих десятков, а то и сотен лет. Нора превращается в целый город. (Кстати, старые барсучьи поселения так и называются «городками».) Иногда в таком городке до 50 входных отверстий, а общая длина коридоров превышает 200 метров.

Роют барсуки легко — лапы у них сильные, «медвежьи», с длинными крепкими когтями. Этими же лапами барсуки легко выкапывают корешки, которые, как и всякую растительную пищу, поедают очень охотно: она в рационе этих зверей занимает такое же место, как мелкие грызуны, насекомые, земноводные и пресмыкающиеся. На крупных животных барсук никогда не нападает, хотя силы ему не занимать. Но силой своей он пользуется очень редко — во всякие драки, «скандалы» почти никогда не ввязывается, при опасности старается удрать и лишь в крайнем случае

вступает в сражение, проявляя при этом незаурядную храбрость и ловкость. Вообще же барсук очень мирное и добродушное животное. Даже лисиц, которые нахально вселяются в его квартиры, он не прогоняет, а если и прогоняет, то редко это делает, хотя такое соседство ему очень неприятно. И дело не в территории: места в городке вполне достаточно, отдельных выходов, чтобы можно было не встречаться, хватает. Дело даже не в возне и шуме, которые устраивают лисицы, хотя барсук любит тишину и одиночество. Однако он стерпел бы и это. Но мириться с нечистоплотностью— выше его сил. Сам барсук — пример аккуратности: возле норы у него всегда чисто, нет следов и остатков какой-нибудь еды, а в нескольких метрах от норы вырыты глубокие ямки — уборные. Когда такая ямка наполняется, барсук зарывает ее и делает новую. Подстилку в гнезде — сухие листья и мох — барсук меняет по нескольку раз за лето. Даже на охоту барсук не отправится, пока не наведет туалет, не очистит шкурку от прилипшей земли, не расчешет примятые шерстинки. И вдруг рядом с таким чистюлей поселяются лисицы, звери неаккуратные, распространяющие ужасный запах, разбрасывающие вокруг кости, остатки еды. Но барсук почему-то не прогоняет назойливых и неприятных квартирантов, а когда ему становится совсем невмоготу, сам уходит из своей норы. И роет новую. Если же барсука не тревожить или относиться к нему почтительно, как это делают енотовидные собаки, тоже иногда селящиеся в норах барсуков, он не станет возражать против такого соседства и будет вести спокойную, размеренную жизнь: днем спать, ночью в поисках еды бродить по лесу, уходя довольно далеко, иногда километров за 10 от норы.

Весной размеренную жизнь барсучихи нарушает появление 2—6 голеньких, слепых барсучат. По сравнению с родительницей, длина которой примерно метр, а вес в среднем около 10 килограммов, детишки крошечные: весят не более 15 граммов, длина их чуть больше 10 сантиметров. Однако эти малыши очень требовательны и капризны: дня три-четыре мать вообще не может оставить их и выйти из норы. Затем выходит очень ненадолго, потому что, едва мать отойдет, барсучата начинают пищать. Успокаиваются они только тогда, когда родительница оказывается рядом. Гнездо барсуков благодаря нескольким выходам всегда хорошо проветривается — животные будто знают, как полезен свежий воздух. Знают они, что полезны и солнечные ванны: мамаша-барсучиха ежедневно в солнечную погоду выносит наружу своих слепых барсучат (глаза у них откроются только через пять недель после рождения). На солнце она их держит до тех пор, пока малыши не начинают попискивать: это означает, что солнечные ванны пора прекращать. Примерно в двухмесячном возрасте барсучата сами уже выходят из норы и вскоре начинают совершать вместе с мамашей небольшие экскурсии. Постепенно прогулки становятся все продолжительнее, и в конце лета молодые барсуки уходят так же далеко, как и взрослые. Впрочем, они уже и стали взрослыми.

Осень — пора расставания. Мамаше надо подремонтировать старое жилье, молодым позаботиться о собственных квартирах, хотя некоторые остаются зимовать с матерью.

В это же время барсуки готовят запасы на зиму. К осени барсуки сильно жиреют. Жир им необходим, чтобы спокойно перенести зиму. Но одного подкожного жира им мало. Высушенные лягушки, коренья, семена, желуди тоже нужны. И этими «продуктами» барсук набивает свою кладовую. Подкожным жиром зверь будет питаться во время спячки, запасами из кладовой — когда проснется: зимой в теплые дни, особенно во время оттепели, барсуки просыпаются и даже иногда вылезают погреться на солнышке. Впрочем, зимой они пользуются запасами не всегда. Гораздо важнее эти запасы весной: проснувшийся зверь очень голоден, а еду еще найти трудно.

Весною барсуки покидают норы, когда еще не совсем сошел снег. Самцы сразу же отправляются на поиски пищи, самки сразу же начинают приводить в порядок нору — готовить ее для будущего потомства. Правда, весной детишки появляются не у всех барсучих — рожают они не каждый год.

Барсуки — животные очень полезные. Они уничтожают слизней, гусениц, личинок, вредящих лесу насекомых, мышевидных грызунов. Кроме того, разыскивая еду, барсук постоянно взрыхляет лесную подстилку, что очень важно для лесной растительности. Но, к сожалению, понимают это далеко не все. На барсуков продолжают до сих пор усиленно охотиться. Их истребляют просто ради истребления, и зверей этих становится все меньше и меньше. А сведение лесов, пригодных для жизни барсука, делает этого зверя еще более редким.

На нашем параде не только звери проходят перед нами, но и сами мы путешествуем, попадая то в степи, то в непроходимые леса, то оказываемся на берегах водоемов. Вот и сейчас, расставшись с барсуками в лесу, мы подходим к водоему. А навстречу нам выскакивает небольшой гибкий зверек, похожий на уже знакомых нам колонка и хорька. Но, в отличие от своих родственников, этот зверек имеет очень густой мех и очень короткие лапы. А на лапках между пальцами у него — небольшие перепонки. Зверек промелькнул и исчез так же внезапно, как и появился. Скрылся в норке? Нет, этот зверек хоть и называется норкой, нор не роет. И вообще не любит копаться в земле. Жилище устраивает под корнями деревьев или в каких-нибудь других углублениях, но обязательно вблизи воды — у лесного ключа, речки или ручья. Потому что без воды норка жить не может. В воде добывает еду — мелких рыбешек, раков, моллюсков. Правда, и на берегу находит пищу — все тех же грызунов, которыми питаются многие хищники, насекомых и ягоды. Зимой норка пробирается под лед и еду отыскивает на дне водоемов.

В Европе, в том числе и на территории нашей страны, живет европейская норка. В начале этого века из Северной Америки завезли американскую норку и выпустили во многих странах. (У нас в 1933 году выпустили эту норку и в европейской части страны и в азиатской, там, где европейская норка не живет.) Американка быстро прижилась, освоилась и нашла в Старом Свете свою вторую родину. Мех норок очень красив и высоко ценится, поэтому их, как и некоторых других куньих, разводят на фермах и даже научились выводить зверьков, шкурки которых имеют самые разнообразные цвета и оттенки, не встречающиеся в природе.

На берегах водоемов, рек с быстрым течением живет еще один представитель куньих — выдра. За пристрастие к рекам в народе ее называют поречня (раньше говорили «порешня»).

К представителям семейства куньих относились и относятся по-разному: росомаху, например, не любят, соболя ценят за шкурку, барсука недолюбливают за угрюмость. Далеко не всегда такие оценки справедливы. А вот выдру и любят и уважают. И это вполне справедливо. Люди знают выдру хорошо. И уважают за смелость и благородство: при необходимости она не только отважно сама защищается или защищает свое потомство, но и, не раздумывая, бросается на выручку собратьев. Любят выдру и за своеобразную благожелательность: она никогда не прогоняет со своих участков норок или ондатр. Наконец, выдры не кровожадны: никогда не ловят больше того, что им надо съесть. Выдра очень наблюдательна, и у нее отличная память: она замечает малейшие изменения, произошедшие на ее участке, особенно там, где бывает часто, — сломанную ветку, упавшее дерево, примятую траву. Вообще свой охотничий участок — это полоса примерно 100-метровой ширины, тянущаяся вдоль реки на 2—6 километров, — выдра знает до мельчайших подробностей. На этом участке у нее несколько нор. В одних выдра спит или отдыхает, в других живет только во время выкармливания малышей. Эти гнезда сделаны особенно тщательно: вход спрятан под воду, вентиляционное отверстие ловко замаскировано в кустах. Выдрята появляются слепые и лишь через месяц-полтора откроют глаза. Пройдет еще немало времени, пока мать приведет их на берег и начнет учить плавать очень простым и очень действенным способом: возьмет за шиворот и швырнет в воду, — и выдрята, работая всеми четырьмя перепончатыми лапами, помогая себе длинным мускулистым хвостом, плывут. Затем мамаша обучает их нырять, ловить рыбу — в общем, всему, что необходимо в жизни. Довольно скоро выдрята уже становятся заправскими пловцами и охотниками, как и все выдры. Среди куньих нет пловцов, равных выдрам. Вообще все у них приспособлено для жизни в воде: торпедообразное тело, гладкий мех, перепонки на лапах, хвост, служащий рулем, специальные клапаны, запирающие нос и уши. Под водой выдра может оставаться 3—4 минуты. На суше она чувствует себя хуже. Особенно трудно двигаться ей по глубокому снегу. Хоть выдра и избегает зимних прогулок, но поскольку в спячку она не ложится, то вынуждена охотиться и зимой. А если водоем промерзает до дна, отправляется она искать другой. И проходит иногда не один десяток километров, пока не найдет то, что требуется. К счастью для выдры, такие путешествия ей приходится совершать не часто.

Выдре трудно ходить не только по снегу, но и по льду. Тут она приспособилась: разбегается, поджимает лапы и скользит на брюхе. Быстро и удобно. Любят выдры кататься и с гор: заберутся на крутой берег, лягут на живот и мчатся вниз, радостно повизгивая от удовольствия. Съедут и снова полезут на горку. И опять мчатся во весь дух. Катание с гор выдры устраивают и летом. Если найдут подходящий глинистый крутой склон, очищают его от корней, веток, палок — всего, что мо-

жет помешать, проделывают желоб и мчатся по нему на брюхе прямо в воду! И в воде не успокаиваются — носятся друг за другом, устраивают возню, играют в «догонялки». Веселый зверь. За это тоже любят выдру люди. Впрочем, любят не все: многие считали (да и сейчас еще кое-кто считает), что очень уж много рыбы поедает она, большой урон наносит рыбному хозяйству. Одно время это мнение было так распространено, что выдру старались уничтожать всеми способами, особенно в рыбных хозяйствах. И вдруг стали замечать: там, где исчезла выдра, и рыбы стало гораздо меньше. Оказалось, что и тут действует все тот же принцип «хищник-санитар»: уничтожая в первую очередь больных рыб, выдра дезинфицирует водоемы, не дает распространяться заразе, предупреждает замор. Если же ловит здоровую — и тут нет большой беды: ведь выдра в основном питается малоценной, так называемой сорной рыбой. Кроме рыбы, выдра поедает раков и моллюсков, грызунов и насекомых. В ее рацион входит и вегетарианская пища.

У выдры очень красивый, теплый и прочный мех. И он очень ценится. Наверное, так оно и должно быть. Но надо, чтоб ценился не только мех зверя, но и сам зверь: ведь выдра — сгусток красоты, энергии и грации. И какая шапка из ее меха, какой воротник могут сравниться с живым прекрасным зверем?!

К семейству куньих относится и калан, о котором мы уже говорили.

Вот в основном все представители куньего племени, живущие в Европе, а также в европейской и азиатской части СССР. Однако в семействе есть немало и таких, которые ни в нашей стране, ни в Европе не встречаются, но очень похожи на жителей Старого Света. Например, в Африке живет африканский хорек, очень близкий родственник европейского черного хорька. (Многие ученые считают, что это представитель того же вида.) Африканцы научились приручать этих хорьков и используют их в охоте на кроликов: зверьку надевают намордник, чтобы не загрыз кролика, и ошейник с бубенчиками, чтобы слышать, где хорек находится, и пускают в жилище кроликов. Такая охота всегда бывает удачной: хорек обязательно выгонит кролика из норы и тот попадет в натянутую сеть.

В Северной Америке живет черноногий хорек. Тоже близкий родственник европейского. Сейчас этот зверек настолько редок, что занесен в Красную книгу.

Есть в Западном полушарии родственники и у нашего барсука — американский барсук в Северной Америке и свиной барсук в Южной. Североамериканец, в общем, во всем похож на нашего, разве что ростом поменьше. А южноамериканец отличается окраской и длинноногостью. Свое название этот зверь получил за то, что, роясь в земле, он действует не только передними ногами, как все барсуки, но и ковыряет мордой, как свинья.

Довольно многочисленная родня у выдры. Причем распространена она по всему свету. В Канаде живет канадская выдра. Во всем, кроме размера (она гораздо крупнее), похожа на нашу. В Африке живет пестрошеяя выдра, в Азии — индийская и суматринская.

Самая крупная выдра живет в Южной Америке. Длина ее вместе с хвостом в среднем 180 сантиметров. Сейчас это очень редкое животное. Гигантской выдре немногим

уступает африканская бескоготная выдра: она имеет почти полутораметровую длину.

Но среди куньих есть один зверек, которого не встретишь нигде, кроме Северной и Центральной Америки. По причинам, которые станут ясны чуть ниже, мы поставили его в самый конец отряда куньих.

Зверек этот довольно красив, изящен, миниатюрен. Но пусть все-таки он идет позади всех. Не ровен час, напугает его кто-нибудь или еще хуже — нападет на него. Тогда придется плохо не только нападающему, но и всем, кто окажется поблизости.

Речь идет о скунсах. Их несколько видов. Но самый знаменитый — полосатый. Все скунсы имеют химическое оружие ошеломляющего действия — выбрасывают сильно пахнущую жидкость. Запах ее настолько силен, что многие люди, как говорят, теряют сознание, а собаки с воем отскакивают и убегают куда глаза глядят. Причем запах этот не только отвратительный и сильный, но и очень стойкий. Несмотря на все попытки избавиться от него, он держится много дней. А если жидкость, выбрасываемая скунсом, попадет в глаза, человек или животное могут ослепнуть. И, будто зная, какие неприятности доставляет это химическое оружие, скунс не сразу применяет его. Он предупреждает. Первым и постоянным предупреждающим сигналом служит окраска — яркие полосы или пятна на темном фоне шкурки. Если кому-то этого окажется недостаточно, скунс вторично предупреждает — топает ногами. Не подействует второе — скунс приподнимает хвост — это третье предупреждение. Если же это не подействует, скунс выпрямляет хвост, что является и четвертым предупреждением и свидетельством о боеготовности. И только после этого зверек пускает в ход свое оружие — быстро повернувшись (железы у него находятся под хвостом), он стреляет в преследователя с поразительной точностью, хотя и не целится. Но даже если заряд случайно пролетит мимо, этого вполне достаточно, чтобы преследование прекратилось. А ведь скунс может произвести и целую серию выстрелов.

У пятнистого скунса последнее предупреждение иное: он не поднимает хвост, а делает стойку на передних лапах. Повернув голову, он смотрит, как реагирует противник на его физкультурные упражнения. Если реагирует не так, как надо, скунс стреляет.

Скунс прекрасно знает силу своего оружия и не боится никого. Все звери и люди тоже прекрасно знают оружие скунса и почтительно уступают ему дорогу.

Семейство Виверровые. Большинство представителей этого семейства живут в тропическом и субтропическом поясе Африки. С человеком они сталкиваются редко, и мы бы охотно освободили виверровых от участия в нашем параде, если бы не один зверек, пропустить которого просто невозможно. А если мы его пропустим, он сам заявит о себе либо тревожным тявканьем, либо жалобным писком, либо недовольным ворчанием, либо грозным рычанием. Если же мы на это не прореагируем, пожалует собственной персоной, и его решительный вид недвусмысленно засвидетельствует, что он недоволен нашим поведением. Зверек действительно грозен. А его вздыбленная шерсть и выгнутая спина делают его чуть

не вдвое больше, чем он есть на самом деле. Нет, мы не можем проявить к нему неуважение. Ведь еще древние египтяне поклонялись ему, считая его священным. Аристотель писал о нем в своем знаменитом научном трактате, английский писатель Р. Киплинг сочинил о нем замечательную сказку... Ну конечно, это зверек, точнее, группа зверьков, объединенных общим названием — мангусты.

Древние египтяне называли один из видов мангуст «ихневмон», что означало «сыщик», видимо подчеркивая этим умение зверька разыскивать, выслеживать добычу и неслышно подкрадываться к ней. Но прославились мангусты другим. Еще Аристотель писал, что, увидев кобру, зверек этот немедленно созывает своих соплеменников, они купаются в воде, потом валяются в грязи, которая, засохнув, делает их неуязвимыми для ядовитых зубов, а затем зверьки совместными усилиями одолевают змею.

После Аристотеля многие путешественники более подробно и, конечно, более достоверно описали подвиги мангуста. И люди настолько уверовали в ловкость и неуязвимость этого зверька, что когда понадобилось истребить сильно размножившихся змей на островах Мартиника, Ямайка и Барбадос в Карибском море, туда завезли мангуст. Но тут выяснилось, что слава Рики-Тики-Тави сильно преувеличена: если с коброй мангусты справлялись, то с более проворными змеями, например с копьеголовой или с куфией, зверьки эти ничего поделать не могли. Змеи на островах продолжали свирепствовать, а мангусты занялись птицами, мелкими домашними животными. За это они попали в разряд «нежелательных» иностранцев, и их стали истреблять. Выходит, и Киплинг и путешественники, писавшие о мангустах — истребителях змей, все выдумали? Нет, мангусты действительно выходят победителями из сражений со змеями. Но, во-первых, мангусты привыкли иметь дело с определенными видами змей, во-вторых, мангусты не так уж часто вступают с ними в сражение. И то, что писали, будто змеи — основная пища мангустов, явная неправда: мангусты питаются грызунами и насекомыми, ягодами и фруктами. В бой же со змеями вступают в крайнем случае.

Несмотря на свою коротконогость, мангусты быстрые и ловкие зверьки. Передвигаются они вприпрыжку, любят стоять на задних лапках, греясь на солнышке и оглядывая окрестности. Еще мангуст умеет «бегать» на месте. Перед схваткой с врагом он, вздыбив шерсть и буквально превратившись в шар, начинает подпрыгивать, поочередно выбрасывая вверх то передние, то задние лапы. Создается полное впечатление, что мангуст мчится галопом, хотя зверек остается на месте. Если этот угрожающий аллюр не возымеет действия, мангуст смело идет в атаку, причем его не смущает величина и сила противника. Он прогоняет даже больших собак, а ведь сами мангусты очень небольшие — длина их 20—30 сантиметров.

Если мангусту приходится защищаться, то и тут он проявляет отвагу и находчивость. Б. Гржимек описал сцену: когда орел схватил одного мангуста, то другие подняли такой оглушительный крик, что нервы орла сдали и он выпустил свою жертву. Оказавшись на земле, мангуст моментально пришел в себя и тут же присоединил свой голос к остальным, которые еще долго продолжа-

ли кричать, хотя орел уже давно улетел. У мангустов богатый «лексикон» — имеется множество звуковых сигналов на все случаи жизни: ими они предупреждают об опасности и выражают свое настроение, угрожают и предупреждают, разговаривают с малышами. Кстати, мангусты — хорошие родители. Причем отец гораздо более заботливый, чем мать. Один английский натуралист рассказывал, что когда у живших в неволе ручных мангустов забрали потомство, то мать отнеслась к этому спокойно, а отец не находил себе места и в течение нескольких дней искал пропавших детей.

Подросших детишек родители обучают есть мясо, фрукты, потом выводят на прогулку. При этом малыши следуют за родителями, как привязанные, и в точности повторяют все их движения.

Мангусты испокон веков живут не только вблизи человека, но и часто в его доме: прирученных мангуст, как прекрасных истребителей грызунов, держат вместо кошек.

Все мангусты (их около 20 видов, и живут они в Африке, Южной Азии и один вид — в Европе), в общем-то, похожи друг на друга. Схож и образ их жизни. В стороне стоит лишь мадагаскарский фосса — крупный мангуст, которого очень боятся местные жители, хотя на человека он, конечно, не нападает. Но на животных, причем на достаточно крупных, и на домашнюю птицу фосса не только нападает, но часто убивает больше, чем может съесть.

Мангусты — не единственные представители виверровых. По мнению одних зоологов, в это семейство входят 75 видов, по мнению других — не менее 85. И очевидно, есть еще неизвестные науке. Но в нашем параде мы ограничимся одними мангустами — пусть они будут полномочными представителями всего семейства.

Семейство Гиеновые. В этом семействе всего четыре вида — три гиены (полосатая, пятнистая и бурая) и земляной волк. Гиены похожи друг на друга. Пятнистая — самая крупная и самая распространенная. Бурая — самая маленькая и самая редкая. Полосатая распространена достаточно широко, живет и в нашей стране (в отдаленных районах Грузии, Азербайджана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана). Вообще же гиены — жители Африки и частично Азии.

В Восточной и Южной Африке живут земляные волки. По сравнению с гиеной они невелики. Если полосатая гиена в длину больше метра, а пятнистая более полутора метров, то волк — немного больше полуметра. Но не только величиной отличается земляной волк от своих сестер. У гиен такие челюсти, что они способны размолоть самые толстые кости, — говорят, дробят даже бивни слона. У земляных волков, наоборот, челюсти такие слабые, что даже орех раскусить не могут. Впрочем, земляным волкам не нужны ни крепкие челюсти, ни острые зубы. Основная их пища — насекомые, да иногда еще полакомятся они птичьими яйцами. Что же касается обороны, то земляной волк защищен надежней, чем самый могучий зверь. У него, как и у скунса, имеется химическое оружие. Однако, несмотря на такое могучее оружие, земляные волки сейчас почти полностью истреблены и встречаются очень редко.

Что же касается гиен, то они еще достаточно многочисленны (кроме бурой), но, несмотря на это, остают-

ся таинственными и легендарными. До сих пор о них рассказывают множество небылиц, с ними связывают множество примет. Например, в Туркмении считается (или, по крайней мере, считалось до недавнего времени), что ремень, сделанный из кожи, снятой с брюха самки гиены, — очень сильный талисман. Некоторые народы приписывали и приписывают магическую силу хвосту гиены, волшебные и сверхцелебные свойства приписывались мясу этих животных. Вой гиены считался предвестником беды. Люди были уверены, что у собак пропадал голос и чутье, если на них падала тень гиены. Утверждают, что гиена нарочно подражает человеческому крику, чтобы подманить человека и растерзать его. Арабы были убеждены, что человек, съевший мясо гиены, становится безумным, а сама гиена не что иное, как оборотень, который днем является в человеческом облике, а ночью — в облике гиены.

Аристотель писал, что гиена одновременно может быть и самцом и самкой, а крупнейший натуралист средневековья К. Геснер дал гиенам такую характеристику: «Туловище гиены имеет отвратительный вид: оно все покрыто синими пятнами, глаза беспрестанно меняют цвет, затылок окостенелый, неподвижный. В голове же ее заключается драгоценный камень. Если гиена пойдет по следу охотника — на охотника нападает расслабление и глухота. Она может провести несколько раз правой лапой над спящим человеком и сон его сделается беспробудным».

Суданцы считали, что колдуны ночью принимают облик пятнистой гиены, так как в этом обличье легче вредить людям.

Однако не все так относились к гиенам. Например, древние египтяне считали этих зверей священными и одновременно содержали их в специальных помещениях, откармливая на убой. Кстати, этот обычай сохранился в Северной Африке среди некоторых племен до XX века.

Существовало твердое убеждение, что гиена бесполое или обоеполое животное. Причиной такого убеждения явилось анатомическое строение, в результате которого только опытные специалисты при внимательном осмотре могут определить пол гиены. Однако если отбросить все явные выдумки и легенды, то станет ясным, что мы очень мало знаем о гиенах. Например, во многих книгах, будь то записки путешественников или труды ученых, говорится, что животные эти питаются почти исключительно падалью, потому что очень медлительны, неуклюжи и не способны самостоятельно охотиться. В крайнем случае они довольствуются объедками, которые оставляют им львы. Однако наблюдения последних лет показывают обратное. Б. Гржимек и Д. Шаллер, Д. и Г. ван Лавик-Гудолл и Г. Крук, советский ученый Ф. Алиев и некоторые другие наблюдатели доказывают, что гиены — прекрасные охотники, способные преследовать антилоп и зебр, что они часто охотятся стаей под руководством вожака и имеют загонщиков, что они способны бежать со скоростью 65 километров в час и догонять даже быстроногих животных. Значит, питаются они не только падалью. Вторая опровергнутая легенда—легенда о трусости этих животных. То, что гиены предпочитают держаться подальше от человека, еще не значит, что они трусливы. А то, что они (правда, стаей) могут оказать сопротивление льву, свидетельствует о их доста-

точной смелости. Считалось, что гиен из-за их злобного нрава, неприятного запаха, необщительности невозможно приручить. Но еще А. Брем приручил гиену и писал: «Месяца через три после поимки я мог играть с ней, как с собакой, не боясь, что она причинит мне какую-нибудь неприятность. Она привязывалась ко мне с каждым днем все больше и высказывала большую радость, когда видела, что я к ней иду. При этом она издавала радостный вой, высоко подскакивала, клала передние лапы мне на плечи, обнюхивала мое лицо и высоко поднимала свой хвост... Это животное оказалось так привязано к человеку, что само шло к нему безо всякого зова». И после Брема многие воспитывали гиен и не жалели об этом. Голландский исследователь Г. Крук, долго изучавший гиен, воспитывал щенка, который превратился в могучего, но добродушного и забавного зверя. Правда, из-за невоспитанности и избалованности он доставлял некоторые неприятности своим хозяевам. Но ведь такие же неприятности может доставлять и самая породистая собака, если ее распустить и избаловать.

Между собою гиены живут довольно дружно, а если и подерутся и даже если при этом поранят друг друга, то после драки мирно отдыхают рядом. Это еще раз подчеркивает, что гиены не злобные (или, во всяком случае, не такие уж свирепые, как рассказывают). Или другой любопытный пример: в городе Харар в Эфиопии, как пишет Г. Крук, «по ночам гиены ходят прямо по средневековым улицам... Они собирают кухонные отбросы и кости. Иногда гиены принимают подношения прямо из рук людей... Люди и гиены в этом городе хорошо уживаются... Гиены поддерживают улицы Харара в чистоте, а в условиях африканской жары это очень важно».

Щенки гиен рождаются слепыми, но скоро прозревают и довольно быстро развиваются. Воспитывают их оба родителя.

Все сказанное о гиенах вовсе не опровергает того, что звери эти не могут быть опасными, особенно когда они голодны. Это мы знаем. Знаем, что гиены — не красавцы, а их «хохот», похожий на хохот обезумевшего человека, может действительно чуть ли не до смерти напугать трусливого или нервного человека. И еще кое-что мы уже знаем о гиенах. Однако, как уже говорили, их жизнь и повадки еще изучены недостаточно.

Гиенами часто называют гиеновидных собак, ближайших родственников волков, и других представителей семейства собачьих. На гиен они похожи лишь большими круглыми ушами да пятнистой окраской, которая, кстати, ярче, чем у гиен. Гиеновидные собаки тоже живут в Африке. Это прожорливые, сильные, дерзкие и кровожадные хищники. Они охотятся стаями, преследуют крупных животных, и даже самая быстроногая саблерогая антилопа не способна спастись от них. О гиеновидных собаках идет дурная слава. Насколько она справедлива — сказать трудно. Это еще требует проверки. Но эта дурная слава распространяется и на гиен, хотя и по происхождению, и по образу жизни, и по повадкам гиены никакого отношения к гиеновидным собакам не имеют.

Семейство Кошачьи. Все кошки условно разделяются на две группы: большие и малые. О больших (львах, тиграх, пантерах, пумах и им по-

добных) мы говорили в первой части. Сейчас в нашем параде будут участвовать малые кошки. Но между большими и малыми есть «переходящее звено» — кошки не большие и не малые. У них имеются очень характерные приметы: кисточки на ушах и хорошо заметные светлые бакенбарды, прямые длинные ноги и короткий, будто обрубленный хвост. Речь идет о рыси — типичном лесном жителе, причем жителе глухих хвойных лесов. Тем не менее ее можно встретить и в других лесах. Когда-то этот зверь был широко распространен по всей Европе. А одна из разновидностей рыси — испанская — уцелела лишь в одном месте на Земле — на юге Испании. Считают, что там этих животных осталось не более двух-трех сотен. Но точная цифра неизвестна.

Рыси, как и все кошки, — хищники. Как и все кошачьи, это осторожный, ловкий, энергичный зверь. Охотится рысь из засады и скрадом, с деревьев же на свою жертву не прыгает, хотя многие считают, что рысь охотится только так. Рысь, благодаря длинным ногам, хорошо бегает по снегу. Добычу свою разыскивает (рыщет по лесу: недаром же она — рысь!), а отыскав, может долго преследовать. Но и саму рысь часто преследуют: волки — чтобы растерзать ее и съесть, росомахи — чтобы отобрать у нее добычу, люди — чтобы пристрелить и сделать из красивой рысьей шкуры шапку или воротник. Когда-то очень высоко ценилось мясо рыси, и во многих европейских странах рысятину позволительно было есть только знатным особам. И стоило мясо рыси дорого. Но истребляли рысь люди главным образом не из-за мяса и даже не из-за шкуры, а потому, что считали ее очень вредным зверем. А когда поняли свою ошибку, оказалось, что исправить ее уже почти невозможно: во многих странах рысь полностью исчезла, в других ее осталось очень и очень мало. Сейчас в страны, где когда-то рысь была истреблена, завозят ее из других стран, где она уцелела. Рысь как хищник-«санитар» имеет большое значение.

Каракал похож на рысь, некоторые даже считают, что это одна из ее разновидностей. Однако каракал все-таки не рысь. И сервал—тоже не рысь. Они поменьше, иначе окрашены, живут в Африке, а каракал еще и в Азии.

Малые кошки внешне похожи на наших домашних. Конечно, они несколько крупнее. И нрав у них иной. Например, лесная кошка (дикий европейский кот) весит до 10 килограммов, а кошка-рыболов (рыбья кошка) в длину более метра. И так же, как и домашняя, любит рыбу. Но наши мурки ждут, чтобы им рыбу подали на блюдечке, рыбья же кошка добывает ее сама — она прекрасно плавает и отлично ныряет в погоне за рыбой.

Одни кошки живут в степях (степные кошки и манулы), другие — в камышах (камышовые коты, или хаусы), третьи — в пустынях (барханные). Есть высокогорные кошки, прекрасно приспособившиеся к суровым условиям жизни в горах, — это андские кошки. Пампасские кошки заселяют травянистые равнины Южной Америки. В общем, кошек много — приблизительно 36 видов. Приблизительно — потому что неизвестно, сколько их в действительности. А неизвестно потому, что, наверное, еще не все кошки известны ученым. Доказательством тому служит удивительное открытие, произошедшее сравнительно

недавно, в 1967 году, и не где-нибудь в непроходимых джунглях или неисследованных горах, которые еще есть на нашей планете, а в густозаселенной стране — в Японии.

О существовании на острове Ириомота необычных диких кошек слухи ходили давно. Но им не верили. Да и трудно было поверить, что в Японии существует какое-то неизвестное, довольно крупное животное. В крайнем случае, если там какие-то странные кошки и есть, то это, безусловно, одичавшие домашние. Так думали все, кроме писателя и натуралиста Юукио Тагавы — он почему-то поверил в существование неизвестных науке кошек и отправился на остров. Оказалось, местные жители прекрасно знают этих зверьков, время от времени ловят их и съедают. И вот мир облетело удивительное сообщение: открыта новая кошка, совершенно не похожая ни на одну из известных до сих пор. Среди кошачьих у нее нет близких родственников.

Когда ученые познакомились с этой кошкой, то были поражены: ее анатомическое строение и некоторые внешние признаки были совершенно иными, нежели у представителей кошачьего семейства. И настолько отличались, что для этой новой кошки пришлось создать специальный род, в котором было единственное семейство, имеющее один вид! Лишь на чилийского горного кота, да и то отдаленно, походила эта японская кошка. Но чилийский горный кот и японская дикая кошка обитают на противоположных берегах Тихого океана, очень далеко друг от друга. Как же это объяснить? Ученые нашли такое объяснение.

Как бы кошки ни отличались друг от друга, котята их всегда похожи между собой. С возрастом сходство исчезает, и молодой лев, допустим, уже не похож на молодого леопарда. А японская кошка сохранила все признаки котенка. Это доказывает, что в семье кошек она самая древняя и ближе всех стоит к далеким предкам.

Когда-то, очень давно, такие кошки жили по всей Азии. Впрочем, Азии как материка тогда не было, он соединялся с Америкой сушей. По этой суше, точнее, по перешейку, как по мосту, перешли в Америку многие животные, в том числе и предки чилийских горных котов. Потом перешеек, соединявший Азию и Америку, исчез. В семье кошек произошли большие изменения — они разделились на современные виды, а небольшой пятачок суши, превратившийся в остров, оказался ловушкой и заповедником древних животных. В нем и сохранилась древняя кошка, ставшая 37-м представителем семьи кошачьих. Но последний ли это представитель? Среди обитателей острова ходят рассказы о другой дикой кошке, встречающейся очень редко. Говорят, она величиной с собаку. Правда это или легенда — время покажет. Так же как рано или поздно выяснится, что за зверь живет в густых высокогорных лесах Кении. Некоторое время назад там был обнаружен лев. Это уже сам по себе необычный факт: лев, житель открытых пространств, — и вдруг живет в лесу, да еще в густом, да еще в высокогорном! К тому же все известные до сих пор львы имеют однотонную окраску, а этот оказался пятнистым. Мало того, у львов самцы имеют густую гриву, а у кенийских самцов грива недоразвита. Да и сам лев какой-то мелкий, вроде бы тоже недоразвитый. Некоторые

ученые считают, что в горах Кении обнаружен новый, неизвестный до сих пор науке вид льва. Другие не согласны с этим, хотя и не могут сказать, что это за зверь.

Спор еще продолжается, поэтому мы не пригласили на парад пятнистых львов, но если окажется, что горножители — новый вид семейства кошачьих, мы им, конечно, предоставим почетное место на нашем параде.

ХОБОТНЫЕ

Отряд хоботных очень небольшой. Зато объединяет самых больших наземных животных, имеющих очень характерный признак, отраженный в его названии: длинный, гибкий, состоящий из сильных мышц и сухожилий хобот. Хобот имеется только у слонов, и только они входят в отряд хоботных.

Слоны — животные дикие. Тем не менее в жизни многих народов они имели большое значение, выступая в необычных для дикого зверя ролях.

Европейцы узнали слонов 23 века назад, когда Александр Македонский начал свои походы на восток, и узнали их именно в необычной для диких животных роли: слоны были боевыми животными и принимали активное участие в войнах. «Воевать» слоны начали задолго до того, как встретились с войсками Александра Македонского. Предполагают, что приручать и обучать слонов начали в Индии примерно 3 тысячи лет назад. С тех пор они стали традиционными участниками сражений во всех армиях государств Индостана, и не только Индостана.

Антиох I Сотер, царь Сирии, в сражениях против галатов в 275 году терпел поражение от более многочисленного и лучше вооруженного противника. Казалось, победа галатов неминуема. Но вдруг на поле появились 16 чудовищ в красных чепраках и сверкающих медных щитах. Люди и лошади в панике бросились бежать, и Антиох без труда одержал победу. (Правда, говорят, он стыдился этой победы, заявив приближенным, что в разгроме галатов заслуга слонов.)

Александр Македонский столкнулся со слонами в битве при Гавгамелах, когда против греков и македонцев персидский царь Дарий выслал 15 слонов. Быстро оценив преимущество этого рода войск, Александр ввел слонов в свою армию. Во всяком случае, довольно скоро у него появился слон. Хронисты сообщают об этом такие сведения. Продвигаясь в глубь Азии, Александр Македонский на реке Гидасп встретился с войсками Пора, царя Пенджаба. Индийцы бросили в бой 100 (по другим сведениям — 200) прекрасно обученных боевых слонов, но греки сумели выстоять и одержать победу. Слон пенджабского правителя, на котором находился раненый Пор, совершал чудеса героизма, спасая своего хозяина. Это так тронуло Александра, что он после выздоровления Пора предложил ему в обмен на преданного слона вернуть Пенджаб, который уже вошел в состав империи Македонского. Обмен состоялся. (Можно верить хронистам или не верить, но уже то, что они рассказывают о слонах, свидетельствует о необычном отношении людей к этим животным.) Но слон не хотел признавать нового хозяина и очень тосковал о старом. Александр потратил много сил и времени, чтобы приручить животное. Узнав о люб-

ви слона к «нарядам», полководец покрывал его роскошными попонами, надевал на ноги золотые браслеты, а на бивни — кольца с драгоценными камнями и надписями: «Александр сын Зевса посвящает солнцу этого слона». В конце концов тщеславие Аякса — так назвали этого слона — победило любовь к прежнему хозяину. Но это же тщеславие погубило в конечном счете его самого. Однажды армия Македонского должна была перейти вброд реку. Что было дальше, мы знаем от знаменитого античного историка и популяризатора Плиния Старшего. «Слон Аякс, шедший в то время во главе, — писал Плиний, — отказался вступить в реку. Командующий армией объявил тогда, что первый слон, вошедший в воду, будет сделан начальником войск. Слон Петрокл первый пошел в воду и в награду получил серебряное ожерелье — украшение, чрезвычайно нравившееся слонам, а так же был увешан всеми знаками главнокомандующего. Опозоренный Аякс предпочел бесчестью голодную смерть».

Отнесемся снисходительно к тщеславному Аяксу и наивному Плинию (про слонов тогда рассказывали еще и не такое) и остановимся на самом факте — активном участии слонов в боевых действиях. Слоны не разрешали исход сражений, как это было, например, в 280 году до н. э. Пирр — царь Эпира — благодаря слонам одержал победу над римлянами, никогда не видавшими этих животных.

Немалую роль слоны играли во время Пунических войн. Во время первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.) карфагеняне широко использовали слонов. Богатое североафриканское государство имело прекрасно оборудованные слоновники, и когда карфагенский полководец Ганон отправился завоевывать Сицилию, ему помогли одержать победу 60 боевых слонов. В битве с римскими войсками, вторгнувшимися в Северную Африку, карфагеняне выставили 100 боевых слонов и тоже одержали победу.

Однако слоны как боевые животные были далеко не идеальными. Они производили сильное впечатление на людей и лошадей, которые видели слонов впервые. Однако при следующих встречах люди не испытывали такого ужаса, а вскоре нашли способ противоборствовать слонам. Так, когда через несколько лет после первой победы над римлянами Пирр вновь ввел боевых слонов в сражение при Беневенте, римляне подпустили слонов достаточно близко и забросали их стрелами с привязанной горящей паклей. Перепуганные слоны бросились прочь, сея панику и смятение в рядах войск Пирра. После этой неудачи Пирр снова сделал попытку одержать победу с помощью слонов. Вернувшись в Грецию, он решил захватить город Аргос на Пелопоннесе. Однако вторично потерпел поражение, так как слоны не только не смогли маневрировать на узеньких улицах города, но и, напуганные шумом, стали метаться, сокрушая все вокруг.

Карфагеняне тоже долго не могли отказаться от использования слонов, но уже во время второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.), когда знаменитый полководец Ганнибал ввел в сражение при Заме 80 слонов, римляне так напугали этих животных, что они, обезумев от страха, начали крушить и топтать карфагенян. Во время сражения у африканского города Тапса римские войска,

которыми командовал Юлий Цезарь, грохотом барабанов и звуками труб так напугали слонов, что те повернули обратно. Римляне захватили слонов, и пленные животные возглавляли триумфальное шествие вернувшихся на родину победителей. С этого времени в Европе слоны стали участвовать лишь в цирковых сражениях, в Азии же они продолжали оставаться боевыми животными еще долго и оставались ими всю эпоху средневековья. Но роль слонов постепенно менялась: из атакующих животных они начали превращаться в «живые крепости» и лишь изредка их использовали во время коротких контратак. Однако со временем слоны превратились исключительно в транспортных животных, которые возили на себе стрелков или передвигали метательные машины. Правда, полководцы по-прежнему разъезжали на слонах, потому что со слонов было видно далеко вокруг да и самого полководца солдаты видели издали. Но все чаще и чаще «танк древности» стал заниматься общественно полезным трудом, и его боевая слава уходила в далекое прошлое. И вдруг слоны снова замелькали в военных сводках. Причем «танки древности» появились на поле брани в эпоху настоящих танков — в самый разгар второй мировой войны.

В то время Бирма была английской колонией. В 1942 году японцы — тогда они были союзниками фашистской Германии, а значит, и противниками Англии — вторглись в Бирму. В составе 14-й Британской армии были специальные слоновые роты. Слоны помогали строить мосты и дороги, с их помощью эвакуировались города, они оказались очень полезными в горах, где на высоте 2 тысяч метров переносили тяжелые грузы. Часть слонов попала в плен к японцам, которые тоже использовали их как тягловую силу, а заодно отпилили у всех самцов бивни — японцы издавна питают пристрастие к слоновой кости.

Перейдя в контрнаступление, англичане вынуждены были наносить удары по тылам врага, а значит, и по караванам слонов. Раненых слонов, отбитых у японцев, англичане пытались лечить—был создан специальный полевой госпиталь для этих животных. И хотя англичане очень старались, а раны у слонов, как выяснилось, быстро заживают, после окончания войны количество рабочих слонов в Бирме значительно уменьшилось. Это был серьезный урон для хозяйства страны, потому что слоны в Индии, Бирме, Шри Ланке, по образному выражению немецкого натуралиста Ганса Бауэра,— ноги, руки, плечи человека.

Невозможно, очевидно, сказать, кто первый додумался использовать слона в качестве рабочей силы, когда это произошло и какие слоны — боевые или рабочие — сыграли большую роль в жизни народа. Но факт, что слонов используют издавна. И в наш век — в век атома и космических кораблей — слоны еще остаются во многих местах не только важными, но и просто необходимыми помощниками человека. Слоны в неволе размножаются плохо, поэтому рабочие слоны в большинстве своем — это не одомашненные, а лишь прирученные и обученные животные.

Но прежде чем приручить, надо слона поймать. А это не только трудное, но и очень опасное дело. В Шри Ланке каждый загонщик, участвующий в поимке слона (загонщиков иногда бывает по нескольку тысяч), перед очередной охотой ос-

тавляет завещание. Правда, за многие века облава на слонов так четко разработана, что риск сведен до минимума. Тем не менее никто ни от чего не гарантирован. Суть облавы в принципе в том, что загонщики под руководством шикари — профессионального охотника—окружают стадо диких слонов и постепенно начинают теснить их к построенному заранее из прочных брусьев огромному заграждению — коралю. Любопытно, что теснят загонщики слонов не силой (какая уж тут сила против слонов!) и не криком и шумом, а осторожными шорохами, которые нервируют слонов и от которых они стараются поскорее уйти. Хитрость заключается в том, чтобы сначала заставить слонов двигаться в сторону кораля, а затем заставить их войти внутрь заграждения. После этого выход закрывается толстой решеткой, и слоны оказываются плененными. Конечно, если бы слоны захотели — от кораля остались бы только щепки. Но обычно слоны даже не делают попытки разрушить забор. Если что-то и соберутся предпринять, дежурные загонщики начинают кричать, и простодушные животные, отступив к центру загона, беспомощно стоят там, сбившись в кучу.

При облавах людям активно помогают ручные слоны. Они не только указывают диким собратьям путь к коралю, но и часто личным примером заставляют их идти в загон. Такое поведение вызывает у некоторых людей недоумение и даже осуждение: ручные слоны вроде бы предают своих диких собратьев. Особенно когда они подходят вплотную к дикому собрату, прижимают его с двух сторон и, не давая ему пошевелиться, подводят к столбу, где человек накидывает цепь на ногу пленнику. На вопрос, что движет ручными слонами, ответить пока невозможно. Так же как невозможно ответить, почему человек, въехавший на спине прирученного слона в стадо диких, может чувствовать себя в полной безопасности: дикие слоны не тронут его. И ведь не из страха — прирученный слон часто оказывается один против десятка-двух диких, и те при желании могли бы мгновенно смять его. А вот не трогают! Так же как стадо диких, загнанных в кораль, могло бы легко справиться с несколькими прирученными. Но и их они не трогают. Пленник стоит, крепко привязанный цепью или толстыми канатами к могучим деревьям. Потом его освобождают и снова с помощью прирученного слона ведут купаться. Время и отборный корм постепенно делают свое дело: животное в конце концов покоряется человеку.

Приручение, вернее, обуздание слонов — это только первый этап. Чтобы животные стали приносить пользу, их еще необходимо обучить. Это кропотливый труд. Но как и поимка слонов, он в течение веков тщательно отработан. В Индии и в Шри Ланке созданы даже специальные школы для слонов. Там слонов учат шесть лет: сначала учат понимать команду — «согни ноги», «стой», «встань», «подай», «налево», «направо» и т. д. Потом на втором или третьем году обучения происходит специализация: одни становятся корчевальщиками, другие носильщиками, третьи обучаются поднимать тяжести. Некоторых слонов обучают священным ритуалам — им предназначена судьба «храмовых слонов»: они будут участвовать в различных религиозных праздниках, ходить под музыку, трубить в определенные моменты.

Слонов, которые родятся в неволе, обучать проще. В восемь лет они уже начинают переносить небольшие тяжести, а в девятнадцать, обученные и окрепшие, становятся полноценными рабочими слонами. Слоны используются и как тягловая сила и как вьючное животное. Их обычная норма — 400—500 килограммов груза при переходе по ровной (не более 70 километров в день) местности и 300—350 килограммов по холмистой и пересеченной. Сейчас основная служба у слонов — на лесопильных заводах: животные перетаскивают бревна, подносят их к пиле, уносят уже распиленные стволы и складывают их ровными штабелями. Делают они это, конечно, не из любви к порядку, а потому, что так обучены. Работают слоны и в джунглях, подтаскивая тяжелые стволы к дорогам или рекам. При этом они используют свой мощный хобот, а то и бивни, на которые с помощью хобота укладывают бревна. И в лесах и на лесопильных заводах работа у слонов далеко не легкая. Во всяком случае, на воле им ничем подобным заниматься не приходится. Но слоны как будто вовсе не тяготятся этой тяжелой работой. Утром, едва раздается сирена, они с явной охотой бегут к своим рабочим местам, которые хорошо знают, и трудятся, не выказывая никакого неудовольствия. Правда, после удара сигнального колокола слоны немедленно прекращают работу — сверхурочно не хотят трудиться ни минуты и немедленно отправляются в свои стойла. Привольная и бездельная жизнь как будто вовсе и не манит их: даже если слоны убегают от человека и присоединяются к стадам диких собратьев, что изредка случается, они очень скоро возвращаются обратно. Часто слонов выпускают ночью пастись самостоятельно. Особенно в тех местах, где работает сразу много слонов. 300—350 килограммов зеленой массы для одного слона (такова его суточная норма) еще запасти можно, но если слонов две-три сотни, это сделать уже очень трудно. Выпущенные после рабочего дня слоны далеко не уходят, и погонщики, прекрасно знающие следы, легко находят утром своих слонов.

Работать слоны начинают рано, но через два часа им дают отдохнуть. Купание (если поблизости есть вода), затем — обед, послеобеденный отдых, который длится несколько часов и приходится обычно на самое жаркое время, так как слоны плохо переносят жару. Зато потом они работают до темноты. В общей сложности рабочий день слона длится 8 часов, но так как работают они 9 месяцев в году, а в месяце лишь по 18—20 дней, то в год получается примерно 1300—1400 часов. Не так уж и много. Тем не менее за это время слоны не только окупают все затраты, но дают значительную прибыль. К тому же надо учесть, что в ряде случаев они просто незаменимы.

Есть у слонов еще одна особенность — своеобразный профессионализм: они не просто таскают бревна, а точно знают, как их пронести через узкий проход, как протолкнуть через путаницу лиан или протащить по болоту, втащить в гору или, наоборот, спустить вниз. Сейчас в Бирме слоны помогают ежегодно заготавливать до 500 тысяч кубометров древесины, и не случайно бирманский журнал «Форвард» назвал слона «универсальной машиной, заменяющей тягач и бульдозер, автопогрузчик и укладчик».

Переноска бревен в лесах и на

лесопильных заводах — не единственная служба слонов. Они до сих пор являются надежным транспортом, и этот транспорт настолько узаконен, что индийские власти постановили снабдить каждого ручного слона специальным фонарем во избежание столкновения на улицах городов с автомобилем.

Таковы слоны, которые, по мнению многих зоопсихологов, входят в первую шестерку самых сообразительных, или умных животных. К этому можно добавить, что они дисциплинированны, добросовестны, спокойны, благородны и очень крепко привязываются к своим хозяевам или погонщикам. Правда, все это относится к слонам индийским. Африканские слоны приручаются труднее, хотя Ганнибал воевал именно на африканских слонах.

В европейских странах (кроме Греции и Рима, где слоны были известны еще за много лет до нашей эры) о них люди имели смутное представление очень долгое время. Первое упоминание о слонах в Европе связано с именем Карла Великого, который в 802 году получил в подарок живого слона от багдадского халифа Гаруна-аль-Рашида. Затем лет 500 о слонах в Европе ничего не было известно (по крайней мере, до нас никаких сведений не дошло). А в XIII веке французский король Людовик IX преподнес в подарок английскому королю Генриху III живого слона. (Опять-таки нам неизвестно, откуда и каким образом он появился в Париже.) В XV веке слоны еще продолжали оставаться редкими животными в Европе. Тем не менее в середине века во Франкфурте слона даже демонстрировали на ярмарке. В России первый слон появился в 1688 году — его прислал персидский шах царевичам Ивану и Петру. Но жители Москвы могли видеть слона лишь в день прибытия — потом его поместили в царский зверинец, а туда пускали избранных. Только через 100 с лишним лет — в 1796 году — в России появился слон, которого за деньги могли увидеть все желающие.

В XIX веке слоны стали известны, да и то относительно, в Европе ученым и широкой публике. Они были описаны в специальной литературе, их можно было увидеть в зверинцах и зоосадах, и в очень короткий срок эти животные стали в Европе очень популярными. Представления о них настолько вошли в обиход, люди мысленно так прочно сжились со слонами, что когда в начале нашего века некий Кединг составил словарь наиболее употребительных слов, то выяснилось: слово «слон» произносится так же часто, как существительное «резина» и «действие» как глаголы «убивать», «создавать», «изготовлять». И сейчас слово «слон» употребляется достаточно часто и в прямом и в переносном смысле. Но, часто вспоминая слона, люди, как ни странно, плохо представляют себе это животное. Достаточно привести несколько «образных выражений». Вот скажем, говорят: «толстокожий, как слон». Люди не представляют себе, что может быть иначе — ведь у такой громадины и кожа должна быть очень толстая. А на самом деле у слона кожа гораздо тоньше, чем можно представить себе. Так же прочно держится мнение, что слоны неуклюжи. Выражение «слон в посудной лавке» — синоним полного разгрома. Но вот один американец — владелец посудного магазина — решил проверить, так ли это в действительности, и привел слона в свой магазин. Однако огромное

животное, даже очутившись в незнакомой обстановке, вело себя настолько спокойно, что сломало лишь одну тарелочку. Публика же, присутствующая при этом, как сообщает газета, перебила посуды на несколько сотен долларов. Стоит лишь посмотреть, как дрессированные слоны осторожно ходят по бревнам, чтобы понять, что они достаточно ловки.

Слоны — самые крупные наземные животные. Самцы африканских слонов весят в среднем 5 тонн, самки 3 тонны. (Некоторые самцы при 4-метровом росте достигают даже 7,5 тонны веса.) Индийские слоны поменьше, но тоже достигают внушительных размеров и веса. Кроме размеров, индийские отличаются от африканских высоко поднятой головой (у них самая высокая точка — голова, у африканских — плечи), меньшим размером ушей, тем, что бивни у индийских слонов имеют только самцы, у африканских и самцы и самки (правда, у самок они значительно меньше). Огромное туловище слона покоится на тумбообразных ногах, сзади болтается крошечный хвостик, на голове малюсенькие глазки и рядом с ними кажущиеся очень большими уши. Кроме того, у слонов имеется удивительное приспособление — хобот — сросшаяся с носом и сильно вытянутая верхняя губа — и разросшиеся резцы — бивни. Но это внешне такое странное приспособление— на самом деле максимально «отлажено» и очень помогает слону в жизни.

Слоны прекрасно плавают, легко поднимаются по крутым склонам, хорошо себя чувствуют на горных кручах и скалах. Они отличные ходоки и даже бегуны. Благодаря особой железобразной, пружинящей прослойке под кожей ступни ходят слоны совершенно бесшумно. Когда слон опирается на ногу, она утолщается, как бы отекает, но стоит животному перенести нагрузку на другую ногу, а тем более поднять «отекшую», как она снова принимает обычный вид. Поэтому слоны хорошо двигаются по болотам и им не страшна почти никакая топь.

Но, пожалуй, самое удивительное у слонов — хобот. Он очень сильный и в то же время такой тонкий инструмент, что слон способен, как уверяют некоторые знатоки, поднять им с пола иголку. Насчет иголки, может быть, и преувеличение, но то, что слоны в зоопарках поднимают с пола такие мелкие предметы, как монетки или пуговицы, — факт, многократно подтвержденный. Хобот служит слону и «кружкой». Эти животные ежедневно выпивают по 100—200 литров воды, черпая ее хоботом, набирая в него за раз по 6—8 литров. Кстати о воде: без нее слоны вообще жить не могут. И как показали недавние наблюдения швейцарского зоолога Лейтхольда, слоны безошибочно угадывают, где, в каком районе идет или собирается пойти дождь, и стремятся в этот район, причем нередко слонов отделяют от дождевого фронта десятки километров. (О том, как они роют колодцы, мы уже говорили в первой части этой книги.)

Сила слонов общеизвестна. Однако слоны не агрессивны. Слоны никогда ни на кого не нападают, если не напуганы, не раздражены, не ранены или не защищают своих детей. (Исключение составляют слоны, впавшие в состояние, похожее на безумие, которое в Индии называют «муст».)

Слоны — животные стадные. В гу-

стых лесах или в саваннах они чувствуют себя полновластными, но добрыми хозяевами. Их не страшатся ни звери, ни птицы. И даже человек; попав в самую гущу слоновьего стада, всегда выберется из него невредимым, если он не напугает чем-нибудь слонов и те, удирая, случайно не заденут его. В стаде обычно царит полный мир и покой: слоны дружелюбно относятся друг к другу, а в критических ситуациях проявляют чувство товарищества. Так, Карл Экли наблюдал, как несколько слонов, спасавшихся от преследования охотников, остановились и с помощью хоботов и клыков долго пытались поднять тяжело раненного товарища. О подобных поступках рассказывают и другие наблюдатели.

Слонихи — прекрасные мамаши. Слонята родятся зрячими и, едва появившись на свет, становятся на ноги и начинают сосать молоко. Ростом новорожденный слоненок примерно с метр и весит всего килограммов 100. До полугода слоненок будет питаться только молоком (к этому времени вес его удвоится). Затем перейдет на растительную пищу, но некоторое время еще будет подкармливаться материнским молоком. Более или менее взрослым он станет лишь к трем годам, когда вес его достигнет тонны. Но только в 5—6 лет слоненок сможет полностью обойтись без материнской заботы. А окончательно взрослым он станет лишь к 25 годам.

Рождение слоненка — событие для всего стада. О новорожденном заботятся все. Если же мать почему-либо гибнет, слоненка усыновляет другая самка из этого стада. Если погибает слоненок, мать долго не может поверить в это, не может расстаться с ним и переносит мертвого детеныша с места на место.

Обычно водит стадо старая, опытная слониха и только в момент «боевых действий» командование принимает самец.

Слоны — животные ночные. Во всяком случае, кормятся они рано утром или ночью. (По приблизительным подсчетам, в пищу они употребляют не менее 500 видов растений, причем среди этих растений очень много таких, которых не едят остальные дикие и домашние копытные животные.) Спят слоны мало, да и сон этот скорее похож на дремоту. Долгое время считали, что слоны никогда не ложатся и всю жизнь проводят на ногах. Сейчас известно, что старые слоны действительно спят стоя, уперев бивни в дерево, молодые же могут отдыхать и в горизонтальном положении, раскинув хобот и ноги. Кстати, о понятии «старый» и «молодой» в применении к слонам: долгое время люди были убеждены, что слоны живут очень долго, существовало даже выражение «слоновый век», если речь шла о каком-нибудь долгожителе. Сейчас известно, что слоны живут 50—60 лет, и легенда о «слоновом веке» развеяна. Однако не только о жизни, но и о смерти слонов ходили легенды. Впрочем, легенды ли это—пока трудно сказать. Известно, что ни в Азии, ни в Африке почти не встречаются трупы слонов. Куда же они деваются? Конечно, есть животные, которые поедают падаль, есть немало таких, которые утилизируют и кожу и шерсть. Однако для того, чтобы убрать труп слона, нужно время, и, очевидно, немалое. Значит, можно было бы найти павшего или полусъеденного слона. Но таких находок нет. (Если только слон отчего-то не погиб внезапно.) Почти не находят костных останков сло-

нов. Правда, некоторые путешественники утверждают, что находили огромное количество костей в каких-то определенных местах. Эти рассказы перекликаются с преданиями о слоновых кладбищах, которые якобы существуют в недоступных для человека местах и куда слоны, почувствовав приближение смерти, уходят. Однако подтверждения этому пока нет.

Есть еще немало загадок, связанных со слонами. Например, сколько видов слонов на Земле? Испокон веков люди знали два вида: индийского, живущего в Азии, и африканского. Африканский значительно крупнее индийского. Но и среди африканских встречались невелички высотою в 2,5 метра, с бивнями, весящими не 80 килограммов, как обычно, а всего 8—10 килограммов. И только в 1900 году люди поняли, что это не малорослые слоны, а представители совершенно иного вида. Эти слоны живут в густых, труднодоступных местах, что сказывается не только на их образе жизни, но и на внешности. Так, например, у лесных слонов (они стали называться лесными в отличие от ранее известных африканских, которых с тех пор стали называть степными) бивни направлены вниз, задняя часть туловища кажется выше, потому что задние ноги у них длиннее. Уши у лесных слонов тоже меньше и округлые (отсюда второе название «круглоухие слоны»). Иная у них и окраска. В отличие от своих братьев-великанов, ведущих кочевой образ жизни, лесные путешествовать не любят. Да и не надо им этого — пищи вокруг сколько угодно.

Но основное отличие слонов — число пальцев на ногах: у лесных на передних ногах по пять пальцев, а на задних по четыре, у степных же на передних по четыре, а на задних лишь по три пальца.

Прошло несколько лет со времени открытия лесных слонов, и стало известно, что они не самые маленькие: слон по кличке Конго, привезенный в начале нашего века в Берлин из Африки, был ростом менее двух метров. Скоро в Европу привезли еще несколько таких же слонов-карликов. И выяснилось, что это еще одна разновидность слонов. Затем было сделано еще более интересное открытие: нашли водяного слона. Водяной слон (так он назван потому, что, подобно бегемотам, живет у воды и далеко от нее не уходит) оказался длинноногим, шустрым и, главное, очень маленьким: был всего 1,5 метра высоты.

Пятый родственник в семье слонов? Если бы только пятый! Сейчас зоологи лишь в Африке насчитывают 12 разновидностей слонов. Какие из них новые виды, какие подвиды, какие просто вариации одного из подвидов, еще предстоит выяснить. Но вполне вероятно, что есть слоны (виды или подвиды?), о которых людям пока ничего не известно.

НЕПАРНОКОПЫТНЫЕ

Когда-то животных, объединенных в отряд непарнокопытных, было на Земле, как считают ученые, по крайней мере, пятьсот видов. Все они вымерли, и сейчас на планете осталось лишь видов 15—16. Одни из наиболее типичных — тапиры, объединенные в **семейство Тапиры.**

Европейцы впервые услышали о них в начале XVI века из уст некоего Педро Маркира, который, попав в Новый Свет, увидел там животное «величиной с быка, с хоботом слона и копытами лошади». Маркир до-

вольно точно охарактеризовал животное, которое затем получило название центральноамериканского тапира: он действительно величиной с быка, у него действительно «хобот» — сильно вытянутая верхняя губа, очень подвижная и снабженная чувствительными волосками. Этим хоботом тапир ощупывает предметы, им же захватывает листья и отправляет их в рот. Живет тапир в густых, так называемых дождевых лесах Южной и Центральной Америки, обязательно вблизи воды. Он прекрасно плавает, ныряет, причем способен под водой проплыть большое расстояние и, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, хорошо бегает, прыгает, может проползти под упавшим деревом. Зрение у него, как у всех тапиров, слабое, зато хорошо развито обоняние и слух.

У тапиров рождается только один детеныш — пятнисто-полосатый малыш, который очень привязан к матери. Тапириха тоже очень любит своего детеныша и долгое время не отпускает его ни на шаг. Даже ложась спать, укладывается так, чтобы малыш поместился у нее на животе. Но если мать погибает, а тапирчик попадает к заботливым людям, он быстро становится ручным. Есть сведения, что колонисты, заселившие Новый Свет, успешно использовали прирученных тапиров на различных работах — запрягали в повозки, пахали на них.

Другой тапир, обитающий в Южной Америке, — равнинный. По образу жизни он похож на центральноамериканского, но меньше его (до метра высотой и до 200 килограммов весом) и имеет небольшую жесткую гриву, которой нет у центральноамериканского. Равнинный тапир очень осторожен и единственный из всех тапиров не занесен еще пока в Красную книгу, хотя из-за преследования людьми (мясо тапиров и их кожа высоко ценятся) и исчезновения подходящих мест обитания он становится все более малочисленным. Центральноамериканский тапир уже стал редким, а третий представитель этого семейства в Америке, самый маленький и изящный тапир — горный, почти совсем исчез. Причем исчез давно, еще до того, как ученые занялись им. Поэтому образ жизни этого тапира не известен. Известно лишь, что живет он в горах, скрывается в густых лесах и поднимается иногда до самой кромки снегов.

Долгое время считали, что тапиры — исключительно жители Западного полушария. И когда французский натуралист Диар сообщил, что обнаружил тапира в Азии, это произвело сенсацию. Тем более что учитель Диара, великий Кювье, совершенно определенно заявил в 1819 году: «Надежда обнаружить новые виды четвероногих очень ничтожна». И вот, пожалуйста, не только новый вид тапира, но и более крупное животное обнаружено: длина его тела около 250 сантиметров, вес свыше 300 килограммов. У него более мощные и более длинные, чем у американских родственников, ноги, более длинный хобот, а на спине большое белое пятно, вроде чепрака, за что тапир и назван был чепрачным. Диар, как он писал своему учителю, «был весьма поражен, что такое большое животное еще не известно науке». Это действительно странно, так как тапиры издавна хорошо известны на Востоке: под именем «ме» они упоминаются в трудах восточных ученых, а на базарах в Таиланде нередко продают, или, во всяком случае,

продавали мясо тапиров, которое там называется «му-нам». По образу жизни чепрачный тапир похож на своих американских собратьев.

Существование чепрачного тапира вызвало много споров. Но едва улеглись страсти, связанные с этим животным, как появилось новое сообщение: тапиры обнаружены на Суматре. На этот раз совершенно черные, без единого пятнышка. Опять новый вид? Возможно, что да. Последнее ли это открытие тапира? Возможно, что нет.

Семейство Носороги. Сейчас на Земле живет всего 13—16 тысяч носорогов. В Африке — два вида: черные и белые носороги. (11—13 тысяч черных и 2—3 тысячи белых.) По сути дела белый — вовсе не белый, а черный — совсем не черный. Белый называется еще и широкомордым. Такое имя дали ему переселившиеся в Африку голландцы. Голландское слово «широкомордый» по звучанию похоже на английское, означающее «белый». Поэтому англичане и окрестили носорогов белыми. Впрочем, понять, какого цвета носорог, не так-то просто: для этого животное надо было бы сначала хорошенько отмыть. Тогда мы узнали бы, что белый носорог — серый, а черный — тоже серый, только немного темнее. Но истинный цвет кожи носорогов мало кто видит: животное постоянно выпаляно в грязи, и очень часто цвет его зависит от цвета грязи — в одних местах она может быть темной, в других светлой, а где-то она коричневая или красноватая. Поэтому основное отличие носорогов — не окраска, а строение нижней губы: у белого нижняя губа плоская и широкая (отсюда «широкомордый»), у черного заострена и свисает вниз этаким клювиком или хоботком. Есть различие и в питании этих животных. Хоть оба носорога питаются лишь растительной пищей, метод добывания ее у них разный: белый поедает траву, срезая ее острыми резцами, черный же питается листьями, молодыми побегами, захватывая и срывая их верхней губой. Рога у черного и белого тоже разные: у белого круглые в сечении, у черного — похожи на трапецию. (У обоих два рога — один большой впереди, другой поменьше — позади него). Рога носорогов принципиально отличаются от рогов других животных. Во-первых, они прикреплены не к черепу, а лишь к коже, поэтому могут почти безболезненно отпасть или отломиться, а затем на этом месте вырастает новый. Кстати, растут рога у носорогов всю жизнь. Во-вторых, по своей структуре они тоже не похожи на обычные рога: состоят из очень прочно спресованных тоненьких полосочек или ороговевших нитей. Однако рога эти — страшное оружие. И когда животное пускает их в ход, врагу приходится очень плохо. Впрочем, врагов у носорогов, кроме людей, практически нет. Слоны сильнее носорогов, но в схватку эти животные друг с другом не вступают и, встретившись, мирно расходятся, причем носороги обычно уступают слонам дорогу. Львы тоже предпочитают сторониться носорогов, разве что время от времени, улучив момент, таскают новорожденных носорогиков. Но это бывает очень редко: заботливые мамаши стараются свое единственное чадо держать постоянно рядом с собой. И не только пока детеныш маленький, розовенький, безрогий, со свиным пятачком. И подросшие еще долго находятся под материнской

опекой. Даже двухлетние продолжают сосать молоко, хотя для того, чтобы добраться до сосков, им приходится становиться на колени.

О нравах носорогов рассказывают разное: одни люди утверждают, что это очень свирепое и агрессивное животное, другие — и таких большинство — считают, что носороги — добродушные звери и агрессивность проявляют, лишь защищая детенышей. Во всяком случае, между собою живут они мирно. И хоть черные носороги — животные одиночные, имеющие свой собственный участок, к нарушению границ собратьями относятся очень спокойно. Если же затевают иногда драки — до серьезных увечий дело не доходит.

Самцы белых носорогов устраивают иногда драки из-за самок. В остальное же время они — существа мирные и даже компанейские: в отличие от черных, пасутся стадами. А в случае опасности дружно защищают детенышей: занимают круговую оборону, пряча детенышей внутри круга.

У африканских носорогов сильная тяга к воде. Чтобы искупаться или принять грязевую ванну, носороги могут совершать ежедневные переходы по нескольку километров туда и обратно. Зато попав в воду (любопытно, кстати, что черный носорог — большой любитель купания — не умеет плавать) или залезая в грязь, эти животные испытывают настоящее блаженство.

Мирно уживаются носороги и со своими соседями — буйволами, зебрами, антилопами. А некоторым птицам позволяют сидеть у себя на спине. Долгое время существовало мнение, будто птицы эти предупреждают носорогов об опасности. (Зрение у носорогов слабое, а хорошо развитое обоняние оказывается бесполезным, если ветер дует от них.) Вот и считалось: птицы издали видят опасность, взлетают и тем самым предупреждают носорогов. Но, оказывается, это не так: птица может взлететь, когда враг или мнимый враг уже совсем близко, и у носорога не остается «дистанции бега», как назвал это расстояние немецкий ученый Ульрих. У носорогов, считает Ульрих, такая дистанция, то есть расстояние, на которое он может подпустить к себе, равна 150 метрам. Если враг подходит ближе, носорог убегает (бегает он быстро, на коротких расстояниях развивает скорость до 50 километров), либо готовится к сражению. Поэтому сейчас ученые считают, что птицы полезны носорогам не тем, что предупреждают их об опасности, а тем, что в какой-то степени спасают от многочисленных паразитов и пиявок, которые устраиваются на коже носорогов. Кстати, очень любопытно в этом случае «сотрудничество» с черепахами: едва носорог укладывается в прибрежную грязь — со всех сторон устремляются к нему черепахи и начинают обрабатывать его кожу — вытаскивать клещей и пиявок.

В Азии живут три вида носорогов. Но сказать «живут» — это не совсем точно: два вида — яванский и суматранский — фактически скорее доживают (яванского осталось не более 3—4 десятков в одном из заповедников на острове Ява, суматранского несколько больше—150—200).

Третий азиатский носорог — индийский, или панцирный. Свое название он получил за то, что его толстая кожа образует свободные складки, создавая впечатление, что животное одето в латы. Впечатление усиливается еще тем, что на коже

разбросаны небольшие выпуклости, похожие на заклепки. Индийский носорог — самое большое наземное животное после слона: высота его в плечах примерно два метра, длина более четырех, вес достигает двух тонн. У индийских носорогов один рог. Но им носороги не пользуются: если дело доходит до драки или до самообороны, пользуются острыми нижними клыками, чего не могут делать другие носороги. Индийский носорог довольно ловок и подвижен — хорошо прыгает, может бежать со скоростью 35—40 километров в час, отлично плавает и много времени проводит в воде. С водою он связан еще теснее, чем другие носороги, — даже еду чаще всего отыскивает на берегу или на дне водоема.

О характере индийского носорога у людей тоже нет единого мнения: одни считают его мирным, другие — агрессивным. Видимо, все зависит от обстоятельств. Во всяком случае, животное это довольно отважное: может вступить в сражение со слоном, не задумываясь наброситься на любого собрата, нарушившего границы его довольно обширного участка. Правда, это не мешает носорогам спокойно лежать в воде или в грязи буквально вплотную друг к другу.

Индийских носорогов сохранилось больше, чем яванских и суматранских. Но и их судьба вызывает серьезные опасения.

Семейство Лошади. Характерная черта одного из представителей этого семейства, зебр, — полосатая окраска. И те зебры, которые еще недавно жили на Земле и сейчас истреблены человеком, и те, которые пока еще сохранились, — все они полосатые. Французский натуралист Морис Кейн остроумно заметил, что «зебру делают полосы». Именно за эти полосы римляне назвали зебр «гиппотиграми», то есть лошадиными тиграми. Именно эти полосы всегда привлекают к зебрам внимание посетителей зоопарка. Именно полосы вызвали в свое время горячие споры ученых, которые никак не могли решить, какого цвета зебры — черные с белыми полосами или белые с черными. Чтобы выяснить это, скрестили зебру с лошадью. Результатом этого скрещивания оказался зеброид — бурая лошадка с черными полосами. Все последующие опыты показывали, что черные полосы остаются, в то время как белые заменяются другим цветом. Значит, фон менее устойчив, поглощается другим цветом, а полосы — устойчивый признак, и это передается по наследству. Таким образом, было выяснено, что зебра белого цвета с черными полосами. Впрочем, далеко не все зебры белые — есть и рыжие, и красноватые, и желтоватые. Черные же полосы есть у всех. Они зебрам необходимы. Но, конечно, не для того, чтобы заставлять ученых спорить или привлекать в зоопарках внимание публики. А как раз наоборот. Для того, чтобы привлекать как можно меньше внимания, быть как можно меньше заметными. В зоопарках это зебре не удается, а в родной стихии — в саваннах или в разреженных лесах зебра очень удачно маскируется именно благодаря своей полосатости. «С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый тон», — пишет Б. Гржимек. Окраска помогает зебре и во время бега, благодаря полосам, она как бы сливается с окружающей обстановкой. А спасаться бегством зебре приходится часто: она — главная пища

львов. Там, где зебры, там и львы. И хоть зебры могут развивать скорость до 50 километров в час, маскирующая окраска ей все-таки жизненно необходима: они быстро выдыхаются. Впрочем, зебра способна не только удирать или маскироваться — она может и обороняться: у нее мощные зубы и очень крепкие копыта. В отличие от лошадей, зебра наносит удары чаще не задними, а передними ногами. Это, конечно, не единственное отличие зебр от лошадей. Они меньше ростом, у них короче шея. Корпус цилиндрический, плотно сбитый. Роскошной гривы, которая часто бывает у лошадей, у зебры нет. Вместо нее — жесткий «ежик». Волосы на хвосте тоже жесткие. Но все это не мешает зебрам быть украшением африканских саванн, где они бродят небольшими, по 10—30 голов, стадами, во главе со старой, мудрой самкой и сильным, смелым жеребцом.

Стадо зебр дружно и довольно крепко спаяно: вынужденные спасаться от преследования, разбегаясь в разные стороны, зебры рано или поздно обязательно соединятся вновь в стадо, причем животные способны узнавать «своих» на далеком расстоянии. У каждого табуна или стада имеется небольшой участок. Но хозяева участка обычно не препятствуют соседним табунам находиться на нем. Что же касается других животных, то зебры, видимо, с удовольствием объединяются с ними. Очень часто можно видеть зебр, жирафов, газелей, антилоп и даже страусов, пасущихся вместе. Предполагают, что в таком «коллективе» легче избежать опасности: жирафы и страусы видят врага издали, зебры слышат шорох и шелест травы, если кто-то незаметно подползает или подкрадывается.

Особенно важна такая осторожность, когда в табуне появляются жеребята. Зебрята рождаются настолько оформившимися, что через несколько минут становятся на ножки, а через полчаса-час уже скачут вокруг родительницы. Отец — он же вожак табуна — при сем присутствует и внимательно поглядывает вокруг: в любую минуту он готов пустить в ход свои копыта и зубы, если кто-то покусится на его потомство. Если же опасность велика и одному с ней не справиться, все стадо становится в круг, внутри которого помещается жеребенок, и тогда любой хищник получает отпор.

Зебры много пьют, поэтому обычно далеко от водоема не уходят. Но водоем — это не только место, где утоляют жажду копытные. Это и место, где утоляют голод хищники. Поэтому, зебры очень осторожны на водопоях и следуют к нему всегда в определенном порядке: впереди умудренная жизненным опытом самка, за ней малыши, затем — подростки и замыкает шествие вожак.

Зебры неприхотливы — едят жесткую, малосъедобную для других животных траву, не болеют теми болезнями, которым подвержены домашние животные (во всяком случае, муха цеце им не страшна). И кто знает, что потеряли люди, истребившие квaггу и с таким жестоким пренебрежением относящиеся к другим «солнечным лошадкам».

Вообще лошадиным не очень повезло. Куланы, о которых мы уже говорили, почти полностью истреблены и сохранились лишь в заповедниках, лошадей Пржевальского, о них мы тоже говорили в первой части, на Земле осталось примерно 200 голов, и живут они лишь в пи-

томниках и зоопарках. Дикие ослы (два подвида — сомалийский и нубийский) в небольших количествах сохранились в пустынных и горных районах Африки. Жизнь их плохо изучена, и даже специалисты точно не знают, действительно ли все эти животные настоящие дикие ослы или какая-то часть их — одичавшие домашние животные. Но, как ни странно, люди плохо знают не только диких ослов — не знают и их далеких потомков, которые вот уже 7—8 тысяч лет честно и бескорыстно служат людям. Очень часто они живут впроголодь, выполняя непосильную работу, терпя издевательства, получая в благодарность за свою преданность лишь побои и ругательства. А ведь ослы заслужили совсем иного отношения. «Многие древние цивилизации не знали лошадей. Однако ослы всегда жили рядом с людьми... Распространено мнение, что осел двуличное и злое животное. Нет ничего ошибочнее такого заблуждения. Осел — существо жизнерадостное, быстро ориентирующееся в ситуации, отважное, ласковое, расторопное и полное фантазии. Пора покончить с необоснованным презрением к ослу», — с таким воззванием обратилось к людям созданное во Франции «Общество друзей осла».

МОЗОЛЕНОГИЕ

Верблюды, как и ослы, — древние спутники и помощники человека. Однако европейцы узнали их сравнительно недавно. И то — домашних. Что же касается диких, то о их существовании ученым стало известно лишь тогда, когда этих животных почти не осталось на Земле. Хаптагаи — дикие двугорбые верблюды — уцелели в Монголии, где их сейчас насчитывается около 300 голов. Жизнь их изучена плохо, и все, что мы знаем о верблюдах, знаем благодаря домашним.

Известно, что существуют верблюды двугорбые — бактрианы, названные так по имени древнего государства Средней Азии — Бактрии, откуда приходили в Европу караваны верблюдов, и одногорбые — дромадеры (от греческого слова «дромак»—«быстроходный»). И среди двугорбых и среди одногорбых есть верблюды верховые, вьючные, беговые. (Например, верховой верблюд в Северной Африке развивает скорость до 23—24 километров в час). Чтобы вывести таких верблюдов, надо было их очень любить. А верблюд был, как считают некоторые историки, на положении пасынка, и относились к нему соответственно. Однако это явно не так, — разве могли бы появиться у древних иранцев такие имена, как, например, Фрашаустра, что в переводе значит «обладающий умелыми верблюдами», если бы люди не любили и не ценили этих животных? Ведь даже имя легендарного или полулегендарного основателя религии огнепоклонников и предполагаемого автора священной книги Авеста Заратуштры переводится как «обладающий золотыми верблюдами». У арабов, как указывает советский ученый А. Спиркин, чуть ли не больше всего слов в языке (около 5 тысяч) так или иначе связаны с верблюдами, имеют прямое отношение к этому животному. (Со львами связано примерно 500 слов, со змеями — 200.) И это, конечно, не случайно: от верблюдов часто зависело благополучие не только семьи, не только племени, но и целого государства.

Начнем с того, что без верблюдов люди не смогли бы освоить огромные, труднодоступные пространства. Например, внутренние области Аравийского полуострова были заселены только после того, как человек приручил верблюда.

Даже сравнительно недавно — всего 100 с небольшим лет назад — в 1860 году верблюды сыграли большую роль в освоении внутренних областей Австралии: они стали главным транспортом, на котором люди добирались до самых отдаленных уголков центральных и западных районов материка. А когда началось строительство единственной железной дороги, связывающей север и юг Австралии, именно на верблюдах доставляли в район строительства все необходимое. Значение привезенных в Австралию из Афганистана верблюдов в строительстве железной дороги было так велико и так очевидно, что в память об этих животных поезда, идущие по дороге, до сих пор называются «афганским экспрессом».

Верблюды помогли установлению контактов между народами — ведь государства и народы в Африке и Азии часто разделяли расстояния, которые невозможно было преодолеть без такого надежного транспорта. Без верблюдов немыслима была бы и торговля между странами: груженые караваны проходили тысячи километров, доставляя товары персидских и арабских купцов. Но верблюды играли огромную роль в жизни людей не только как транспорт. Мясо верблюда, не уступающее говядине, ценилось многими народами, горбы считались лакомством, верблюжье молоко не только вкусно, не только содержит 6,5 процентов жира — оно широко используется для приготовления масла, сыра и других молочных продуктов. Верблюды, как пишет советский ученый С. Н. Боголюбский, «в районах солончаковых и песчаных пустынь... являются бесконкурентными молочными животными».

Верблюжья шерсть не потеряла свою ценность и сейчас.

Таков верблюд — не только один из самых древних, но и один из самых удивительных спутников человека.

Ну в самом деле, разве не вызывает удивления существо, которое способно не пить по многу дней (считают, до 45); питаться такой растительностью, до которой даже дотронуться страшно; много дней идти под палящим солнцем, делая ежедневно по 30—40 километров (по другим данным — по 100 километров), неся при этом груз в 150—250 килограммов? Причем и в начале пути и в конце верблюд движется с одинаковой скоростью, если, конечно, погонщик не будет торопить его.

Эти и многие другие качества верблюда вполне устраивали людей. Но почему верблюд именно такой — люди вряд ли задумывались. И уж наверное не пытались проникнуть в тайны верблюда. Да и вряд ли люди могли бы это сделать, даже если бы захотели. Всерьез тайнами верблюда люди занялись лишь сравнительно недавно. Сейчас уже немало тайн верблюда известно. Например, известно, что в одних случаях верблюды могут обходиться без воды недели две с половиной, в других чуть ли не два месяца. Оказывается, это зависит от пищи: если верблюды пасутся зимой в период дождей, когда растительность сочная, они вообще не пьют весь этот период, если же питаются сухим сеном или высушенными на солнце

колючками, без воды могут обходиться недели две.

Но тут возникают, по крайней мере, три вопроса. Первый — как они могут поедать жесткий, колючий кустарник, который должен немедленно разодрать и губы и рот животных (у некоторых растений длина колючек достигает 7 сантиметров)? Второй — почему даже без этой скудной пищи верблюды могут обходиться? И третий — не делают ли они запасы воды?

На первый вопрос оказалось ответить не сложно. Люди выяснили, что на внутренней стороне щек, на нёбе и языке верблюдов имеются твердые и жесткие бугры. Благодаря этим буграм верблюдам не страшны никакие колючки.

На второй вопрос, в общем-то, люди тоже нашли ответ без особых трудностей: верблюд может долго обходиться без еды, потому что запасает пищу «впрок». Пища эта — жир. Накапливать запасы «на черный день» может не только верблюд, — как мы знаем, немало животных, прежде чем залечь в зимнюю спячку, накапливают жир. Жир их не только кормит, но и греет. А вот этого-то как раз верблюду и не надо. Даже наоборот: если бы 100—150 килограммов жира распределились равномерно, получилась бы такая теплая шуба, что верблюд погиб бы от перегрева. Но верблюд «нашел выход» — он накапливает жир в горбах.

А вот на третий вопрос оказалось ответить трудней. Долгое время существовало мнение, что в желудке у верблюда имеется специальная камера, в которой находится запасенная впрок вода. Однако недавно стало известно, что такой камеры у верблюда нет и воду впрок он не запасает. Тогда появилась другая теория: вода у верблюда находится в горбах. Правда, в горбах — давно известно — не вода, а жир, но ученые считали, что это и есть потенциальная вода: перегорая и разлагаясь, жир превращается в воду. Но вот люди обратили внимание на то, что верблюд во время длительных переходов может потерять чуть ли не треть своего веса, и это никак не сказывается на его самочувствии. Правда, добравшись до водопоя, он способен за десять минут выпить огромное количество воды и восстановить свой вес. Некоторые верблюды утоляют жажду медленно — в течение нескольких часов. За это время они способны выпить литров 200.

Ученые обратили внимание еще на одно обстоятельство: любое животное, оставшись без воды и страдая от жажды, гибнет в результате сгущения крови. У верблюда же, даже потерявшего от безводья 20 процентов своего веса, количество крови уменьшается всего на 1 литр, и она не загустевает.

Секрет верблюжьей крови открыли лишь недавно. Оказывается, эритроциты, или, как их еще называют, красные кровяные шарики, у верблюда не такие, как у всех теплокровных животных. Они обладают способностью как бы впитывать воду. При этом разбухают, увеличиваются раза в три.

Вот, оказывается, где хранит воду верблюд: не в горбах, не в желудке, а в крови. В крови же у верблюда находится особое вещество альбумин, постоянно контролирующее количество влаги в организме. Имеется в крови и большое количество белка, который заставляет отдавать воду по мере надобности. Значит, эритроциты запасают воду, белок заставляет их отдавать по ме-

ре надобности, а альбумин следит, чтобы в организме все было в норме.

Однако и этого даже очень значительного запаса воды было бы недостаточно, чтобы выжить в пустыне. Верблюд шагает по многу дней под палящим солнцем, и его организм должен быть как-то предохранен от солнечных ожогов. Человек на солнце потеет. Пот — защитная реакция организма: выделяясь на поверхность кожи, влага предохраняет ее от перегрева. В то же время слишком большая потеря жидкости, естественно, губительна для организма. И если бы верблюд таким образом спасался от перегрева, за много дней пути по пустыне он «испарил» бы огромное количество влаги. Но в том-то и счастье верблюда, что он не потеет, а от перегрева спасает его шерсть.

У арабов издавна существует такая единица измерения, как «толщина верблюжьего волоса». Трудно сейчас сказать, действительно ли была такая единица измерения или это образное выражение. Но если говорить о верблюжьем волосе всерьез, то он должен был бы служить примером удивительного мастерства природы. Рассмотрев верблюжий волос в сильное увеличительное стекло, можно заметить, что это целое сооружение, где вокруг основного стержня расположено множество маленьких деталей необычной формы. Вот эти-то волоски — шерсть верблюда — предохраняют его от палящих лучей. И если снаружи его спина нагрета так, что дотронуться невозможно, — под шерстью она сохраняет 40—42 градуса — нормальную для верблюда температуру. Впрочем, трудно сказать, какая у верблюда температура нормальная: днем, в жару — 40 градусов, а в холодные ночи в пустыне она опускается до 34 градусов.

Если человек болен, у него высокая температура, а затем она резко падает, тело больного покрывается испариной: охлаждаясь, тело испаряет какое-то количество влаги. Верблюду при его размерах, чтобы «остынуть» на 6 градусов, потребовалось бы испарить не менее 5 литров воды. Но он не может позволить себе такой роскоши. Он не позволяет себе даже открывать рот во время сильной жары, как это делают многие животные. Вообще дышит верблюд не так, как другие животные: собака, например, во время жары 300—400 раз в минуту вдохнет и выдохнет, верблюд же позволяет лишь 16 вдохов и выходов в минуту.

Но это еще не все приспособления, имеющиеся у верблюда для жизни в пустыне. Например, у него толстая, раза в два толще, чем у быка, кожа. И все-таки даже такая кожа не спасла бы его от ожогов: ведь песок раскаляется до 67 градусов. Но верблюд на то и верблюд, чтобы не бояться жары: на ногах и на груди у него толстые мозоли. Им не страшен раскаленный песок. Поэтому ходит верблюд по песку совершенно спокойно. Если же надо лечь — опять-таки касается песка он только теми частями тела, которые покрыты мозолями.

Впрочем, верблюдам далеко не всегда приходится приспосабливаться к жаре. Почему-то обычно говорят о верблюдах как о жителях только жарких стран. Но ведь и в холодных их немало. Правда, холод легко переносят лишь бактрианы. Они не только выживают в холодном климате, — часто проваливаясь в снег по пояс, они работают так же добросовестно, как их сородичи в пустыне. До революции вер-

блюды работали даже на золотых приисках в Якутии, недалеко от полюса холода.

Но, конечно, в жарких странах верблюдов гораздо больше. И даже сейчас, когда по многим верблюжьим тропам проложены асфальтовые и бетонные дороги, люди все-таки не могут еще обойтись без верблюдов. Не случайно и сегодня еще в Африке и Азии только дромадеров около 5 миллионов.

Иная судьба у родственников верблюдов, живущих в Америке. Эти животные внешне сильно отличаются от известных нам верблюдов хотя бы тем, что у них нет горбов. Первый европеец, увидавший их, писал, что это зверь с головой и ушами мула, туловищем верблюда, ногами оленя и хвостом лошади. Так в 1520 году некий Пигафетт характеризовал одного из диких верблюдов Южной Америки — гуанако. Гуанако, как и другие верблюды Южной Америки — вигони или викуньи, до появления европейцев-завоевателей были широко распространены по всему материку. Местное население хорошо относилось к этим животным, и если охотилось на них, то очень разумно. Особенно бережно относились к викуньям, дающим едва ли не лучшую в мире шерсть, индейцы. До появления завоевателей индивидуальная охота на викуний была категорически запрещена. Раз в четыре года проводилась общественная охота. Впрочем, это скорее была не охота, а облава, когда тысячи людей оцепляли огромные участки и загоняли животных в определенные места. Там их тщательно осматривали и выбирали для убоя лишь неполноценных животных. Остальных выпускали. Часто вообще не убивали ни одного животного, а только стригли и отпускали на волю. Но вот пришли европейцы — загремели выстрелы, началось массовое, бессмысленное уничтожение безгорбых верблюдов. Количество викуний стало катастрофически уменьшаться. И не только потому, что их беспощадно убивали, а еще потому, что лошади и коровы занимали пастбища, на которых паслись гуанако и викуньи, и эти животные вынуждены были уходить все дальше и дальше в горы. Сейчас они сохранились лишь в высокогорных, труднодоступных местах в Андах. Правда, для викуний в 1966 году в Перу создан заповедник, тем не менее в Южной Америке осталось их всего несколько тысяч. Гуанако немногим больше. Но на них до сих пор продолжается охота, и если гуанако не будут взяты под охрану — не спасут их и высокие горы.

Трудная судьба и у прирученных безгорбых верблюдов Южной Америки — лам и альпака́. Ламы были одомашнены в Перу за 2—2,5 тысячи лет до н. э. И очень ценились и почитались в Южной Америке: в личном владении могло быть не более 50—100 животных, и только храмам и царствующим династиям разрешалось иметь большие стада. Главными надзирателями над этими стадами назначались лишь люди знатного рода, а мясо лам употреблялось только в торжественных случаях. О том, как относились к ламам коренные жители Южной Америки, свидетельствуют найденные статуэтки этих животных и их пастухов, сделанные из чистого золота. О добром отношении к животным рассказывают нам и традиции, сохранившиеся среди индейцев до сих пор: на лам никогда не садятся верхом, оберегая их слабые спины, груз, который на них перевозят,

никогда не превышает 50 килограммов, водят этих животных только в недоуздках и на мягких веревках, никогда не пользуются палками и бичами.

Но так относились и относятся к ламам индейцы. И ламы служили им верой и правдой, обеспечивая своих владельцев мясом, шкурами, шерстью, помогая жить в трудных горных условиях. Сейчас ламы и альпака живут лишь высоко в горах. Там их еще берегут: на трех-четырех-километровой высоте люди еще не могут обойтись без выносливых и послушных животных, способных проходить по совершенно, казалось бы, недоступным горным тропинкам, покорно переносящих все невзгоды и, несмотря ни на что, верно служащих людям. Но лам остается с каждым годом все меньше и меньше.

Альпака повезло: изделия из их шерсти и шкур пользуются успехом у туристов, шерсть вывозится за границу. Поэтому в высокогорных районах Перу имеются фермы, где разводятся альпака. Сейчас количество альпака достигает примерно 30 тысяч голов.

ПАРНОКОПЫТНЫЕ

В отряде парнокопытных около двухсот видов. И главный признак отряда — строение копыт. Именно этот признак объединил таких разных животных, как, например, бегемота и антилопу, жирафа и свиней. Конечно, парнокопытные и внешне очень несхожи, и образом жизни отличаются друг от друга. Тем не менее все они разделяются лишь на две основные группы. Одна группа состоит из животных, которые на пастбище не пережевывают пищу, а быстро проглатывают ее, чтобы потом, отрыгнув проглоченное, спокойно и тщательно пережевать и снова проглотить. Поэтому желудок у этих парнокопытных четырехкамерный — в первых двух «хранится» наспех проглоченная пища, в две другие попадает пища уже пережеванная. Ну, а за то, что эти животные все время двигают челюстями, как бы перерабатывая, перетирая «полуфабрикаты», их называют жвачными.

Животные другой группы — нежвачные — пищу пережевывают сразу, и желудок у них двухкамерный.

У многих парнокопытных имеются рога. Но и они у разных видов разные — отличаются и по форме и по строению. Есть разница и в том, кто их носит. По строению рогов животные тоже разделяются на группы: у одних рога массивные, у других легкие, пустые внутри, как бы полые. У одних рога постоянные, другие ежегодно меняют их.

Парнокопытных много. С некоторыми мы уже познакомились в первой части, некоторые сейчас пройдут перед нами. Но пройдут далеко не все. Многих придется освободить от участия в параде, потому что он и так уж очень затянулся. Тем не менее, рискуя еще больше затянуть парад, мы пустим впереди всех парнокопытных одних из самых неторопливых животных.

Семейство Бегемоты. Они действительно идут неторопливо, переваливаясь, медленно переставляя толстенные, могучие ноги. Может быть, стоит поторопить бегемотов? Конечно, поторопить вежливо, чтобы они не рассердились, потому что рассерженный бегемот страшен: он может подмять под себя врага, при-

давить своей тушей к дереву или пустить в ход огромные зубы. Клыки бывают длиной более 60 сантиметров, и один такой зуб весит килограмма 3.) Но если вежливо попросить бегемота, он может и поторопиться — вообще бегемоты очень неплохие ходоки. Б. Гржимек рассказывал о бегемоте, который странствовал по Южной Африке и за два с половиной года прошел примерно 1600 километров. Причем из этих двух с половиной лет шел он лишь небольшую часть времени. Впрочем, можно бегемотов и не торопить, а немножко подождать: рано или поздно на их пути встретится не очень глубокий, с пологими берегами водоем, бегемоты обязательно залезут в воду и освободят дорогу.

В водоемах бегемоты проводят очень много времени. Они отлично плавают и ныряют, оставаясь под водой иногда по 4—5 минут. Но в основном бегемоты лежат на отмели, погрузившись наполовину или целиком в воду и выставив наружу ноздри и глаза. Ноздри и глаза у бегемота находятся как бы на возвышениях, и это дает животному возможность, оставаясь в воде, дышать и видеть все, что делается вокруг. В водоеме бегемоты чувствуют себя спокойнее. А на дне водоема или поблизости от него отыскивают себе еду — растения, которые скусывают не зубами, а ороговевшими краями губ. В воде же совершается величайшее таинство — появление на свет маленьких бегемотиков. Мамаша заранее подыскивает подходящее место — где-нибудь у берега — и производит на свет сравнительно маленького (весящего не более 50 килограммов) бегемотика. Новорожденного мамаша тут же подхватывает и осторожно кладет на берег. Полюбовавшись немного своим сокровищем, она начинает долго и тщательно вылизывать его. А через сутки бегемотик уже сопровождает мамашу в недалекие прогулки. Отец первые дни не подходит к своей семье, но затем как-то не очень уверенно приближается к ней и уже больше не отходит ни на шаг. Вообще-то бегемоты живут кланами по 10—20 особей. Отдельно живут лишь очень молодые и очень старые самцы. Члены клана дружны, хорошо знают друг друга и ревниво охраняют свой участок. Образ жизни бегемоты ведут размеренный: днем лежат в воде, ночью кормятся и перед рассветом снова возвращаются в воду. Но появление детеныша все меняет: малыша надо воспитывать и учить. И в первую очередь надо его научить плавать. Этим занимается самка. Французский исследователь А. Гобер считает, что «ни одно млекопитающее не ухаживает так бережно за своим детенышем», как бегемот. С этим, конечно, можно соглашаться или не соглашаться, но то, что бегемотиха очень нежна и очень терпелива, — факт. Уроки плавания — процедура весьма хлопотливая: малыш сидит на спине у плавающей матери, но стоит ей чуть поглубже опуститься в воду — бегемотик начинает вопить от ужаса. Пройдет немало времени, пока он привыкнет к воде, научится плавать и нырять. Тогда мамаша присоединяется к стаду. Но обучение будет продолжаться: малышам надо многое узнать. Например, где и как прятаться в случае опасности или где искать съедобные растения. В свободное от занятий время малыши, как и полагается детям, играют друг с другом. И случается, ненароком кто-то кого-то обидит. Тогда обиженный поднимает крик,

прибегает мамаша и наказывает обидчика. Но за обидчика вступается его собственная мамаша. И тут начинается потасовка. Правда, серьезные драки в таких случаях бывают редко. Серьезно драться могут лишь самцы из-за территории. Тут бой может вестись не на жизнь, а на смерть. Но такие сражения тоже редки — обычно бегемоты ограничиваются угрозами-предупреждениями.

Бегемот — зверь сильный, и врагов у него мало. Считалось, что главный его враг крокодил. Но это неверно: у хищного и прожорливого крокодила, видимо, все-таки хватает ума, чтобы понять: даже его могучие зубы не способны прокусить толстенную (до двух сантиметров толщиной) кожу бегемота. (Кстати, весит она почти полтонны.) Страдают от крокодилов в основном бегемотики. Похищают их не только крокодилы, но и львы, и даже гиены иногда утаскивают малышей. На взрослых бегемотов нападают лишь львы, да и то очень редко.

Главный и самый беспощадный враг бегемотов — человек.

Говорят, бегемоты очень некрасивы. Действительно — туловище вальковатое и массивное, ноги короткие и толстые, шеи почти нет, а голова плоская, с огромным ртом и маленькими глазками. Голос противный. Жидкость, предохраняющая бегемотов от перегревов, часто имеет розоватый цвет, отчего кажется, что животное обливается кровавым потом. Да, бегемот — не красавец. Но ведь что кому нравится. И совсем не случайно в зоопарках у вольер, где содержатся бегемоты, всегда много народу. Особенно много детей. Они не только рассматривают экзотическое животное, они им любуются.

У бегемотов-великанов есть родственник — карликовый бегемот. В начале нашего века в Европе его еще не знали. Но слухи, причем самые невероятные, доходили до ученых. Известный путешественник Ганс Шомбрук решил во что бы то ни стало найти этого карликового бегемота, или страшного зверя «мве-мве», как называли его местные жители. Много месяцев провел он в поисках, много трудностей испытал, путешествуя по девственным лесам Либерии. Упорство его было вознаграждено: в конце концов таинственный зверь попал в ловушку. Но тут неожиданно возникли трудности другого порядка: местные жители ни за что не хотели подходить к ловчей яме — страх перед зверем был очень силен. Шомбрук все-таки уговорил охотников подойти к яме и убедиться, что пойманный бегемотик вовсе не страшный и не опасный зверь. Вскоре было поймано еще несколько карликовых бегемотов. И почти все они оказались такими же добродушными, как и первый: позволяли себя трогать и брали еду из рук людей.

Это очень мирные и добрые существа, в два раза меньше ростом и в десять раз легче своих собратьев. Они хорошо бегают и при опасности спасаются не в воде, а в лесу. Шомбрук привез карликового бегемота в Европу. Сейчас эти бегемоты уже живут в некоторых зоопарках и размножаются в них. Но и в зоопарках и в природе они, к сожалению, очень редки.

Семейство Жирафы. Эти животные очень необычны. Конечно, и у слона, и у бегемота, и у многих других внешность очень характерна. Но у жирафа особенно. Во-первых, жираф — самое длинношеее существо

на планете. (Причем шейных позвонков у него, как и у большинства млекопитающих, только семь, но зато какие!) Во-вторых, это самое высокое животное — почти на шесть метров над землей поднята его голова. В-третьих, оно еще и таинственное животное. Лишь недавно задумались ученые: как же так получается, сердце у жирафа находится в трех метрах «от пяток» и в трех метрах «от макушки», а кровоснабжение всех органов прекрасное — ни головокружений, ни отеков в ногах.

Долго подбирались люди к решению этих и многих других загадок жирафа, используя самые совершенные современные приборы, и в конечном итоге кое-что выяснили.

Оказывается, жираф ведет себя так, как будто знает, что резко опускать голову ему нельзя — это может плохо кончиться для него. И вставать с земли надо медленно— иначе нарушится кровоснабжение мозга. Жираф бегает только на короткие дистанции, будто понимает, что длительной пробежки сердце может не выдержать. Но это профилактические меры. Имеются и специальные регуляторы. Например, плотно охватывающая ноги кожа и мышцы, не позволяющие застаиваться крови в конечностях, или специальные «запирающие устройства»— клапаны, регулирующие притоки крови. Сердце у жирафа тоже особенное — это могучий насос, способный перекачивать около 60 литров жидкости в минуту. И состав самой крови необычен: в ней в два раза больше красных кровяных шариков, чем у человека. Есть еще немало различных «приспособлений», помогающих этому нелепому на первый взгляд животному существовать на Земле. И непомерно длинная шея — как раз одно из таких «приспособлений»: она позволяет жирафу срывать листья даже с высоких деревьев. И яркая, казалось бы очень броская, расцветка—тоже прекрасное приспособление, обеспечивающее отличную маскировку и относительную безопасность. Длинные и тоже, казалось бы, неуклюжие ноги дают возможность довольно быстро бегать.

Кстати, о расцветке жирафов. Когда ученые поближе познакомились с этими животными, то выяснилось: невозможно найти двух одинаково окрашенных жирафов. Рисунки у каждого животного строго индивидуальны, неповторимы, характерны только для него. (Как, например, папилярный рисунок на пальцах человека.) Но кроме того, варьируются цвета пятен и общего фона. По цвету и форме пятен американские ученые выделили 10 подвидов жирафов.

Жирафы очень миролюбивые существа. Они обычно объединяются в небольшие стада, и каждый член этого стада очень уважительно относится к остальным. А все вместе они уважают и любят своего вожака. Драк почти не бывает. Если же надо выяснить, кому руководить в стаде, устраиваются бескровные дуэли: претенденты сходятся вплотную и начинают ударять друг друга шеями. Ноги жирафы в ход не пускают, будто знают, что удар ноги, вооруженной острым копытом, очень силен: известны случаи, когда жирафы калечили или убивали львов.

Обычно дуэль между самцами продолжается недолго: через несколько минут, самое большее через четверть часа, побежденный отступает, и таким образом спор оказывается решенным. Побежденный не изгоняется из стада, как это бывает у многих животных, а оста-

ется в нем на правах рядового члена.

Правда, английский зоолог Робин Пеллеу, изучавший жирафов в Серенгети, считает, что состав стада очень непостоянен: одни животные уходят, другие присоединяются к стаду. Однако мнение Пеллеу еще не общепризнанно, так же как далеко не все зоологи согласны с тем, как оценивает английский ученый отношение взрослых жирафов к малышам.

До сих пор считалось и сейчас еще считается, что рождение жирафенка—радостное событие для всего стада. Все его члены окружают роженицу, закрывая ее на всякий случай своими телами от возможной опасности. Появившегося на свет жирафенка каждый взрослый нежно приветствует прикосновением носа.

Р. Пеллеу на основании наблюдений за одной из самок, родившей детеныша в одиночестве, делает вывод, что остальные жирафы равнодушны к чужим малышам.

Однако наблюдения других натуралистов подтверждают всеобщую любовь жирафов ко всем малышам, подтверждают и то, что все жирафы мужественно защищают малышей, чьи бы они ни были. Но, конечно, особенно яростно защищает свое потомство родительница: она не задумываясь бросается навстречу стае гиен, не отступает перед львами (даже если их несколько), будто понимая, что эти хищники — главные враги ее малыша.

По наблюдениям Р. Пеллеу, первые дни жизни жирафенок проводит вблизи того места, где появился на свет. Мать в это время никуда не отлучается, бдительно охраняя свое чадо. Дней через 10, когда у жирафенка появляются маленькие рожки (до этого момента рожки были как бы вдавлены) и он уже достаточно твердо стоит на ножках, мать отыскивает находящихся поблизости других самок с такими же малышами и они устраивают для своих потомков «детский сад». Вот тут-то и подстерегает малышей опасность: у родительниц притупляется бдительность, а жирафенок, ставший уже достаточно резвым, убегает из-под присмотра. И становится добычей хищников. Именно в этот период гибнет основная масса жирафов — до года доживает лишь процентов 25—30.

Изучая жирафов, люди столкнулись еще с одной из многочисленных тайн этих животных: среди новорожденных самок и самцов примерно одинаковое количество, хищники, естественно, не разбирают, кого хватать в первую очередь — мальчика или девочку, — хватают, кого придется. Значит, по логике вещей, взрослых жирафов тоже должно быть равное количество. Тем не менее среди взрослых животных преобладают самки.

Люди издавна хорошо относились к жирафам. А. Брем пишет, что жирафа легко приручить, он очень привязывается к хозяину, и добавляет: «Мне кажется, что арабское название «зэрафэ» — «милый» основано на этих свойствах». Правда, африканцы охотились на жирафов из-за их шкур, они делали щиты, пояса, ремни. Однако охота никогда не была истребительной, никогда не наносила существенного урона поголовью этих животных. Европейцы, пришедшие в Африку, начали попросту уничтожать жирафов. Убивали ради шкур, из которых делали навесы для повозок, бичи, вожжи, убивали просто так, ради того, чтоб убить. Сейчас жирафы остались лишь в заповедниках и националь-

ных парках Кении, Танзании, Уганды, Замбии.

Что же касается другого представителя этого семейства — окапи, то он стал редким еще задолго до того, как был открыт европейцами.

Открытие окапи — одна из интереснейших, весьма показательных страниц в истории зоологических открытий. Уже в нашем веке, когда, казалось, все известно и исследовано, было найдено необычайное млекопитающее, которое к тому же могло служить и «наглядным пособием» по эволюционному учению.

В 1900 году крупный правительственный чиновник Уганды, ставший затем губернатором, Генри Джонстон спас группу местных жителей-пигмеев. В благодарность пигмеи согласились помочь ему отыскать животное, которое никто из европейцев еще не видел, но о котором ходили самые разнообразные легенды. То, что этот зверь существует, подтверждал, например, такой факт: в 1888 году экспедиция английского путешественника Г. Стенли, имевшая лошадей, появилась среди туземцев. Местные жители лошадей не знали — в тех местах лошадей никогда не было. Но любопытные и непосредственные люди, шумно удивляющиеся всему необычному, к лошадям не проявили почему-то никакого интереса. Равнодушие местных жителей, как потом выяснилось, объяснялось тем, что по их мнению, подобные животные, которых называли «окапи», бродили в окрестных лесах.

Вскоре у Джонстона появилась шкура и челюсть этого животного, а через некоторое время и само животное предстало перед ученым-губернатором. Оно было невелико — меньше полутора метров в высоту, крепко сбито, имело полосатые ноги и вытянутую шею. Сначала предположили, что это какой-то новый вид или род ослов. Потом... вообще предположений было много. И все они оказались ошибочными. А истина была самой невероятной: окапи оказался родным братом жирафа. На первый взгляд это может показаться странным: сравнительно маленький окапи — близкий родственник самого высокого в мире животного.

Теперь ученые точно узнали, что древовидные растения появились раньше, чем травы. Значит, и леса появились значительно раньше, чем саванны, и уж конечно, раньше, чем безлесные степи. Ну, если леса появились раньше, то и лесные жители появились раньше, чем степные. И значит, общий предок жирафа и окапи первоначально жил в лесу. Но вот постепенно стали появляться безлесные пространства, и часть лесных жителей очутилась на этом пространстве: ведь лесов становилось меньше, а значит, и жизненного пространства стало не хватать.

Предки жирафа и окапи по-прежнему оставались в лесу. Но часть их все-таки переселилась в саванны. Трудно пришлось переселенцам: они были приспособлены к лесной жизни, где, для того чтобы добывать пищу, не надо иметь высокий рост, а чтобы уберечься от врагов, надо иметь хороший слух. Чтобы спасаться, не надо уметь быстро бегать, а надо уметь хорошо прятаться.

В саваннах все наоборот: листья на деревьях высоко, зрение гораздо важнее, чем слух, а умение быстро бегать важнее, чем маскировка. И погибли бы эти лесные жители в саваннах, но животные, как известно, все разные, даже если они одного вида: у некоторых шея и но-

ги длиннее, у других короче. Тем, у кого шея и ноги были подлиннее, тоже жилось трудно, но все-таки немного легче, чем коротышкам: коротышка объест листья с нижних веток деревьев, а те, что чуть повыше, уже не достанет. Животные, у которых шея и ноги оказались подлиннее, — доставали. Щипать траву коротышке, казалось бы, легче. Но трава быстро выгорает, приходится кочевать с места на место. А длинноногим и это делать легче. И от хищников спасался в первую очередь тот, кто лучше бегал, то есть опять же длинноногие.

Коротышки скорее погибали от голода и от хищников. Те, кто подлиннее, жили дольше, оставляли больше потомства. Потомство обычно получалось в родителей — тоже длинношеее и длинноногое. Но и среди новых поколений не все были одинаковыми: одни повыше, другие пониже. И опять одним жилось легче, а другим — труднее, и они скорее погибали.

Проходили тысячелетия, сменилось множество поколений. И в каждом поколении выживали те, кто лучше был приспособлен к новым условиям жизни, то есть те, у кого были длиннее шея и ноги. Так постепенно «росло» невысокое животное, пока не превратилось в самое высокое животное на Земле — в жирафа. А оставшиеся в лесу за эти тысячелетия так и «не выросли». Они были хорошо приспособлены к жизни среди деревьев, условия этой жизни для них не менялись, значит, и самим им меняться не требовалось.

Когда пишут об окапи, очень подробно рассказывают историю его открытия, говорят о происхождении и родстве с жирафами. И очень мало рассказывают о самом окапи, потому что жизнь этого животного еще слабо изучена: в природе за ним наблюдать крайне трудно, в зоопарках же окапи появились лишь в 1956 году. (Жирафы, кстати, живут в европейских зоопарках уже более полутора столетий, прекрасно чувствуют себя в неволе, приносят потомство. Но еще в Древнем Риме люди хорошо знали жирафа. Юлий Цезарь, например, выставлял жирафа в Колизее, их дарили особо именитым гостям.)

Сейчас окапи сохранились лишь в густых, малодоступных лесах бассейна реки Конго. Там они живут на больших полянах или на берегах глухих рек. Окапи приносят одного малыша, которого очень любят, о котором заботятся, охраняют и долго не расстаются с ним. У окапи много общих признаков с жирафами. Например, язык, которым он, как и жираф, обкручивает ветки и, быстро сдергивая, срывает листья. Язык этот синеватого цвета и такой длины, что им животные могут промывать глаза. (У жирафа язык тоже очень длинный — более полуметра.) Рожки у окапи маленькие и не соединены с черепом, как и у жирафа. Фактически это даже не рожки, а что-то вроде больших наростов на коже. Для боя такое оружие не годится. Впрочем, окапи это не нужно —животные они мирные.

Семейство Кабарги. На Алтае и в Восточной Сибири, в Саянах и на Дальнем Востоке (а за пределами СССР — в горах Монголии, Китая, Тибета и Кореи) обитает похожее на оленя животное — кабарга. Оно небольшое — менее метра в длину и сантиметров 70 в высоту. Задние ноги у него значительно выше передних, и поэтому кажется, что кабарга все время готова к прыжку.

Она действительно прекрасно прыгает (до четырех метров в высоту) и даже может во время полета изменять направление, повернуть чуть ли не на 90 градусов. И бегает она быстро. Однако бегать кабарга не особенно любит — чаще всего ее вынуждают к этому. Если же все спокойно, кабарга тихонечко живет на своем участке. Он у нее небольшой: летом до 300 гектаров, зимой всего 10—20 гектаров. Расположен обычно в густых, темных участках тайги, где кабарга проводит все основное время, питаясь лишайниками, растущими на деревьях, и трогательно заботится о маленьких кабаржатах, которые появляются летом. Кабаржата (обычно их двое) родятся беспомощными, и первое время мать тщательно прячет их где-нибудь в густых зарослях и далеко не отходит от них. Если же поблизости оказывается хищник или человек, кабарга делает все, чтобы привлечь внимание к себе и отвлечь опасность от детенышей.

Так бы и жил этот славный и добрый (несмотря на длинные саблевидные клыки, угрожающе торчащие у самцов, может быть, самый мирный и добрый) обитатель нашей тайги, да не дают ему спокойно жить. Волки, рыси, росомахи и, главным образом, хорза постоянно преследуют кабаргу. И человек, конечно, тоже. На свою беду, самцы кабарги имеют на брюхе большую мускусную железу. Раньше считалось, что выделение этой железы — кабарожья, или кабарговая, «струя» — обладает целебными свойствами. Из-за этой «струи» и охотились на кабаргу и уничтожали ее почем зря. Особенно усердствовали китайцы и тибетцы — восточные медики считали «кабарожью струю» лекарством от многих болезней.

Мускус кабарги имеет удивительно стойкий запах: в Иране в XVI веке была построена «благоухающая» мечеть — в строительный раствор добавляли мускус кабарги и запах его ощущается до сих пор. Зная это, парфюмеры стали активно использовать мускус кабарги. В Европе его стали использовать с прошлого века. И французские духи своей громкой славой во многом обязаны скромной таежной отшельнице—кабарге.

Сейчас кабарга в нашей стране взята под охрану, и благодаря этому поголовье ее в некоторых районах увеличилось.

Семейство Олени. В это семейство входит примерно 30 видов. И можно было бы устроить роскошный парад из представителей только одного этого семейства. Мимо нас прошли бы удивительные и самые разнообразные существа — стройные и массивные, быстроногие и медлительные, спокойные и пугливые, ярко или нежно окрашенные. Они смотрели бы на нас своими большими прекрасными глазами (у многих они еще и опушены длинными ресницами), и самцы гордо проносили бы свои красивые, а часто и очень ценные рога.

Рога оленей — особые: на костных выростах (пеньках) образуются окостеневающие отростки. Раз в году они отпадают. Пенек покрывается хрящеватой «шапкой», а из этой «шапки» вырастает новый, обычно крупнее прошлогоднего, рог. Но рога у оленей — прерогатива лишь самцов. Исключение составляют северные олени: у них рога имеют и самцы и самки (у живущих в Китае водяных оленей, наоборот, рогов нет ни у самок, ни у самцов).

Все олени очень красивы, а неко-

торые, такие, например, как лань, стали даже своеобразным символом изящества и красоты.

Лань когда-то была распространена по всей Европе. Ее истребили охотники. Тогда ланей стали завозить в Европу из Африки. Но делали это опять-таки для того, чтобы в конечном счете истреблять этих животных: европейским охотникам почему-то особенно нравилось стрелять в это воплощение изящества и красоты. Правда, сравнительно недавно кое-где стали ланей разводить как декоративных животных. В нашей стране эти олени украшают леса и парки Украины, Белоруссии, Прибалтики.

Лань, видимо, сохранится на Земле. А вот сохранится ли барасинга, один из самых красивых оленей в мире, — не известно. Это удивительной расцветки, с рогами необыкновенной формы животное обитает в Индии и Непале. Впрочем, вернее было бы сказать — обитало: из-за красивых рогов этот олень постоянно преследовался, и сейчас он практически уничтожен — на всей планете осталось не более пяти сотен барасингов.

А на очереди — олень-лира, близкий родственник барасинги, такой же красавец и с такой же несчастной судьбой. Правда, этих оленей с необыкновенными лирообразными рогами осталось несколько больше — около 4 тысяч, и в Бирме их сейчас тщательно охраняют и разводят. Но браконьеры продолжают преследовать этих оленей.

Пятнистый олень (он действительно пятнистый, но только летом) живет в Китае и Японии, во Вьетнаме и Корее, а в СССР — в Приморье. Но с недавнего времени люди переселили этого оленя, он прижился во многих районах нашей страны, и сейчас в лесах можно увидать небольшие стада в 10—15 голов.

В природе самцы пятнистых оленей носят рога столько, сколько положено, и сбрасывают их, когда следует. Но в специальных оленьих хозяйствах им приходится расставаться с рогами совсем в неурочное время: в молодых неокрепших рогах пятнистых оленей — пантах — содержится вещество, из которого изготовляют ценное лекарство — пантокрин. Поэтому приходится оленям расставаться со своими украшениями не осенью, как обычно, а весной. У некоторых других оленей рога тоже представляют собой ценное лекарственное сырье. Но пятнистый олень славится особенно.

И вот идут сомкнутым строем дальневосточные изюбры и американские вапити, европейские, кавказские, бухарские олени и маралы. Они отличаются окраской, они разные по величине, и рога у них разные. И все-таки что-то общее есть у них и в походке, и в движениях, и в поднятых головах, и во взглядах. Это общее — какое-то благородство, и не случайно все эти олени представители одного вида — благородных оленей.

Благородные олени живут в разных местах — в горах и в зарослях тугая, в дубовых лесах и в тайге, и всюду они неотъемлемая часть природы, ее украшение.

Люди, склонные наделять животных человеческими чертами, считают, что благородство оленей проявляется во всем — и в осанке и в поведении. Например, очень характерны в этом отношении дуэли, которые самцы устраивают из-за самок. Со стороны эти дуэли выглядят действительно очень благородно, животные строго соблюдают дуэльный «кодекс чести».

Перед дуэлями олени ревут. Рев бывает долгий и протяжный, со множеством модуляций, иногда жалобный, иногда тоскливый, иногда призывный и гордый, часто напоминающий звук трубы. Ревом олень созывает свое стадо. И оно приходит. Но нередко на этот зов является и соперник. Вот тогда и происходит дуэль. Впрочем, дуэль может и не состояться: уже по голосу или по внешнему виду друг друга соперники могут определить исход дуэли, и один из них покинет поле брани, даже не начиная боя. Но чаще бывает другое: соперники начинают демонстрировать друг другу свою силу — ревут, роют копытом землю, бьют рогами по стволам деревьев, ломают кусты. Обычно после этого один из оленей понимает, что слабее противника, и уходит. Может понять свою слабость один из оленей и сразу после начала сражения. В таком случае соперники немедленно расходятся в разные стороны и слабый безропотно уступает место более сильному. Но если бой будет продолжаться долго, если олени будут биться всерьез, — финал его никогда или, во всяком случае, очень редко бывает трагическим.

Каждый представитель семейства оленей хорош по-своему, и о каждом можно рассказать много интересного. Все олени так или иначе нужны человеку. И если человек не охотится на них ради мяса и шкуры, не стремится добыть мускусную железу или панты — олени все равно нужны, они должны жить на Земле как один из самых прекрасных представителей фауны, как одни из самых замечательных наших соседей по планете. Но пожалуй, самый нужный человеку и наиболее интересный — северный олень.

Путешественники не раз писали в своих воспоминаниях о многочисленных стадах северных оленей. Петр Паласс, один из первых исследователей животного мира России, писал, что стада оленей движутся иногда без остановки в течение двух-трех суток. Другой исследователь Севера — русский путешественник Фердинанд Врангель описывал стада северных оленей длиною до ста верст. Некоторые путешественники сообщали, что видели оленьи стада, состоявшие, по очень приблизительным подсчетам, из 15—25 миллионов голов. И все, кто видел северных оленей, отмечали их красоту, особенно красоту и величественность идущего стада. Олени, как правило, идут плотно, высоко подняв рогатые головы, и кажется, будто движется густой и ветвистый лес.

Но если путешественники удивлялись многочисленности стад северных оленей и восхищались красотой этих животных, то ученые с первых же шагов знакомства с северными оленями удивлялись их необыкновенной приспособленности к жизни на Севере. Олень не боится морозов, легко переносит 50—60 градусов холода. В этом ему помогает очень странная и необычная шерсть: шерстинки клинообразные, но суживаются не к концу, а к основанию. Стенки у этих шерстинок очень тонкие, а сами шерстинки наполнены воздухом. Воздух, как мы знаем, создает хорошую воздушную «шубу», а благодаря тому, что шерстинки клинообразные и очень плотно прилегают друг к другу, даже дующий против шерсти оленя ветер не может добраться до кожи животного. Благодаря своей шерсти олень прекрасно плавает — наполненные воздухом волоски дер-

жат его на воде лучше любого спасательного пояса. Но и это не все — зимой олень обрастает еще и теплым пухом, скрытым под остью. Пух служит дополнительным теплоизолятором. Шерсть и пух оленей настолько хорошо удерживают тепло, что снег, падающий на его шубу, не тает. Не тает он и под лежащим оленем. Даже в холодной воде олень не замерзает, а вода, как известно, забирает у тела тепло почти в тридцать раз быстрее, чем воздух. Летом оленю приходится трудновато в такой шубе: ведь в летние месяцы в тундре нередко бывает довольно высокая температура. Правда, пух к лету выпадает, но оленю все равно жарко. Потовых желез у него нет, и приходится оленю в жару ходить с открытым ртом и высунутым языком, как собаке, — все-таки через рот испаряется какая-то часть влаги. Но лето в тундре короткое, проходит быстро, снова начинаются снегопады, наступают холода, и олень опять попадает в свою стихию.

Даже новорожденный олешек не боится холода: нередко появляясь на свет в пургу, при значительных морозах, он тем не менее чувствует себя прекрасно и уже через 2—3 дня бегает за матерью.

Однако для того, чтоб жить в тундре, мало быть лишь морозоустойчивым животным—надо еще уметь добывать себе еду да и вообще быть в еде не очень привередливым. И олень совсем не привередлив: питается ягелем — растением, которое не станет есть ни одна лошадь или корова. А олень ест. И ягель даже прозвали «оленьим мхом». Но и эту скудную пищу в тундре добыть не так-то просто. Однако недаром североамериканские индейцы племени микманов назвали диких оленей «ксалибу», что значит «разгребающий снег» (отсюда современное англо-американское «карибу»). Название очень точное: олень добывает еду из-под снега, разгребая его (часто добывая корм с метровой глубины) или разбивая копытами плотный ледяной покров, едва поддающийся железной лопате.

Копыта у оленей не только острые, но и широкие — благодаря таким копытам они свободно ходят по болотам и по глубокому снегу. Есть у оленей и другие «приспособления», помогающие легче переносить суровый климат и все невзгоды, связанные с ним. Например, когда движется стадо оленей, все время раздается характерное сухое пощелкивание — это сухожилия трутся о косточки, издавая звук, который люди назвали «звоном». «Звон» позволяет оленям слышать друг друга и держаться рядом в ночной мгле, во время бурана. Он помогает отбившимся оленям находить стадо: слух у них очень хороший, и такой звук они услышат издали.

Таков олень — житель Севера. Впрочем, когда-то теперешние северные олени жили не только на Севере — они были широко распространены по всей Европе. Но постепенно, по целому ряду причин, олени исчезли в более южных районах Европы и Азии, оставив по себе память в виде костных останков, изображений на скалах; в виде орудий труда и оружия, изготовленных из рогов и костей оленей; в виде вырезанных и вылепленных фигурок. Все это рассказывает о том, где жили олени и какую большую роль сыграли они в истории человеческой культуры.

Вслед за оленями в нашем параде легкой, изящной походкой, даже будто слегка пританцовывая, идет

косуля. Настороженно взглянула на нас немного раскосыми глазами (отсюда и имя пошло), на секунду застыла испуганно, но тут же пошла дальше, будто вспомнив, что находится под охраной закона и людей ей сейчас бояться не надо. А было время, о котором лучше и не вспоминать!

Вслед за косулей идет самый распространенный в Северной, Центральной и Южной Америке олень, который называется белохвостом. У него действительно большой пушистый хвост, который убегающий олень поднимает как флаг, и бегущим за ним хорошо виден этот ориентир. Белохвостый олень любопытен тем, что величина и вес его могут колебаться в зависимости от мест обитания. Например, олени, живущие в штате Нью-Йорк, весят около 200 килограммов, а в штате Флорида — всего 40—50.

Белохвостые олени в Северной Америке довольно многочисленны. Считают, что их поголовье превышает пять миллионов. Однако охота на них разрешается только раз в году и каждый охотник имеет право застрелить лишь одно животное.

Чернохвостый, или ослиный, олень (его еще называют олень-прыгун за манеру высоко подскакивать во время бега) во многих местах совсем истреблен, в других стал редок и лишь кое-где сохранился еще в значительных количествах.

Еще хуже положение болотного оленя. Несмотря на всю свою осторожность, на ночной образ жизни, на то, что живет он в малолюдных болотистых местах, несмотря на умение прятаться, маскироваться, двигаться совершенно бесшумно, он почти полностью уничтожен. Сейчас болотный олень взят под защиту и занесен в Красную книгу.

В Америке живут и другие олени. Но участие их в нашем параде не обязательно. А вот обыкновенный пуду пройти должен: ведь это, пожалуй, самый маленький олень — высота его всего 30 сантиметров.

А лось — самый крупный из современных оленей: вес взрослых самцов достигает 600 килограммов, длина — более 3 метров, высота около 2,5 метра. Кажется, лось может опровергнуть слова о том, что все олени ловкие и изящные: очень уж он массивен и тяжел. Но тот, кто видел бегущего лося, убедится, как он легко и бесшумно бежит. Кажется, что он вообще летит низко над землей, совершенно не касаясь ее. Но бегает лось редко. Даже ходить помногу он не любит. Правда, иногда может уйти далеко от леса. Но, как правило, за день проходит не больше 5—6 километров. А зимой перемещается всего на несколько десятков или сотен метров. Все зависит от глубины снега (глубокий лоси не любят) и наличия корма. Летом лоси поедают листья деревьев и кустарников, траву, грибы. Зимой скусывают ветки и побеги деревьев, гложут кору. Голодно зимой: летом суточный рацион лося — 35 килограммов пищи, зимой — только 12—15.

Жизнь всех животных — это трудная и упорная борьба за существование. Но жизнь оленей трудна особенно. Они — главная добыча многих хищников, они — главные объекты охоты. Они — главные поставщики многих ценных продуктов, необходимых людям. Против оленей — зубы, когти, хитрость хищников, ружья, западни, капканы, а главное — ум и знание людей. У оленей же никакой защиты. Только осторожность, умение прятаться, убегать. И еще сильны они чадолюби-

ем: больше чем о собственной жизни, заботятся олени о своих детенышах. Они прячут беззащитных и удивительно трогательных малышей, стараются отвести от них беду. Часто это им удается ценою собственной жизни, а нередко гибнут и взрослые и дети. Потому что человек сильнее.

Но именно поэтому он должен быть всегда благороден и постоянно великодушен.

Семейство Полорогие — еще более многочисленное по видовому составу, чем семейство оленей. А его представители еще более разнообразны. Живут они всюду, кроме Австралии и Южной Америки. Среди них, как и среди оленей, есть и крошки и великаны. Есть быстрые и медлительные, легковесы и тяжеловесы. Места их обитания так же разнообразны, как они сами, — это и тропические леса, и знойные пустыни, скалистые горы и суровый север. Но всех этих животных объединяет общий признак — рога. Однако не их величина и не форма. Рога у полорогих могут быть длинными и короткими, прямыми, изогнутыми и винтообразными. Но, во-первых, у всех полорогих они без каких-либо отростков, характерных для оленей, во-вторых, у полорогих рога вырастают не из «пеньков», как у оленей, а из выростов лобных костей. Точнее, выросты — это основа рогов. А на основу прочно насажены сами рога. Они постоянные, с ними животные не расстаются в течение всей жизни. Но если мы мысленно снимем эти рога с лобных выростов, то рога окажутся внутри пустыми, полыми. Отсюда и название — полорогие.

Ну, а теперь, когда мы этот вопрос выяснили, можно начинать парад. Впрочем, раньше одна небольшая история. Это случилось в поросшем кустарником речном районе полуострова Сомали. Путешественник вышел на прогалину и совсем близко от себя увидел крошечную антилопу. Он вскинул ружье, но тут же опустил его: животное было совсем близко и безо всякого страха смотрело на человека большими темными глазами. Проводник, сопровождавший путешественника, одобрительно кивнул и спокойно направился к антилопе. Палка в его руке не пугала антилопу. Проводник подошел совсем близко и вдруг обрушил сильный удар на голову животного. Маленькая антилопа, подогнув тоненькие ножки, распласталась на земле.

Проводник объяснил, что именно так охотятся африканцы на маленьких антилоп-дикдиков. Конечно, дикдики могут убежать. Обычно, почувствовав опасность, они молниеносно скрываются в зарослях или удирают, делая при этом огромные скачки. Но в человеке они почему-то не видят опасности — доверяют ему. И человек пользуется этим: только в 1960 году и только из Сомали вывезли 400 тысяч шкурок дикдика, добытых таким образом. Из этих шкурок было изготовлено 200 тысяч пар перчаток (по перчатке из каждой антилопы). Но почему, почему перчатки надо делать именно из шкурок этих прелестных и совершенно беззащитных животных?!

Животные эти не только прелестны, но и трогательны. Обычно считают, что антилопы более или менее крупные животные. (Кстати, антилопы — это не какой-то вид, подвид, семейство, род и т. д. — это общее название группы полорогих самых разных видов.) Антилопы мо-

гут быть и большими, могут быть и маленькими, такими, например, как дукеры, рост которых не превышает 30—35 сантиметров.

Еще более миниатюрна карликовая антилопа, которую вполне можно принять за зайца или за маленькую собачку. Но это настоящая антилопа, со всеми антилопьими признаками. Даже рожки есть у самцов. Правда, длина этих рожек полтора-два сантиметра, но ведь и сами антилопы не выше 25 сантиметров. А рядом бегут, стараются их детеныши (у каждой мамы по одному). Такого малыша можно свободно посадить в карман. Антилопа в кармане!

Следом идут антилопы, которые чуть больше карликовых, но тоже очень маленькие. Они так и называются — малютками.

Если дукеры, антилопы-карлики и антилопы-малютки поражают своей миниатюрностью, то куду производит впечатление своими рогами. Не случайно их называют винторогими антилопами. Рога, достигающие полутораметровой длины, действительно закручены винтообразно и могут быть грозным оружием. Но, к сожалению, это грозное оружие не только не спасает куду от человека, а наоборот — одна из причин гибели антилоп: такие рога — очень уж завидный трофей для европейских и американских охотников.

А антилопа ньяла, кроме рогов, имеет еще одно оригинальное украшение — «юбку», которая образуется из длинных черных волос. Но «юбку» у этих антилоп носят лишь самцы.

Куду (их два вида — большой и малый) считаются лесными антилопами, хотя живут и в зарослях кустарников, и на холмистых равнинах. Ньяла тоже лесные жители. Лишь один вид, открытый учеными в 1910 году (еще одно открытие крупного животного в нашем веке), называется горным и живет в горном районе Эфиопии, на крошечном «пятачке», площадью всего 150 квадратных километров.

Бушбок — тоже лесная антилопа и, в отличие от многих своих родичей, пока еще достаточно многочисленна. Чаще всего живет она в колючем кустарнике, который в Африке называется бушем (поэтому и имя у этой антилопы — бушбок). Однако может жить она всюду, в любом лесу.

У всех лесных антилоп красивые, длинные и обязательно закрученные спиралью рога. Но рога имеются только у самцов. Лишь у оленебыков массивные тяжелые рога, которые придают им особую, величественную осанку, носят самцы и самки. Оленебыки — хоть и названы так — тоже антилопы. И одни из наиболее типичных представителей этих антилоп — канны. Канны живут во многих зоопарках мира, в питомниках и заповедниках, а в странах Африки их нередко держат в загонах на фермах. Когда-то, много столетий назад, как считают историки, канны были одомашнены, потом почему-то исчезли из списков домашних животных и секрет их приручения был утерян. Сейчас лишь в нашей стране, в заповеднике Аскания-Нова, опять удалось полностью их одомашнить и сделать почти совершенно ручными. На воле же у себя на родине они довольно пугливы и осторожны, ближе чем на 500 метров к себе не подпускают. Однако это не останавливает местных жителей, и они очень активно охотятся на канн.

О каннах мы знаем много. А об одной из самых (если не самой) красивых антилоп Африки — бонго

не знаем почти ничего. Зато нам известно множество легенд об этом животном: например, среди некоторых африканских племен распространено поверье, будто бонго в случае опасности может нырнуть в воду и оставаться там сколько угодно, хоть до следующего года. В воде он будет питаться рыбой и чувствовать себя прекрасно. По версиям других африканских племен, это животное может вскочить на дерево, зацепиться там рогами и висеть в таком положении сколько ему потребуется. А когда захочет — спрыгнет на человека и задавит его.

Легенды африканцев и наша неосведомленность относительно жизни бонго имеют одну и ту же причину: животное это очень малочисленно, встречается крайне редко и ведет скрытный образ жизни. Тем не менее его уничтожают, так как под охрану он почему-то не взят.

Бонго относится к винторогим антилопам. К ним же относится и четырехрогая антилопа. Она действительно имеет четыре рога — пару довольно крупных, хотя и не таких роскошных, как у других винторогих, и пару маленьких, которые можно скорее назвать не рогами, а рожками.

Среди антилоп есть и так называемые коровьи. А среди коровьих — наиболее часто встречающиеся на фотографиях и рисунках, в зоопарках и кинофильмах об Африке голубые гну. Это понятно: голубой гну, в отличие от своего более мелкого белохвостого собрата, почти полностью истребленного бурами, — сейчас один из немногих еще процветающих видов. До сих пор в Африке можно встретить крупные стада этих антилоп. Внешность голубого гну запоминающаяся: рога похожи на рога буйвола, хвост — лошадиный, спина покатая, ноги тонкие, а туловище и голова массивные. Особенно примечательна густая темная грива, контрастирующая с довольно светлой общей окраской. Гну очень любят своих малышей. Когда у какой-нибудь самки появляется теленок, все стадо приходит на него посмотреть, познакомиться, и мать вынуждена буквально спасать своего малыша от знаков внимания сородичей. От сородичей она, как правило, теленка спасает, а вот от львов и гиеновых собак ей это сделать удается далеко не всегда. Тем не менее голубые гну еще достаточно многочисленны. Иногда вблизи водопоя собираются огромные стада. Но чаще гну собираются в местах, где проходят дожди и появляется свежая зелень. Советский ученый Н. Лобанов считает, что в «погоне за дождем» гну проходит до 1600 километров в год.

Если есть коровьи антилопы, то почему не может быть лошадиных? Оказывается, есть и такие. Грива и толстая шея действительно делают эту антилопу несколько похожей на лошадь. Но у нее имеются еще и рога — острые, кривые и длинные (до метра), похожие на сабли. Поэтому лошадиные относятся к группе саблерогих антилоп. Животное это крупное, массивное, до 300 килограммов веса, знающее себе цену и умеющее при случае пользоваться своим грозным оружием. Оно справляется со многими четвероногими хищниками. С двуногими хищниками антилопа ничего, конечно, поделать не может. Ничего не может поделать с двуногими хищниками и черная антилопа, похожая на лошадиную. Ее саблевидные рога еще мощнее и красивее и потому желанные трофеи для охотников.

Газели — тоже антилопы. Со словом «газель» всегда ассоциируется легкость, стройность и изящество. Действительно, все они такие: и газель Гранта, населяющая саванну Восточной Африки; и газель Томсона, живущая там же и отличающаяся от газели Гранта меньшей величиной и пушистым хвостом, которым, при волнении, крутит как пропеллером; и обыкновенная газель, живущая в Европе; и многие другие. Не портит репутацию газельего племени и жирафовая газель, хотя из-за непропорционально длинной шеи и ног и слишком маленькой головки она кажется неуклюжей. Тем не менее и бегает она неплохо, и прыгает отлично, и даже подолгу может стоять на задних ногах, объедая листья с деревьев. Подавляющее большинство газелей — обитатели теплых и даже засушливых районов. Они, как правило, нетребовательны к еде, могут долгое время обходиться без воды. Живут небольшими группами, парами или поодиночке, и, в общем-то, образ жизни многих из них принципиально схож. Правда, насколько нам это сейчас известно. Но знания наши весьма относительны: жизнь большинства газелей изучена еще недостаточно. Хорошо изучены лишь газели, живущие на территории нашей страны, в частности джейран и монгольский дзерен.

Джейрана казахи называют «кайра-куйрюк», а монголы — «хара-сульте», что в переводе значит «черный хвост»: во время бега джейран поднимает хвост, и черный его кончик хорошо виден издали. Джейраны — обитатели полупустынь, но могут подниматься довольно высоко в горы, а зимой приходят в песчаные пустыни. Они подолгу обходятся без воды, хотя вода им все-таки нужна, и время от времени они посещают водопои. При этом живущие вблизи Каспийского моря утоляют жажду и соленой водой. Как и все копытные, обитающие на открытых пространствах, джейраны довольно быстроноги, могут бежать со скоростью более 60 километров в час. Но это — при опасности. А вообще джейраны не кочевники и редко уходят от мест, где постоянно пасутся. Летом они пасутся в одиночку или парами, ближе к осени образуют небольшие стада, а ближе к зиме стада эти становятся большими. К весне стада начинают уменьшаться, а в начале лета джейраны уже снова бродят одиночками или парочками-тройками (мать с ягнятами). В недавнем прошлом джейран, как и сайгак, был излюбленным объектом охоты. Массовое истребление, естественно, привело к тому, что джейран оказался на грани исчезновения. Сейчас он внесен в Красную книгу, охота на него полностью запрещена.

Несколько сходная судьба у монгольского дзерена. Из-за того, что на нижней части шеи у самцов характерные вздутия, дзеренов зовут еще зобатыми газелями. А за то, что на зиму они белеют, монголы прозвали их «белый дзерен». В СССР он настолько малочислен, что занесен в Красную книгу и охота на него запрещена, так же как и на джейрана. Но в Монголии еще встречаются большие стада этих животных. Тем не менее судьба их тоже вызывает опасение: по приблизительным подсчетам, за последние годы количество дзеренов уменьшилось в несколько раз. А ведь еще недавно он был основным промышленным животным Монголии. Дзерен — небольшой (вес самцов — до 45 килограммов, самки — до 30—32 килограммов), очень подвижный, быстроногий (развивает скорость до 70 ки-

лометров в час) и часто меняет места кормежек. Редко задерживается больше двух дней на одном месте. Зимой, особенно во время сильных снегопадов, дзерены собираются в огромные многотысячные стада. Весной стада сильно уменьшаются, а самки, готовящиеся стать матерями, вообще отделяются от остальных и подыскивают подходящие места для родов. Иногда в таких подходящих местах скапливается по нескольку десятков рожениц — настоящий родильный дом. Дзерен кочует и летом: ведь места, где они живут, очень «жестки» в экологическом отношении — в 3—4 раза беднее кормом, чем обычные степи.

Сайгак — тоже антилопа. И водные козлы — тоже. Причем достаточно посмотреть на них, чтобы понять: никакого отношения к козлам они не имеют, а к антилопам имеют самое прямое — стройные, подтянутые, всем своим обликом напоминающие антилопу. Почему они называются козлами, не очень понятно, почему водными — ясно: стараются селиться вблизи водоемов или болот. (Хотя могут жить и в саваннах, и в безлесной степи.) Любят купаться, хорошо плавают и при опасности, если есть возможность, скрываются в воде. А вот горал — это уже настоящий козел. Он и внешне напоминает домашних козлов.

Горал — животное горное. Он прекрасно чувствует себя на неуютных скалах, ловко бегает по крутым подъемам, перепрыгивает трехметровые трещины. Живет в горах Китая и Бирмы, в Гималаях и на Тибете. В нашей стране встречается на Дальнем Востоке. Но повсюду редок.

Серна могла бы, наверное, быть отнесена к антилопам. Но по целому ряду анатомических признаков она примыкает к козлам. Мы же знаем серну как ловкое, стройное, быстрое, пугливое животное, обитающее в горах.

В горах жила и снежная коза — очень пушистая, очень белая и очень редкая. Сейчас осталась она только в двух местах на планете — в Скалистых горах США, где для этих коз устроен заповедник, и в одном из заповедников в Канаде. В общей сложности сейчас на земном шаре осталось чуть больше 3 тысяч снежных коз.

Но ни снежная коза, ни серна, ни горал не считаются настоящими горными козлами, хоть и живут в горах: систематики к горным козлам относят не тех, кто живет в горах, а тех, кто, кроме этого, имеет и еще какие-то определенные признаки. В частности — хорошо выраженную бороду. Ну, если исходить из этого признака, то и наш домашний козел должен быть горным — борода у него вполне приличная. И систематики не возражают: домашний козел действительно когда-то был горным. Точнее, один из его предков — бородатый (безоаровый) козел считался типичным горным.

Из современных горных козлов наиболее крупный — сибирский. Но интересен он не только величиной, хотя в высоту он достигает 110, а в длину 165 сантиметров. Интересен он своими огромными полутораметровыми рогами. Но рога эти, несмотря на величину и очевидную тяжесть, не мешают козлу прыгать по скалам, взбираться по кручам, которые, с нашей, человеческой точки зрения, совершенно непроходимы.

Несколько похожи на сибирских горных козлов кавказские туры. Однако их не надо путать с турами-быками, некогда жившими в Европе

и Азии, предками нашего крупного рогатого домашнего скота. Тех туров уже давно нет на Земле.

А вот овцебык, о котором мы говорили, несмотря на свое название и внешний вид, относится не к быкам, а скорее к баранам. Быки — это и зубры, и бизоны, о которых мы тоже уже говорили. Быков на Земле много, некоторые из них одомашнены, другие приручены и тоже верно служат человеку.

Вернемся хотя бы ненадолго к антилопам. Когда перед нами на параде проходили олени, мы говорили об их благородных дуэлях. Дуэли копытных — отнюдь не стремление «кровью смыть оскорбление», как это бывало у людей, когда они обнажали шпаги или вытаскивали дуэльные пистолеты. Борьба за самку или за право главенствовать в стаде — это борьба за продление рода, а в конечном счете — борьба за жизнь. Наиболее сильный даст лучшее потомство, сможет лучше защитить стадо. Но борьба за жизнь одних не должна строиться на смерти других — таков неписаный закон, таков «кодекс чести» дуэлянтов-оленей. Таков же закон и кодекс у антилоп.

Канны — животные сильные: самцы весят тонну, рога у некоторых длиною в метр. Но у одного из соперников рога могут быть короче, у другого длиннее. И тогда явное преимущество окажется у того, у кого они длиннее. Однако животные не хотят использовать свои преимущества — ведь важно не покалечить соперника, не убить его, а только выяснить, кто сильнее. Поэтому «разработан» не только кодекс чести, но и сложный дуэльный ритуал.

Сначала соперники поворачиваются друг к другу боками, демонстрируют свою мощь — мускулы, рога. На слабосильного или слабонервного такая демонстрация производит впечатление, и он сразу же покидает место дуэли. Если же оба остаются на поле брани — начинается второй этап: соперники медленно сближаются и осторожно прикасаются кончиками рогов друг к другу. Легкий нажим с обеих сторон показывает, насколько оба готовы к бою: если мускулы напряжены, значит, вызов принят. Затем начинается сражение. Впрочем, ни сражением, ни боем, ни даже дракой в привычном смысле этого слова такую дуэль назвать нельзя. Скорее это борьба. Французская, вольная, на поясах — все равно какая, но это спортивная борьба с соблюдением строгих правил: сцепившись рогами и упершись лбами, соперники стремятся пригнуть голову друг друга к земле, «положить в партер», как говорят борцы-спортсмены. Побеждает тот, кто сильнее. Тут все ясно, все нормально.

Живущие в Индии антилопы нильгау тоже не пускают в ход свои опасные рога. Претендент на господство сначала пытается напугать своего соперника, но не демонстрацией могучего «оружия», а иначе: мчится на противника с вытянутой вперед шеей и горизонтально направленными рогами: а ну как противник струсит и сдастся без боя. Такое бывает. Но если угроза не подействует — противники опускаются друг перед другом на колени и каждый головой и шеей пытается пригнуть голову соперника к земле. «Бой на коленях» ведут и гну и некоторые другие антилопы, и всегда это бескровная дуэль, которая немедленно прекращается, лишь только один из соперников признает себя побежденным.

Водяные козлы сражаются иначе. Они не становятся на колени, а, напротив, широко раздвинув ноги, опускают голову, скрещивают рога и упираются лбами. Побеждает тот, кто прижимает к земле голову соперника.

Но даже когда противники «сходятся» по-настоящему — до крови или членовредительства дело не доходит (если не считать случайности).

В Африке живет группа довольно крупных (рост до 140 сантиметров в холке, вес до 200 килограммов) антилоп — ориксов. У них удивительные даже для антилоп рога — прямые, как шпаги, и часто значительно длиннее метра. Такими рогами можно проткнуть насквозь, пригвоздить к земле или к дереву. Орикс нередко использует свои рога, защищаясь от хищников — известны случаи, когда они убивали львов. Но в сражении с соперником они никогда не наносят ударов рогами, а лишь фехтуют ими, как шпагами.

Газели Гранта после целого ряда сложных ритуальных процедур, направленных на то, чтобы запугать противника, в конце концов с разбега сшибаются лбами. Но и тут рога не участвуют.

Конечно, бывает всякое. Бывает, что в пылу боя один из дерущихся случайно заденет или ударит противника рогами. Бывает, что животные, сцепившись рогами, не могут разойтись и в конце концов оба погибают от голода. Но это случайность, так же как случайность и то, что некоторые дуэлянты ведут себя нетипично для копытных — стараются убить или покалечить друг друга или победитель преследует побежденного. Но в принципе дуэли всегда благородны, это борьба, в которой побеждает сильнейший. Побежденный же имеет возможность испытать судьбу и попробовать свои силы в будущем году. А может быть, состарившийся вожак сам уступит место молодому. Принцип гуманизма животных в данном случае проявляется не только в том, чтобы победить противника, но и в том, чтобы оставить его жить. Это тоже важно для продолжения рода!

Соперничество, демонстрация силы, дуэли — прерогатива самцов. Но ведь на самках, как на продолжательницах рода, лежит не менее серьезная ответственность — они должны не только произвести на свет потомство, но и сохранить его. Но что может сделать маленькая дикдик (та самая, которую убивают палками), чтобы спасти своего единственного детеныша? Разве что отказаться от радости быть все время рядом с малышом, спрятать его понадежнее, а самой уйти. Малыш лежит неподвижно, будто понимает, что так и надо. И оживляется, лишь когда приходит мать, чтобы покормить его. Так продолжается долго, до тех пор, пока у малыша не появится возможность самостоятельно защищаться, то есть убегать.

Но не только маленькие дикдики вынуждены таким образом спасать новорожденных, даже могучие куду, обладающие грозными рогами, до поры до времени прячут своих детенышей. Матери украдкой, чтобы никто не увидел, приходят их кормить.

Многие антилопы прячут своих детенышей. У некоторых, например у джейрана или газели Гранта, это четко отработано. Так, джейраниха прячет новорожденных не в густых зарослях, а в разреженном кустарнике. Малыши (их обычно два) прижимают головы к земле, вытягиваются на ней и благодаря окраске

и неподвижности становятся совершенно невидимыми на буроватом фоне. Мать пасется в нескольких сотнях метров и приходит к детенышам лишь один-два раза в сутки — на рассвете и на закате. Джейранятам в данное время важна не еда — они могут обойтись самым минимумом, для них главное выжить, уцелеть. И мать делает все для того, чтобы они уцелели: спать ложится далеко в стороне, чтобы своим запахом не привлечь внимание хищников к детенышам; подходит к затаившимся младенцам не прямо, а предварительно побродив вокруг и убедившись, что опасности нет, кормится она неподалеку от лежащих на земле джейранят, и если увидит опасность или услышит их крик — бросается на защиту, отбиваясь от лисы или хищной птицы рогами и копытами. Человека и волка джейраниха старается отвлечь и отвести от затаившихся малышей.

У газели Гранта детеныши рождаются уже достаточно окрепшими. Во всяком случае, через 15—20 минут детеныш встает на ножки, а через 40—45 минут уже ходит вместе с матерью. Но долго ходить он не может, тем более не может он бегать, поэтому мамаша прячет его в густой траве и неотступно сторожит, смело бросаясь навстречу шакалу, отвлекая внимание гиены или человека. Но к сожалению, это не всегда удается. Не всегда удается спасти своих малышей и антилопе гну. У этих антилоп малыши с первых же часов жизни начинают бегать за матерью. При появлении хищников мать бросается вперед и прогоняет их. Но это днем, хотя со львами и гиеновыми собаками гну и днем справиться не может. А ночью и другие хищники, такие, как шакалы или гиены, нападают на маленьких гну.

А вот с каннами такое не проходит: самки, закрыв своими телами малышей, занимают круговую оборону и прогоняют любого хищника.

Можно привести немало примеров того, как копытные борются за жизнь, героически сражаются за продолжение своего рода. Но все усилия животных будут тщетны, если люди не изменят отношение к этим соседям по планете: не перестанут травить их, стрелять в них без крайней необходимости и не оставят им хоть какое-то жизненное пространство на Земле.

ПРИМАТЫ

Пожалуй, на Земле нет животных, которые бы так дразнили человеческое воображение и которые вызывали бы столь противоречивые мнения, столь взаимоисключающее отношение к себе, как приматы. На протяжении многих веков животные эти были то близки человеку, то резко антипатичны ему. Были богами и дьяволами, на их долю выпала честь стать «орудием», с помощью которого наука опровергла божественное происхождение человека, и стать помощниками ученых в борьбе за здоровье и жизнь людей.

Трудно сказать, когда человек обратил пристальное внимание на обезьян. Вполне вероятно, что очень давно. Известный современный зоолог Том Харрисон на основании найденных при раскопках костей высказал предположение, что еще за много тысяч лет до нашей эры люди содержали орангутанов в пещерах, как бы мы сейчас сказали — в качестве домашних животных.

Об отношении древних людей к приматам писал и выдающийся русский антрополог Д. Н. Анучин: в конце прошлого века он опубликовал исследование, где высказал мысль, что древний человек признавал свое родство с обезьянами, даже считал их своими предками.

Позже, с появлением религии, у некоторых народов обезьяна была возведена в самый высокий ранг — она стала богом, ей стали поклоняться. Например, в Древнем Египте бог письма, мудрости и колдовства, он же — бог Луны Тот был обезьяной (или изображался в образе обезьяны). На стенах могил древнего Мемфиса часто встречаются изображения гамадрила, бабуина и двух видов мартышек.

Божественными и священными обезьяны считались и у некоторых других народов. А в Индии обезьяны считаются священными и сейчас.

Правда, в некоторых мусульманских странах было наоборот — обезьян считали нечистыми животными. Но по-настоящему гонение на обезьян началось с приходом христианства. Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола точно сформулировал отношение христианской церкви к этим животным: «Враги Христа — это обезьяны, подражающие человеку». Утверждая новую религию, новых богов, христианская церковь должна была в первую очередь свергнуть старых. Среди них оказалась и обезьяна.

Однако ученые древности, и в частности — Аристотель, уже интересовались обезьянами отнюдь не в плане их святости или божественной сущности. И много позже внешность этих животных и их поведение вызывали различные вопросы и догадки. Но костры инквизиции надолго заставили замолчать крамольников-атеистов. А тех, кто осмеливался все-таки говорить, ждала участь флорентийца Лючиллио Ванини: в 1612 году его сожгли на костре, предварительно вырвав язык.

XVIII век выбил из рук инквизиции самые мощные ее «аргументы» — костры, на которых вместе с еретиками часто сжигали имевшихся под руками «настоящих братьев и сестер дьяволов» — мартышек и павианов. Догматы церкви требовалось уже защищать иным оружием, иными средствами — научными. Образованные церковники вступали в дискуссии с учеными, иногда даже побеждали в этих дискуссиях (за много веков церковь хорошо «подковалась» в борьбе с дьяволом, наука же только набирала силы), но прогресс уже нельзя было остановить. Пришло время, и теория Ч. Дарвина совершила переворот в науке. Правда, далеко не все приняли ее и далеко не сразу овладела эта теория умами ученых и широких масс. Церковники сопротивлялись долго, даже в нашем веке они были еще настолько сильны в борьбе с материализмом, что в 1925 году в США смогли организовать знаменитый «обезьяний процесс» — суд над школьным учителем, осмелившимся рассказывать ученикам о теории Дарвина. Правда, процесс этот, по словам Б. Шоу, сделал «целый континент посмешищем», но тем не менее он не только состоялся, но учитель был признан виновным!

Пока шел многовековой спор об обезьянах, сами обезьяны все больше и больше «приближались» к людям.

Когда-то римские патриции считали хорошим тоном держать в домах обезьянок. Мода эта возродилась много позже, когда европейские правители стали раздавать обезья-

нок своим фаворитам, как знак королевской милости. Затем приматы появились в цирках, балаганах. К концу средних веков они стали излюбленными объектами художников, стремившихся создать сатирический образ или бравшихся за тему, достойную осмеяния.

Широкая публика в Европе увидала обезьян впервые в 1792 году (если не считать обезьян, имевшихся у бродячих артистов). В 1792 году по постановлению Конвента — высшего органа Республики, созданного во времена Французской революции, — в Париже был организован зоопарк, в котором находились обезьяны. (В зоопарках, которые к тому времени уже существовали в Европе, — Мадридском и Венском — приматов не было.) Кстати, интересно, что в России обезьяна в Измайловском зверинце появилась еще в 1744 году, где она, как сообщает один из документов, «кушала пшеничную муку, житные баранки и масла на 5 руб. 80 коп. в месяц».

С человекообразными обезьянами европейцы познакомились позже. Первыми их увидали англичане: в 1830 году в Лондонском зоопарке появился орангутан, в 1836-м там же появилась шимпанзе и в 1855-м — горилла.

Однако народы, живущие постоянно в местах, где обитают обезьяны, знали их, конечно, испокон веков и имели об этих животных довольно своеобразное представление. Например, жители Западной Африки считали, что шимпанзе были некогда членами их собственных племен, но за дурные привычки и поступки были изгнаны из человеческого общества, а «так как они упорствовали и не желали отказываться от своих дурных наклонностей, то постепенно снизошли до настоящего своего состояния» (А. Брем).

У других народов существовало твердое убеждение, что обезьяны умеют разговаривать, но скрывают это, так как боятся, что люди заставят их работать на себя.

Правда, готтентоты — жители Южной Африки — не пожелали считаться с «желанием» обезьян и, не обращая внимания на их «маскировку» под бессловесных тварей, уже более ста лет используют обезьян в качестве пастухов.

Профессор Кейптаунского университета П. Тривор Джонсон собрал огромный материал о «трудовой деятельности» обезьян, причем не только в прошлом, но и в наше время. Так, он описывает обезьян, пасущих коз и ухаживающих за козлятами, как за собственными детьми; обезьян, открывающих и закрывающих ворота и даже управляющих тракторами.

Описан случай, когда обученная обезьяна выполняла обязанности стрелочника, и известно множество случаев, когда они «служили» отличными няньками (в этом особенно преуспели бабуины). Специально обученные обезьяны помогают ученым собирать гербарии (никто, кроме них, не может взобраться по гладкому стволу на высоту пятиэтажного дома и достать нужные людям листья или плоды — недаром же в Сингапуре создана специальная школа для обезьян-«ботаников»). Издавна в ряде стран обезьян использовали для сбора кокосовых орехов (причем обезьянка по внешнему виду определяет, насколько тот или другой орех пригоден) и для сбора чая, растущего в горах на труднодоступных местах. Используют люди и удивительную способность обезьян отыскивать воду в за-

сушливых местах: кормят их соленой пищей и выпускают на волю. Томимая жаждой, обезьянка быстро отыскивает воду, находящуюся в земле, и начинает рыть.

Можно привести еще немало подобных примеров, можно без конца рассказывать об отношении людей к обезьянам и в далеком прошлом и сейчас. Но все это — пустяки по сравнению с тем, что значит обезьяна для медиков, а в конечном счете — для всего человечества, ибо, как сказал Иван Петрович Павлов, «чем больше опытов будет на животных, тем меньше людей будут в положении подопытных животных». При этом еще надо помнить, что, если борясь, допустим, с чумой или оспой, медики могли экспериментировать на собаках и крысах, то в борьбе с такими болезнями, как дизентерия и ревматизм, корь и трахома, брюшной тиф и полиомиелит — болезнях сугубо человеческих — экспериментировать можно только на обезьянах, организм которых в биологическом отношении равен человеческому.

Однако относится это не ко всем обезьянам — отряд приматов очень и очень разнообразен (может быть, самый разнообразный из всех отрядов млекопитающих). Среди приматов есть и такие, которые вполне соответствуют классическому представлению об обезьянах, и такие, которые совершенно не отвечают нашим представлениям о приматах. Настолько не отвечают, что их долго не признавали приматами (а некоторые ученые до сих пор не признают). Среди приматов есть и великаны, достигающие двух метров роста и весящие 350 килограммов, и карлики, весящие не более ста граммов (а то и еще меньше) и «ростом» чуть более 10 сантиметров. «Но несмотря на внешние различия, их объединяют многие общие черты строения тела, которые выработались в процессе эволюции в условиях древесного образа жизни», — пишет советский ученый Т. Д. Гладкова.

Эти общие черты дали систематикам основание включить около 200 видов очень разных животных в один отряд. А различия заставили образовать в этом отряде два подотряда — Полуобезьян и Высших обезьян. Наш парад открывают Полуобезьяны, а среди них первым пойдет **Семейство Тупай.**

Это как раз одно из тех животных, которых ученые никак не хотели признавать приматами. И не признавали очень долго: в XVIII веке зоолог Вильям Эллис описал этого зверька, дав ему имя «тупайя», что по-малайски звучит «животное, похожее на белку», и только в 1938 году у этих «белок» были найдены черты, позволяющие причислить их к приматам.

У Эллиса и у других ученых были все основания причислять тупайев, как, кстати, и руконожек, о которых мы говорили в первой части, к грызунам или насекомоядным: внешность у них полубеличья-полукрысиная, поведение тоже во многом похоже на поведение белок, да и едят они то же, что едят грызуны и насекомоядные.

Среди тупайев наиболее многочисленны тупайи обыкновенные, а среди обыкновенных в свою очередь наиболее многочисленная — большая тупайя, или тана. Впрочем, и по внешности и по образу жизни этот зверек похож на других тупайев, разве что крупнее: величина его — 22 сантиметра, вес — 250 граммов; в то время как карликовая (малая) тупайя весит 30—60

граммов, а максимальная длина ее — 17 сантиметров.

Тупайи живут в Индии, Индокитае, Индонезии, на Филиппинах, ведут древесный и наземный образ жизни, активный днем. Но увидать их можно не только потому, что они — дневные жители, но и потому, что зверьки эти очень активны, очень деятельны и похоже, что они все время отыскивают себе какое-нибудь занятие. Если они не ищут еду, то дерутся из-за территории (у каждой пары свой участок, который охраняют самцы); если не дерутся, то шныряют взад-вперед в надежде найти какое-нибудь занятие.

Самки не дерутся: у них есть другое дело — они воспитывают потомство. Правда, и самцы тут не остаются в стороне — готовят гнезда. А так как тупайи рожают по нескольку раз в год, то дел хватает и у самцов и у самок. На свет появляются 1—4 голеньких беспомощных тупайенка, которые быстро растут и примерно через месяц становятся самостоятельными и покидают родителей. После этого недели через две в гнезде появляются новые тупайчики.

Перьехвостые тупайи отличаются от обыкновенных величиной (они несколько крупнее) и поведением (они — ночные животные). Хвост у них не пышный, «беличий», а голый, «крысиный». Но на конце этого хвоста имеется пучок волос, как бы расчесанный на две стороны, что делает хвост несколько похожим на птичье перо (отсюда и название зверька).

Перьехвостая тупайя — самая маленькая и самая редкая из 18 видов этого семейства.

Семейство Лемуриды. Полуобезьяны, объединенные в это семейство, живут на Мадагаскаре и Коморских островах. Однако римляне, видимо, хорошо знали этих зверьков — считали их воплощением душ умерших. Не случайно же название этих зверьков «лемуры» означает «привидение», «дух усопшего». Почему этим добродушным, забавным, легко приручающимся, довольно изящным и красивым полуобезьянкам отведена такая роль — сказать трудно. Может быть, с ними были связаны какие-то неизвестные нам сейчас поверья и легенды.

Среди лемуров самые распространенные — обыкновенные, а самые маленькие — карликовые.

Обыкновенные лемуры, или маки, — животные дневные, отличаются друг от друга величиной (хотя все они не очень крупные), окраской, но схожи строением (задние ноги длиннее передних, хвост длиннее туловища) и образом жизни: все они — дневные, все — древесные (хотя кошачий лемур проводит много времени и на земле) и живут небольшими стадами (от 5 до 20 особей). У каждой такой стаи (или стада) свой участок, маркированный на границах, который лемуры (особенно черные) яростно защищают. Но едва заходит солнце, все отправляются на ночлег в какое-то одно место и устраиваются рядом друг с другом — тут уж ни вражды, ни границ не существует.

Питаются лемуры в основном растительной пищей (плодами, листьями, цветками), но часто ловят насекомых, иногда лакомятся птичьими яйцами.

Несмотря на то что у всех лемуров много общего, у каждого вида есть свои индивидуальные и характерные черты. Например, кошачьи лемуры мурлычат и мяукают, как

кошки (отсюда, видимо, и название), черные совершают рекордные (8-метровые!) прыжки, лемуры вари строят гнезда, что тоже не свойственно лемурам. Причем гнездо перед появлением детеныша они выстилают собственной шерстью, которая у вари такая густая, что ее не пробивают ливневые потоки. (Зачем такая шерсть жителю тропиков — не понятно.)

Другая группа лемуров — лепилемуры. Они же ласковидные лемуры, или тонкотелые ма́ки. Интересны тем, что прыгают по деревьям (причем очень лихо) только на задних ногах. Передние и хвост служат при этом балансиром.

Лепилемуры — животные ночные. Ночные животные и лемуры, объединенные в группу мышиных. Это самые маленькие (или одни из самых маленьких) приматов: вес их 45—85 граммов. Спят эти зверушки в гнездах или в дуплах. В дуплах же или в гнездах, сделанных из сухих мелких веточек, травы, листьев, они проводят неблагоприятное, то есть сухое время года, впадая в оцепенение (спячку). Для поддержания жизни они используют в это время жир, накопленный в дождливый период. Жир у мышиных лемуров располагается в разных местах, но больше всего — у основания хвоста.

В этих же гнездах и дуплах мамаша рожает 2—3 крошечных лемурчиков, вес которых не превышает 3—4 граммов. На второй—четвертый день эти кро́шки уже открывают глаза, а к двум месяцам достигают величины родителей.

Все лемуры — животные так называемые эндемичные, то есть живущие в определенном, часто каком-то очень ограниченном месте. В данном случае, как уже говорилось, они живут лишь на Мадагаскаре и близлежащих островах. Но и там их становится все меньше и меньше, так как люди уничтожают и самих зверьков и леса, где они живут. Сейчас осталось лишь 1/10 лесов Мадагаскара, и лемуры, лишенные своих исконных мест обитания, исчезают. Многие уже стали редкими и занесены в Красную книгу.

Семейство Лоризиды. Мадагаскарские лемуры — лемуры настоящие. Но существуют еще лоризиды — лориевые лемуры и галаговые лемуры. Они распространены шире — живут во многих странах Азии и Африки. Среди лоризидов наиболее известные лори тонкий (цейлонский) и лори толстые (медленный толстый лори и малый толстый лори).

Зверьки эти очень большеглазые, вокруг глаз — темные круги, а между глаз — белая полоса. Похоже, что зверек напялил клоунскую маску. Отсюда и название «лори» — по-голландски «клоун».

Тонкий лори — действительно тонкий, маленький, изящный. Весит он граммов 100 (хотя изредка встречаются зверьки, весящие до 350 граммов). Толстый — действительно толстый, значительно крупнее и тяжелее своего родственника — может весить более полутора килограммов. Оба лори — ночные зверьки: днем спят в дуплах, свернувшись калачиком, или на ветках, просунув передние конечности и голову между задними, или просто висят на ветках, крепко уцепившись за них. Ночью бродят, двигаясь неторопливо, крепко хватаясь за сучки и ветки (толстый может даже ходить вверх ногами), отыскивают насекомых, птичьи гнезда, ящериц, фрукты. Хватка лори (особенно толстого)

настолько крепка, что зверька скорее можно разорвать, чем оторвать от ветки, если он не захочет ослабить свою хватку.

Весной и осенью у лори появляются детеныши. Обычно это один, редко — два. Тонкие лори — родители терпеливые (носят детенышей на себе по нескольку месяцев), но не очень преданные: потеряв младенца, самка горюет недолго и скоро забывает о нем. Про самца и говорить нечего. Толстые, наоборот, очень заботливы, младенца постоянно нянчат все: и мать, и отец, и взрослые братья и сестры, которые иногда долго остаются с родителями, хотя детеныш толстых лори уже через сутки способен цепляться за ветки деревьев.

Лори — зверьки голосистые: они могут ворчать, щебетать, свистеть. Но никогда не кричат. Зато их родственники галаго, прозванные «кустарниковыми детишками» (бушбэби) за то, что их голос напоминает крик младенца, кричат очень громко. Кричат галаго по любому поводу — пугаясь или пугая когонибудь, удивляясь или предупреждая.

Впрочем, не только голосом отличаются они от своих родственников, но еще многим. Например, по деревьям они прыгают, совершая стремительные трехметровые прыжки, что совсем не свойственно лори. Могут они хорошо бегать по земле, причем бегут на задних конечностях, как кенгуру. У галаго длинный хвост, в то время как у толстого лори он очень маленький, а у тонкого его вообще нет. Уши у галаго тоже длинные, во время сна зверек свертывает их трубочкой и затыкает ими, как пробками, наружное слуховое отверстие.

Обыкновенные галаго — их три вида — довольно крупные, особенно толстохвостые: более 40 сантиметров в длину. Живут на деревьях иногда группами по 7—9 особей.

Карликовые редко достигают роста более 15 сантиметров, а весят не более 300—400 граммов. Это редкие и малоизученные зверьки.

Все представители семейства лоризидов, как и все тупайи, как и все лемуры, — животные очень аккуратные. Во всяком случае, своей внешности, своему туалету они уделяют немало внимания, тратят немало времени на чистку и расчесывание шерсти. У некоторых для этого имеется даже специальный коготок. А еще у всех или почти у всех полуобезьян имеется два языка. Вернее, язык и «подъязычок» — толстый мясистый вырост с ороговевшим кончиком, который служит и гребнем и зубочисткой. У некоторых зверьков зубы прекрасно приспособлены наводить туалет — это отличные гребни. Но они часто забиваются волосом. Вот тут и приходит на помощь подъязычок — «зубочистка».

Семейство Игру́нок. Немецкие фашисты считали себя особой, высшей расой, призванной господствовать над всеми остальными народами. Теорию Ч. Дарвина о происхождении человека они опровергнуть не могли, но и смириться с тем, что представители высшей расы имеют предков, общих со всеми остальными народами, они тоже не желали. В США в 1922 году нашли коренной зуб доисторической человекообразной обезьяны. Это была сенсация — ведь в Новом Свете никогда не водились человекообразные обезьяны, которые нужны были расистам. Несколько лет ученые

обсуждали этот вопрос, а тем временем один из теоретиков расизма, Франц Кох, объявил, что это как раз та самая обезьяна, от которой произошли арийцы. Однако вскоре выяснилось, что найденный зуб принадлежит гигантской ископаемой свинье. «В предках арийской расы оказалась ископаемая североамериканская свинья», — писал по этому поводу советский ученый М. Ф. Нестурх.

Фашистам не удалось доказать существование в Америке особых человекообразных обезьян, хотя они делали такие попытки не раз, не останавливаясь перед подлогом и фальсификацией. Особых человекообразных обезьян в Америке нет и не было. Но тем не менее приматы, входящие в подотряд высших обезьян, там имеются. К ним относятся и игрунки.

Игрунковые обезьянки — самые маленькие среди человекоподобных — давно известны в Европе: их привозили еще испанские завоеватели. А так как мода на ручных ласок ушла вместе с эпохой Возрождения, то во времена мадам Помпадур и последних Людовиков место ласок в салонах знатных дам заняли маленькие и очень забавные обезьянки. Они хорошо приручаются и довольно долго живут в неволе. У себя же на родине — в Центральной и Южной Америке — эти обезьянки предпочитают густые леса, высокие деревья, с которых почти никогда не спускаются на землю.

Игрунковых обезьянок более трех десятков видов, и разделяются они на обыкновенных игрунок, мармозеток, львиных игрунок, тамаринов.

Все они — очень миролюбивые обезьянки, никогда не дерутся по-настоящему, и даже когда молодежь затевает легкую потасовку, взрослые немедленно разнимают дерущихся. Доброта и какое-то доброжелательство этих зверушек проявляется во всем, в том числе, конечно, и в заботе о потомстве. Своих крошечных детенышей эти обезьянки постоянно ласкают, пестуют, причем особенно этим отличаются отцы. Они вообще берут на себя всю заботу о малышах, постоянно носят их на себе и расстаются с ними лишь на то время, когда мать кормит детеныша.

Жизнь многих обезьянок этого семейства изучена недостаточно, и будет ли она изучена более тщательно — сказать трудно: истребление и отлов самих обезьянок, уничтожение лесов — исконных мест их обитания — приводит к тому, что количество этих очень симпатичных зверьков резко уменьшается, а некоторые виды уже стали очень редкими.

Семейство Цепкохвостые обезьяны, или Капуцины. Утро в густых лесах Центральной и Южной Америки всегда полно самых разнообразных звуков — свистят, поют, щебечут, перекликаются птицы, потрескивают сучки под чьими-то ногами, то тут, то там раздаются вскрики и хлопанье крыльев, рык или писк. И вдруг все это перекрывает мощный рев. Сначала подает голос одно животное, затем к нему присоединяется второе, третье. И вот уже ревет все стадо. И тотчас же где-то в стороне откликается второе. А чуть дальше слышится рев третьего. Мощные голоса сливаются, и над лесом стоит страшный, всепоглощающий рев. Это проснулись ревуны — самые горластые обезьяны, а может быть, самые горластые звери вообще. Они и самые крупные среди обезьян Нового Света —

вес их может достигать 9,5 килограммов, длина туловища — около метра. Но ревуны еще и самые древесные среди американских приматов: на землю почти не спускаются, на деревьях же чувствуют себя прекрасно — бегают по ветвям, делают трехметровые прыжки, подолгу висят на сучках, зацепившись только хвостом. А кроме всего прочего, ревуны еще и самые растительноядные обезьяны Нового Света.

Так что отличительных и характерных черт у них много. Но прозваны эти обезьяны все-таки ревунами: их узнают по голосу, и узнают издали — рев этих обезьян в лесу слышен за два-три километра. Но чтобы так реветь, надо иметь особые приспособления. И они у ревунов есть: подъязычная кость очень сильно раздута и пуста внутри — это резонатор. А губы, которые обезьяна вытягивает, — воронкообразный рупор.

Если ревуны прозваны так за свой голос, то капуцины — за свою внешность, точнее, за пучки волос на голове, несколько напоминающие монашеский головной убор («капуцин» переводится как «монах с капюшоном»).

Капуцины гораздо меньше ревунов (вес их не превышает 4 килограммов, а рост — меньше полуметра), но «сообразительнее» — умеют, например, пользоваться камнями или другими тяжелыми предметами для того, чтобы разбивать твердые орехи. (Правда, если нет орехов, капуцины могут колотить тяжелыми предметами по чему попало — любят стучать или шуметь.) Орехи, плоды, насекомые — основная пища капуцинов. Ее они находят на деревьях в лесу. Но, не удовлетворяясь ею, обезьяны нередко отправляются на плантации. Иногда для этого им приходится спускаться с деревьев и преодолевать значительные расстояния. Но капуцинов это не смущает: хоть и живут они постоянно на деревьях — двигаются по земле хорошо.

Хвост капуцинам помогает и на деревьях и на земле. Но он — пустяк, игрушка по сравнению с хвостом паукообразных обезьян.

Паукообразными они прозваны, наверное, потому, что имеют длинные, тонкие, вроде бы паучьи конечности. Хвост же у этих обезьян — своего рода пятая рука. Он сильный и цепкий, позволяющий обезьянам висеть вниз головой, раскачиваться на этой пятой руке, с его помощью они даже прыгают с дерева на дерево.

Паукообразная обезьяна очень малочисленна и редка.

Часто паукообразной обезьяной называют и ее близкого родственника — коату. У коаты тоже очень длинные (возможно, еще длиннее, чем у паукообразной) конечности, очень длинный и еще более «хватательный» хвост — им коата срывает плоды и орехи и подносит их ко рту. А когда появляется детеныш (обычно один), он часто хвостиком цепляется за хвост матери — будто держится за руку родительницы.

Семейство цепкохвостых обезьян, или капуцинов, довольно большое: кроме уже прошедших перед нами, можно назвать и сак, или чертовых обезьян, любопытных тем, что они часто прыгают по деревьям на задних конечностях, держа передние высоко над головой. Эти обезьяны живут на самых верхушках деревьев и на землю спускаются очень редко. Так же, как дурукули, или мирикины.

Дурукули активны ночью — за это

их называют еще и ночными обезьянами. Они безошибочно находят в темноте плоды и орехи, отыскивают спящих птичек и насекомых. Впрочем, насекомых они умудряются ловить даже на лету. Они прекрасно прыгают, буквально перелетают с ветки на ветку, с дерева на дерево, оглашая при этом лес громкими криками, напоминающими крики кошек, лай собак, рев ягуаров.

Дурукули — прекрасные родители. Своего единственного детеныша воспитывают и самец и самка: до 10 дней его носит мать, потом берет отец, отдавая матери только на время кормления.

Их родственники прыгуны, или тити (кстати, одна из этих обезьянок совершила космический полет на американском спутнике), тоже громко кричат, прыгая в сумерках по веткам. Своими прыжками они несколько напоминают белок. Однако «беличьими обезьянами» названы не тити, а саймири. Почему они называются так—сказать трудно: на белок они похожи разве что размерами да подвижностью. Но по веткам, в отличие от белок, не прыгают, а только бегают. А вот почему эти обезьянки названы еще и «мертвоголовыми» — сказать можно сразу: на мордочках у них рисунок, несколько напоминающий череп.

Семейство Мартышки. Альфред Брем писал о мартышках, что они «самые красивые, приятные и милые обезьянки». Возможно, Брем был несколько пристрастен к ним, но, несомненно, это очень обаятельные животные. К тому же они очень живые, энергичные, нетерпеливые, все время скачут, играют, ссорятся, мирятся, снова дерутся, опять мирятся и все время по любому поводу кричат.

Одни ученые считают, что мартышек полтора десятка видов, другие утверждают, что их почти два с половиной десятка. Но из всех мартышек самая известная — зеленая. Известна она потому, что чаще других встречается в зоопарках и питомниках, чаще других мартышек служит лабораторным животным.

У зеленой, как и у остальных мартышек, как и у многих обезьян, сильно развиты защечные мешки. Это своего рода «карманы», куда обезьянка прячет все, что ее заинтересует, но что она не может в данную минуту съесть или рассмотреть.

Мартышки — животные древесные, во всяком случае, большую часть времени днем и всю ночь проводят на деревьях. Еду, правда, часто отыскивают на земле. Как и у многих других животных, у некоторых мартышек есть свои участки. Но это не охотничьи или кормовые территории, а участки на деревьях, где обезьяны отдыхают, резвятся или проводят ночь. Из-за этих участков обезьяны часто устраивают шумные драки. Особенно громогласные скандалы бывают, когда одна стая в 100—200 особей вступит в спор с другой такой же. Но даже когда стаи поменьше (а они могут быть и в 5—10 и в 40—50 голов), шума достаточно.

Самая маленькая из мартышек — карликовая (крошечная), или талапойн, — весит немного более килограмма, длина ее — треть метра. Живет эта обезьянка в заболоченных лесах Габона.

Однако не все мартышки — древесные жители. Вернее, среди них есть исключения — это мартышки-гусары. Гусары живут в травянистых пустынях Африки и ведут исключительно наземный образ жизни. Они прекрасно бегают на четырех ногах,

развивая скорость до 50 километров в час, и не торопятся забраться на деревья (если такие встречаются на пути) даже в случае опасности. По деревьям они лазают неплохо, и если на участке, где живут гусары (а у каждой стаи в 10—15 голов свой участок площадью примерно около 20 квадратных километров), растут деревья, они проводят на них ночи. Правда, это вовсе не обязательно. Зато обязательно им все время видеть друг друга — обезьяны постоянно держатся кучно, и если разбредаются в поисках пищи, то отходят одна от другой недалеко, оставаясь в пределах видимости. Животные они довольно молчаливые, поэтому, как говорят специалисты, находятся в визуальном контакте.

Этого не скажешь о представителях другой группы мартышкообразных — макаках: если молчаливые гусары пользуются 3—4 контактными звуками (по крайней мере, столько сейчас известно нам), то говорливые макаки используют как минимум 35 «слов» и «выражений».

Кроме того, у макак богатая мимика, довольно большой набор выразительных жестов. Всем этим арсеналом макаки пользуются не только для того, чтоб просто общаться между собой, а для соблюдения строгой иерархии, которая свойственна сообществам этих обезьян.

Макаки — их 12 видов — широко распространены в Азии и Африке, живут в тропических дождевых и горных лесах, ведут полуназемное, полудревесное существование.

Среди макак наиболее известен резус. Во-первых, это первый примат, которого человек отправил в космос, во-вторых, ему человечество обязано открытием особого резус-фактора, определяющего несовместимость крови, приводившей к гибели множество детей.

Макаки-резус чаще других обезьян встречаются в зоопарках, вместе с зеленой мартышкой они наиболее постоянные «участники» лабораторных опытов. Это довольно крупные обезьяны (вес резусов достигает 18 килограммов), очень энергичные, все время находящиеся в движении, достаточно сильные и смелые. Они могут оказывать сопротивление собакам, а если самцам приходится защищать самок с детенышами, то атакуют и крупного хищника.

Защищают они детенышей яростно, хотя отношение у обезьян Старого Света к потомству совсем иное, нежели у их американских родичей. Там в основном заботятся о потомстве отцы. У обезьян, живущих в Восточном полушарии, — матери. Отцы же могут отважно защищать их, но в остальном — в лучшем случае, позволят малышу приблизиться к себе и взять какой-нибудь лакомый кусочек. Но и это далеко не всегда разрешается малышам: строгая иерархия, которая существует у обезьян Старого Света, предусматривает полное подчинение обезьян — членов стада вожаку.

Макаки, правда, более терпимы к малышам, чем павианы, но иерархия существует и у них.

Она существует и у яванских макак, или крабоедов, живущих на побережье Восточной Индии, Бирмы, на Филиппинах и островах Малайского архипелага и любопытных тем, что умеют ловко охотиться на крабов. Сидя на деревьях, они высматривают крабов, выбирающихся на берег, затем спускаются с деревьев, осторожно подкрадываются к крабам с камнями в руках и силь-

ными ударами разбивают панцири.

Яванские макаки очень интересуют медиков: они служат лабораторными животными для выработки вакцин против полиомиелита.

Если яванские макаки интересны способом добывания пищи, то японские — манерой еды: они обязательно моют пищу в море, прежде чем съесть ее. Правда, некоторые ученые считают (в частности, и японские исследователи, ведущие наблюдения за обезьянами), что это — не врожденная, а благоприобретенная привычка: одна обезьяна случайно вымыла в воде найденный сладкий картофель. Это ей понравилось, и она стала проделывать подобные манипуляции часто. Вскоре другие обезьяны переняли у нее это, и сейчас уже почти все обезьяны, живущие на острове Кошима, моют еду, перед тем как отправить в рот.

Вообще японский макак — существо уникальное. Во-первых, на островах их уцелело мало (считают, что около 4500), во-вторых, не очень ясно, откуда они появились на островах, в-третьих, очень любопытна их способность переносить суровые условия и низкие температуры. Впрочем, в этом отношении с ними может сравниться медвежий, или краснолицый, макак: он живет высоко в горах в Азии и нередко пищу добывает из-под снега. Название «краснолицый» ему дано не случайно — лицо у него действительно красное (даже темно-красное), но только во время холодов. Когда тепло, оно становится бледным, голубоватым.

Характерен хвост у этого макака — короткий, толстый и как бы обрубленный. И у свинохвостого макака очень характерный хвост — обезьяна даже название получила за то, что имеет коротенький, загнутый кверху, действительно «свиной» хвостик. Эта обезьяна легко приручается и очень сообразительна. Поэтому ее часто используют местные жители для сбора кокосовых орехов. Ловко взобравшись по гладкому стволу, он не только добросовестно срывает орехи, что маленькой обезьяне не так-то уж легко, он еще и выбирает спелые. (Ошибиться нельзя — за это обезьянку жестоко наказывают!)

Варварийская обезьянка, или магот, занимает среди макаков особое положение: это единственные бесхвостые макаки и единственные обезьяны, обитающие в Европе. Водятся они, правда, и в Алжире, и в Марокко, и европейские макаки (живут они лишь в одном районе, на скалах Гибралтара), несомненно, их родственники. Но вот когда они появились в Европе? Или, может быть, жили испокон веков? А может быть, были завезены римлянами или финикийцами?

Есть предположение, что маготы когда-то жили в Европе — об этом свидетельствуют найденные кости этих обезьян. И может быть, на скалах Гибралтара — последние еще сохранившиеся европейские маготы? Есть другое предположение: они были завезены. Если это так, то, безусловно, завезли их очень давно: знаменитый римский врач К. Гален, живший примерно за два столетия до начала нашей эры, производил на маготах свои исследования.

Однако несомненно одно: если Гален экспериментировал на маготах — коренных европейцах, то сегодняшние гибралтарские обезьяны — потомки переселенцев.

В конце прошлого века Гибралтар стал английским владением. Англичане взяли маготов, живших там, под

свое покровительство, потому что существовало предание — обезьяны приносят благополучие тем, кто владеет этой землей. Но вскоре от какой-то болезни почти все обезьяны погибли. Тогда из Северной Африки срочно привезены были новые. Это-то маготы (точнее, их потомки) и жили на скалах, под охраной английских военных властей, находясь в ведении чиновника военного министерства. И когда в 1942 году снова уменьшилось поголовье маготов, сам Черчилль дал телеграмму командующему британскими войсками в Африке. И тот послал отряд солдат ловить обезьян для Гибралтара.

Однако не надо думать, что там живут ручные обезьяны, полностью находящиеся на попечении людей. Да, их там подкармливают, они пользуются свободой и время от времени за учиняемые безобразия изгоняются из населенных пунктов и их окрестностей. Правда, вскоре они возвращаются обратно. Но все-таки это не ручные обезьяны. К тому же другая часть маготов (в Гибралтаре всего примерно 200 обезьян) живет на неприступных скалах и с людьми почти не вступает в контакты — они дикие в полном смысле слова.

У всех макак, как мы уже говорили, существует иерархия (особенно явно выражена она у японских макак). Тем не менее к малышам даже вожаки относятся сносно, кое-что позволяют им, и вообще у макак нет той «палочной дисциплины», которая свойственна их родственникам — павианам.

Правда, малыши и у павианов на особом положении: рождение детеныша — событие для всего стада, все приходят посмотреть на новорожденного. Видимо, всем очень хочется потрогать малыша, все протягивают к нему руки, но дотронуться никто не смеет, и, чтобы как-то выразить свои чувства, обезьяны осторожно поглаживают мать.

Пока малыш крошечный, он и его мать будут занимать в стаде привилегированное положение. А потом займут место среди остальных.

В стаде (а оно может быть в сотню голов) безраздельно царствует вожак. Его авторитет настолько велик, что он может прекратить драку своих «подчиненных» лишь одним взглядом, жестом или звуком. (Кстати, у павианов известно более 60 контактных звуков.)

Вожак в стаде находится на самой высокой ступени. Все остальные — самки молодые и старые, подростки, все находятся на нижних ступеньках. Положение этих «ступенек» дает определенные права тому, кто их занимает: чем ступенька выше, тем у обезьян лучше место для сна, тем лучше место она имеет во время кормежки, отдыха. Но какое бы положение ни занимала обезьяна в иерархической лестнице, она беспрекословно подчиняется вожаку и принимает посильное участие в борьбе с врагами. Врагами же могут быть другие павианы, нарушившие границы участка (обычно площадь такого участка 2—3 квадратных километра) и, конечно же, хищники. Павианы — обезьяны отважные и мало кого боятся. А. Брем с удивлением описывал сражение павианов с леопардами. Сейчас это уже хорошо известно. Известно даже военное построение павианов на марше: впереди — молодые самцы, в центре — самки с детенышами и самцы, стоящие на самых высоких ступенях иерархической лестницы, тут же сам вожак, а сзади — молодые, которыми руководит один-два опытных самца.

По бокам сильные самцы, боевое охранение. При малейшей опасности самые могучие обезьяны выступают вперед.

Это относится и к самым крупным павианам — гамадрилам, достигающим 110 сантиметров «роста» и более 50 килограммов веса, и к более мелким — бабуинам. Профессор С. Уошдри из Калифорнийского университета, долгое время наблюдавший за стадом бабуинов, рассказывал, как бабуины прогнали двух леопардов, даже не вступая с ними в бой: одной лишь угрозы было достаточно, чтоб хищники оценили мощь сплоченного стада и пустились наутек.

Анубисы — третий вид павианов — несколько крупнее гамадрилов, но менее «интеллектуальны» — у них не так ярко выражены голосовые реакции, они более осторожны и пугливы, поведение их более стереотипно.

Кроме бабуинов, гамадрил и анубисов, в Африке живут гвинейский павиан, или сфинкс, и медвежий павиан, или чакма.

Гамадрилы — наземные животные, их место обитания — скалистые горы Эфиопии, Судана, Сомали, Аравии. Анубисы, обитающие в Гвинее, тоже наземные жители, хотя и ночуют на деревьях, бабуины (Ангола, Мозамбик, Кения, Сомали) — наиболее древесные из всех павианов. Гвинейский павиан (кроме Гвинеи, обитает еще в Сенегале) ведет смешанную жизнь — проводит время и на земле и на деревьях. Чакма, как и гамадрил, — житель скалистых гор.

Павианы — животные растительноядные, хотя и поедают некоторое количество насекомых и мелких позвоночных. Время от времени они устраивают набеги на плантации, производя там значительные разрушения, что вызывает гнев людей.

В Западной Африке живут обезьяны, несколько похожие на павианов, но в то же время отличающиеся от них рядом признаков. Это дало основание некоторым специалистам отделить их от павианов и образовать особую группу мандрилов. Однако советский ученый академик В. Е. Соколов считает, что «правильнее рассматривать этих обезьян как отдельные породы рода павианов».

Мандрил — крупная обезьяна, окрашенная настолько причудливо, что считается едва ли не самым яркоокрашенным животным среди млекопитающих.

Жизнь этих обезьян изучена слабо, но известно, что мандрилы и дрилы (они меньше и не так ярко окрашены) злобны, агрессивны и не задумываясь бросаются в драку, пуская в ход мощные руки и могучие клыки, пользуясь палками и камнями. Они нередко посещают поля местных жителей, и люди боятся этих обезьян. Боятся их и хищники, — говорят, мандрилы и дрилы справляются в одиночку даже с леопардами.

Если мандрилов люди не прогоняют из-за боязни, то гульманов (они относятся к группе тонкотелых обезьян, или лангуров) не гонят из почтения: эта обезьяна — «священная». А священная обезьяна, пользуясь этим, разбойничает как хочет — разоряет поля и сады, врывается даже в дома, учиняя там порядочный разгром. В самом деле: если ворвутся два-три десятка довольно крупных, весящих килограммов 15—20 обезьян в поселок — память об этом нашествии останется надолго!

На Цейлоне и в Индии гульманы часто как священные обезьяны жи-

вут в храмах, где их кормят, охраняют. Но конечно, не всем тонкотелам так везет. Обезьяны, живущие вдали от людей, большую часть времени проводят на земле, но спят и спасаются на деревьях. Впрочем, при опасности они могут и убежать — бегают на четвереньках, развивая скорость до 35 километров в час, и ускакать — могут совершать 10-метровые прыжки.

Гульманы живут стадами, и у них существует иерархическая зависимость. Малыши пользуются всеобщей любовью, только вожак не обращает на них внимания, и воспитываются всеми самками стада — старыми и молодыми, а непосредственно «нянчит» малыша мать или старшие сестры, которые остаются рядом с матерью до тех пор, пока сами не становятся матерями.

Семейство Крупные человекообразные обезьяны, или Понгиды. Парад в этом семействе начнут гиббоны. Некоторые специалисты считают, что они составляют особое семейство, некоторые объединяют вместе с другими высшими человекообразными в одно. Но так или иначе, а гиббоны, безусловно, наши близкие и самые непосредственные родственники. Научное название этих обезьян — «ходящие по ветвям». Очевидно, на исследователей, давших имя гиббонам, произвела сильное впечатление их способность передвижения по деревьям: на задних ногах, как эквилибрист по проволоке, бежит гиббон по сучку, балансируя при этом очень длинными руками. Так же — на двух задних ногах — бегают гиббоны и по земле. По деревьям же они не только бегают, а буквально перелетают с ветки на ветку, с сучка на сучок. Да и как иначе назвать 10—15-метровый прыжок, во время которого обезьяна может сорвать плод или даже поймать птичку?

Гиббонов можно было бы назвать и «поющими обезьянами» — проснувшись утром, они начинают свои концерты. Запевает вожак, и мелодию подхватывает вся семья. Это действительно мелодия, а не крик или рев, как у ревунов. Известная американская исследовательница С. Керригер пишет, что «гиббоны... способны петь чистыми тонами, они единственные по-настоящему поющие звери». Пение одной семьи подхватывает находящаяся поблизости другая семья, потом третья. А так как в семье может быть и 5—6 членов, то образуется довольно мощный хор из полутора десятка певцов.

Концерт продолжается часа два, после чего гиббоны спускаются на землю и начинают обход своей территории, собирая насекомых, плоды, срывая листья. Насытившись, обезьяны возвращаются к деревьям, на которых провели ночь. Пожилые обезьяны отдыхают, молодежь начинает носиться по веткам, играть друг с другом.

Гиббоны — животные мирные, драк не любят, но пограничные конфликты у них все-таки возникают: пение — пением, петь можно и вместе, а территория у каждой семьи должна быть своя. Но эти конфликты, как правило, разрешаются относительно мирно — покричат гиббоны друг на друга, помашут руками и договорятся. В своей же семье гиббоны не только драк не допускают — ссоры у них и то редки. Обычно они очень внимательны и дружелюбны друг к другу. Если в семье есть престарелые обезьяны, не способные самостоятельно добывать пищу, — другие

члены семьи приносят им еду. Молодые самки и самцы, прежде чем заключить «брачный союз», несколько недель трогательно ухаживают друг за другом. Пара образуется на всю жизнь и распадается только со смертью одного из супругов. Детеныш рождается один раз в 2—3 года. Мамаша все время носит на руках своего голого младенца, постоянно согревая, и, даже когда обезьяны подрастают, не отпускает его от себя далеко. Лишь к двум годам маленький гиббончик приобретает некоторую независимость, а полностью самостоятельным становится лишь к 7—10 годам.

Гиббонов 7 видов. 6 живут в лесах Юго-Восточной Азии. Это очень сильные, хотя и небольшие обезьяны (вес их 5—8 килограммов). А на Суматре и полуострове Малаккском живет гиббон, вес которого достигает 15 килограммов, — обыкновенный сиаманг.

Если о гиббонах еще спорят — признать ли их полностью человекообразными обезьянами или не признать, то об обезьяне, которая сейчас пройдет перед нами, двух мнений нет и быть не может.

До недавнего времени название этой обезьяны часто по-русски писалось и произносилось так: «орангутанг». Барбарра Харрисон — отважная исследовательница и благородная защитница этих обезьян (мы о ней уже упоминали в 1-й части) — заметила по этому поводу, что такое произношение — просто неуважение к обезьянам: «орангутанг» по-малайски означает «должник». А эта обезьяна никак не может быть должником человека. Напротив, сам человек в неоплатном долгу перед животным миром нашей планеты вообще, и перед этими обезьянами в частности.

Малайцы называют этих животных «оранг-утан» («оранг» — «человек», «утан» — «лесной»). Даяки с острова Калимантан называют ее «майяс», что означает примерно то же самое. Только на двух островах — Суматре и Калимантане — живут эти обезьяны. Они принадлежат к одному виду, но обезьяны с острова Калимантан значительно крупнее.

В Европе об орангутанах знали очень давно. Еще Плиний писал, что в горах Индии водятся сатиры — «очень злые животные с человеческим лицом, которые ходят или прямо или на четвереньках, и притом с такой быстротой, что поймать можно или очень старых или очень больных».

Затем в Европе об орангутанах забыли или, по крайней мере, перестали о них говорить. Их место в рассказах путешественников заняли какие-то фантастические дикие люди, и лишь 400 лет назад европейские путешественники снова заговорили об орангутанах.

Вывозить их начали более двух с половиной веков назад: в 1712 году английский капитан Дэвид Бикман купил у местных жителей молодую обезьяну, которая прожила у него всего 7 месяцев. Это был первый шаг — с того времени начался активный вывоз орангутанов, началось преследование их «во имя науки» и во имя других целей. К чему это привело — мы уже говорили.

Орангутаны — спокойные и несколько угрюмые, с нашей, человеческой точки зрения, животные. Они медлительны, живут высоко на деревьях в компании себе подобных, не торопясь путешествуют по лесу. Протянув свои длинные руки (у самцов они в размахе более трех метров), оранги сначала ощупывают прочность веток и лишь затем пере-

брасывают все тело. Они не прыгают, а, скорее, ходят по деревьям, переходя с одного на другое, с сучка на сучок. Правда, при необходимости они могут двигаться довольно быстро — как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении.

Время от времени оранги спускаются на землю (правда, без необходимости делать это не любят). По земле ходят на четвереньках, точнее, опираясь на согнутые пальцы передних конечностей.

Ночи оранги проводят на деревьях, сделав примитивные гнезда: в развилке, на высоте примерно 10—20 метров, горизонтально укладывают наломанные ветки и утрамбовывают их. У каждой обезьяны — собственное гнездо. Только мамаша с детенышем спит в одном гнезде. Да иначе и невозможно — ведь детеныши у орангов долгое время остаются беспомощными. Появляются на свет очень небольшими (примерно полуторакилограммовыми) и сосут молоко до 3—4-летнего возраста.

Оранги живут в Азии, другие человекообразные обезьяны — шимпанзе и горилла — в Африке.

Шимпанзе — обезьяна, которая интересует ученых самых разных специальностей: физиологов и зоопсихологов, антропологов и медиков. Можно назвать десятки, если не сотни имен ученых, работавших с этими обезьянами. Достаточно вспомнить имена великого И. И. Мечникова и И. П. Павлова, Н. Н. Ладыгиной-Котс и крупнейшего американского приматолога Роберта М. Йеркса, немецкого зоопсихолога Вольфгана Келлера и англичанина Г. Ниссена, наконец, страстную энтузиастку и очень смелую женщину Джейн ван Лавик-Гудолл, благодаря которой людям открылись многие подробности жизни шимпанзе в природных условиях, и много других имен ученых, занимавшихся шимпанзе.

Изучение психической деятельности шимпанзе — вопрос сегодняшнего и завтрашнего дня. Сегодня уже есть очень любопытные результаты этого изучения, о которых, как и вообще о человекообразных обезьянах, особенно об их рассудочной деятельности, можно рассказывать очень много, так же как о перспективах, которые открывает перед физиологами и этологами изучение шимпанзе. Но мы об этом говорить тут не будем: это — уже другая книга. В нашем параде мы просто увидим шимпанзе — не очень больших человекообразных обезьян, высотою меньше метра и весящих примерно килограммов 60—80. Живут шимпанзе семьями, в которых главную роль играет самец, он же — вожак этой семьи-стаи, ведут они как древесное, так и наземное существование, спят обычно на деревьях — устраивают примитивные, как и оранги, гнезда. Гнезда эти — сугубо временные: на следующую ночь шимпанзе в него не возвращается, устраивает новое или вообще обойдется без гнезда — будет спать в развилке дерева. Питаются шимпанзе в основном растительной пищей — корнями растений, плодами, листьями, иногда ловят мелких зверушек и насекомых, но никогда не проявляют ярко выраженных хищнических наклонностей. (Хотя Д. ван Лавик-Гудолл описывает сцену, когда шимпанзе поймали маленькую обезьянку и съели ее, но это, видимо, какой-то редкий, нетипичный случай.)

Малыши у шимпанзе появляются раз в два года (обычно — один, ред-

ко — двое), мать воспитывает его до 2—3 лет.

Ученые ведут работу с шимпанзе в двух глобальных направлениях — изучают жизнь и психическую деятельность этих обезьян и борются за то, чтоб сохранить их на Земле. В конечном итоге обе линии смыкаются (без детального знания жизни этих обезьян невозможно сохранить их, разводить в зоопарках или приматологических центрах, которые сейчас создаются во всем мире, а не сохранив, некого будет изучать и разводить).

Люди уже добились некоторых успехов в разведении шимпанзе в искусственных условиях и значительных успехов в их изучении.

Однако это можно сказать о шимпанзе, которые называются обыкновенными. А существуют еще и карликовые шимпанзе, которые любопытны сами по себе, да и история их открытия тоже очень интересна.

В 1928 году немецкий ученый Эрнест Шварц обнаружил в одном из бельгийских музеев кости очень мелких, по сравнению с шимпанзе, обезьян. Во всем остальном, кроме величины, кости эти были похожи на кости обыкновенных шимпанзе. Решив, что кости принадлежат обезьянам неизвестного вида, Шварц назвал их карликовыми шимпанзе, и они вошли в науку как карликовые шимпанзе Шварца.

Э. Шварц сделал свое открытие не на пустом месте: о существовании маленьких шимпанзе, живущих в лесах к югу от реки Конго, знали уже довольно давно. В 1895 году британские зоологи могли воочию убедиться в существовании карликовых шимпанзе (правда, их так тогда не называли) — один экземпляр обезьяны был доставлен в Британский музей. Позже, в 1923 году, такая же обезьяна появилась в Нью-йоркском зоопарке.

Научное описание впервые было дано Э. Шварцем в 1929 году по костям скелета. В дальнейшем ученые, уже имея дело с живыми обезьянами, дополнили описание Шварца, отметив, что у этой обезьяны стройное тело, покрытое довольно густым и тонким мехом, маленькая голова и длинное узкое лицо. Имелись у этой обезьяны и специфические анатомические признаки, отличающие ее от обыкновенных шимпанзе.

Затем появились шимпанзе-карлики в Парижском и Антверпенском зоопарке, но споры продолжались: одни зоологи считали эту обезьянку новым видом, другие — лишь подвидом. Но пока суд да дело — началась вторая мировая война, развязанная фашистами, и многие международные контакты, столь необходимые в изучении животного мира нашей планеты, прервались. И мало кому было известно, что неподалеку от Мюнхена, в маленьком городке Халлабруннер, в зоопарке живет несколько карликовых шимпанзе. И уж наверное никто, кроме двух-трех сотрудников и сторожа, не знали, какие это удивительные обезьянки. Они не только были в два раза меньше и легче обычных шимпанзе, у них и характер был иной — мирный, общительный. И надо же было случиться, что именно эти добрые и мирные обезьянки погибли в 1944 году во время налета американской авиации. Погибли не от бомб, а от страха. Конечно, бомбежка напугает и не таких робких обезьянок, но почему же другие обезьяны все-таки перенесли ее относительно легко? Может быть, эти маленькие шимпанзе отличались

от своих родственников более тонкой нервной организацией, какой-то иной психикой?

Фашисты вообще не склонны были заниматься не относящимися к их прямым идеям вопросам, тем более не интересовали их карликовые шимпанзе. К тому же в это время фашистское государство начало трещать по всем швам под ударами советских войск и, уж конечно, никому не было дела до обезьян.

Лишь через десять лет после гибели карликовых шимпанзе, в 1954 году, два немецких ученых опубликовали работу, в которой привели все собранные ими данные и доказали, что обезьянки, погибшие в 1944 году, и те, которых описал Э. Шварц, назвав их карликовыми, на самом деле — совершенно новый вид обезьян. Конголезцы их хорошо знают и называют бонобо. Мало того, некоторые ученые убеждены, что это — вообще новый вид человекообразной обезьяны, стоящей ближе к человеку, чем другие шимпанзе, чем орангутаны и гориллы. Во всяком случае, по строению черепа она действительно ближе к людям, чем другие обезьяны. При ходьбе бонобо выпрямляет колени, как это делают люди, у него — единственного изо всех животных — красноватые губы (обычно у других животных они черные).

Однако далеко не все специалисты согласны с тем, что бонобо — наш новый близкий (даже ближайший, как утверждают некоторые) родственник. Одни ученые считают, что это действительно новый вид, другие — лишь подвид обыкновенного шимпанзе. Есть и такие, которые считают, что бонобо относится к разновидности гориллы или, во всяком случае, ближе к гориллам, чем к шимпанзе. Людям еще предстоит определить место бонобо в мире обезьян. У нас же на параде он идет вместе с шимпанзе. И впереди горилл.

Английский исследователь Артур Кейф подсчитал, что у человека имеется 1065 анатомических признаков. При этом 312 свойственны только человеку, 113 общих с другими обезьянами, 354 общих с орангутанами, 369 — с шимпанзе и больше всего у человека общих признаков с гориллой — 385. (Правда, есть и другие мнения: многие ученые считают самым близким родственником человека среди приматов шимпанзе.)

Горилл люди знают давно. Еще в 470 году до нашей эры карфагеняне снарядили большой флот для того, чтоб основать колонии на западном берегу Африки. Командующий флотом Ганон писал потом в своих воспоминаниях (цитирую по А. Брему): «На третий день от последней стоянки мы проехали огненные реки и вошли в залив, который назывался Южный Рог. В глубине залива был остров, на нем озеро, а на озере остров, на котором жили люди. Большинство их были самки с волосатым телом, и переводчики называли их Гориллами. За самцами мы гнались, но не могли их догнать, так как они легко перебирались через ущелья и защищались камнями. Мы поймали трех самок, но не могли их увезти живыми, потому что они царапались и кусались. Мы должны были их убить, но сняли шкуры и послали их в Карфаген».

Плиний писал, что через триста лет (в 146 г. до н. э.), когда римляне вторглись в Карфаген, в развалинах одного из храмов было найдено две шкуры этих зверолюдей.

Обезьяны вообще на протяжении многих веков были окружены ле-

гендами, но гориллам в этом отношении повезло особенно: о них рассказывали самое невероятное и в то же время знали хуже других даже специалисты. Знали их настолько плохо, что, когда в 1855 году в Европе появилась горилла, даже ученые не определили, что это за обезьяна. (Гориллу в ней признали лишь после смерти животного.) И нет ничего удивительного, что свирепость этих обезьян не вызывала ни у кого сомнения: и внешность страшная, и роста почти двухметрового, и весом чуть ли не треть тонны!

А зубы! А голос! А манера бить себя в грудь пудовыми кулачищами! Страшнейший и опаснейший зверь — тут и говорить нечего!

Однако еще в 1921 году Карл Экли утверждал, что горилла — совсем не тот зверь, за которого ее принимают случайные наблюдатели. Не согласен он был и с рассказами местных жителей о свирепости и кровожадности горилл.

Но легенды живучи, превратное мнение держится прочно. Ведь даже люди — если их оклеветали — часто долго ходят с позорным пятном, хотя и имеют возможность оправдаться. Что же говорить о гориллах, которые такой возможности не имеют. Но зато такую возможность имели ученые, и в частности Дж. Б. Шаллер, о котором мы рассказывали в первой части книги. Благодаря ему горные гориллы, возможно, уцелеют на Земле, благодаря ему мы узнали и «истинное лицо» береговых горилл.

Сам Шаллер хорошо знал лица этих зверей в буквальном смысле слова — живя среди стада горилл, он чуть ли не каждый день встречался с ними. И подтверждает: да, гориллы — страшные животные, особенно когда возмущены, разгневаны или хотят кого-нибудь напугать. Но страшны они лишь внешне — даже делая вид, что бросаются на человека, они почти никогда не приближаются к нему, ограничиваясь только угрозой. Не случайно же редкий камерунец признается, что его укусила горилла (даже если это и так) — горилла кусает только убегающих, то есть струсивших. Да еще тех, кто осмелится ранить гориллу. Но и тогда укусы горилл оказываются не опасными. Может быть, именно этим и пользуются охотники, загоняя обезьян в сети и закалывая копьями даже не сопротивляющихся животных.

Гориллы — вегетарианцы. Еду они отыскивают на земле, где вообще проводят большую часть времени. Как пишет Дж. Шаллер, даже гнезда они часто устраивают на земле. Правда, нередко ночуют и на деревьях, устраивая каждый раз новое гнездо на высоте 3—10 метров.

Жизнь горилл размеренна и однообразна: спят примерно с 7 вечера до 6 утра (13 часов!), нередко в поисках пищи совершают довольно длительные путешествия, но, как правило, не покидают определенного района. Конфликты в стаде редки и быстро ликвидируются вожаком. Даже шума гориллы производят меньше, чем другие обезьяны: хотя им и свойственны угрожающие жесты, удары кулаками в грудь, различные голосовые реакции — пользуются ими гориллы лишь в крайних случаях. Вообще же гориллы относительно молчаливы и сдержанны в проявлении эмоций.

Однообразная жизнь горилл нарушается лишь с появлением малышей. Обычно семья горилл состоит из 5—15 членов, но иногда несколько семей объединяются в стадо. Тогда вместе могут жить 3—4 десятка

обезьян. И малышей любят все — и «свои» и «чужие», то есть члены других семей. Даже вожаки — мощные и грозные самцы — позволяют малышам фамильярничать, приставать, забирать лучшие кусочки. И самки, не имеющие в данное время детенышей, принимают участие в воспитании чужих малышей, помогая мамашам всем, чем могут. Если же молодая неопытная мамаша, испугавшись своего малыша (такое у горилл бывает), отказывается от него — желающих усыновить младенца более чем достаточно.

Кстати, чем меньше детеныш, тем выше его мать занимает место на иерархической лестнице.

Иерархия у горилл существует, но не такая деспотичная, как у павианов, например. Между собой гориллы живут очень мирно, драк не бывает, провинившийся член семьи немедленно «признает свою вину», и вожаку не приходится применять мер физического воздействия. Но самец-вожак и сам достаточно демократичен, он на многое закрывает глаза, многое прощает своим «подчиненным».

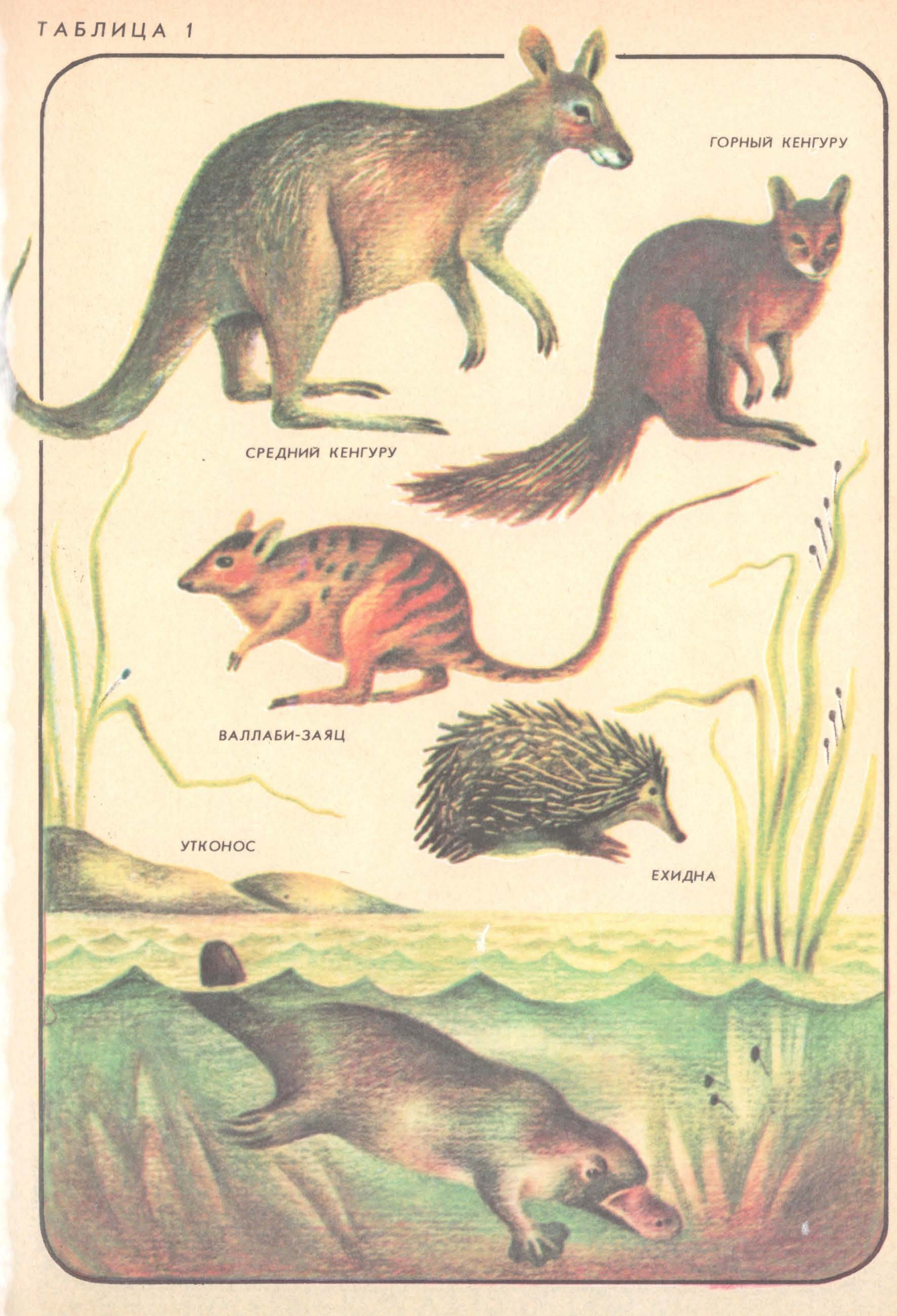
Со всеми окружающими их животными гориллы живут в мире, они доброжелательны, уступчивы, не мелочны, не спорят из-за территории или из-за еды, тем более что, в отличие от шимпанзе, которые питаются плодами, гориллы поедают главным образом листья и молодые побеги.

Бернгард Гржимек, считающий, что шимпанзе все-таки стоят к человеку ближе, чем гориллы, полушутя-полусерьезно заметил, что «возможно, мы, люди, жили бы друг с другом более мирно и дружно, если бы были в более близком родстве с гориллой, а не с шимпанзе».

Итак, парад окончен. А ведь он мог бы продолжаться еще очень долго. Сотни животных, хорошо знакомых нам и почти совершенно неизвестных, обитающих рядом с людьми или в лесах и горах, в пустынях и степях, могли бы пройти на этом параде.

А еще есть моря и океаны... И там, в водной стихии, живут удивительные млекопитающие — дельфины и киты, моржи и тюлени, дюгони и ламантины. Но о них мы в этой книге даже не упоминаем: время парада ограниченно. Поэтому, как уже говорилось, мы не могли пригласить на него многих наших соседей по планете. Правда, о них можно прочитать и посмотреть, как они выглядят, в других книгах. А при желании — и вообразить, что они тоже принимали участие в этом параде.

А теперь
посмотри таблицы.
На них ты увидишь
многих зверей и зверьков,
о которых рассказывалось
или упоминалось
в этой книге.

ГОРНЫЙ КЕНГУРУ
СРЕДНИЙ КЕНГУРУ
ВАЛЛАБИ-ЗАЯЦ
УТКОНОС
ЕХИДНА

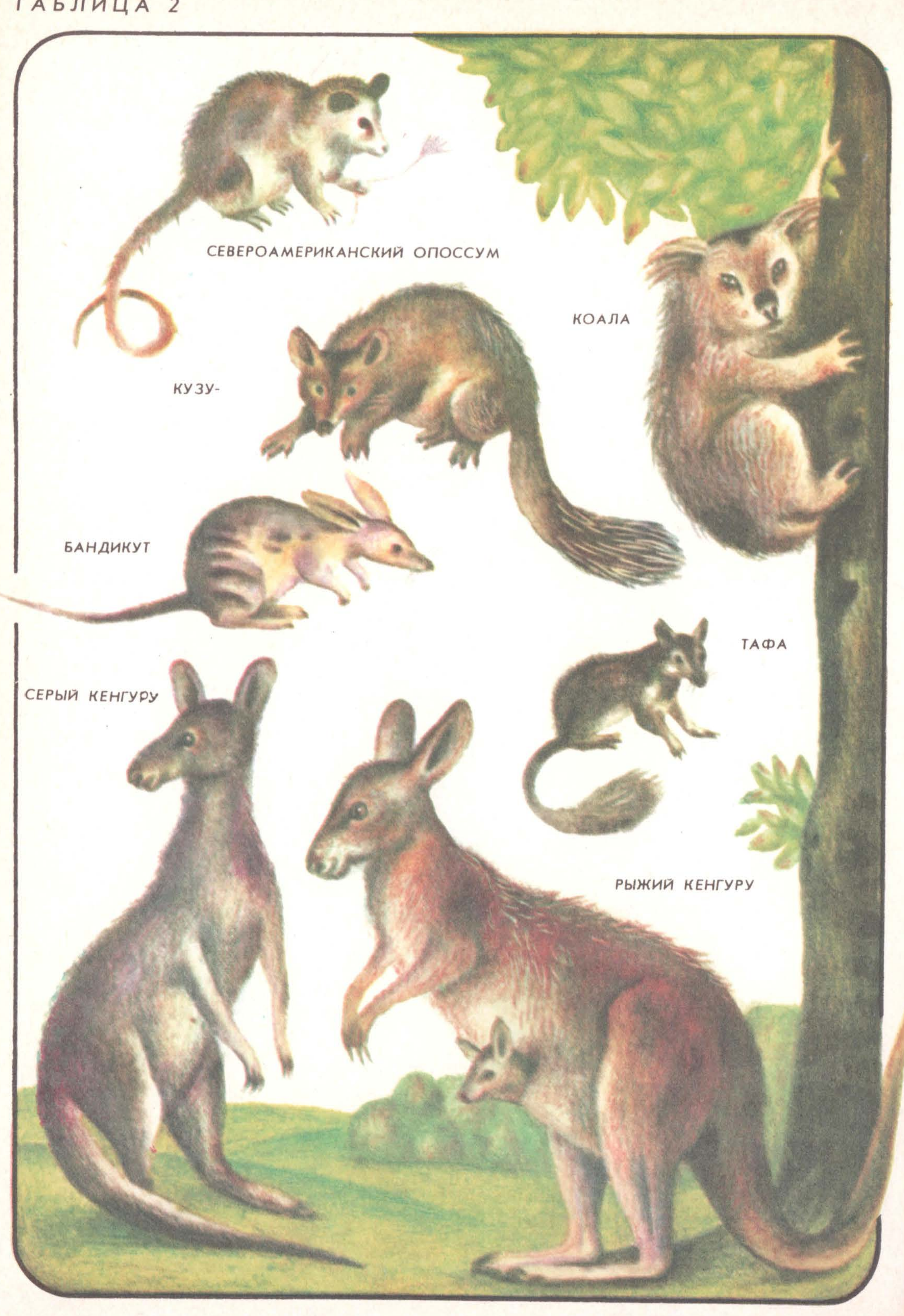
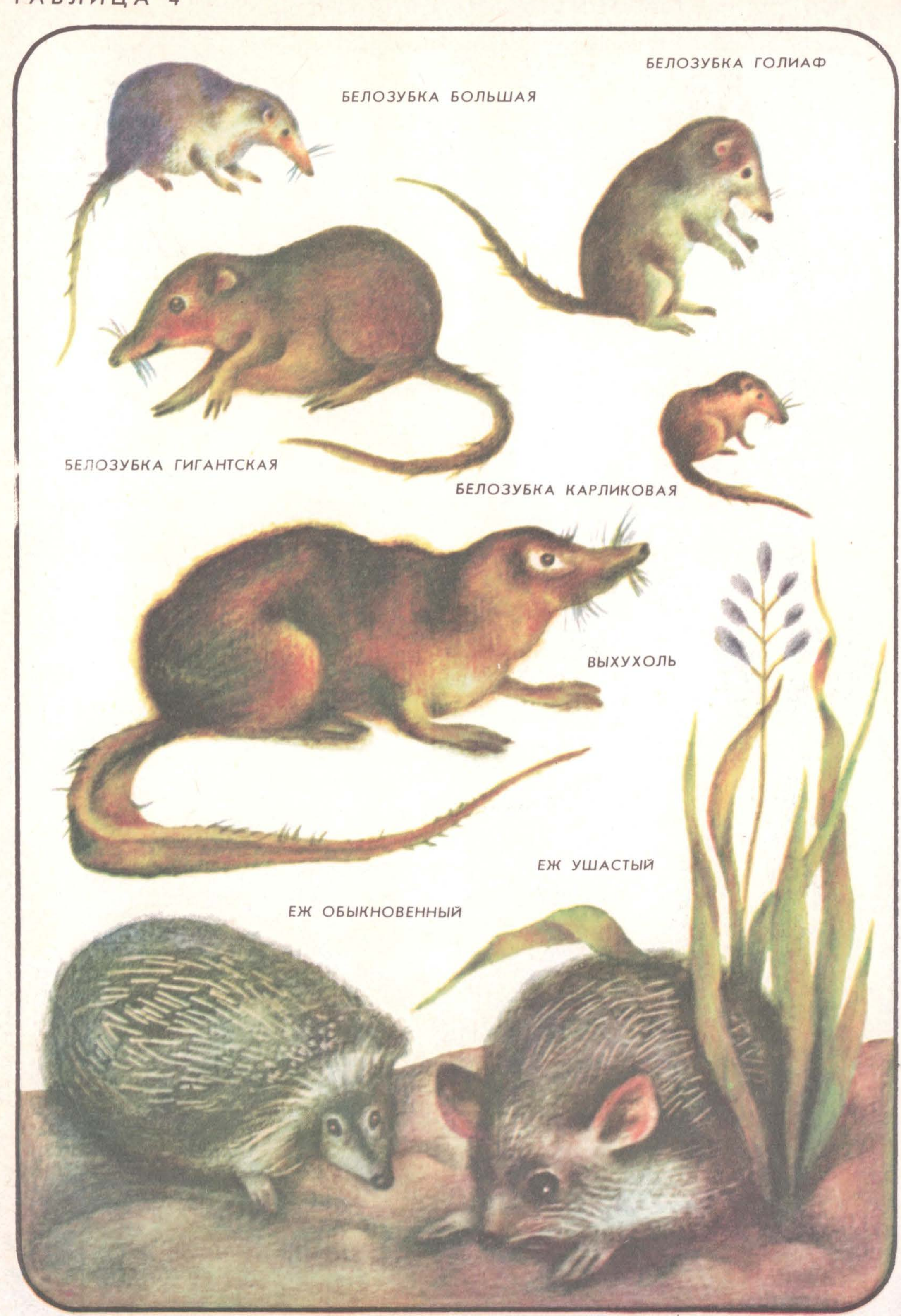

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ОПОССУМ
КОАЛА
КУЗУ-
БАНДИКУТ
ТАФА
СЕРЫЙ КЕНГУРУ
РЫЖИЙ КЕНГУРУ

ТАБЛИЦА 3

ДРЕВЕСНЫЙ КЕНГУРУ
ПОССУМ-МЕДОЕД
СУМЧАТАЯ БЕЛКА
СУМЧАТЫЙ МУРАВЬЕД (НАМБАТ)
КУС-КУС

БЕЛОЗУБКА ГОЛИАФ
БЕЛОЗУБКА БОЛЬШАЯ
БЕЛОЗУБКА ГИГАНТСКАЯ
БЕЛОЗУБКА КАРЛИКОВАЯ
ВЫХУХОЛЬ
ЕЖ УШАСТЫЙ
ЕЖ ОБЫКНОВЕННЫЙ

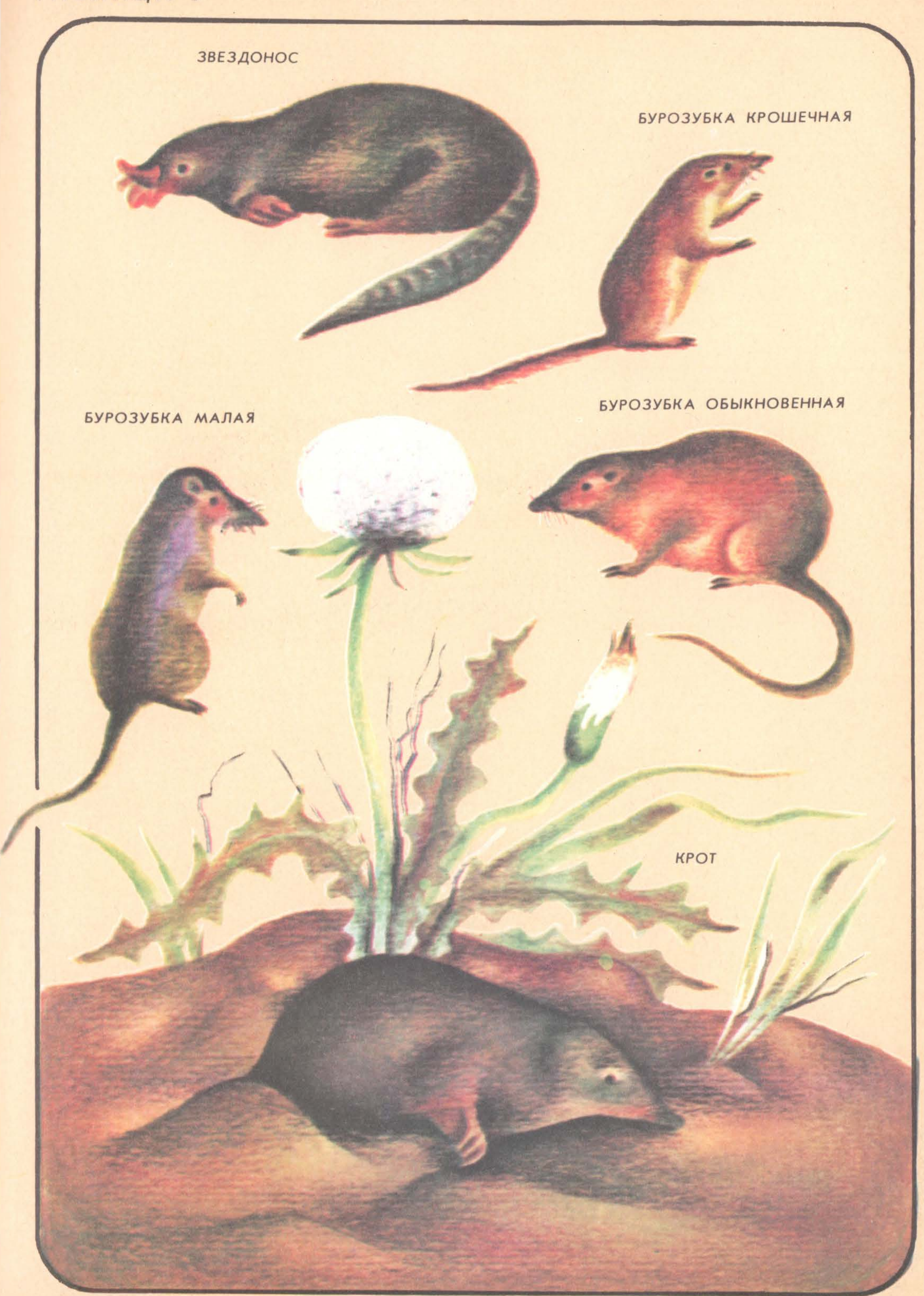

ЗВЕЗДОНОС
БУРОЗУБКА КРОШЕЧНАЯ
БУРОЗУБКА МАЛАЯ
БУРОЗУБКА ОБЫКНОВЕННАЯ
КРОТ

ТАБЛИЦА 6

РЫЖАЯ ВЕЧЕРНИЦА

НОЧНИЦА БОЛЬШАЯ

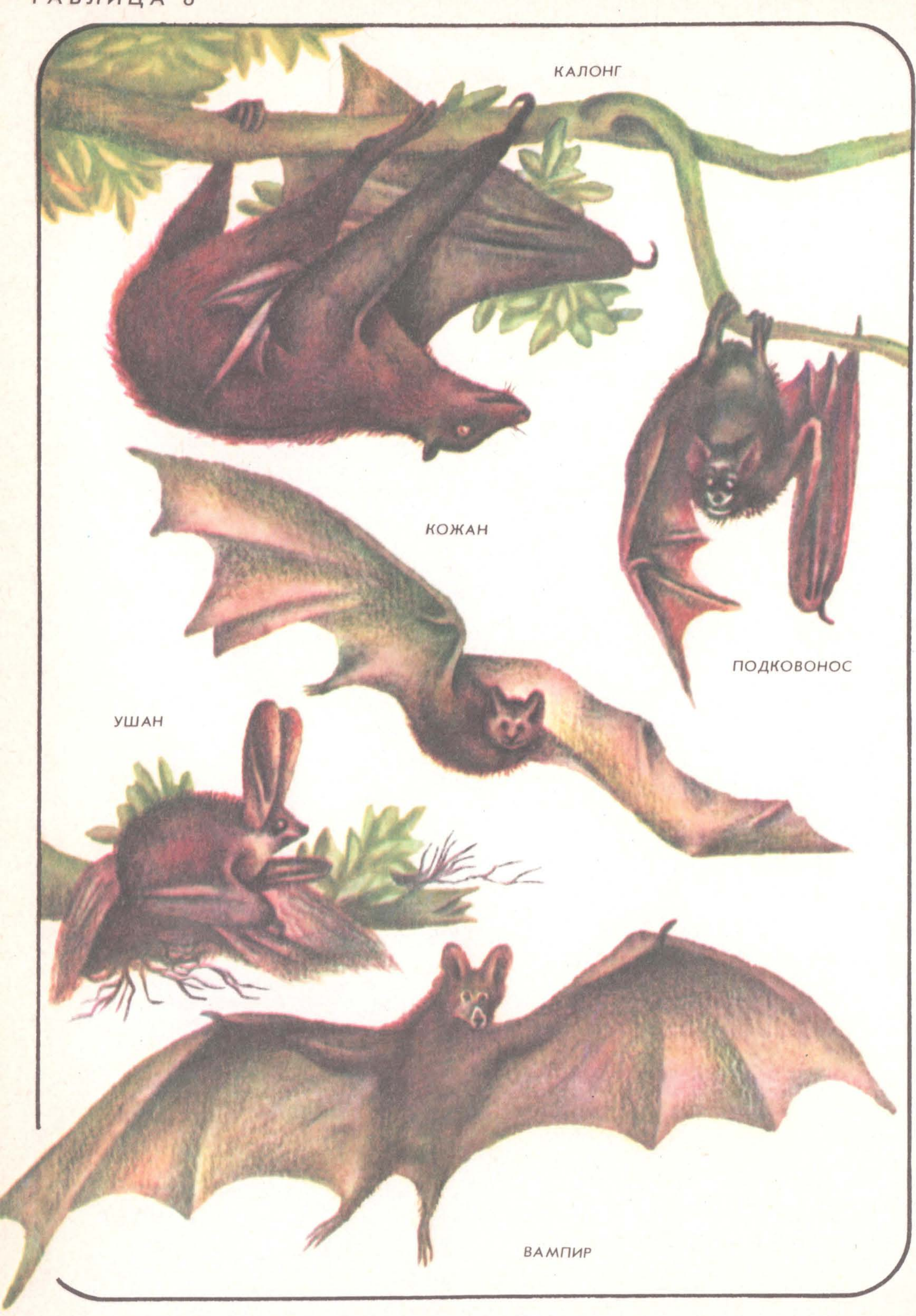
ДЛИННОКРЫЛ

ЛИСТОНОС

ШЕРСТОКРЫЛ

СВОБОДНОХВОСТ
БЕЛОБРЮХИЙ СТРЕЛОУХ
НЕТОПЫРЬ-КАРЛИК
БУЛЬДОГ

ТАБЛИЦА 8

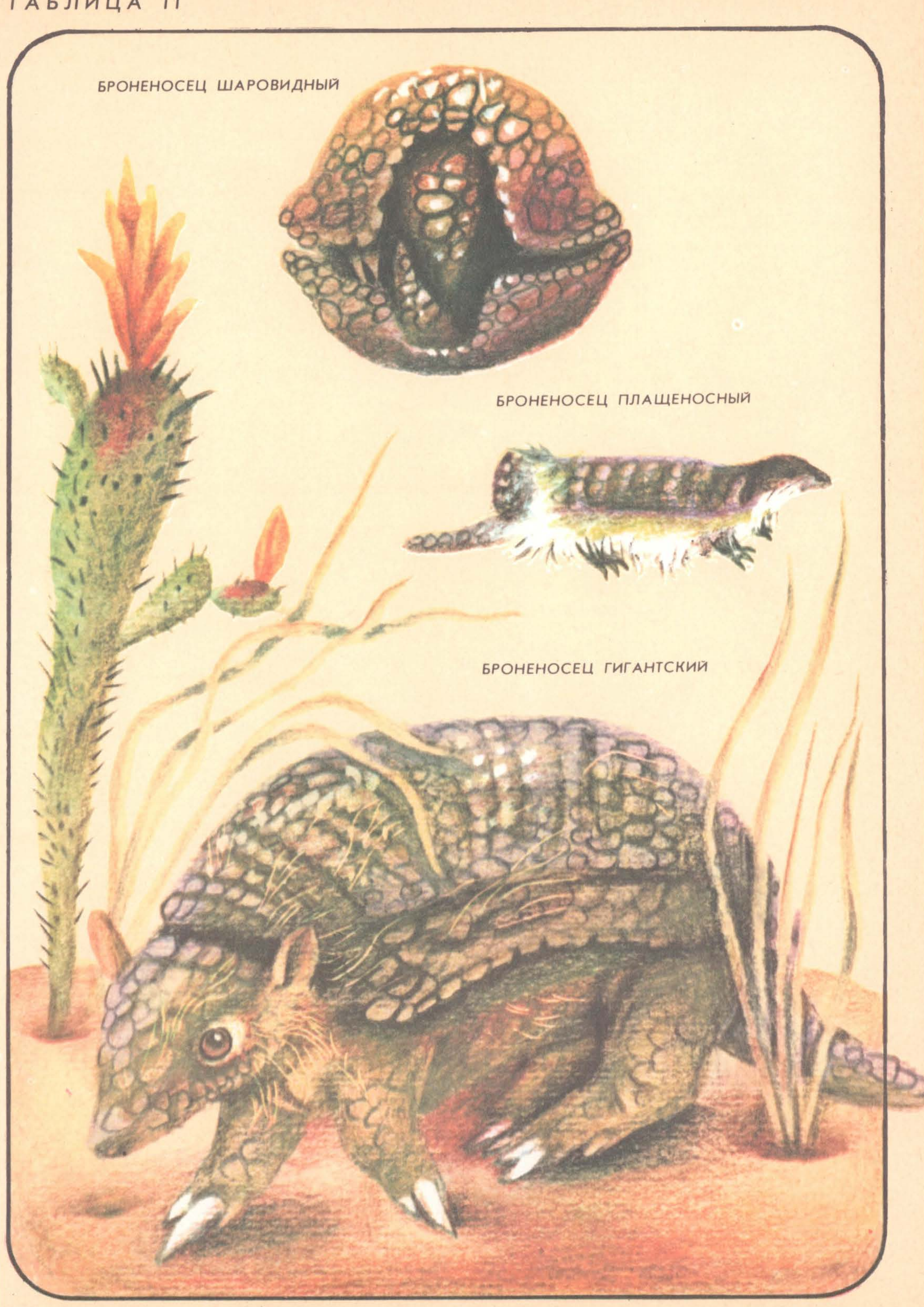

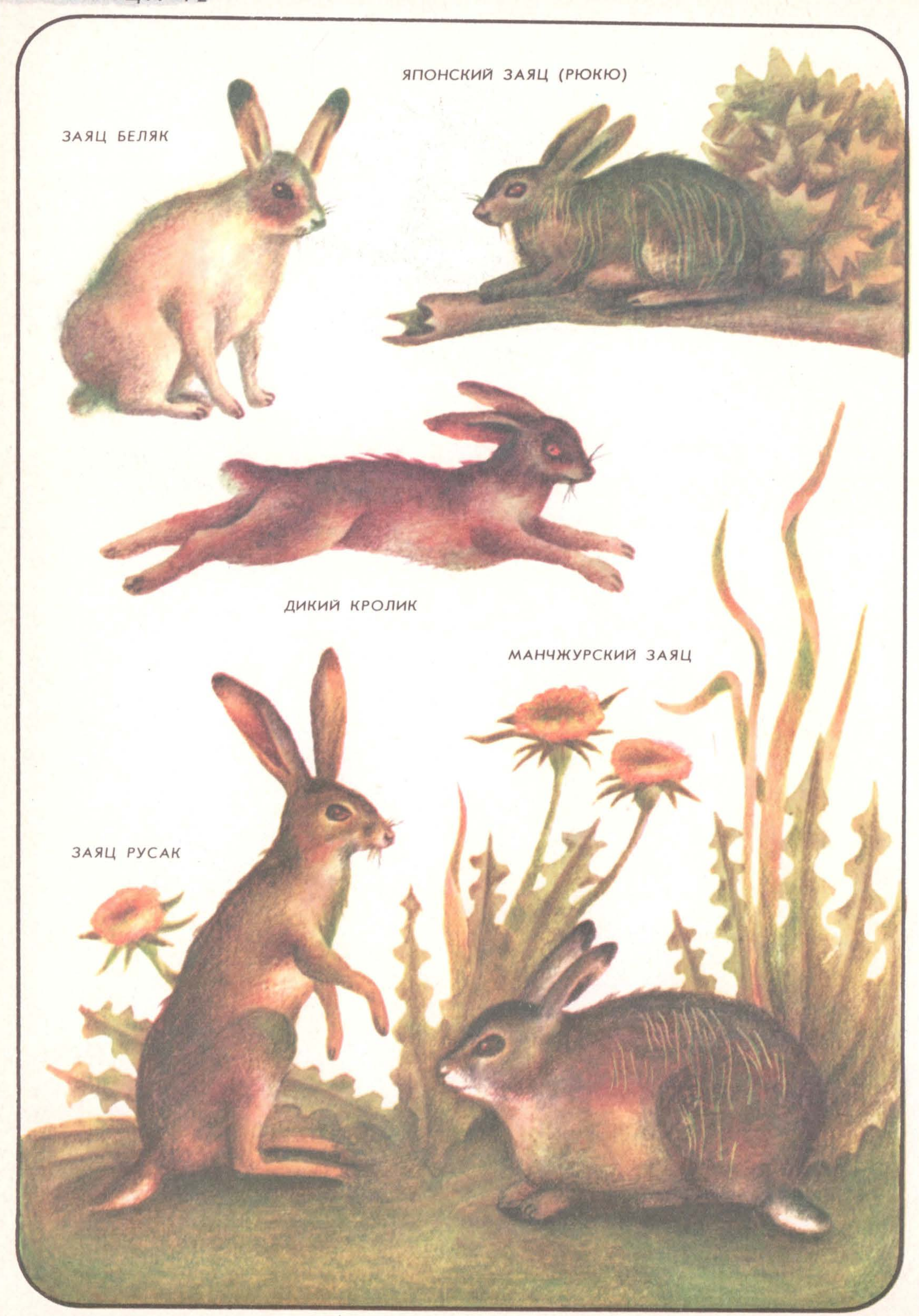
МОЛОТОГЛАВ

КОПЬЕНОСЫ

НЕТОПЫРЬ ЛЕСНОЙ

ЛЕНИВЕЦ ДВУПАЛЫЙ
ЛЕНИВЕЦ ТРЕХПАЛЫЙ
МУРАВЬЕД

БРОНЕНОСЕЦ ШАРОВИДНЫЙ
БРОНЕНОСЕЦ ПЛАЩЕНОСНЫЙ
БРОНЕНОСЕЦ ГИГАНТСКИЙ

ЯПОНСКИЙ ЗАЯЦ (РЮКЮ)
ЗАЯЦ БЕЛЯК
ДИКИЙ КРОЛИК
МАНЧЖУРСКИЙ ЗАЯЦ
ЗАЯЦ РУСАК

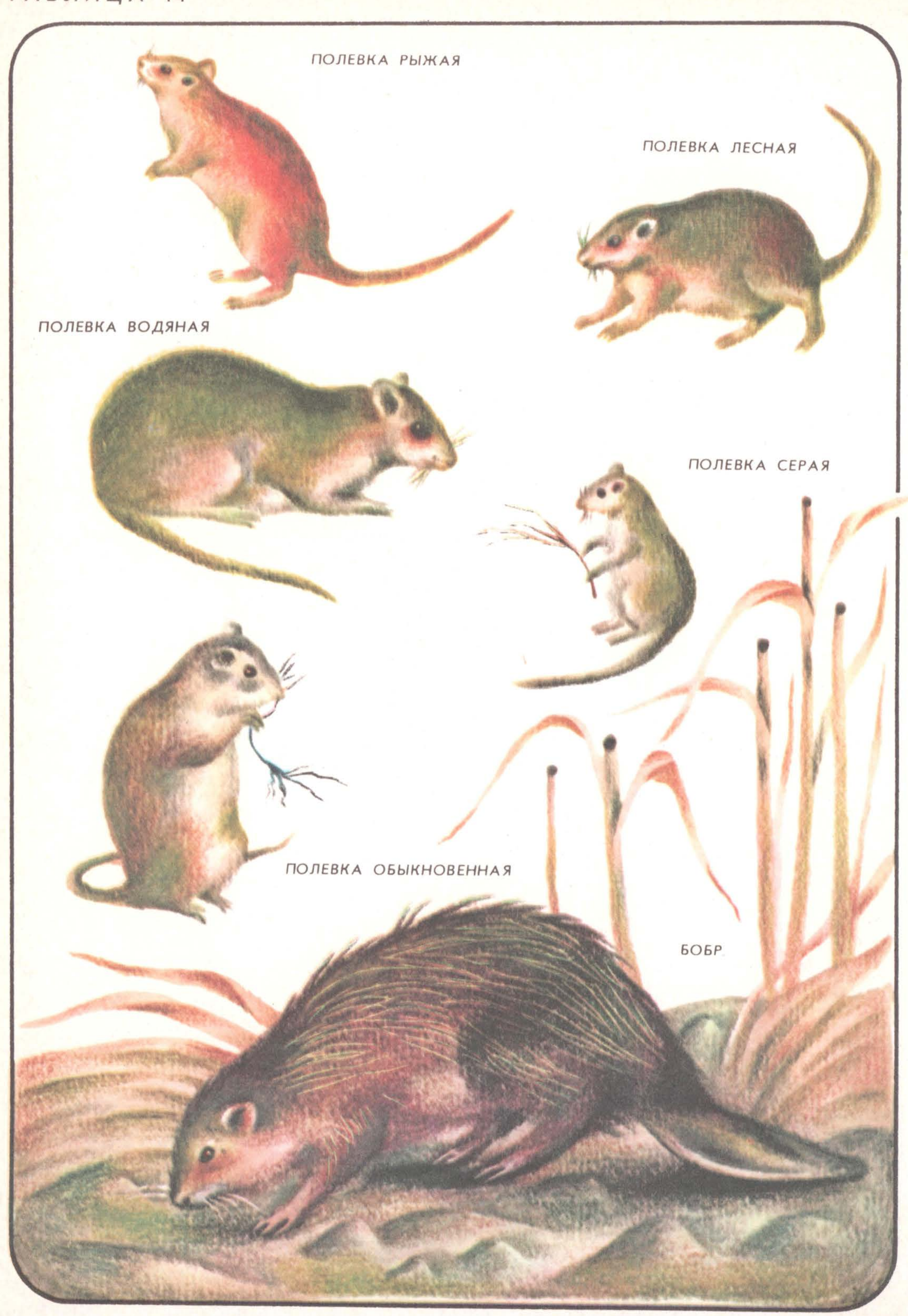
БЕЛКА ОБЫКНОВЕННАЯ

ШИНШИЛЛА

БЕЛКА РАТУФА

ЛЕТЯГА

БЕЛКА КИСТЕУХАЯ

ПОЛЕВКА РЫЖАЯ
ПОЛЕВКА ЛЕСНАЯ
ПОЛЕВКА ВОДЯНАЯ
ПОЛЕВКА СЕРАЯ
ПОЛЕВКА ОБЫКНОВЕННАЯ
БОБР

БУРУНДУК
НОРВЕЖСКИЙ ЛЕММИНГ
КОПЫТНЫЙ ЛЕММИНГ
СОНЯ ПОЛЧОК
СОНЯ ОРЕШНИКОВАЯ
СОНЯ ЛЕСНАЯ

ТАБЛИЦА 16

СЕРАЯ КРЫСА

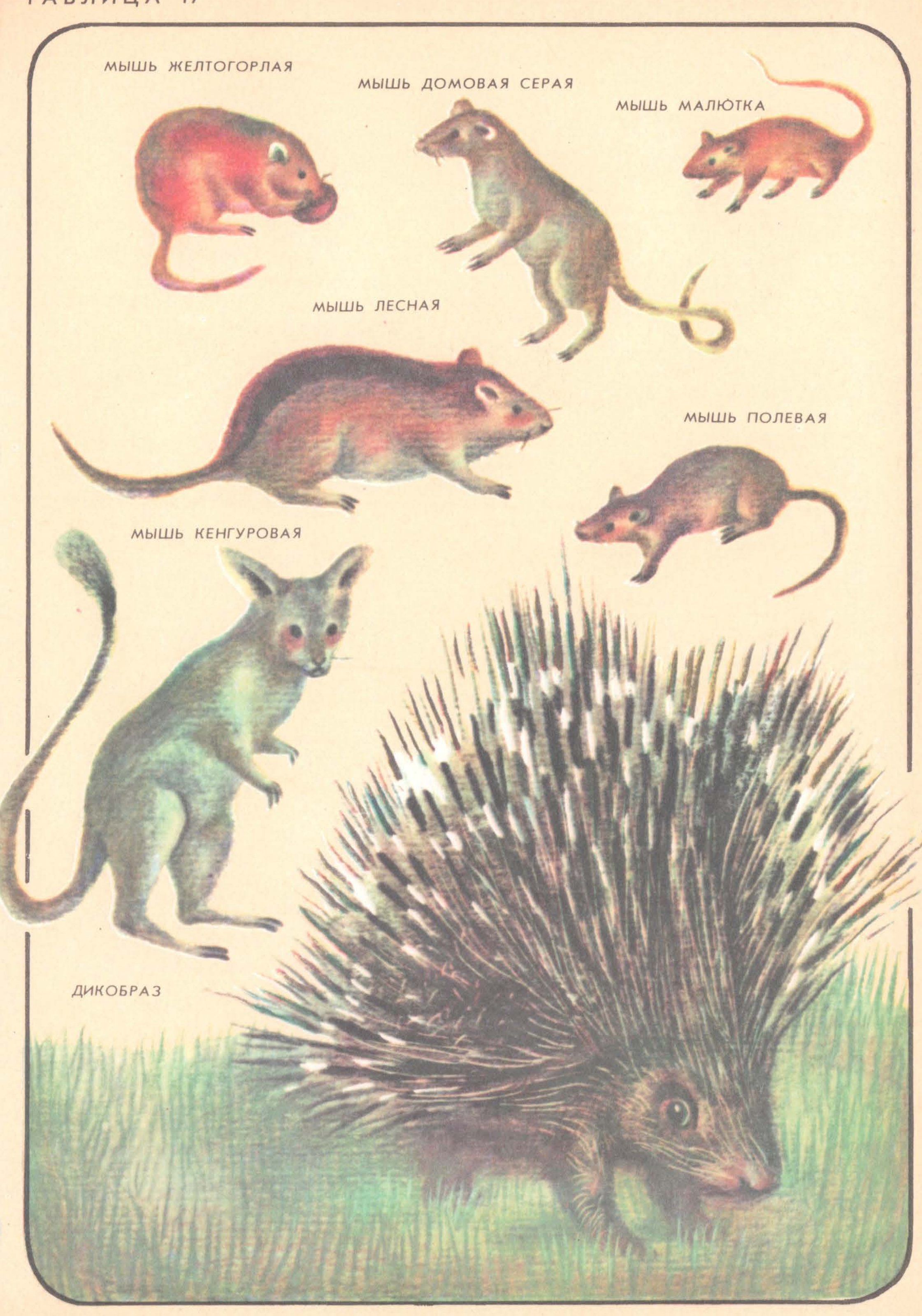
НУТРИЯ

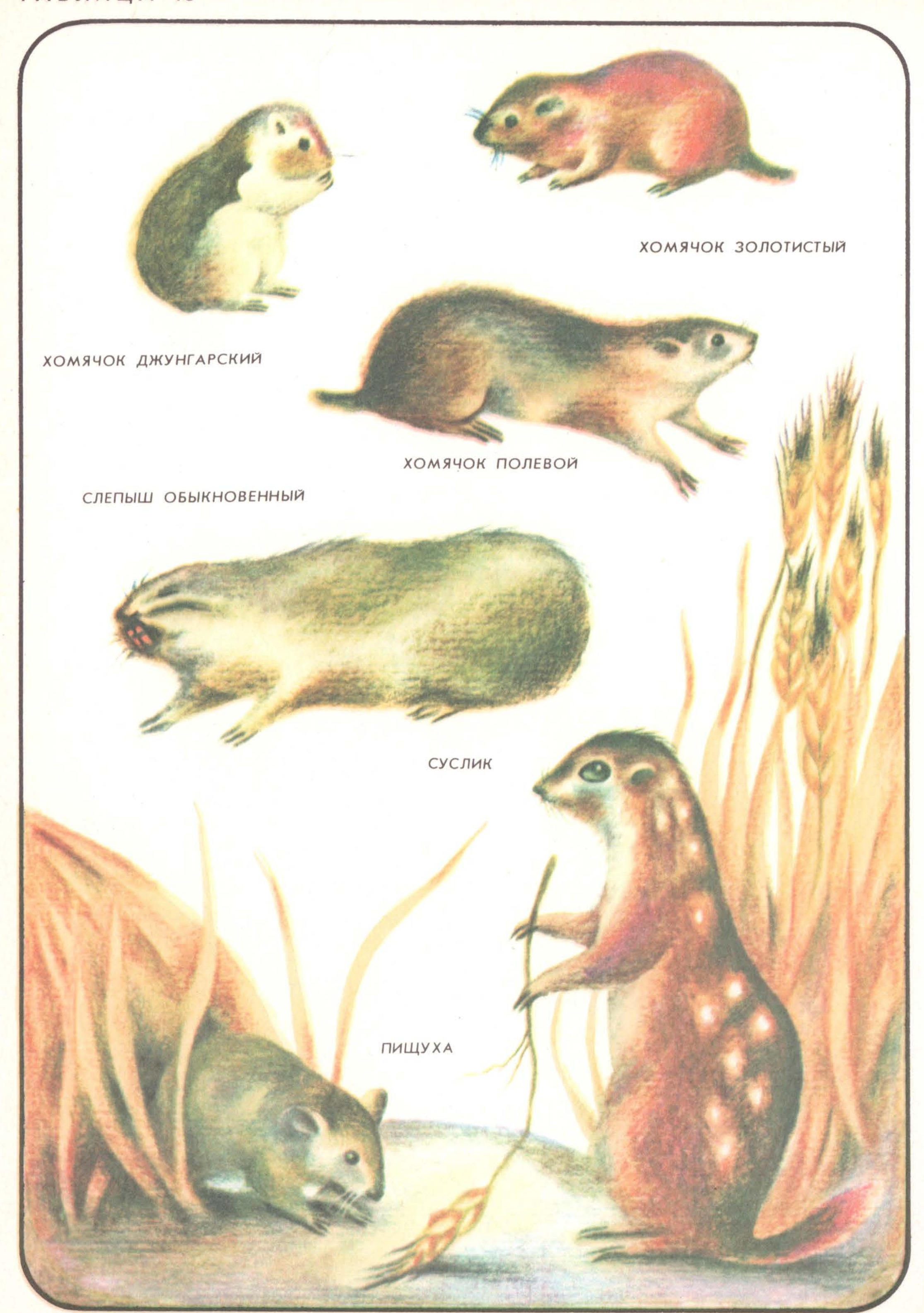
ЧЕРНАЯ КРЫСА

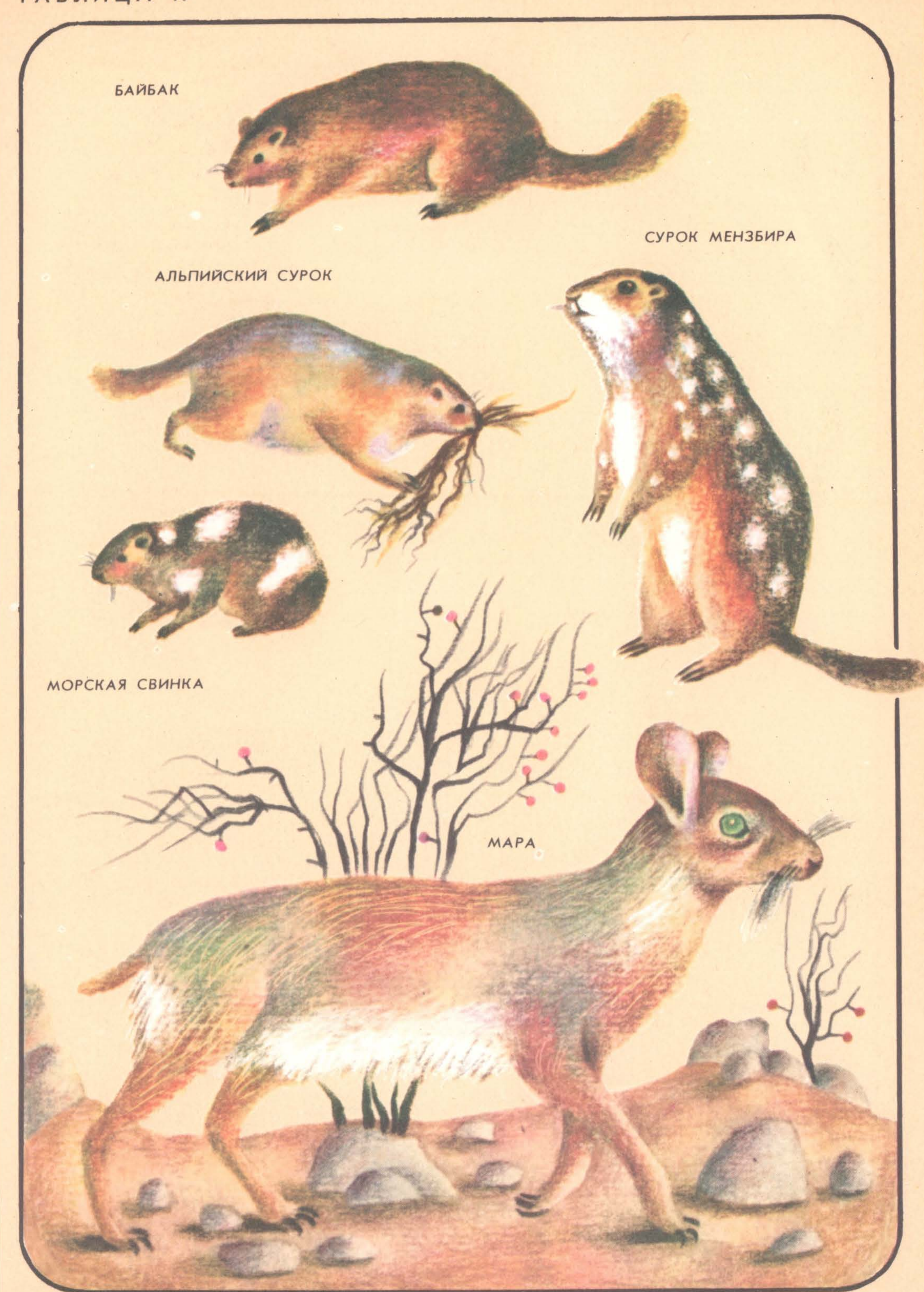
БОБРОВАЯ КРЫСА

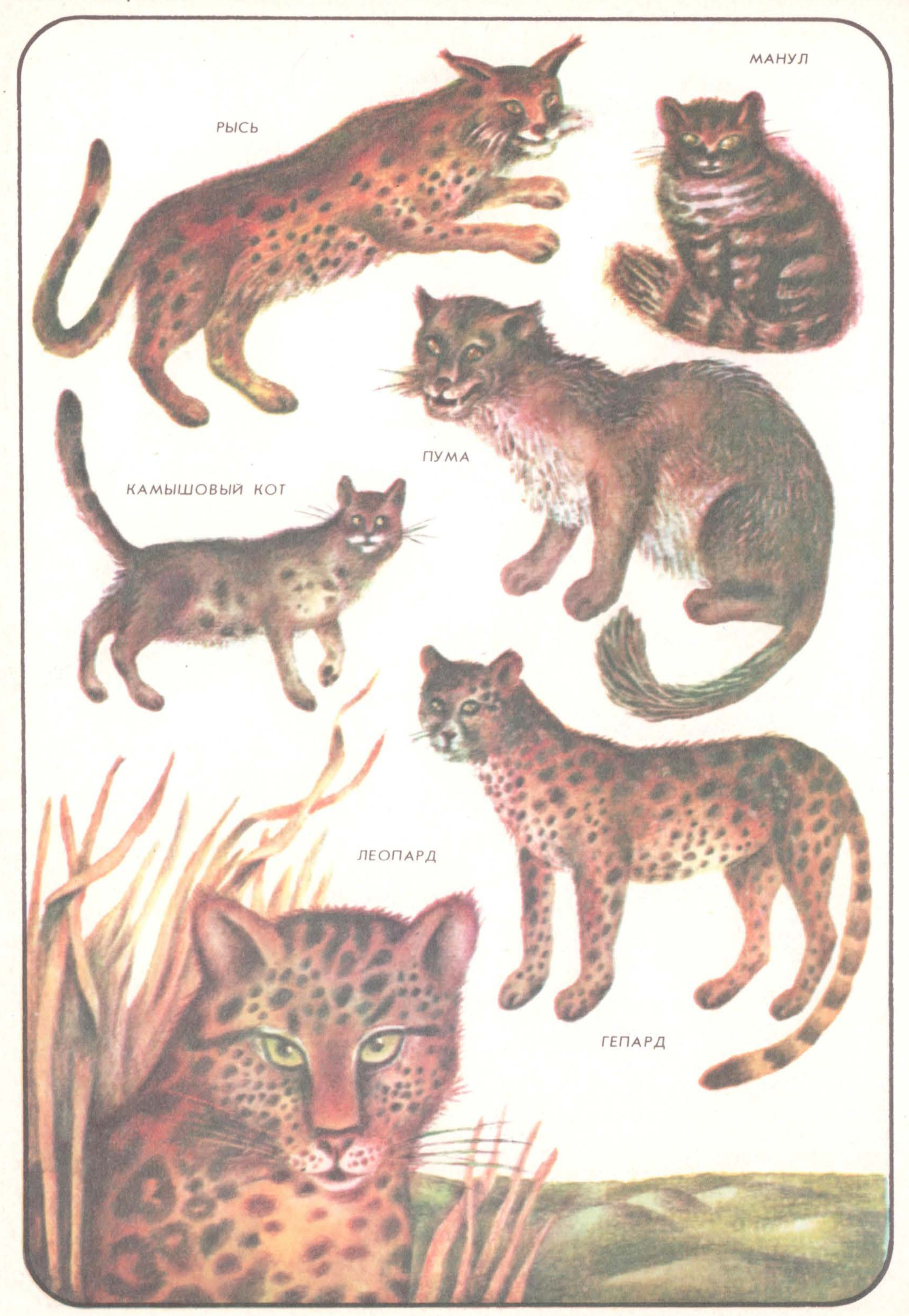
РЫЖАЯ КРЫСА

ОНДАТРА

МЫШЬ ЖЕЛТОГОРЛАЯ
МЫШЬ ДОМОВАЯ СЕРАЯ
МЫШЬ МАЛЮТКА
МЫШЬ ЛЕСНАЯ
МЫШЬ ПОЛЕВАЯ
МЫШЬ КЕНГУРОВАЯ
ДИКОБРАЗ

ХОМЯЧОК ЗОЛОТИСТЫЙ
ХОМЯЧОК ДЖУНГАРСКИЙ
ХОМЯЧОК ПОЛЕВОЙ
СЛЕПЫШ ОБЫКНОВЕННЫЙ
СУСЛИК
ПИЩУХА

БАЙБАК
СУРОК МЕНЗБИРА
АЛЬПИЙСКИЙ СУРОК
МОРСКАЯ СВИНКА
МАРА

РЫСЬ
МАНУЛ
ПУМА
КАМЫШОВЫЙ КОТ
ЛЕОПАРД
ГЕПАРД

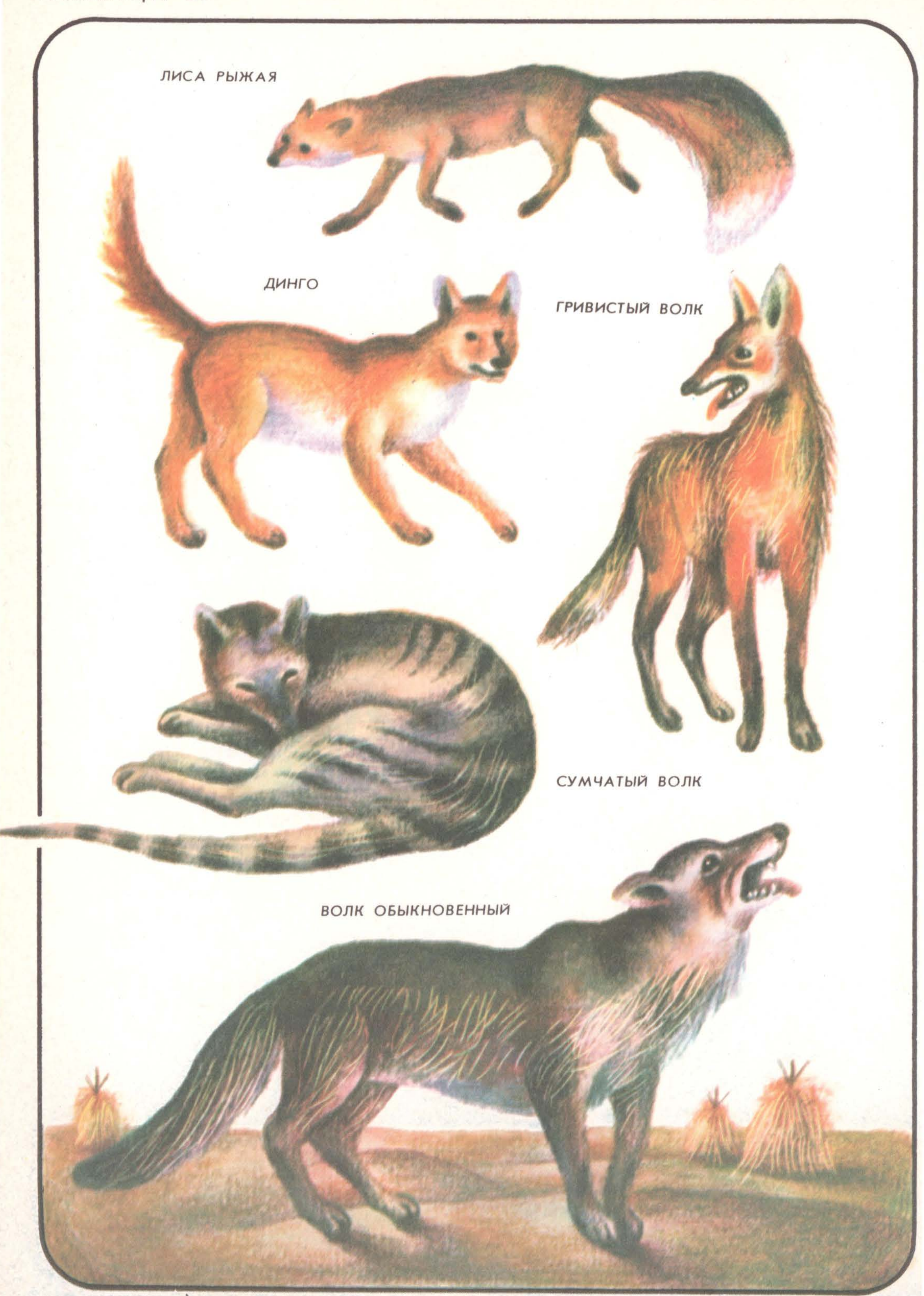

СНЕЖНЫЙ БАРС (ИРБИС)
ЯГУАР
ХАРЗА
ГР

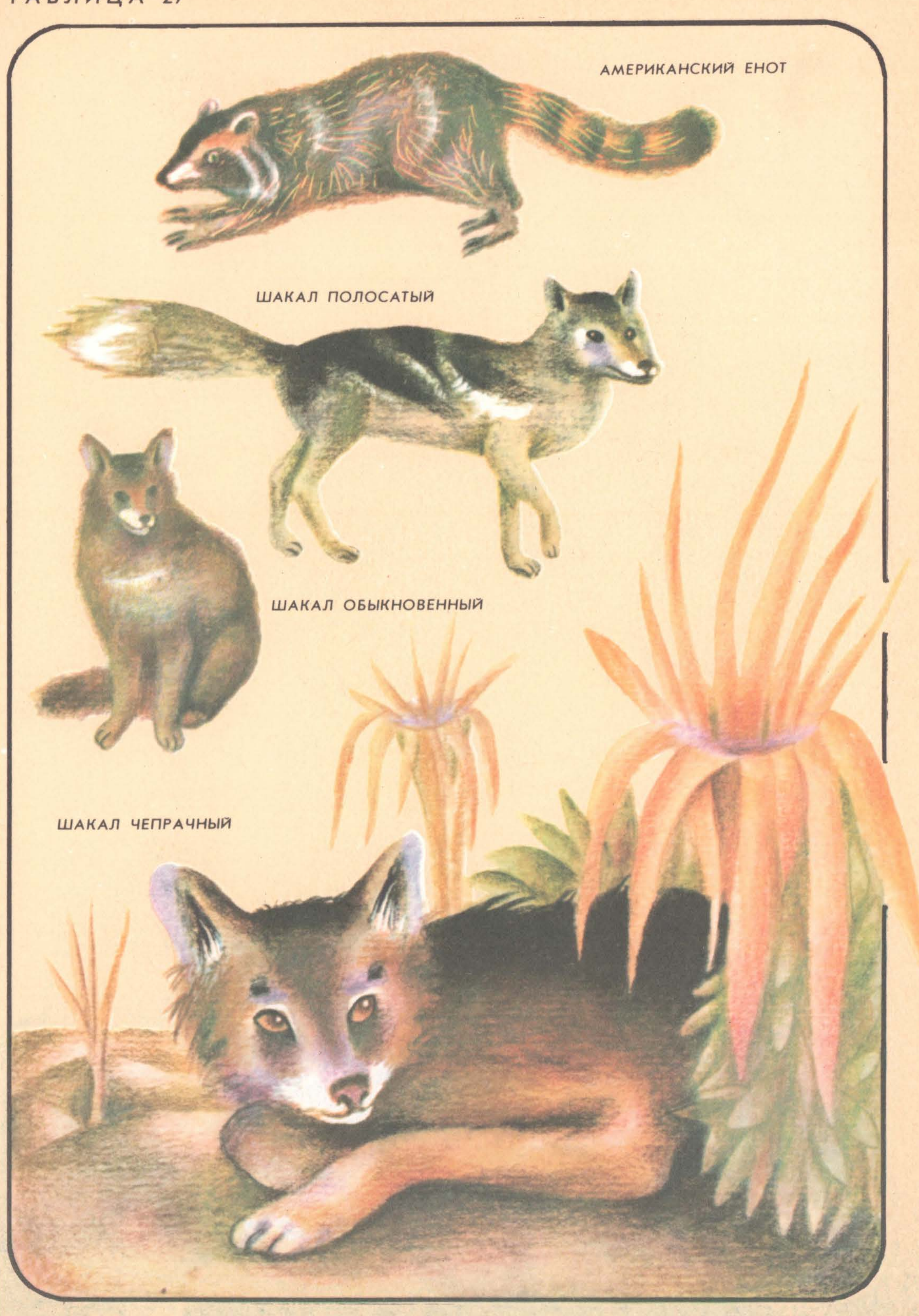

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ
ГИМАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ
МАЛАЯ ПАНДА
БОЛЬШАЯ ПАНДА
БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

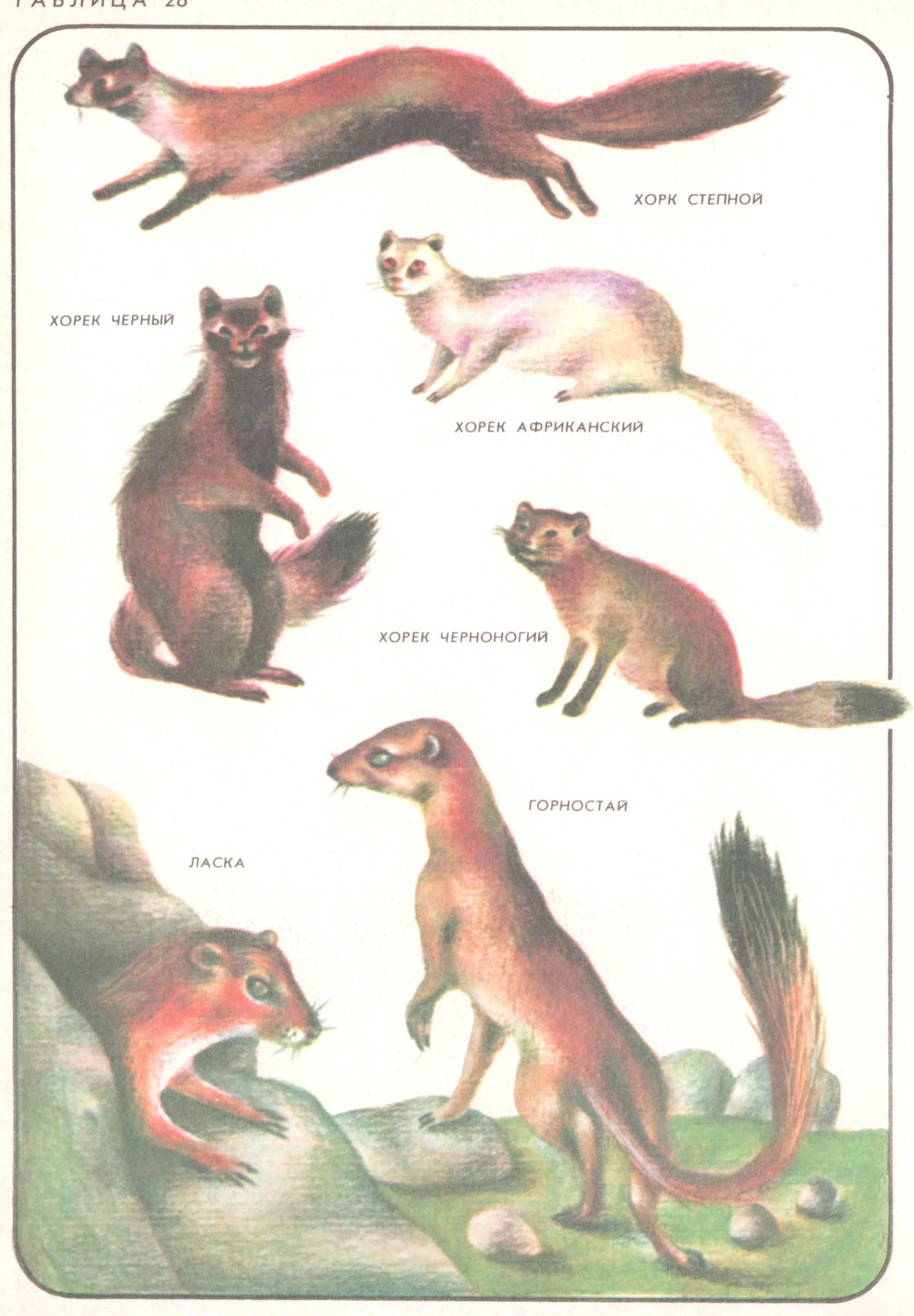

ОЧКОВЫЙ МЕДВЕДЬ
ПЕСЕЦ
МАЛАЙСКИЙ МЕДВЕДЬ
РОСОМАХА
МАНГУСТА

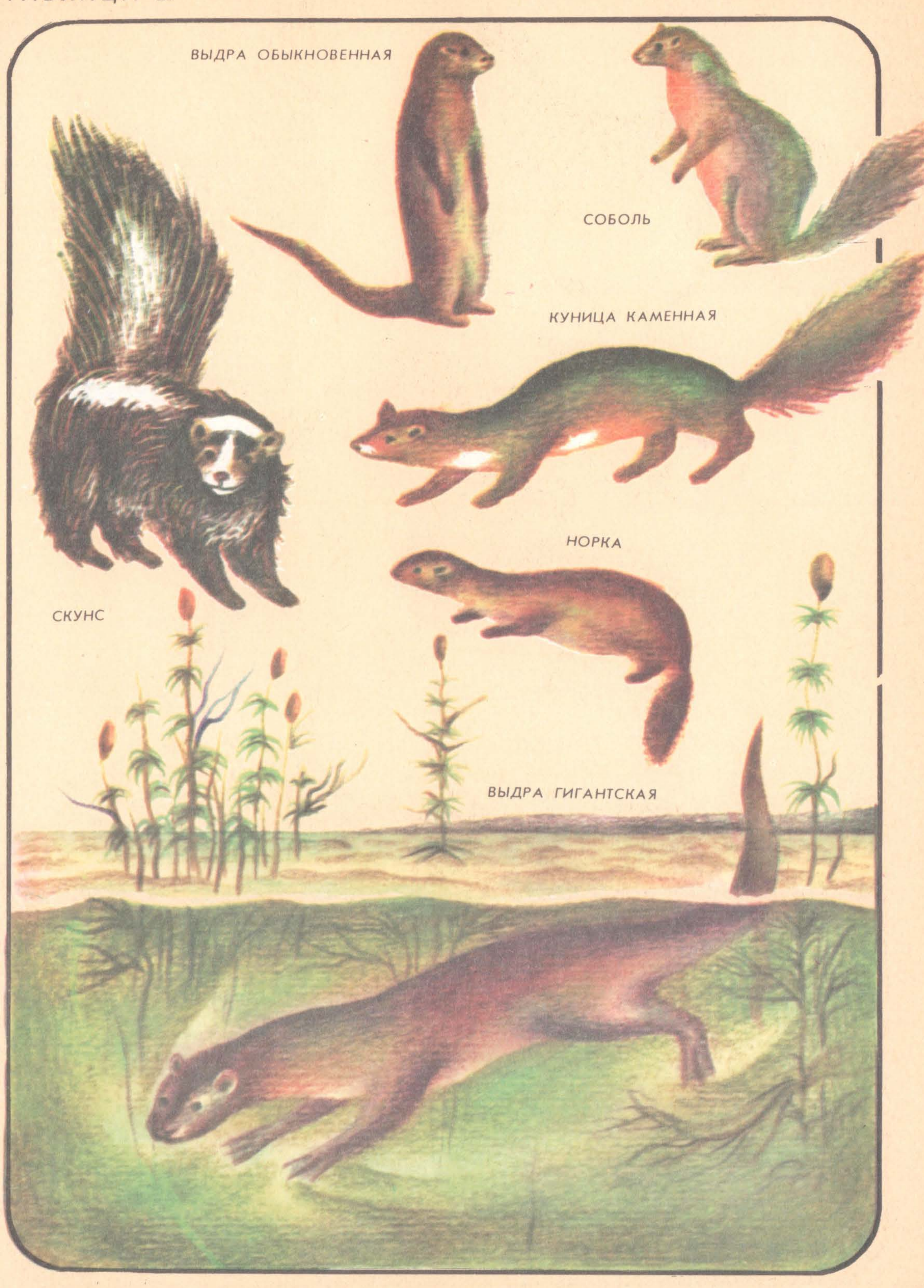

КОЙОТ
ФЕНЕК
ЕНОТОВИДНАЯ СОБАКА
СУМЧАТЫЙ ДЬЯВОЛ
ЛЕВ

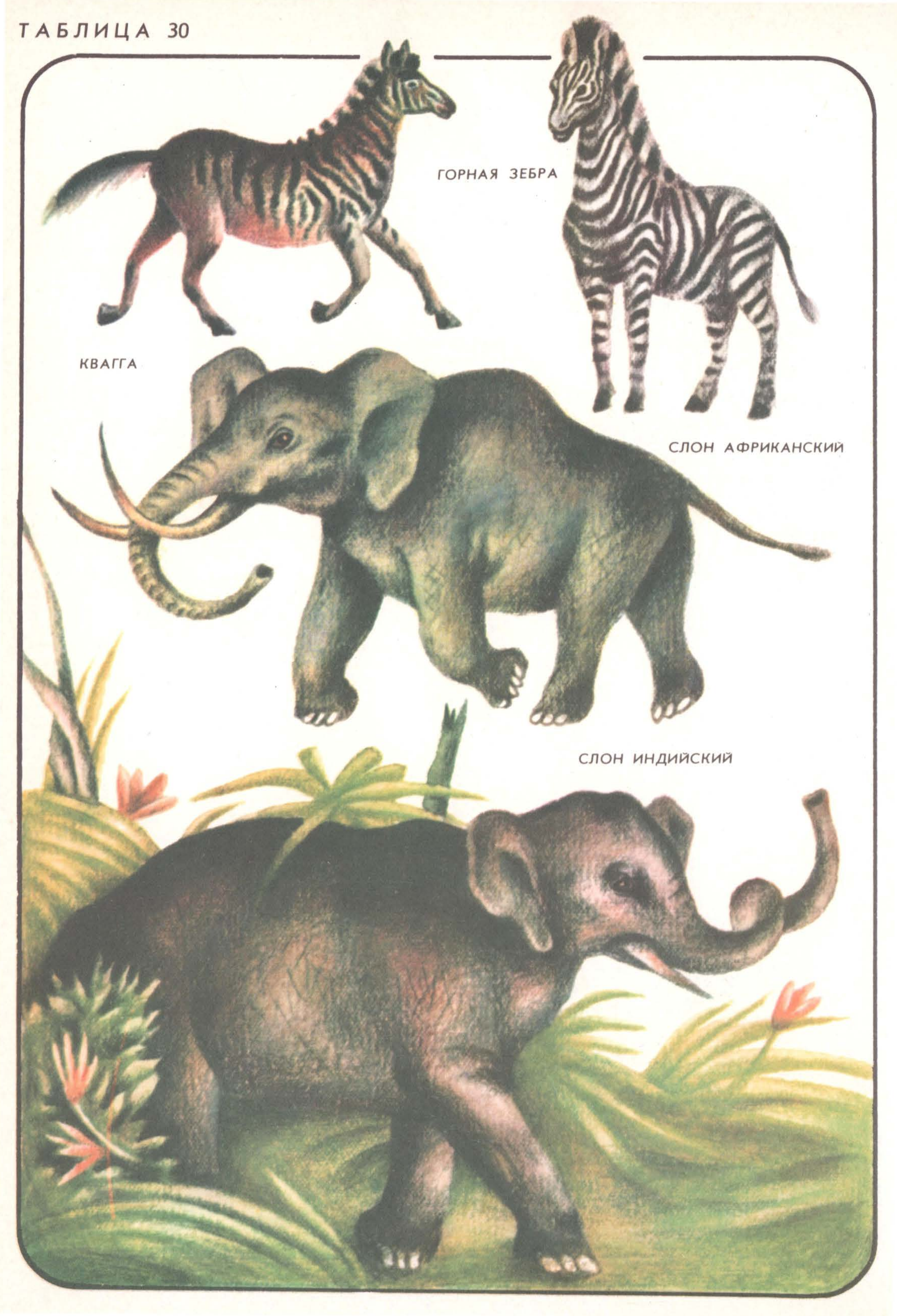

ГИЕНА ЧЕПРАЧНАЯ
ПЯТНИСТАЯ ГИЕНА
ЧЕРНО-БУРАЯ ЛИСА
ПОЛОСАТАЯ ГИЕНА

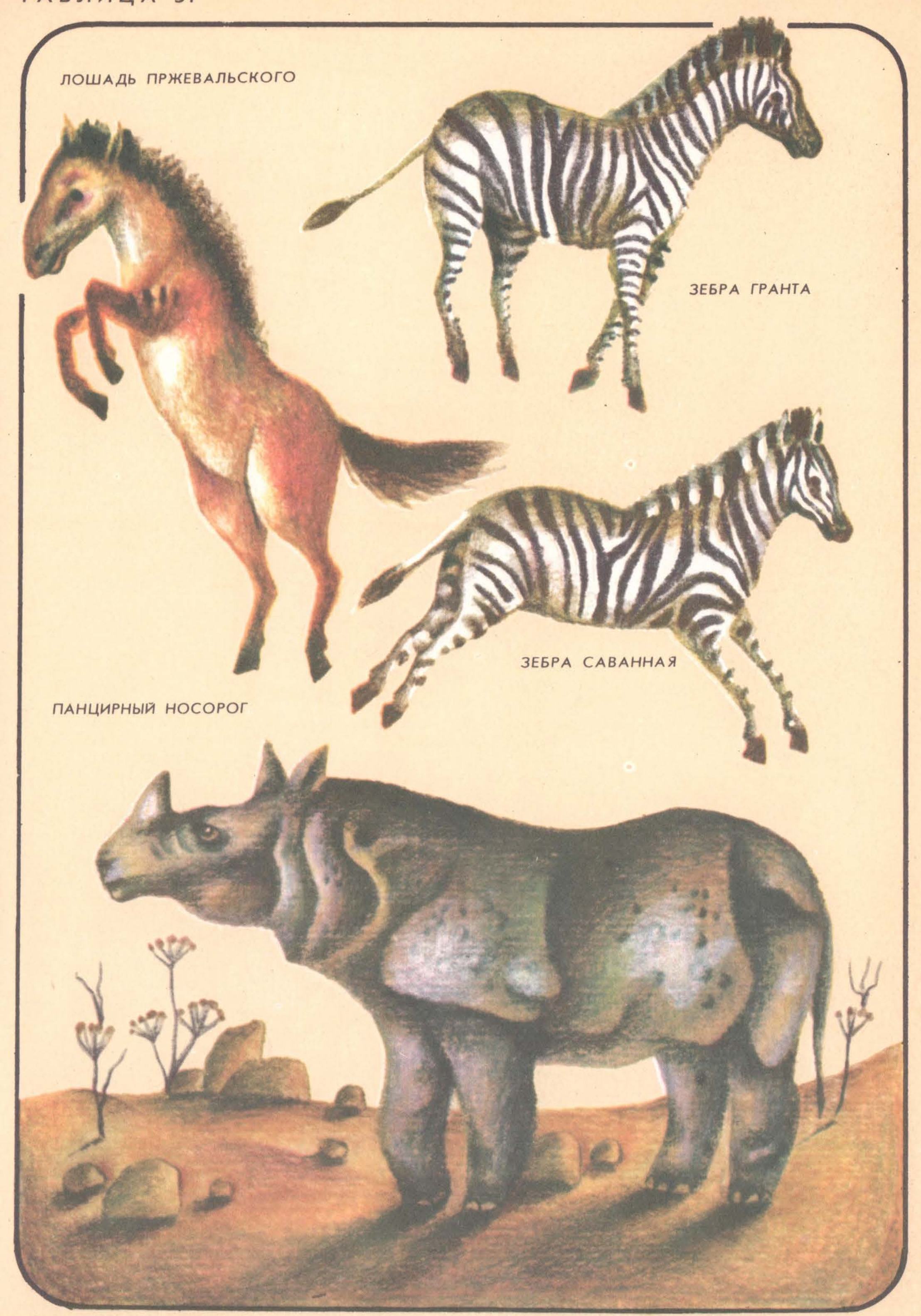

ЛИСА РЫЖАЯ
ДИНГО
ГРИВИСТЫЙ ВОЛК
СУМЧАТЫЙ ВОЛК
ВОЛК ОБЫКНОВЕННЫЙ

АМЕРИКАНСКИЙ ЕНОТ
ШАКАЛ ПОЛОСАТЫЙ
ШАКАЛ ОБЫКНОВЕННЫЙ
ШАКАЛ ЧЕПРАЧНЫЙ

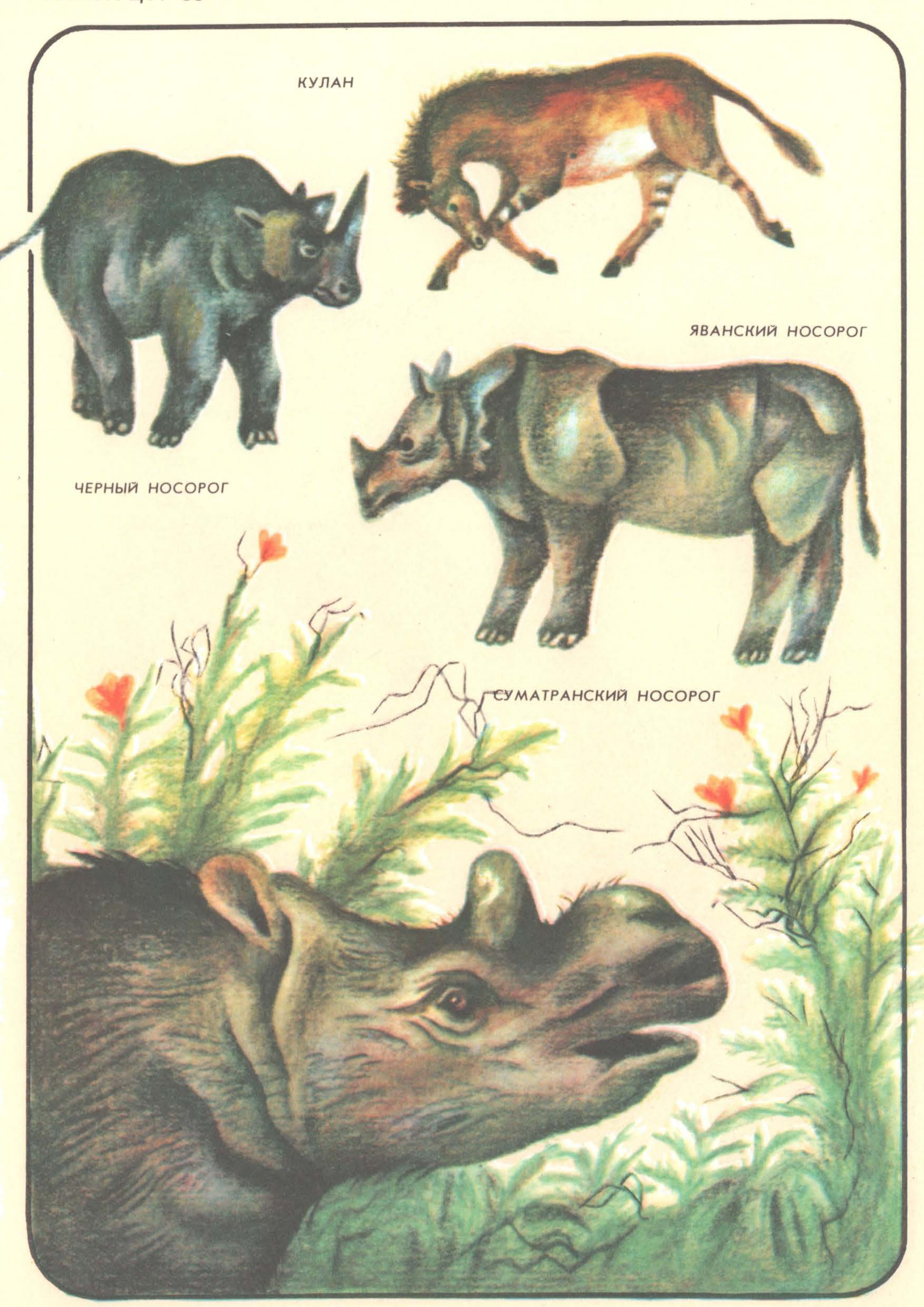

ХОРК СТЕПНОЙ
ХОРЕК ЧЕРНЫЙ
ХОРЕК АФРИКАНСКИЙ
ХОРЕК ЧЕРНОНОГИЙ
ГОРНОСТАЙ
ЛАСКА

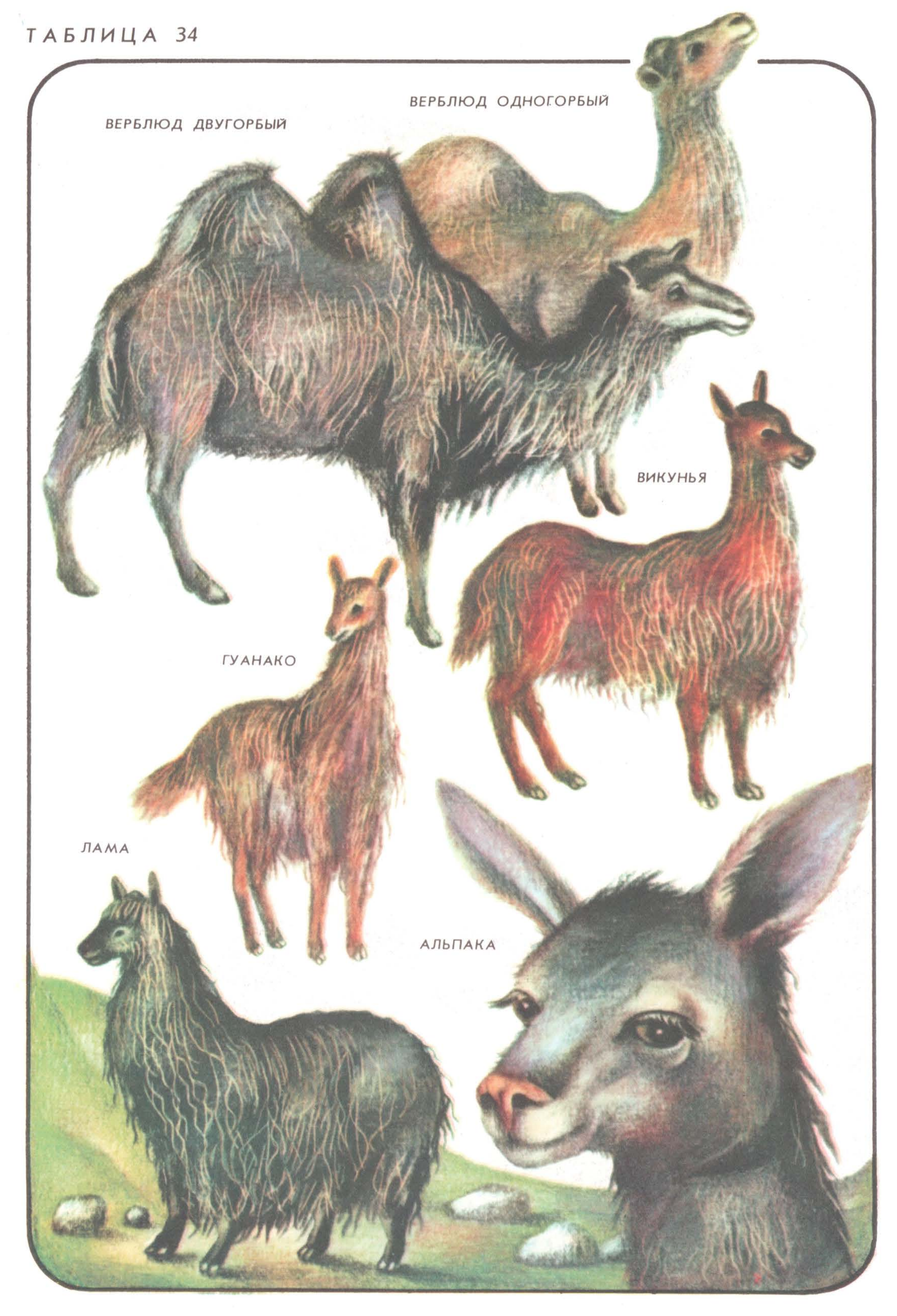

ВЫДРА ОБЫКНОВЕННАЯ
СОБОЛЬ
КУНИЦА КАМЕННАЯ
НОРКА
СКУНС
ВЫДРА ГИГАНТСКАЯ

ГОРНАЯ ЗЕБРА
КВАГГА
СЛОН АФРИКАНСКИЙ
СЛОН ИНДИЙСКИЙ

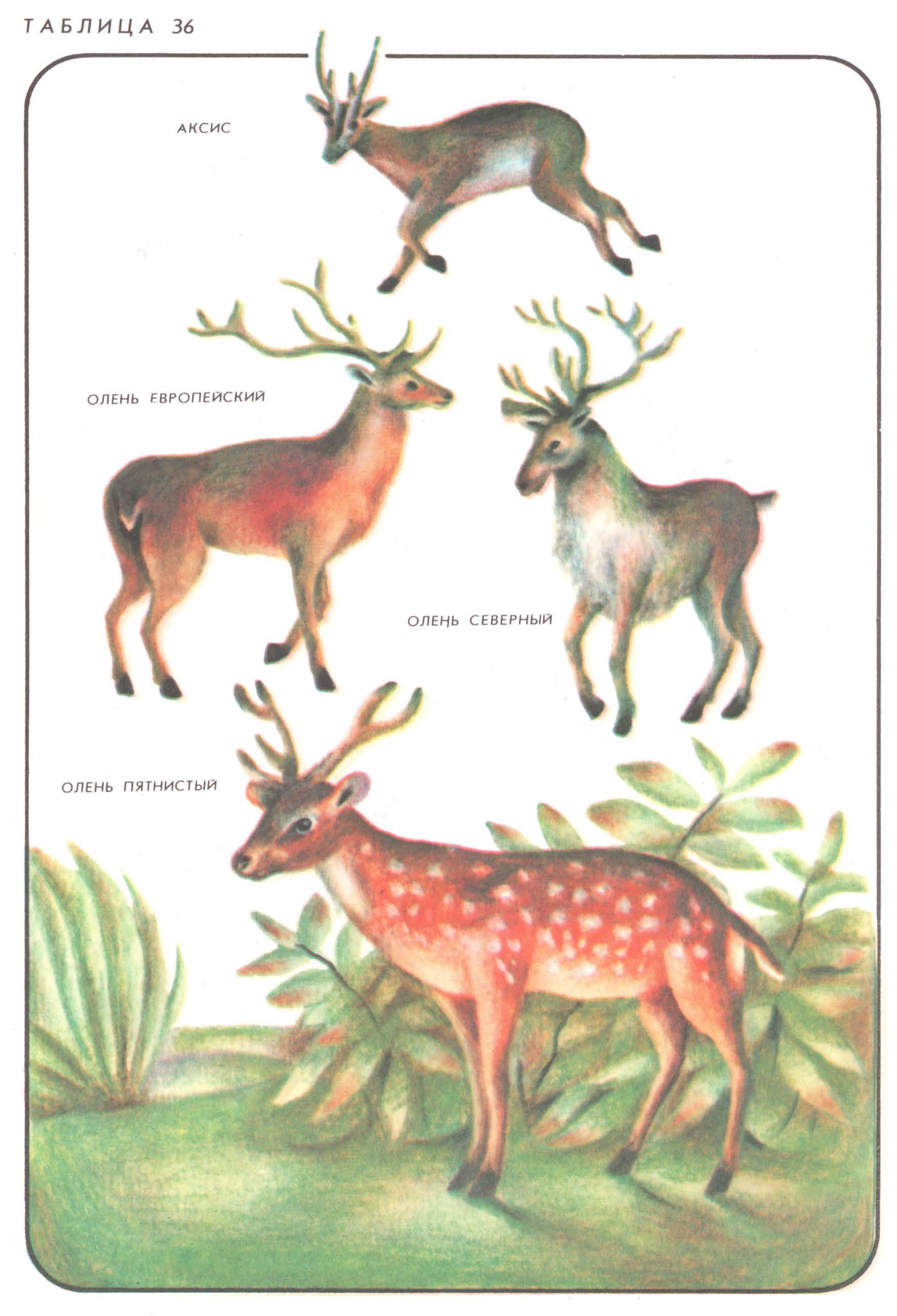

ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО
ЗЕБРА ГРАНТА
ЗЕБРА САВАННАЯ
ПАНЦИРНЫЙ НОСОРОГ

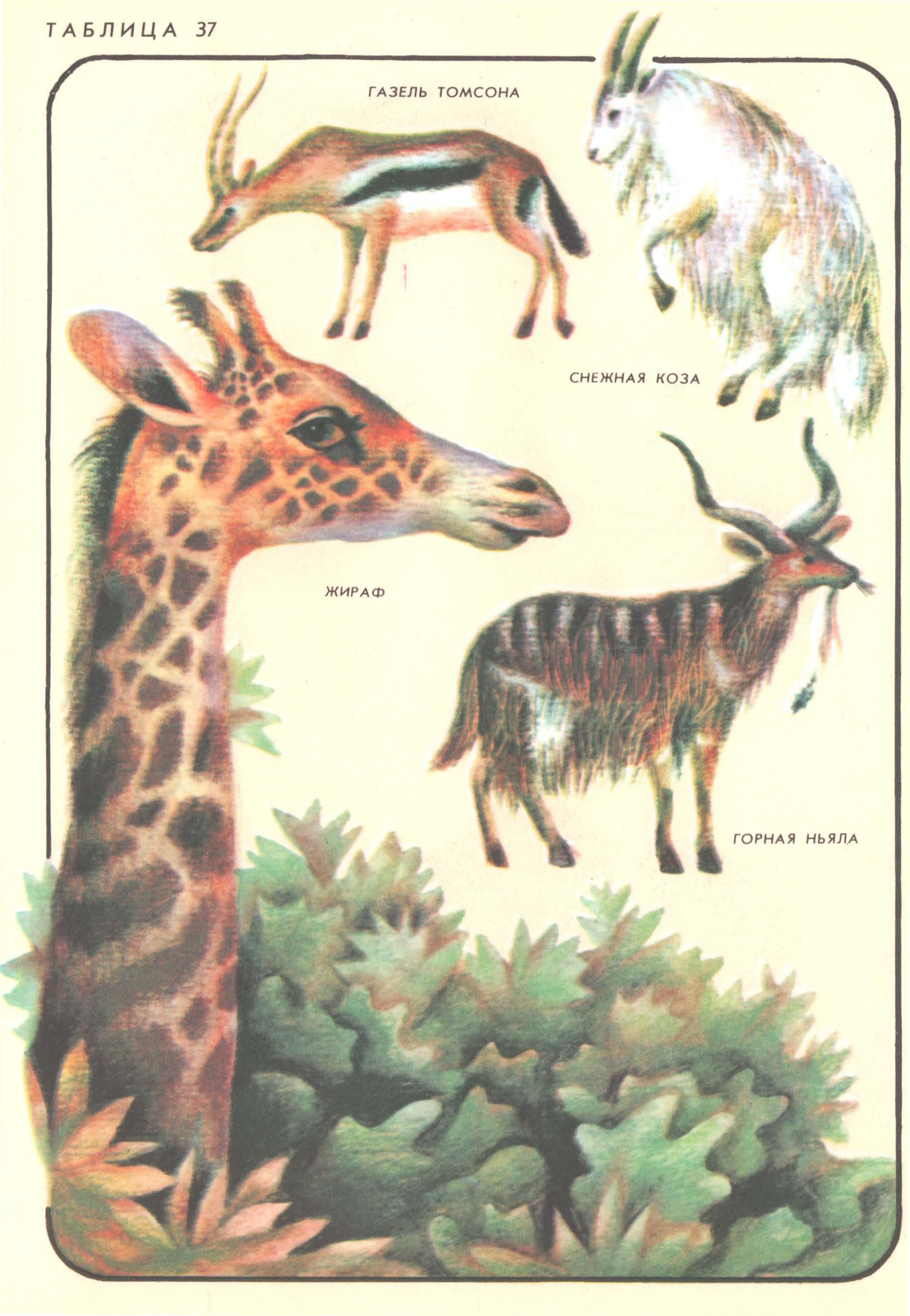

ЦЕНТРАЛЬНО АМЕРИКАНСКИЙ ТАПИР
ЗЕБРА ГРЕВИ
ЧЕПРАЧНЫЙ ТАПИР
СОМАЛИЙСКИЙ ОСЕЛ

КУЛАН
ЧЕРНЫЙ НОСОРОГ
ЯВАНСКИЙ НОСОРОГ
СУМАТРАНСКИЙ НОСОРОГ

ВЕРБЛЮД ОДНОГОРБЫЙ
ВЕРБЛЮД ДВУГОРБЫЙ
ВИКУНЬЯ
ГУАНАКО
ЛАМА
АЛЬПАКА

АНТИЛОПА КОРОВЬЯ
АНТИЛОПА САБЛЕРОГАЯ
ЛАНЬ
ЛОШАДИНАЯ АНТИЛОПА
КАРЛИКОВАЯ АНТИЛОПА

АКСИС
ОЛЕНЬ ЕВРОПЕЙСКИЙ
ОЛЕНЬ СЕВЕРНЫЙ
ОЛЕНЬ ПЯТНИСТЫЙ

ГАЗЕЛЬ ТОМСОНА
СНЕЖНАЯ КОЗА
ЖИРАФ
ГОРНАЯ НЬЯЛА

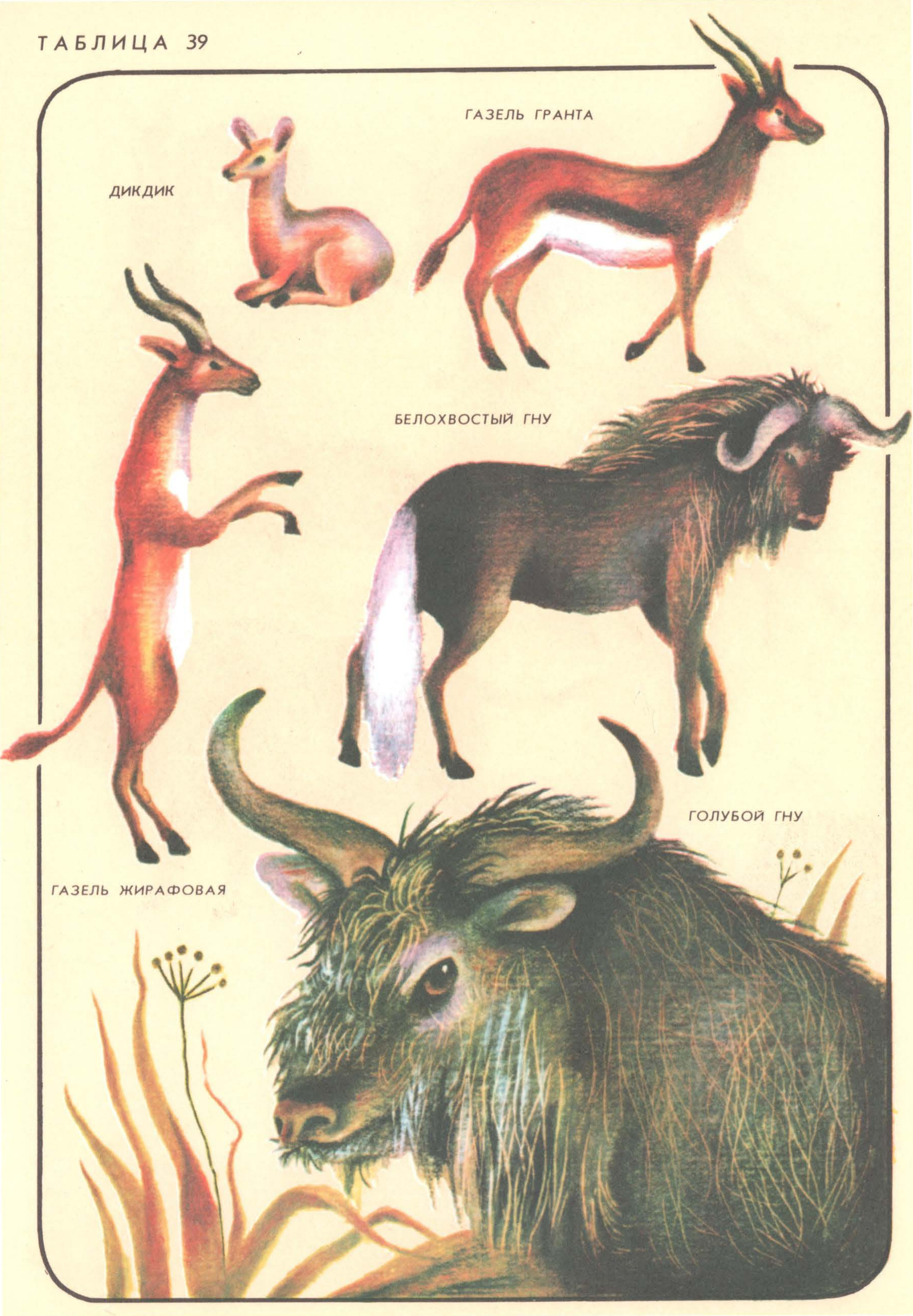
ГАЗЕЛЬ-ДАМА

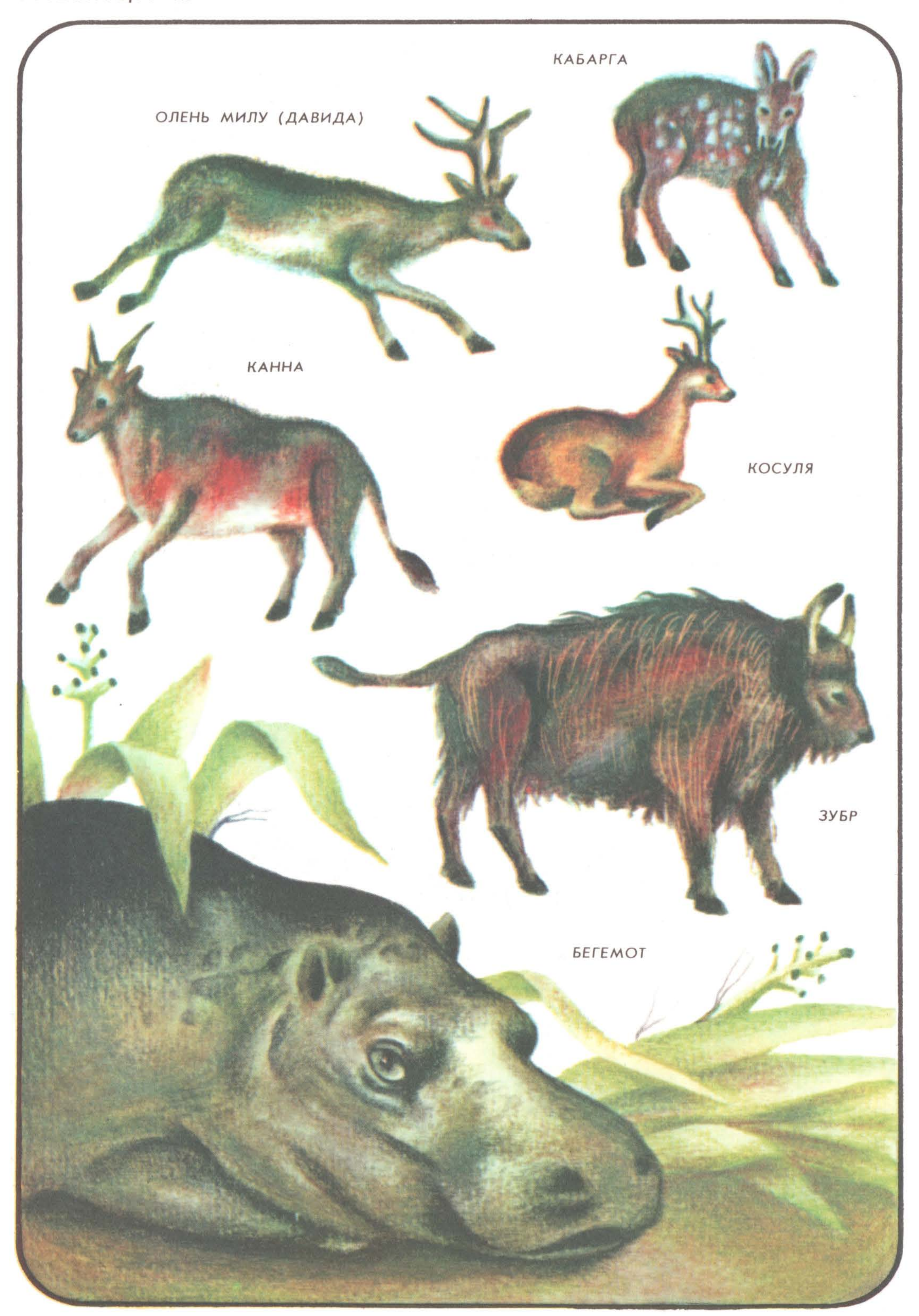
ОВЦЕБЫК

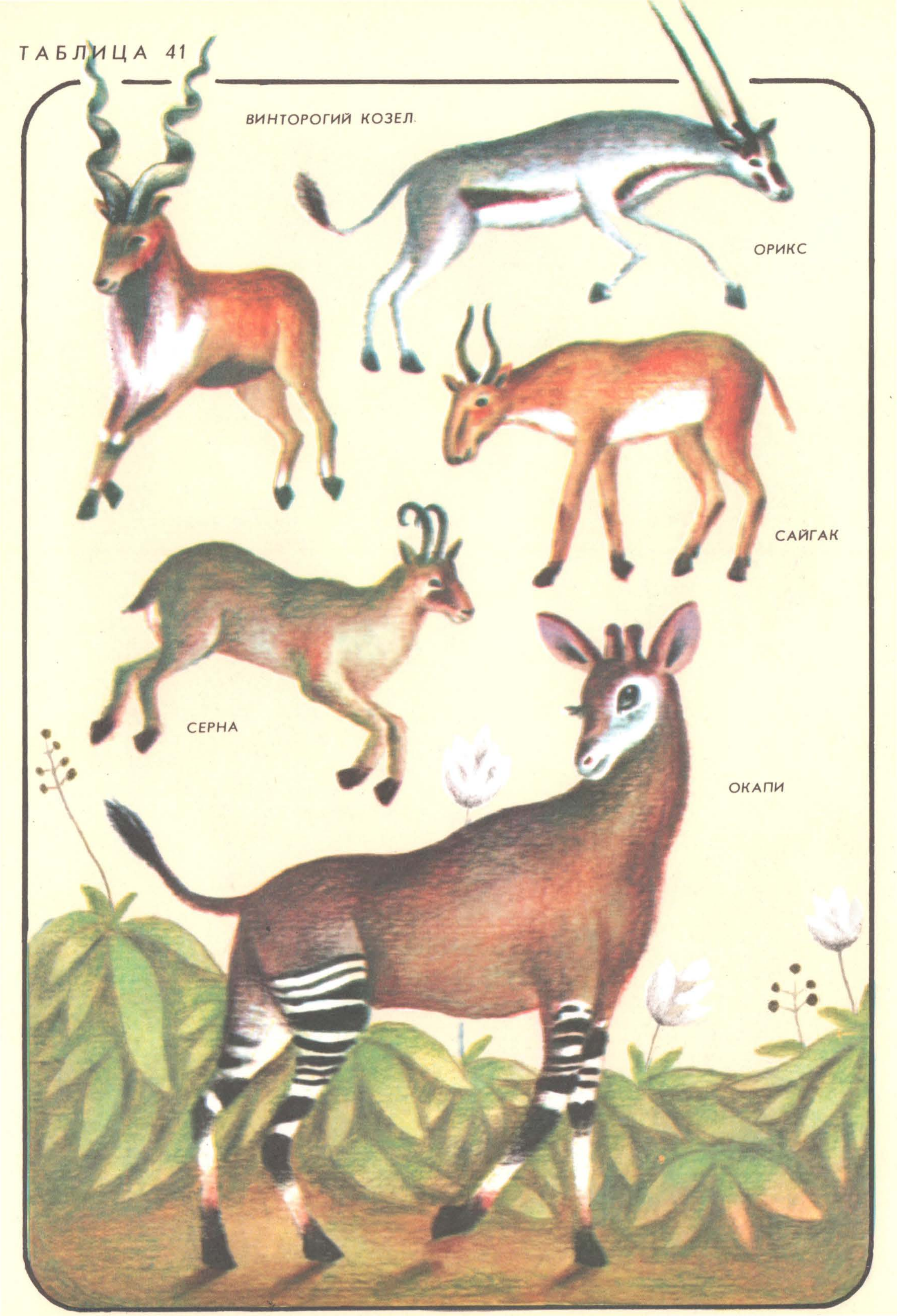
ДЖЕЙРАН

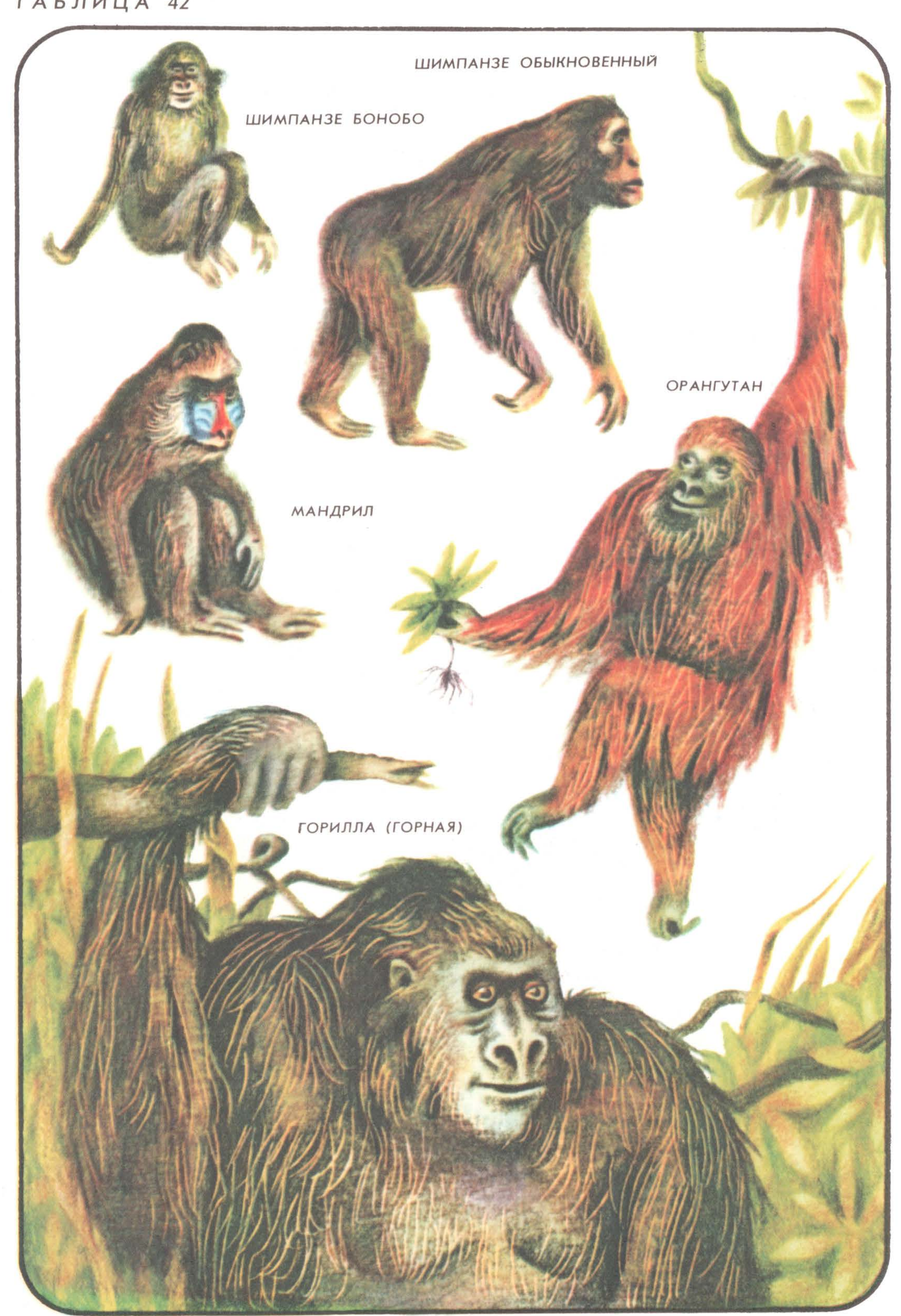
ДЗЕРЕН

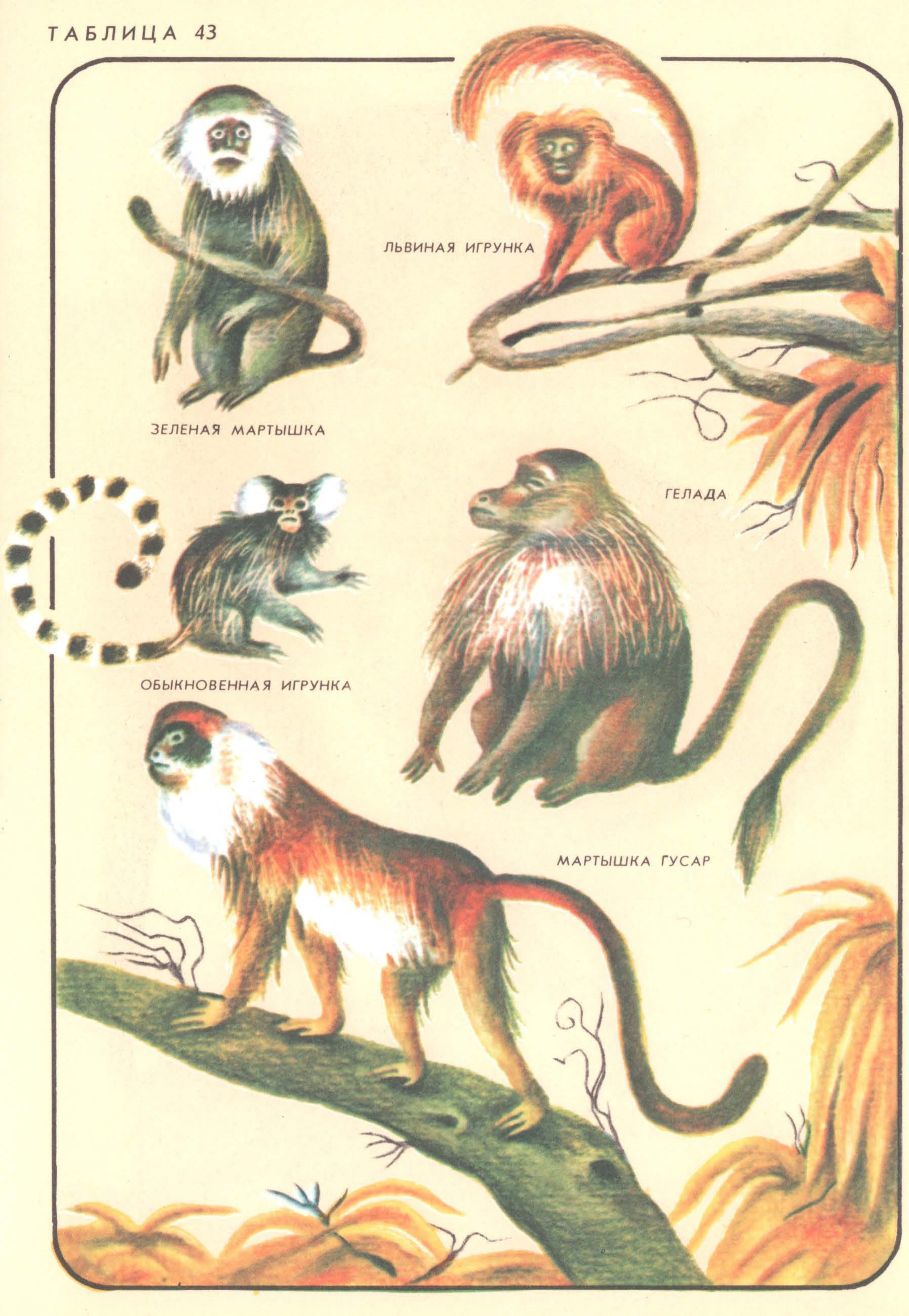
БИЗОН

ГАЗЕЛЬ ГРАНТА
ДИКДИК
БЕЛОХВОСТЫЙ ГНУ
ГОЛУБОЙ ГНУ
ГАЗЕЛЬ ЖИРАФОВАЯ

КАБАРГА
ОЛЕНЬ МИЛУ (ДАВИДА)
КАННА
КОСУЛЯ
ЗУБР
БЕГЕМОТ

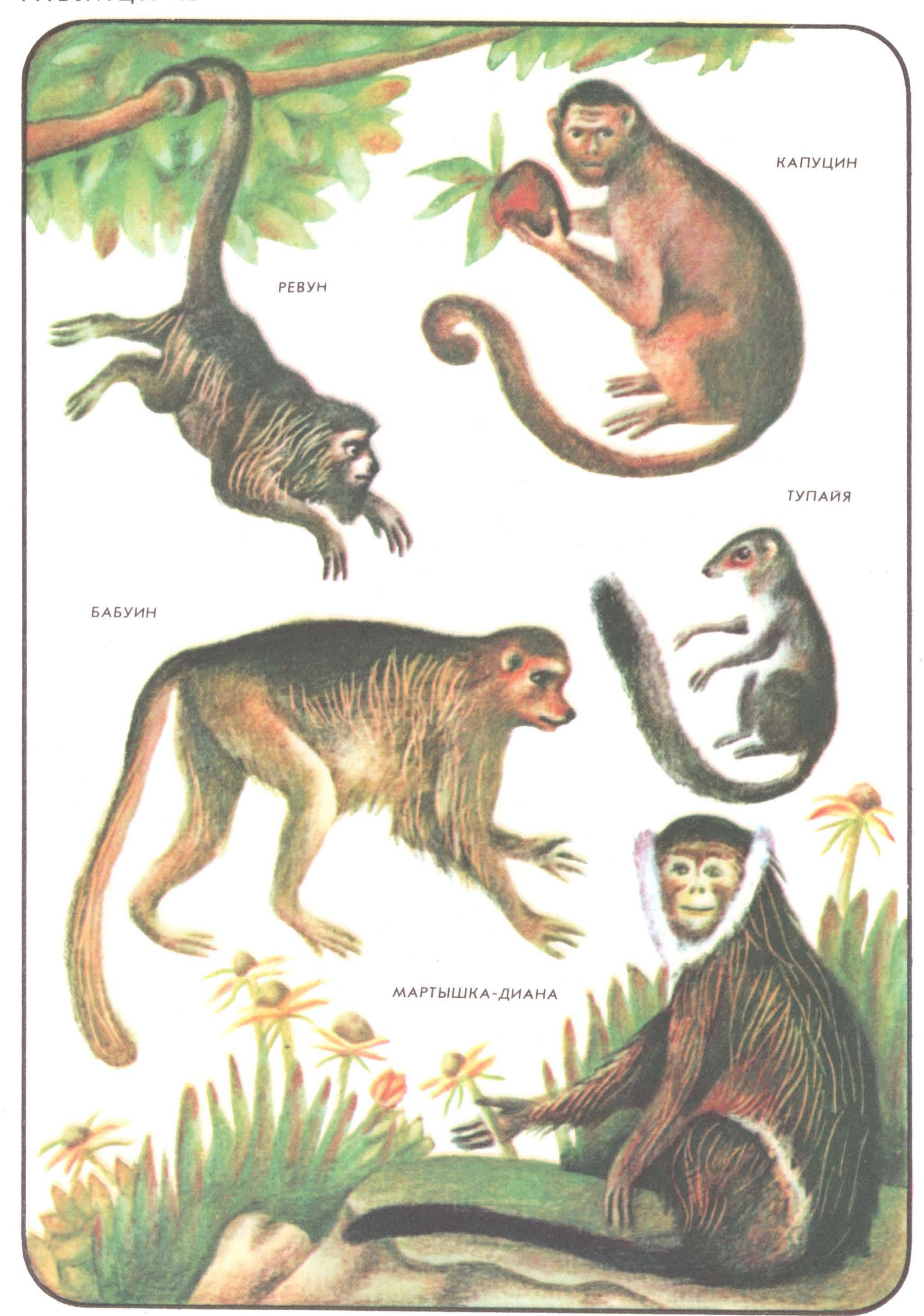

ВИНТОРОГИЙ КОЗЕЛ
ОРИКС
САЙГАК
СЕРНА
ОКАПИ

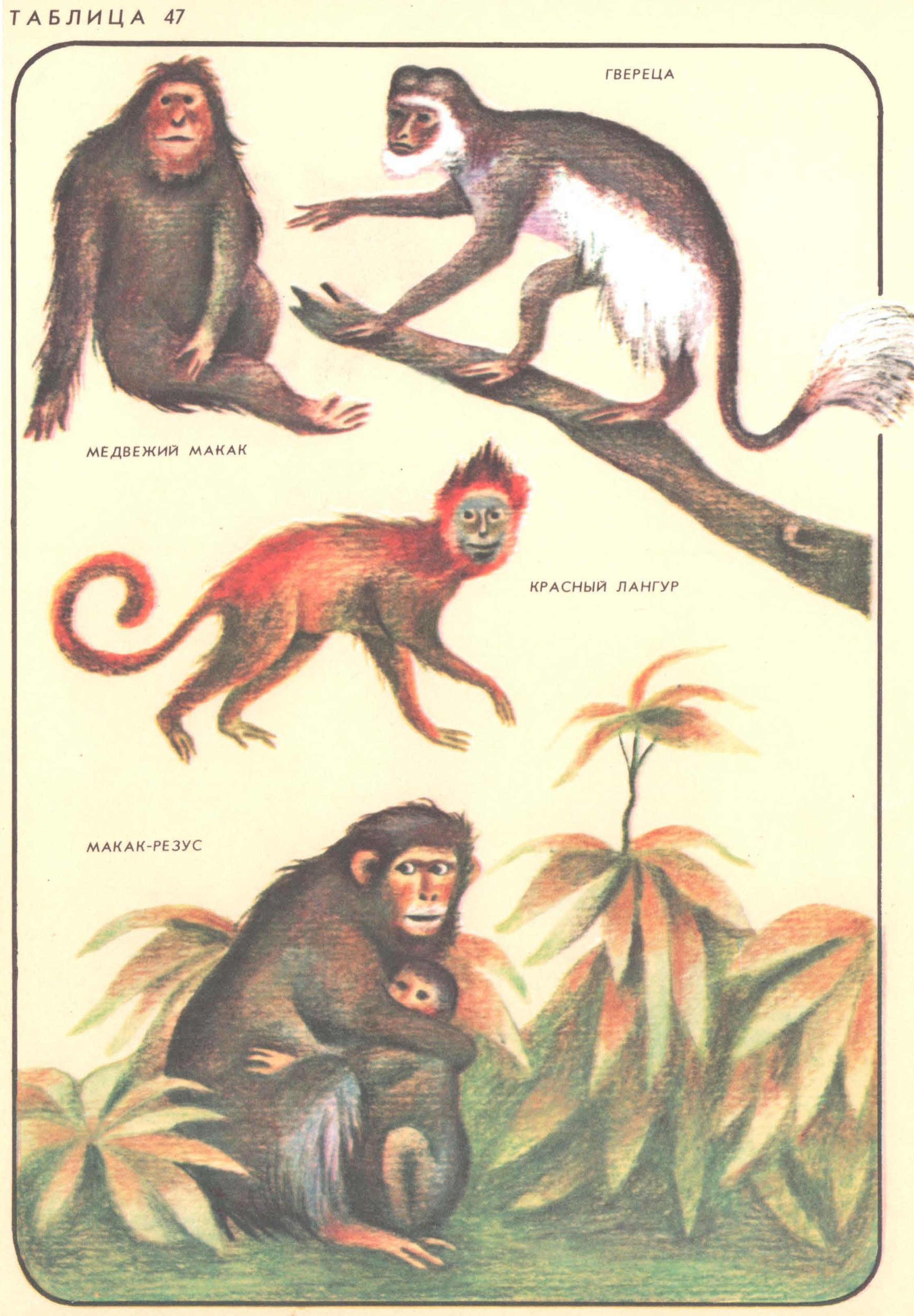

ШИМПАНЗЕ ОБЫКНОВЕННЫЙ
ШИМПАНЗЕ БОНОБО
ОРАНГУТАН
МАНДРИЛ
ГОРИЛЛА (ГОРНАЯ)

ЛЬВИНАЯ ИГРУНКА
ЗЕЛЕНАЯ МАРТЫШКА
ГЕЛАДА
ОБЫКНОВЕННАЯ ИГРУНКА
МАРТЫШКА ГУСАР

РУКОНОЖКА АЙ-АЙ
ТОЛСТЫЙ ЛОРИ
МЫШИНЫЙ ЛЕМУР
ГАЛАГО

ТОНКИЙ ЛОРИ
КАТТА
ДОЛГОПЯТ
КАРЛИКОВАЯ МАРТЫШКА

КАПУЦИН
РЕВУН
ТУПАЙЯ
БАБУИН
МАРТЫШКА-ДИАНА

ГВЕРЕЦА
МЕДВЕЖИЙ МАКАК
КРАСНЫЙ ЛАНГУР
МАКАК-РЕЗУС

Юрий Дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

млекопитающие

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ИБ № 3583

Ответственный редактор
В. И. БОЛОТНИКОВ

Художественный редактор
Б. А. ДЕХТЕРЁВ

Технический редактор
Т. Д. ЮРХАНОВА

Корректоры
В. В. БОРИСОВА и Г. В. РУСАКОВА

Дмитриев Ю. Д.

Д53 Соседи по планете (млекопитающие): Научно-худож. лит-ра/Науч. ред. В. Е. Соколов; Художники И. Гансовская и О. Кондакова.— М.: Дет. лит., 1981.— 304 с., ил.

В пер.: 2 р. 70 к.

Книга рассказывает о классе млекопитающих, о проблемах охраны и разумного использования диких животных в интересах людей.

70803—363
Д———————— 437—81 **596.5 ББК 28.693.36**
М101(03)81 **Д53**

Сдано в набор 4.10.80. Подписано к печати 01.06.81. Формат 70×100 1/16. Бум. офсетн. № 1. Усл. печ. л. 28,6. Усл. кр. от. 84,02. Уч.-изд. л. 24,07+24 вкл.=29,67. Тираж 100 000 экз. А 07098. Заказ № 104. Цена 2 р. 70 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Юрий Дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ

млекопитающие

Эта книга посвящена самым близким нашим соседям по планете — млекопитающим.

Животные играют огромную, важнейшую роль в жизни нашей планеты. Такую же роль играли и играют они в жизни людей: история человечества прочно и неразрывно связана с животными вообще и с млекопитающими в частности. И тем не менее до недавнего времени отношения людей и животных сводились главным образом к нещадной эксплуатации животного мира, к варварскому уничтожению его. И вот результат: животный мир нашей планеты оскудел, многие его представители уничтожены, другие — на грани гибели. И все яснее начинают люди понимать, как много потеряно, все явственнее сознают, что необходимо принимать срочные меры для спасения наших соседей по планете, все чаще убеждаются, что обычные, казалось бы, животные на самом деле еще во многом таинственны и непознанны, а считавшиеся хорошо изученными на самом деле еще мало знакомы людям.

О самих животных и о множестве проблем, стоящих перед зоологами, о научном подвиге и об удивительных открытиях и рассказывает Юрий Дмитриев в этой книге.

